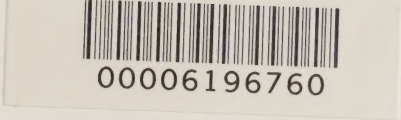
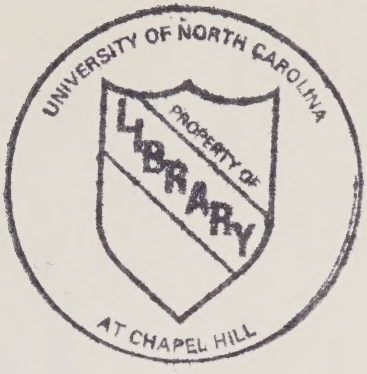
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3011
.B63
1911
t.1

DEMCO


00006196760


UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/literaturnyiakha01boro

891
Г 83 т 1

А. К. БОРОЗДИНЪ.

PG 3011
.B63
1911
t.1

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Девятнадцатый вѣкъ.

Ч.З.

Томъ I

Изданіе второе, дополненное.

Кузнецкая
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

Книгоиздательство „УЧЕБНИКЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія «ЭНЕРГІЯ», Загородный пр., 17.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія	1
Александръ Николаевичъ Радищевъ	19
Литературные и общественные взгляды Карамзина	50
Адмиралъ А. С. Шишковъ	104
Романтизмъ	115
Поэзія В. А. Жуковскаго	126
Крыловъ и Грибоѣдовъ	152
Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина	173
А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности	189
Поэтъ „гражданской скорби“ двадцатыхъ годовъ	217
Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева	235
Журналистъ двадцатыхъ годовъ	248
Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ	265
Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество	309
Гоголь и русская повѣсть	323
Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій	330
Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи	356

Выпуская въ свѣтъ новое изданіе моихъ „Литературныхъ характеристикъ“, кромѣ отдѣльныхъ частичныхъ исправленій, я внесъ въ настоящій томъ нѣкоторыя новыя статьи. Очеркъ „Поэзія М. Ю. Лермонтова“ вошелъ въ составъ біографіи поэта, приложенной къ вышедшему въ 1907—8 г.г., подъ моей редакціей, собранію его сочиненій, которая поэтому здѣсь и перепечатывается. Вновь помѣщаются въ этомъ томѣ статьи: „Александръ Николаевичъ Радищевъ“, „Адмиралъ А. С. Шишковъ“ и „Гоголь и русская повѣсть“. Относительно статьи о Радищевѣ можно было бы сказать, что ей не мѣсто въ этой книгѣ, такъ какъ Радищевъ принадлежитъ къ писателямъ XVIII вѣка; тѣмъ не менѣе я счелъ полезнымъ включить его біографію на томъ основаніи, что высказанныя имъ освободительныя идеи нашли живой откликъ и въ нѣкоторой мѣрѣ осуществились именно въ XIX столѣтіи, являясь однимъ изъ основныхъ элементовъ политическаго міросозерцанія русской передовой интеллигенціи.

А. Бороздинъ.

Кр... ЦЕНТ... БИБЛИОТЕКА №

Предисловіе къ первому изданію.

Обстоятельная, строго-научная исторія нашей литературы XIX вѣка пока составляетъ задачу, можетъ быть, не особенно близкаго будущаго; для такой работы мы не обладаемъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, такъ какъ многіе источники хранятся въ недоступныхъ оффиціальныхъ и частныхъ архивахъ, прямо являются секретомъ для изслѣдователей; кромѣ того требуется много частныхъ подготовительныхъ работъ, потому что безъ систематическаго обзора журналистики, безъ обстоятельнаго выясненія иноземныхъ вліяній, безъ изученія той обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать нашимъ писателямъ, всякіе общіе выводы будутъ только гадательными; наконецъ, чуть ли не самымъ важнымъ препятствіемъ для составленія исторіи русской литературы истекшаго вѣка слѣдуетъ считать невозможность объективнаго отношенія къ ея явленіямъ послѣднихъ десятилѣтій. Абсолютная объективность, конечно, никогда не будетъ возможной, такъ личность историка такъ или иначе неизбѣжно выражается въ его трудѣ; но нѣкоторое приближеніе къ идеалу объективнаго возсозданія прежней жизни необходимо; между тѣмъ, когда приходится говорить о фактахъ столь близкихъ, какъ литературныя явленія восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, историкъ слишкомъ часто рискуетъ обратиться или въ панегириста, или, наоборотъ, въ суроваго порицателя. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ страдаетъ правда, которая должна быть единственною цѣлью историка.

Отвергая такимъ образомъ возможность составленія въ настоящее время полной исторіи русской литературы XIX вѣка, смѣю думать, что выпускаемое теперь въ свѣтъ собраніе моихъ историко-литературныхъ очерковъ не будетъ совершенно излишнимъ. Можетъ быть, кое-что въ этой книгѣ найдетъ для себя и спеціалистъ, для читателя же не спеціалиста мои „характеристики“, можетъ быть, послужатъ пособіемъ къ тому, чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія. Составилась эта книга частью изъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, частью изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ мною въ послѣдніе годы, частью изъ моихъ университетскихъ курсовъ; многія же характеристики написаны

вновь для настоящаго изданія. Въ первый томъ вошли очерки, посвященные писателямъ первой половины XIX вѣка, и заканчивается этотъ томъ отчетомъ о трудѣ В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ, потому что этотъ вопросъ интересовалъ всѣхъ лучшихъ людей той эпохи, и разрѣшеніе его было первымъ важнѣйшимъ дѣломъ, завѣщаннымъ новому времени идеалистами 30 и 40 годовъ. Во второй томъ отнесены характеристики западниковъ и славянофиловъ на томъ основаніи, что споръ этихъ двухъ направленій, начавшійся въ прежнюю эпоху, далеко не былъ тогда законченъ, а въ новое время открылась возможность, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, примѣнить свои теоретическія построенія на дѣлѣ.

Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія [1]).

Изученіе русской литературы XVIII и начала XIX вѣка, опредѣляя сильнѣйшее западное вліяніе какъ на развитіе нашей общественной мысли, такъ и на способы ея выраженія, устанавливаетъ между прочимъ такіе факты, что литературное заимствованіе является у насъ почти всегда въ видѣ крайне слабой копіи своего западнаго образца, и притомъ оказывается часто въ значительной степени запоздалымъ, такъ что заимствовались иногда такія идеи и формы, которыя на Западѣ представлялись уже давно устарѣлыми и оставленными. Такое ослабленіе оригиналовъ западнаго умственнаго движенія и запоздалость заимствованія объясняются, конечно, прежде всего нашей неподготовленностью къ воспріятію идей, выработанныхъ на Западѣ долгимъ процессомъ его цивилизаціи, процессомъ, по отношенію къ которому мы держались совсѣмъ въ сторонѣ, пока мощная рука Петра Великаго не подняла завѣсу, отдѣлявшую насъ отъ европейскаго міра. Съ этого момента мы становимся сперва въ положеніе зрителей, людей, наблюдающихъ за ходомъ западнаго духовнаго развитія, но не принимающихъ въ немъ почти никакого участія уже потому, что этотъ процессъ для насъ совершенно чуждъ и непонятенъ. Мы совсѣмъ не подготовлены къ его пониманію, и чтобы достигнуть этого пониманія, намъ нужно усвоить результаты всего предшествовавшаго развитія, надо начать учиться прямо азбукѣ. Уже не разъ указывалось, что первое время нашего сближенія съ Западомъ пошло на усвоеніе чисто матеріальной стороны его культуры, но и въ эту пору заимствованіе распространяется отчасти на идеи, только идеи берутся такія, которыя и на Западѣ уже сложены въ архивъ, пере-

---

[1]) Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20 января 1896 г.

водятся устарѣлыя книжки. Такимъ внѣшнимъ характеромъ заимствованія объясняется у насъ и роль псевдоклассицизма; мы взяли только форму, тогда какъ идейное содержаніе классическаго направленія, имѣвшаго смыслъ политическаго и общественнаго движенія, осталось намъ совсѣмъ чуждымъ.

Подобно нашему ложноклассицизму, въ видѣ блѣдной и запоздалой копіи западнаго образца являются у насъ просвѣтительная философія XVIII вѣка и тѣсно съ нею связанный сентиментализмъ. Изслѣдователи русской литературы Екатерининской эпохи, какъ характерную ея особенность, отмѣчаютъ заимствованіе съ Запада именно идей, но при этомъ далеко не ясно, какой метаморфозѣ подвергались заимствованныя идеи на русской почвѣ. На своей родинѣ просвѣтительная философія имѣла огромное вліяніе, увлекла своей пропагандой все общество и привела къ коренному переустройству политическихъ и соціальныхъ отношеній, тогда какъ у насъ, насажденная правительственными усиліями, она оказала воздѣйствіе на самый ограниченный кружокъ выдающихся умовъ и отразилась въ либеральныхъ фразахъ Екатерининскаго «Наказа», да въ нѣсколькихъ неважныхъ оффиціальныхъ мѣропріятіяхъ. Какъ ни ничтожны результаты вліянія у насъ просвѣтительной философіи, и какъ бы ни казались блѣдными произведенія нашихъ ея адептовъ сравнительно съ западными образцами, во всякомъ случаѣ польза, принесенная ею, несомнѣнна, такъ какъ она дала толчокъ развитію нашей самостоятельной мысли, направивъ ее на путь изслѣдованія нуждъ и критики недостатковъ русской жизни и этимъ содѣйствуя сближенію литературы съ реальными потребностями русскаго общества.

Екатерининское правительство, само вызвавъ движеніе и увидавъ, къ какимъ результатамъ привелъ сходный процессъ на Западѣ, измѣнило свое отношеніе къ литературѣ, и то, что раньше усиленно поощрялось, теперь оказалось преступнымъ и подвергалось энергичному преслѣдованію. Но, какъ говоритъ поэтъ, «лишь духу власть духа дана», посѣвъ былъ сдѣланъ, и далъ хотя слабые всходы, но такіе, которыхъ не въ силахъ уничтожить никакая репрессія, ни суровыя мѣры Екатерины, ни даже еще болѣе крутой образъ дѣйствія императора Павла I, когда былъ воспрещенъ «впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы онѣ языкѣ ни были, безъ изъятія», и даже музыкальныхъ произведеній, причемъ, конечно, имѣлись въ виду ходячіе тогда революю-

ціонные напѣвы. Замѣчательно, что даже въ эту эпоху крайняго утѣсненія мысли иногда проскальзывали въ журналахъ совсѣмъ непозволительныя тирады. Такъ, въ первомъ номерѣ «Политическаго Журнала» на 1790 годъ, издававшагося осторожнымъ профессоромъ московскаго университета, Сохацкимъ, мы читаемъ слѣдующую чрезвычайно характерную и краснорѣчивую оцѣнку современныхъ политическихъ событій въ Европѣ:

«Въ 1789 году весь свѣтъ былъ потрясенъ столь сильно, что вездѣ открылись чрезвычайныя движенія, и произошло въ Европѣ начало *новой эпохи человѣческаго рода*. Послѣ многихъ столѣтій 1789 годъ есть самый достопамятный. Со времени крестовыхъ походовъ никогда еще не было такой эпохи, какъ сія, въ которой бы *политическое мнѣніе* распространилось и промчалось чрезъ всю Европу съ толикою живостью и соучаствованіемъ. Духъ *свободы* учинился воинственнымъ при концѣ XVIII, какъ духъ *религіи* при концѣ XI вѣка. Тогда вооруженною рукою возвращали святую землю, нынѣ святую свободу. Тогда ратовали противъ Саладиновъ, нынѣ противъ собственныхъ государей. Французы брали тогда крѣпости у *невѣрныхъ королей*, нынѣ брали они ихъ у *христіаннѣйшаго*. Какъ тогда, такъ и теперь энтузіазмъ превратился во многихъ головахъ въ крушеніе и фанатизмъ. Отсѣкали людямъ головы, грабительствовали и разрушали дома и крѣпости, дабы показать права человѣчества... Но при сильныхъ превращеніяхъ невозможно избѣгнуть буйныхъ излишествъ» [2]).

Литературное движеніе не могло окончательно заглохнуть, но вынуждено было притихнуть, принять нѣсколько иную форму, и такой-то новой формой является сентиментализмъ, замѣчающійся изрѣдка въ литературѣ и до начала репрессіи. Родоначальникомъ западнаго сантиментализма былъ Ричардсонъ. Его романы кажутся намъ теперь безконечно длинными, скучными, и нужно имѣть большое терпѣніе, чтобы осилить его романическую трилогію, но совсѣмъ не такое впечатлѣніе производилъ онъ на своихъ современниковъ: они съ увлеченіемъ зачитывались его романами, и причина этого увлеченія кроется въ томъ, что Ричардсонъ сказалъ въ своей области новое слово, выступилъ союзникомъ философовъ XVIII вѣка въ сферѣ нравственной. Приторная чувствительность и длинноты изложенія романовъ Ричардсона нашли строгаго судью въ лицѣ Вольтера, но и этотъ строгій критикъ въ

---

[2]) Всѣ курсивы въ этой цитатѣ принадлежатъ подлиннику.

своихъ драматическихъ произведеніяхъ идетъ по слѣдамъ Ричардсона и пишетъ «Нанину», которая, по мѣткому замѣчанію Лессинга, есть не что иное, какъ драматизированная Ричардсоновская «Памела». Дидро и Руссо относятся къ Ричардсону уже совсѣмъ не такъ, какъ Вольтеръ: Дидро сравниваетъ его съ Моисеемъ, Софокломъ, Эврипидомъ, говоритъ, что впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ «Клариссы», было такъ неотразимо сильно, что онъ не могъ работать и представлялся своимъ друзьямъ человѣкомъ, находящимся въ ненормальномъ состояніи. Руссо уподобляетъ Ричардсона Гомеру и беретъ его себѣ за образецъ въ «Новой Элоизѣ». Настолько же сильнымъ оказывается впечатлѣніе, произведенное романами Ричардсона въ Германіи. Основу этихъ романовъ составляетъ гуманность, признаніе интереса во всякой человѣческой личности, какъ таковой, независимо отъ ея соціальнаго положенія, а этимъ и должно объяснить успѣхъ сентиментализма. Кромѣ этого, не слѣдуетъ забывать, что истинный сентиментализмъ нисколько не исключалъ юмористическаго отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, какъ это видно изъ знаменитаго «Путешествія» Стерна. Въ сентиментализмѣ не было первоначально той односторонности, благодаря которой онъ и на Западѣ обратился во что-то уродливое, когда на первый планъ выступила слащавая чувствительность, а поэтому и понятно, что въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ это литературное направленіе должно было быть однимъ изъ сильныхъ орудій европейскаго прогресса.

Обращаясь къ русскому сентиментализму, мы замѣчаемъ, что и онъ, какъ и всякое другое заимствованное теченіе нашей литературы, оказался блѣдной копіей съ своего западнаго оригинала. Мы и въ этомъ случаѣ заимствовали почти одну внѣшность, мы стали копировать не основу движенія, а тѣ искаженія, которымъ оно подверглось на родинѣ. Произошло это отчасти и отъ нашей неподготовленности, а главнымъ образомъ отъ того новаго отношенія правительственныхъ круговъ къ литературѣ, какое обнаруживается со второй половины царствованія Екатерины. Какъ всегда бываетъ съ неумѣлыми подражателями, мы пересолили, впали въ шаржъ, каррикатуру, и если, читая Ричардсона, испытываешь теперь нѣкоторую скуку, то перечитывая нашихъ сентименталистовъ, трудно иногда удержаться отъ иронической улыбки: до того они представляются натянутыми, неестественными, слащавыми. Но не слѣдуетъ торопиться съ такимъ насмѣшливымъ осужденіемъ, такъ какъ иногда мысль, кажущаяся намъ черезчуръ наивной, въ

свое время совсѣмъ не была смѣшна, а имѣла подчасъ и очень серьезный смыслъ. Такъ, напримѣръ, мы всѣ привыкли иронически относиться къ знаменитой фразѣ Карамзина: «вѣдь и крестьянки чувствовать умѣютъ!» но, подсмѣиваясь надъ этой фразой, мы забываемъ, что, признавая возможность человѣческихъ чувствъ и въ крестьянахъ, она для многихъ была дѣйствительно чѣмъ-то новымъ въ ту эпоху, когда вполнѣ естественнымъ казалось не менѣе знаменитое восклицаніе г-жи Простаковой относительно дворовой дѣвки Палашки: «Бредитъ, бестія! какъ будто благородная!»

Какъ ни слабо, однако, проявилось у насъ сентиментальное направленіе, но и ему трудно было свободно развиваться, и оно не имѣло почти никакого простора: Карамзину приходилось признаваться, что онъ «умираетъ авторски»; даже «Письма русскаго путешественника» не могли выйти въ полномъ своемъ объемѣ въ царствованіе императора Павла, и только въ 1801 году были напечатаны двѣ послѣднія части этихъ писемъ. Въ виду такого стѣсненія всякаго проявленія общественной мысли, весьма естественной была общая радость при восшествіи на престолъ 12-го марта 1800 года императора Александра I, объявившаго въ своемъ манифестѣ о намѣреніи править «по законамъ и по сердцу» своей бабки, императрицы Екатерины Великой. Карамзинъ говоритъ, что «вѣсть объ этомъ событіи была въ цѣломъ государствѣ вѣстью искупленія; въ домахъ, на улицахъ, люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія». Литература живо отозвалась на это общее ликованіе. Державинъ привѣтствовалъ новаго государя одой, въ которой очень прозрачно намекалъ на предшествовавшую мрачную эпоху.

Замолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ,
На лицахъ Россовъ радость блещетъ.

Александръ въ этой одѣ называется «ангеломъ кротости и мира, любимымъ сыномъ благихъ небесъ», и о немъ говоритъ своимъ подданнымъ Екатерина, появляющаяся въ облакахъ:

Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ цари,
Внимать мы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь.
Вы сами отъ себя терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Въ такомъ же восторженномъ духѣ привѣтствовалъ новаго императора и Карамзинъ, сравнивая Александра съ ангеломъ Божіимъ, сіяющимъ благостью и красотой, уподобляя его воцареніе явленію «милыя весны», которая

Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Обращаясь къ монарху, писатель въ порывѣ радостнаго энтузіазма высказываетъ такія надежды, одушевлявшія современное русское образованное общество:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой счастливъ человѣкъ—
И блескомъ твоего правленья—
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы къ трону приступая
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!

Обращеніе Екатерины къ своему внуку, который является прямымъ наслѣдникомъ ея духа, помимо Державинской оды, встрѣчается въ произведеніи юнаго бакалавра московскаго университета, А. Ѳ. Мерзлякова. Екатерина говоритъ Александру:

Я для тебя, мой внукъ преславный,
Хранила мой народъ избранный
И лавры для тебя рвала.
Въ чертогѣ радости небесной
Я слышала въ душѣ своей
Россіи каждый вздохъ сердечный,
И каждая слеза отъ ней
Мое блаженство отравляла.
Теперь (чего давно желала)
Въ тебѣ, тобой жить буду я!

Новая эпоха, наступившая для Россіи съ воцареніемъ Александра, сулитъ поэту прекращеніе всѣхъ бѣдствій, омрачавшихъ жизнь русскаго общества въ недавнее время:

Утѣшьтесь, чада бѣдъ и муки!
Нѣтъ ни страданій, ни разлуки!
Отецъ, спѣши къ своимъ сынамъ,
Братъ съ братомъ нѣжно обоймися.

Эти бурныя, неумѣренныя выраженія восторга и самыхъ радужныхъ надеждъ, высказывавшіяся образованными людьми различныхъ взглядовъ и направленій, прекрасно характеризуетъ пере-

ходъ отъ тягостной поры пригнетенія мысли къ первому времени царствованія Александра. На престолъ вступилъ человѣкъ, воспитанный Лагарпомъ и Муравьевымъ въ духѣ либеральныхъ ученій XVIII вѣка, окруженный молодыми сподвижниками, носившими самые смѣлые планы переустройства Россіи на основаніи гуманныхъ теорій «Духа законовъ» и «Общественнаго договора». Рядъ милостей, ознаменовавшихъ начало царствованія, рядъ либеральныхъ реформъ, проводившихся въ первые годы Александровской эпохи, возбуждалъ сильнѣйшее движеніе общественной мысли, получившей теперь возможность открыто высказываться. Въ своемъ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ Великой» Карамзинъ, позабывъ тяжелое время конца царствованія Екатерины и исчисляя заслуги государыни, особенно подчеркиваетъ, что Екатерина «образовала государственную систему монархической Россіи, согласную съ истиннымъ счастьемъ *человѣка,* слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ и которое навсегда уничтожилось Екатериною»; что «она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни, она преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель». Въ этихъ словахъ заключается не только историческій панегирикъ Екатеринѣ, въ нихъ не какой-нибудь слабый намекъ на современность, а прямое, опредѣленное указаніе новаго пути, по которому пошло современное общественное движеніе. Карамзинъ основалъ журналъ, въ которомъ свободно обсуждаетъ разные общественные вопросы, преимущественно то, что касается просвѣщенія, такъ какъ на эту сторону государственнаго быта было обращено особенное вниманіе правительства.

Заботы правительства о народномъ образованіи выразились въ учрежденіи университетовъ и гимназій, въ планѣ общаго устройства народнаго просвѣщенія. Литература шла навстрѣчу этимъ мѣрамъ правительства, разъясняя ихъ значеніе обществу, а съ другой стороны, поднятъ былъ правительствомъ же вопросъ о предоставленіи литературѣ свободы въ обсужденіи разныхъ общественныхъ дѣлъ.

Необходимость расширенія рамокъ печатнаго обсужденія сознавалась многими въ тогдашнемъ обществѣ, какъ это видно изъ напечатанной академикомъ М. И. Сухомлиновымъ анонимной записки 1804 г., авторъ которой говоритъ: «Истинные сыны отечества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами». Результатомъ этого стремленія правительства къ облегченію печатнаго слова былъ новый цензурный уставъ 1804 г., въ 21-мъ параграфѣ котораго говорится: «Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочиненія образомъ, нежели его преслѣдовать»; а слѣдующій параграфъ прямо гласитъ: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины... не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ связи съ заботами о народномъ просвѣщеніи былъ поднятъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ книгѣ Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» между этими двумя вопросами устанавливается тѣснѣйшая зависимость, такъ какъ просвѣщеніе, по мнѣнію автора, выражается не въ количествѣ ученыхъ и писателей, а въ охраненіи правъ собственности и личной безопасности гражданъ; крѣпостное же право является отрицаніемъ этихъ правъ за очень большимъ классомъ земледѣльцевъ, а потому правительство, стремясь къ распространенію истиннаго просвѣщенія, должно оградить права крестьянской собственности. Помимо этого весьма логическаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ книгѣ Пнина, вопросъ этотъ, какъ и при Екатеринѣ, дѣлается предметомъ статей многихъ публицистовъ, которые разрѣшаютъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, приходятъ иногда къ заключеніямъ, могущимъ намъ казаться неправильными, ошибочными; но важно уже то, что вопросъ возбужденъ и, хоть не на долгое время, сталъ предметомъ гласнаго обсужденія.

Такимъ образомъ, общественные и политическіе вопросы снова, какъ въ Екатерининскую эпоху, дѣлаются предметомъ обсужденія литературы, и такъ какъ правительство, вызвавшее это обсужденіе, было настроено въ либеральномъ смыслѣ, то большинство нашихъ представителей литературы высказывается въ томъ же направленіи. Однако, этотъ либерализмъ уже въ эту пору начинаетъ вызывать нѣкоторые протесты, и его западническая

окраска очень легко даетъ возможность его врагамъ противопоставить планамъ различныхъ преобразованій вопросъ о народности.

Этотъ самый жгучій вопросъ затрагивается въ нашей литературѣ и раньше, особенно сильно при Екатеринѣ II, но въ сущности онъ былъ поставленъ на очередь еще въ до-Петровскую эпоху, когда начиналось у насъ культурное воздѣйствіе Запада. Многое въ нашемъ расколѣ объясняется противодѣйствіемъ западнымъ новшествамъ, возбуждавшимъ серьезныя опасенія москвичей еще въ XVII вѣкѣ. Желѣзная воля Петра Великаго, сознавшаго необходимость заимствовать просвѣщеніе съ Запада, такъ какъ другого источника не было, смирила противодѣйствіе старорусской партіи; но послѣ него не разъ проявляются попытки вернуться къ народной старинѣ. Каждый разъ, какъ правительство признаетъ нужнымъ обратиться къ новымъ заимствованіямъ съ Запада, въ обществѣ раздаются отдѣльные голоса, осуждающіе такія заимствованія и элегически восхваляющіе отжившую старину. Критика заноснаго просвѣщенія особенно сильна въ сатирическихъ журналахъ царствованія Екатерины, у Щербатова же и Болтина мы можемъ даже указать нѣчто въ родѣ славянофильства. Всѣ эти панегиристы «добрыхъ старыхъ нравовъ», нападая на западное просвѣщеніе и обвиняя его въ ухудшеніи нашихъ нравовъ, не замѣчаютъ того, что они нападаютъ на искаженіе этого просвѣщенія, которому оно подвергается у насъ, или на такія его стороны, которыя осуждаются и на Западѣ и которыхъ, слѣдовательно, намъ не было никакой нужды перенимать; а при этомъ, относясь критически къ недостаткамъ нашихъ заимствованій, панегиристы старины совсѣмъ умалчивали о хорошихъ сторонахъ заимствованнаго.

Такъ было при Екатеринѣ, и то же самое повторяется въ первые годы царствованія Александра, при чемъ представителямъ партіи, враждебной новизнамъ, легко было опираться на сильное возбужденіе патріотическаго чувства, вызванное борьбой съ Наполеономъ. Въ литературѣ оживляются нападки на галломанію, однако, новыхъ, оригинальныхъ сатирическихъ образовъ не создается, а выдвигаются съ незначительными измѣненіями старые знакомые, осмѣянные Екатерининской литературой. Нѣкоторый отголосокъ того же остраго вопроса о народности мы видимъ въ литературномъ спорѣ о старомъ и новомъ слогѣ, спорѣ, поднятымъ Шишковымъ и его послѣдователями противъ карамзини-

стовъ. Споръ о стилистическихъ особенностяхъ Шишковъ связывалъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ иноземномъ вліяніи на наше духовное развитіе и обвинялъ своихъ противниковъ въ безнравственности, безвѣріи, отсутствіи патріотизма. Вотъ какъ говоритъ онъ о воспитаніи нашего общества: «какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся въ рукахъ французовъ, примѣняются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій». Самый лучшій воспитатель изъ иностранцевъ не можетъ внушить своему ученику любви къ отечеству,—каковъ же будетъ результатъ, спрашивалъ Шишковъ, «если положимъ въ немъ (т. е. въ воспитателѣ) еще худые нравы, наклонность къ безвѣрію, своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы?» Во всемъ этомъ много вѣрнаго: дѣйствительно, національный элементъ необходимъ въ воспитаніи, и иноземные учителя очень часто были плохи, но гдѣ же было взять своихъ учителей? Вѣдь нельзя же было довольствоваться Цыфиркиными и Кутейкиными!

Въ приведенныхъ словахъ Шишкова обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «начальствующее безначаліе», — не хотѣлъ ли этими словами Шишковъ обозначить на своемъ оригинальномъ языкѣ конституцію?

Если это такъ, то мы подходимъ къ тому политическому вопросу, который вызвалъ появленіе въ свѣтъ знаменитой Карамзинской «Записки о древней и новой Россіи». Увлекавшійся въ былое время западничествомъ, космополитизмомъ, и даже при воцареніи Александра высказывавшій отчасти конституціонныя мысли, Карамзинъ подъ вліяніемъ изученія русской исторіи, критикуя современное русское общественное движеніе, становится патріотомъ и представляетъ императору Александру записку, въ которой, предостерегая его отъ излишняго увлеченія либеральными планами, излагаетъ свой взглядъ на историческое образованіе государственнаго строя Россіи и на современныя ея потребности. Любопытно здѣсь осужденіе реформы Петра, предъ которой Карамзинъ прежде преклонялся. «Имя русскаго,—говоритъ Карамзинъ,—имѣетъ ли для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила

и его сына, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ; но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и его нравственной силѣ! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвастаться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Но тогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; спрашиваю, кому бы легче было покорить Россію—невѣрнымъ или братьямъ? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ видомъ на вѣкъ оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною—Петръ».

Это осужденіе Петровской реформы до извѣстной степени сближаетъ Карамзина съ позднѣйшимъ славянофильствомъ, но только до извѣстной степени, такъ какъ славянофилы осуждали только нѣкоторыя стороны реформы, а та чрезмѣрная идеализація Россіи, то затушевываніе грѣховъ до-Петровской Руси и то исключительное превознесеніе русскаго народа предъ всѣми другими, которыя появляются въ «Запискѣ» Карамзина, совсѣмъ чужды славянофиламъ. Въ этомъ случаѣ Карамзинъ въ своей запискѣ гораздо болѣе подходитъ къ тому выраженію нашего патріотизма, которое характеризуется именами націонализма и казенной народности. И дѣйствительно, въ ту эпоху довольно опредѣленно выяснилось только два направленія нашей политической мысли: западничество и теорія казенной народности; что же касается славянофильства, какъ стройной философско-политической системы, то оно совсѣмъ еще не сложилось, хотя отдѣльные его элементы можно указывать и у Карамзина, и у Шишкова, и у явившихся позже декабристовъ.

Правительство, къ которому въ спорѣ обращались объ партіи, до 1812 г. было настроено въ либеральномъ духѣ, предоставляло литературѣ самой разбираться въ волновавшемъ ее спорѣ, придерживалось по отношенію къ ней политики невмѣшательства, тѣмъ болѣе, что крайняя умѣренность тогдашней литературы и не могла требовать такого вмѣшательства, хотя по временамъ въ

дѣйствіяхъ правительства проглядываетъ нѣкоторая непослѣдовательность. Такая непослѣдовательность обнаружилась по отношенію къ упомянутой книгѣ Пнина, которая вскорѣ послѣ печатанія подверглась запрещенію, а также въ отношеніи къ мистицизму, усиливавшемуся въ первые годы царствованія Александра. Дать общее опредѣленіе этого мистическаго движенія крайне трудно, въ немъ съ самаго начала замѣчалось очень много оттѣнковъ, но въ большинствѣ писаній нашихъ мистиковъ сущность ихъ проповѣди сводилась къ борьбѣ противъ «лжеименнаго разума», т. е. противъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, такъ что въ этомъ отношеніи мистики близко сходились съ представителями тогдашнихъ теорій народности. Но правительство смѣшивало мистиковъ съ опасными революціонерами, иллюминатами, и съ 1806 г. начинаетъ запрещать мистическія сочиненія; очень можетъ быть, что, преслѣдуя мистицизмъ, правительство желало оказать поддержку либерализму, хотя не совсѣмъ либеральными мѣрами. Какъ бы то ни было, правительство все же оставляетъ нѣкоторую свободу литературѣ, и такъ идетъ дѣло до 1812 г., когда во всей внутренней политикѣ замѣчается рѣзкій поворотъ къ другимъ началамъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому новому фазису исторіи литературы Александровской эпохи, надо сказать нѣсколько словъ о положеніи чисто художественной литературы въ разсмотрѣнный періодъ. Въ этой области особенно яркаго оживленія покуда не видно, такъ какъ дѣйствуютъ преимущественно представители старыхъ литературныхъ направленій: допѣваетъ свои пѣсни маститый Державинъ, около котораго группируются продолжатели псевдоклассицизма; Крыловъ окончательно останавливается на той формѣ выраженія своихъ взглядовъ, которая его обезсмертила, но въ сущности онъ повторяетъ то же, что говорилъ еще въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ болѣе ранней поры, являясь представителемъ непосредственно-народнаго направленія; Карамзинъ отдается публицистикѣ и исторіи, а его послѣдователи доводятъ нашъ сентиментализмъ до полнаго вырожденія, такъ что на смѣну ему должно выступить новое литературное теченіе. Такимъ новымъ теченіемъ оказывается романтизмъ Жуковскаго, представляющійся въ началѣ такимъ же блѣднымъ подражаніемъ западному образцу, какимъ были другія болѣе раннія заимствованія, и въ первое время отличающійся отъ сентиментализма только обстановочной стороной своихъ произведеній, а по идеямъ очень къ

нему близкій. Нельзя не упомянуть, что въ эту же пору начинается дѣятельность Батюшкова, которая оказала такое благотворное вліяніе на творчество Пушкина, и теперь же появляются первые наши реалисты въ лицѣ Беницкаго и Нарѣжнаго. Въ дѣятельности всѣхъ этихъ писателей опять таки видно сильное западное вліяніе съ тою же характерною чертой ослабленія оригиналовъ.

Отечественная война и послѣдовавшій за нею заграничный походъ, содѣйствуя сильнѣйшему подъему патріотическаго чувства, имѣли помимо того огромное вліяніе и на императора Александра, и на русское общество, вызвавъ въ первомъ поворотъ къ новымъ убѣжденіямъ и расширивъ и укрѣпивъ во второмъ пониманіе тѣхъ идей, которыя высказывались правительствомъ въ началѣ царствованія. Вотъ какъ говоритъ объ измѣненіи общественнаго настроенія Фонвизинъ въ своихъ «Запискахъ»: «Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціей, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границею, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство». По свидѣтельству современниковъ, въ быту гвардейскихъ офицеровъ произошла коренная перемѣна; прежняя веселая, разсѣянная жизнь, проходившая въ кутежахъ, картежной игрѣ и въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, не могла удовлетворять этихъ молодыхъ людей, у которыхъ явились болѣе серьезные запросы, пробудилось стремленіе къ знанію, интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Такъ какъ большинство этой молодежи состояло изъ военныхъ, то новое ея направленіе должно было первымъ долгомъ отразиться въ сферѣ служебной, въ отношеніяхъ дисциплинарныхъ, которыя стали гораздо мягче, такъ что во многихъ полкахъ совсѣмъ оставлены были суровыя тѣлесныя наказанія, бывшія до того въ большомъ ходу. Но одной военной сферой вліяніе новыхъ идей не могло ограничиться, выдвинулся опять впередъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, и теперь этотъ вопросъ получаетъ самое правильное разрѣшеніе въ смыслѣ признанія необходимости освободить крестьянъ съ землей. Устройство суда, упорядоченіе администраціи, широкое распространеніе просвѣще-

нія въ народѣ—таковы идеальные запросы, волновавшіе молодежь во второй половинѣ царствованія Александра. Очень часто въ этихъ мечтаніяхъ проявлялось кое-что незрѣлое, непродуманное, часто эти толки уподоблялись тому шуму, которымъ отличался кружокъ Репетилова, часто слово не соотвѣтствовало дѣлу, такъ что могло вызвать колкую эпиграмму поэта:

А глядишь, нашъ Мирабо
Стараго Гаврилу
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ да въ рыло.

Всѣ такіе укоры вполнѣ возможно дѣлать тогдашнему общественному движенію, но не надо забывать, что рядомъ съ извращеніями, рядомъ съ фразерствомъ однихъ, у другихъ проявлялись самыя серьезныя стремленія улучшенія общественнаго быта, рядомъ съ говоруномъ Репетиловымъ стоялъ искренній, убѣжденный идеалистъ Чацкій.

Параллельно съ этимъ возбужденіемъ общественнаго сознанія растетъ и литературное движеніе и принимаетъ новыя формы. Тотъ романтизмъ, который, будучи заимствованъ у второстепенныхъ нѣмецкихъ писателей, являлся прежде у Жуковскаго въ формѣ довольно безсодержательной мечтательности, теперь подъ вліяніемъ французскихъ романтиковъ и Байрона, значительно осложняется въ своемъ содержаніи, вноситъ въ литературу элементъ протеста противъ несовершенствъ окружающей жизни, сближаетъ литературу съ общественной жизнью, такъ что она получаетъ уже значеніе выразительницы идейной жизни и перестаетъ играть роль стилистическаго упражненія въ разныхъ родахъ поэзіи и прозы. Такой новый характеръ литературы находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что небольшой тогда кружокъ литераторовъ былъ въ тѣсной связи съ представителями разныхъ партій, увлеченныхъ вопросами общественными. Очень легко указывать не серьезную сторону въ занятіяхъ «Арзамаса», упрекать его членовъ въ отсутствіи интереса къ общественнымъ дѣламъ, но не слѣдуетъ забывать, что одинъ изъ самыхъ легкомысленныхъ членовъ этого общества, Пушкинъ, былъ въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ со многими изъ декабристовъ и въ этомъ періодѣ своей поэтической дѣятельности не разъ отзывался на «вольнолюбивыя мечты» тогдашняго образованнаго общества. Такъ, въ извѣстномъ стихотвореніи «Деревня», за которое между прочимъ приказалъ его благодарить

императоръ Александръ, Пушкинъ энергично возстаетъ противъ крѣпостного права:

Увижу-ль я друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!

Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ говоритъ о тѣхъ общественныхъ стремленіяхъ, которыя одушевляли его такъ же, какъ и Чаадаева и многихъ другихъ современниковъ:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Другой арзамасецъ, кн. Вяземскій, пишетъ энергичное стихотвореніе «Негодованіе», въ которомъ сочувственно отзывается на преобразовательныя стремленія лучшей части русскаго общества.

Но въ то время, какъ въ обществѣ и литературѣ происходило движеніе, напоминавшее своимъ характеромъ первые годы царствованія Александра, въ самомъ императорѣ совершился переломъ, крайне неблагопріятный всѣмъ этимъ мечтамъ, происходила съ временными отклоненіями въ сторону реакція, сѣмена которой были посѣяны еще до 1812 года. Правда, и послѣ отечественной войны время отъ времени, императоръ возвращается къ прежнимъ своимъ либеральнымъ идеямъ. Въ 1818 году, при открытіи варшавскаго сейма, Александръ произнесъ рѣчь, которая, по словамъ Карамзина, «сильно отозвалась въ молодыхъ сердцахъ» въ Россіи, такъ что многіе «спятъ и видятъ конституцію». Между прочимъ императоръ сказалъ членамъ сейма:

«Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволяло мнѣ немедленно ввести то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно восполь-

зуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости». Въ это же время, по порученію императора, Новосильцовымъ составлялся проектъ этихъ законно-свободныхъ учрежденій и для Россіи.

Но рядомъ съ подобными спорадическими проявленіями прежнихъ либеральныхъ идей, въ Александрѣ по отношенію къ внутренней политикѣ все ярче и ярче выражалось то направленіе, которое въ немъ выработалось подъ вліяніемъ западныхъ реакціонеровъ и мистиковъ. Никогда не отличавшійся опредѣленностью своихъ религіозныхъ убѣжденій, склонявшійся раньше къ деизму французскихъ мыслителей, а впослѣдствіи выработавшій себѣ туманный идеалъ христіанства, который не соотвѣтствовалъ ни одному изъ дѣйствительныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, Александръ очень легко подпалъ вліянію г-жи Крюденеръ, этой Магдалины, которая экзальтированно посвятила его въ тайны протестантскаго мистицизма. Еще въ первые годы царствованія Александръ отчасти сочувствовалъ разнымъ нашимъ мистикамъ, теперь же, подъ вліяніемъ баронессы Крюденеръ и разныхъ заѣзжихъ методистовъ и квакеровъ, пораженный величіемъ той исторической миссіи, которая выпала на его долю, онъ далъ полный просторъ въ своемъ царствѣ всѣмъ возможнымъ мистическимъ ученіямъ. Но мистицизмъ былъ воинствующимъ ученіемъ и, пользуясь покровительствомъ Александра и министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, вступилъ въ борьбу со всякимъ проявленіемъ мысли, сколько-нибудь несогласной съ его основными положеніями. Та протестантская окраска, которою отличался этотъ новѣйшій мистицизмъ, возбудила противъ себя, наконецъ, сильнѣйшія возраженія со стороны православной церкви, но пока не выступилъ со своими обличеніями архимандритъ Фотій, мистицизмъ продолжалъ господствовать. Фотій побѣдилъ, князь Голицынъ долженъ былъ уйти, но отъ этого мысль нисколько не выиграла, такъ какъ на мѣсто мистическаго изувѣрства явилось изувѣрство византійское, нисколько не соотвѣтствующее идеалу истиннаго православія, которое, по выраженію Хомякова, предполагаетъ «свободу мнѣнія и сомнѣнія».

Этотъ гнетъ въ области совѣсти, въ области религіозной, вполнѣ соотвѣтствовалъ реакціонному направленію въ дѣлахъ свѣтскихъ, распоряженіе которыми цѣликомъ было передано въ руки гр. Аракчеева, этого «проклятаго змѣя», какъ его называли въ своихъ письмахъ Закревскій, Киселевъ и кн. П. М. Волконскій.

Аракчеевъ, Фотій, Голицынъ, Шишковъ—всѣ одинаково должны были бороться съ проявленіями свободной общественной мысли, такъ какъ въ нихъ видѣлось правительству отраженіе западныхъ революціонныхъ идей, пропагандировавшихся обществами иллюминатовъ, карбонаріевъ и т. п.

Мрачную и тяжелую картину представляетъ собой Александровское царствованіе во вторую свою половину по отношенію къ общественному сознанію и просвѣщенію, но новое развитіе литературы оказывалось прочнымъ, его ничѣмъ нельзя было уничтожить. Нѣсколько разноголосое тріо Аракчеева, Фотія, кн. Голицына становится мишенью цѣлаго ряда мѣткихъ и злыхъ эпиграммъ Пушкина, противъ Аракчеева направляется напечатанное въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. стихотвореніе Рылѣева: «Къ временщику», въ которомъ поэтъ говоритъ между прочимъ:

Надменный временщикъ и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!

Прочитавъ это рѣзкое обличеніе, общество содрогнулось, страшась за судьбу благороднаго смѣльчака, но временщикъ смолчалъ, не пожелавъ узнать себя въ этомъ изображеніи.

Но самое всестороннее, яркое и неотразимое обличеніе всего этого мрака и застоя уже было подготовлено, хотя не могло теперь еще выйти въ свѣтъ. Въ это время уже написана знаменитая комедія Грибоѣдова, эта «вѣчно юная красавица» [3]), въ которой передъ нами выступаетъ восторженный борецъ—идеалистъ Чацкій (единственный идеальный типъ, выработанный нашей литературой XIX вѣка, по замѣчанію Гончарова) и громитъ общество Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Скалозубовъ; а въ этой средѣ просвѣщеніе подвергается такому же гоненію, какому оно подвергалось со стороны Магницкихъ, Фотіевъ и Аракчеевыхъ, дѣйствія и заявленія которыхъ прекрасно изображаются въ приговорѣ Фамусовскаго общества:

Ученость—вотъ чума!

[3]) Выраженіе, принадлежащее профессору Московскаго университета Алексѣю Н. Веселовскому.

и въ намѣреніи Скалозуба дать Репетиловскому кружку фельдфебеля въ Вольтеры. Въ комедіи этой несомнѣнно отразились многія западно-европейскія вліянія, но также несомнѣнно, что она произведеніе вполнѣ народное, такъ какъ ярко и полно выражаетъ жизненныя русскія подробности; что Чацкій, будучи вполнѣ просвѣщеннымъ европейцемъ, въ то же время горячо любитъ свою родину и желаетъ ей блага; а поэтому, заканчивая настоящій очеркъ, я позволю себѣ повторить въ нѣсколько расширенномъ видѣ положеніе, примѣненное академикомъ А. Н. Веселовскимъ къ народному эпосу, и измѣню его такимъ образомъ: «народная литература всякаго историческаго народа есть по необходимости международная», т. е. народная литература облечена на смерть, если она отдѣляется китайской стѣной отъ вліянія другихъ литературъ, и только воспринявъ вполнѣ это чужое вліяніе и претворивъ его въ своемъ духѣ, она можетъ предъявлять притязаніе на вліяніе на другія литературы, на равноправность въ общечеловѣческомъ обмѣнѣ идей, на внесеніе собственнаго вклада въ сокровищницу міровой цивилизаціи.

Курская
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Екатерининская эпоха представляетъ намъ впервые одну очень характерную черту въ исторіи новѣйшаго русскаго прогресса, особенность, выражающуюся въ томъ, что правительственная власть беретъ на себя иниціативу раскрѣпощенія русскаго общества, высказываетъ, повидимому, живѣйшую заботу о просвѣщеніи и движеніи впередъ, но какъ только въ самомъ обществѣ обнаруживается подобное же стремленіе, власть пугается и круто поворачиваетъ назадъ, первоначальные широкіе планы преобразованій остаются неосуществлѣнными, призывы къ прогрессу и прекрасныя обѣщанія оказываются безплодными словами, а дѣйствительность окрашивается въ самый мрачный цвѣтъ торжествующей реакціи. Однако общество, пойдя по призыву власти на новый путь, уже не можетъ повернуть назадъ, и продолжаетъ двигаться въ томъ направленіи, которое принято было имъ ранѣе. Движеніе, можетъ быть, нѣсколько замедляется, обществомъ овладѣваютъ апатія и растерянность, появляется нѣкоторое число малодушныхъ ренегатовъ, подлаживающихся къ новому курсу правительственной политики, но разъ сказанныя хорошія слова не забываются, и даже изъ нихъ дѣлаются нѣкоторые выводы, весьма существенные для дальнѣйшаго развитія, а главное, несмотря на ослабленіе передовыхъ борцовъ, новыми идеями захватываются все болѣе и болѣе широкіе круги народа. Подобный процессъ мы наблюдаемъ въ началѣ XIX вѣка, при императорѣ Александрѣ I, когда всѣ вѣрили въ силу вліянія его молодыхъ совѣтниковъ, потомъ въ «эпоху великихъ реформъ» императора Александра II, когда казалось, что освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ къ общему раскрѣпощенію; но въ перьый разъ мы съ такимъ фактомъ встрѣчаемся при Екатеринѣ II.

Рѣшившись вскорѣ послѣ вступленія на престолъ созвать знаменитую комиссію для составленія новаго уложенія, написавъ для этой комиссіи «Наказъ», Екатерина явилась первой пропаган-

дисткой въ Россіи освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей современныхъ европейскихъ философовъ и государствовѣдовъ. Приближенные къ ней люди приходили въ ужасъ отъ тѣхъ «аксіомъ, способныхъ потрясти стѣны», которыми былъ переполненъ «Наказъ» и рѣшительно протестовали не только противъ освобожденія крестьянъ, но даже и противъ мѣръ правительства къ улучшенію ихъ положенія. Въ любопытной полемикѣ съ Сумароковымъ, Екатерина обнаружила вполнѣ ясное пониманіе ненормальности крѣпостныхъ отношеній, а въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ она показала современной литературѣ путь борьбы противъ невѣжества и произвола. Но медовые мѣсяцы либерализма не были продолжительны, и императрица скоро стала охладѣвать къ увлекавшимъ ее освободительнымъ идеямъ, видя въ нихъ нѣчто опасное для своей власти. Уже законодательная комиссія зашла, по мнѣнію императрицы, слишкомъ далеко, а литература не могла удовольствоваться одной «улыбательной» сатирой, которая допускалась императрицей, заговорила очень рѣзкимъ тономъ и этимъ возбудила серьезныя опасенія. Еще болѣе страху нагнала пугачевщина, и, наконецъ, полная реакція должна была наступить при первыхъ же вспышкахъ великой французской революціи. Императрица окончательно отреклась отъ прежнихъ увлеченій, и всѣ тѣ люди, которые недавно вторили ея либерализму, вынуждены были или замолкнуть, или же приладиться къ новому настроенію императрицы.

Сперва, по отношенію къ увлекавшимся писателямъ-идеалистамъ, можно было ограничиваться словесными репримандами и легкими внушеніями быть осторожнѣе и умѣреннѣе, но дальше признано было необходимымъ прибѣгнуть къ суровымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Надежда на либерализмъ сверху была скоро уничтожена у Фонвизина, у Княжнина... За свои равностныя заботы о просвѣщеніи жестоко пострадалъ Н. И. Новиковъ, который въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ своихъ журналахъ былъ усерднѣйшимъ защитникомъ идей императрицы, и теперь оказался важнымъ государственнымъ преступникомъ, потому что не сумѣлъ отречься отъ этихъ идей. И въ такое время глухой реакціи выступилъ со своей знаменитой книгой Радищевъ, воспитавшійся подъ обаяніемъ лучшихъ идеаловъ начала царствованія, и какое горькое, трагическое разочарованіе ждало честнаго мечтателя!

Сынъ саратовскаго помѣщика, Радищевъ родился въ 1749 г. Отецъ будущаго писателя былъ человѣкъ хорошо образованный,

много читавшій и настолько гуманно относившійся къ крестьянамъ, что они сами защищали его во время пугачевщины. Весьма вѣроятно, что его вліяніе на образованіе убѣжденій сына было вполнѣ благотворное. Домашнее воспитаніе и обученіе не было продолжительное, и Радищевъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ бралъ уроки у лучшихъ тогдашнихъ учителей и профессоровъ недавно открытаго университета. Въ 1762 г. онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, но пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи не могло принести ему никакой пользы, такъ какъ, по отзыву императрицы Екатерины, пажи росли невѣждами и шалунами. Черезъ четыре года Радищевъ вмѣстѣ съ 11-ю молодыми дворянами былъ посланъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1774 года.

Несмотря на разныя неблагопріятныя условія заграничной жизни русскихъ молодыхъ людей, Радищевъ вынесъ изъ университетскаго преподаванія довольно обширный запасъ знаній и сумѣлъ себѣ выработать опредѣленное міросозерцаніе, въ духѣ господствовавшихъ тогда идей просвѣтительной философіи. Въ этомъ отношеніи особенно сильное вліяніе имѣлъ на него «вождь его юности», его товарищъ, Ѳ. В. Ушаковъ, рано скончавшійся молодой человѣкъ, біографія котораго была предметомъ одной изъ первыхъ литературныхъ работъ Радищева. Вмѣстѣ съ этимъ другомъ Радищевъ изучалъ сочиненія извѣстнаго матеріалиста Гельвеція и демократа Мабли, который для него навсегда остался величайшимъ авторитетомъ въ области политическихъ вопросовъ. Къ этому же времени, вѣроятно, относится знакомство Радищева съ сочиненіями Руссо, Монтескье и съ сентиментальнымъ направленіемъ европейской литературы, которое отразилось впослѣдствіи на его собственныхъ произведеніяхъ. Заграничное пребываніе содѣйствовало укрѣпленію высокаго идеализма, или, по выраженію Радищева, «изящнаго ума». Люди, отличающіеся такимъ умомъ, «укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ путей и вдаются въ неизвѣстные и непроложенные. Дѣйствительность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ то сродное человѣку безпокойствіе становится ясно: безпокойствіе, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога».

Съ этимъ «безпокойствіемъ», съ этимъ «изящнымъ умомъ», Радищевъ, конечно, не могъ пойти тѣмъ «проложеннымъ путемъ», по которому двигались въ тѣ времена всѣ молодые дворяне, и это въ самомъ скоромъ времени должно было обнаружиться, какъ въ его службѣ, такъ въ особенности въ литературной дѣятельности. Вернувшись въ 1771 г. въ Петербургъ, Радищевъ поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ, черезъ два года онъ перешелъ на должность оберъ-аудитора при графѣ Брюссѣ; въ 1775 г. онъ женился и вышелъ въ отставку, но опять черезъ 2 года поступилъ на службу въ коммерцъ-коллегію, а съ 1780 г. до своей ссылки служитъ въ петербургской таможнѣ сперва помощникомъ управляющаго, а подъ конецъ и управляющимъ.

Во время службы въ коммерцъ-коллегіи и въ таможнѣ онъ близко сошелся со своимъ начальникомъ, президентомъ коллегіи, гр. А. Р. Воронцовымъ, и въ этомъ случаѣ ярко проявился столь характерный для него и столь необычный для окружавшей его среды, его идеализмъ, побудившій его стать на защиту праваго дѣла противъ властнаго мнѣнія самого начальства. Въ коммерцъ-коллегіи (передаетъ этотъ эпизодъ В. Е. Якушкинъ) разсматривалось дѣло о пеньковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинявшихся въ упущеніяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ (Беклемишевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ президента. Беклемишевъ долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника. Радищевъ не поддался этимъ доводамъ, прямо заявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться гоненію и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговоръ. Долго не рѣшались доложить Воронцову объ упорствѣ младшаго члена коллегіи, новичка въ дѣлахъ. Наконецъ, Беклемишевъ доложилъ, Воронцовъ сначала очень разсердился, полагая, что несогласіе Радищева съ общимъ мнѣніемъ вызвано какимъ-нибудь корыстолюбивымъ видомъ, но всетаки прочелъ внимательно его мнѣніе, а потомъ захотѣлъ лично выслушать доводы младшаго ассессора. Послѣ разговора съ Радищевымъ Воронцовъ измѣнилъ свой взглядъ и браковщики были оправданы».

Подобные факты жестоко оскорбляли нравственное чувство Радищева, открывали ему поразительный контрастъ между его идеалистическими мечтаніями и русской мрачной дѣйствительностью, и это сильно отразилось на его душевномъ настроеніи. Явилось разочарованіе, которое онъ ярко характеризуетъ, обращаясь къ своему другу, А. М. Кутузову: «Воспомни,—говоритъ онъ,—наше нетерпѣніе видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣлявшую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не могу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ такового, и что не могли бы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О, вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою».

Это разочарованіе отразилось и на литературной дѣятельности Радищева. Она началась подъ вліяніемъ «жара», вынесеннаго изъ заграничныхъ занятій, а также, по странной ироніи судьбы, при одобреніи самой императрицы, которая впослѣдствій карала его за тѣ же стремленія, что проявились у него въ это время. Учредивъ на свои личныя средства общество для перевода замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій, Екатерина привлекла къ занятіямъ общества и Радищева. Онъ перевелъ книгу любимаго своего автора, аббата Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prosperité et des malheurs des Grècs» (Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ). Къ этому переводу, заслужившему одобреніе императрицы, были присоединены нѣкоторыя примѣчанія, обнаруживающія свободолюбіе переводчика. Такъ, переводя слово déspotisme выраженіемъ «самодержавство», Радищевъ объяснилъ: «Самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не только не можемъ дать надъ собой неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властью законовъ, то сіе не

для того, что мы находимъ въ оном̀ъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества».

Книга Мабли была издана 1773 г.; въ два слѣдующіе года Радищевъ много писалъ стиховъ «на нѣжные предметы», но потомъ не появляется въ печати до 1789 г.... О «нѣжныхъ предметахъ» писать не приходилось, казалось уже не кстати, такъ какъ окружающая обстановка наводила на очень мрачныя размышленія... Однако, за этотъ періодъ молчанія подготовляются важнѣйшія произведенія, въ которыхъ выражаются, какъ философскіе, такъ въ особенности политическіе взгляды Радищева. Въ 1782 г. имъ была написана небольшая брошюра, изданная только черезъ семь лѣтъ, подъ заглавіемъ «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего». Описывая въ этой брошюрѣ открытіе памятника Петру Великому и превознося его преобразованія, онъ упрекалъ Петра за «истребленіе вольности», хотя и оправдывалъ его тѣмъ соображеніемъ, что «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь добровольно упустилъ что-либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ». Прочтя впослѣдствіи эту брошюру, Екатерина замѣтила: «Давно мысль его готовилась ко взятому пути».

Въ 1785 г. Радищевъ познакомился съ сочиненіемъ энциклопедиста, аббата Рейналя «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes». Книга увлекла его своимъ пафосомъ, и впослѣдствіи, находясь въ заключеніи, онъ признавалъ ее «началомъ своего бѣдственнаго положенія». При свѣтѣ возродившихся въ немъ освободительныхъ идей, Радищевъ воспрянулъ духомъ, рѣшился идти на борьбу съ мракомъ невѣжества и безправія. Бороться возможно было только словомъ обличенія, и у Радищева зарождается мысль о новой, обширной литературной работѣ. Въ посвященіи своего сочиненія Кутузову, онъ изображаетъ свое настроеніе этого времени въ слѣдующихъ словахъ: «Я взглянулъ окрестъ меня, — душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обративъ взоры во внутренность мою—я узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ

человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой встрепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду». Сей гласъ природы раздался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно быть всякому соучастникомъ въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мысли, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ—не сугубый ли плодъ превзойдетъ отъ подъятаго мною труда?»

Подъ вліяніемъ такого настроенія Радищевъ изобразилъ картину продажи съ аукціоннаго торга крѣпостныхъ людей,—очеркъ, составившій въ его книгѣ главу «Мѣдное». Въ очеркѣ представлена семья дворовыхъ людей: старикъ 75 лѣтъ, спасшій жизнь отца своего барина, бывшій дядькой барина и неоднократно спасавшій его самого; старуха 80 лѣтъ, выкормившая мать барина и бывшая его собственной нянькой; женщина 40 лѣтъ, кормилица барина; ея дочь и внучка стариковъ, женщина 18 лѣтъ, насильственно выданная за дворового человѣка и изнасилованная барином; ея ребенокъ, незаконнорожденный сынъ барина, и, наконецъ, грубый дѣтина, 25 лѣтъ, вѣнчанный ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина». Эти люди продаются враздробь, какъ скотъ, и Радищевъ невольно охватывается негодованіемъ. «Едва,—говоритъ онъ,—ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь—слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! Почти безплодное соболѣзнованіе! О, квакеры! Если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложились и, купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу. Живъ многія лѣта въ объятьяхъ одинъ другого, несчастные сіи въ поносной

продажѣ восчувствуютъ тоску разлуки. Сердце мое столь было стѣснено, что, выскочивъ изъ среды собранія и отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. «Что тебѣ сдѣлалось? Ты плачешь!»—Возвратись—сказалъ я ему. Не будь свидѣтелемъ срамного зрѣлища. Ты проклиналъ нѣкогда варварскій обычай продажи черныхъ невольниковъ въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества. Возвратись, повторялъ я. Не будь свидѣтелемъ нашего затменія, и да не возвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ нравахъ». Въ заключеніе очерка, вспомнивъ о томъ, что защитники крѣпостного права ссылаются на неприкосновенность собственности, Радищевъ говоритъ: «А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе вотчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія». Въ этихъ словахъ обвинительница Радищева, императрица Екатерина, увидѣла впослѣдствіи призывъ къ возстанію крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Въ слѣдующемъ (1786) году Радищевъ написалъ еще два очерка изъ своей книги: въ первомъ, разсуждая о цензурѣ и инквизиціи, онъ говорилъ, что въ исторіи «мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возстающую на истину», а во второмъ—изобразилъ «начальника», равнодушно относящагося къ гибели людей. Эти первоначальные этюды дали Радищеву идею общей картины отрицательныхъ сторонъ русской жизни, причемъ образцомъ изложенія, внѣшней формы, явилось для него знаменитое «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Послѣ двухъ лѣтъ работы книга была готова, и Радищевъ для ея печатанія завелъ свою собственную типографію.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этой книгѣ, остановимся нѣсколько на другомъ сочиненіи Радищева, вышедшемъ годомъ ранѣе «Путешествія», на «Житіи Ѳеодора Васильевича Ушакова», которое, вѣроятно, писалось одновременно съ «Путешествіемъ» и по своимъ основнымъ идеямъ весьма къ нему близко. Для насъ не столько интересны жизнь молодого идеалиста и тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются Радищевымъ о пребываніи своемъ за границей, сколько политическіе взгляды, высказываемые въ этомъ своеобразномъ «Житіи», въ которомъ біографическое повѣствованіе постоянно перебивается разсужденіями философскими, моральными и политическими. Особенно важна политическая сторона этого небольшого сочиненія, такъ какъ, говоря о несовер-

шенствѣ современныхъ ему порядковъ, Радищевъ вполнѣ ясно видитъ, въ чемъ заключается коренная причина этого несовершенства. Она для него въ томъ же «самодержавствѣ», къ которому онъ отнесся такъ отрицательно уже въ первой своей литературной работѣ и которое, какъ увидимъ, является главной цѣлью его нападеній въ «Путешествіи».

Указавъ на всякія «уловки», которыми при самодержавіи люди достигаютъ высокаго положенія, Радищевъ совершенно правильно характеризуетъ безсиліе самодержца въ отношеніи своихъ приближенныхъ. «Положимъ,—говоритъ онъ,—что государь истинное достоинство только награждаетъ и пристрастенъ не бываетъ николи; но если бы возможно было ему хотя и одному быть безпристрастному въ своемъ государствѣ, всѣ другіе начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ, ибо если онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго не имѣетъ себѣ, то кого найдешь ему подобнаго? Сверхъ же того, онъ малаго токмо числа отечеству или ему служащихъ самъ по себѣ истинныя знаетъ заслуги, о всѣхъ другихъ *судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ вельможи, казнитъ нерѣдко того, кто имъ не нравится.* Изъ нѣсколькихъ милліоновъ ему подвластныхъ едва единые сто служатъ ему: всѣ другіе (источая кровавыя слезы, признаться въ томъ должно), всѣ *другіе служатъ вельможамъ*». Въ самодержавномъ правленіи произволъ проникаетъ всѣ отношенія сверху до низу. «Примѣръ самовластія государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже, въ распоряженіяхъ своихъ, другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начать такъ мыслить, что, пользуясь удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящихъ отечество гражданъ заключающая въ темницу и предающая ихъ смерти, тѣснящая духъ и разумъ и на мѣсто величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя! Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію».

Это самовластіе въ концѣ концовъ должно само себя погубить, такъ какъ есть «предѣлы терпѣнію», за которыми наступаетъ отчаяніе и люди свергаютъ съ себя иго произвола.

«Человѣкъ много можетъ сносить непріятностей, удрученій и

оскорбленій. Доказательствомъ сему служатъ всѣ единоначальства. Гладъ, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогаютъ, не доводя его токмо до крайности. Но сего-то притѣснители частные и общіе, по счастью человѣчества, не разумѣютъ и, простирая повсемѣстную тяготу, предѣлъ оныя, на коемъ отчаяніе бодрственную возноситъ главу, зрятъ иногда въ отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительной для человѣка мглою. Не вѣдаютъ мучители, и даждь Господи, да въ невѣденіи своемъ пребудутъ ослѣплены навсегда,—не вѣдаютъ, что составляющее несносную печаль сему, — другому не причиняетъ ниже единаго скорбнаго мгновенія да и въ оборотъ то, что въ одномъ сердцѣ ни малѣйшаго не производитъ содроганія, во стѣ другихъ родитъ отчаяніе и изступленіе. Пребуди, благое невѣдѣніе, всецѣло, пребуди нерушимо до скончанія вѣка! Въ тебѣ почила сохранность страждущаго общества. Да не дерзнетъ никто совлещи покровъ сей съ очей власти, да исчезнетъ помышляяй о семъ и умретъ въ сѣмени до рожденія своего». Конечно, это пожеланіе «сохранности страждущаго общества» слѣдуетъ понимать cum grano salis, такъ какъ Радищевъ вполнѣ сочувствуетъ англичанамъ, «кои нѣкогда, прельщенные наихитрѣйшимъ изъ правителей, царю своему жизнь изъяти покусилися судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наслѣднаго своего царя, избравъ на управленіе постороннаго, кои, при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти, и нынѣ нерѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняютъ противоборствовати державной власти и оную побѣждати законно».

Уже разсужденія «Житія Ѳ. В. Ушакова», не замѣченныя властями, вызвали весьма оживленные толки въ обществѣ, но еще сильнѣе было «любопытство публики», когда въ январѣ 1790 г. вышло въ свѣтъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», разрѣшенное къ печати полицмейстеромъ Никитою Рылѣевымъ. Хотя разошлось всего около 100 экземпляровъ, но о книгѣ стали «говорить по всему городу», и Радищевъ скоро увидѣлъ, что ему грозитъ серьезная опасность, и самъ поспѣшилъ остановить дальнѣйшее распространеніе своего произведенія, отказывая книгопродавцамъ, желавшимъ его купить. Гроза, однако, разразилась только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 27 іюня состоялся приказъ объ арестѣ Радищева, а 30 іюня онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Несмотря на всякія оправданія, защищаться отъ такого властнаго обвинителя, какъ сама Екатерина, увидѣв-

шая въ книгѣ оскорбленіе лично себѣ, не было никакой возможности, и уже 8 августа Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, 4 октября по именному указу казнь была замѣнена лишеніемъ правъ и ссылкою на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ. Обвиненъ былъ Радищевъ въ томъ, что «оказался въ преступленіи противу присяги и должности его и должности подданнаго, изданіемъ книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и наконецъ, оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу».

II.

Вникая въ приведенный судебный приговоръ и перечитывая теперь книгу Радищева, легко увидѣть, что протестъ противъ крѣпостного права былъ только второстепенной причиной ея осужденія. На дворянъ книга не могла произвести желаемаго впечатлѣнія, какъ это видно изъ ироническаго замѣчанія Екатерины: «Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». Еще менѣе можно было разсчитывать на возбужденіе мятежа среди крестьянъ при помощи книги, и это отлично разъяснилъ самъ Радищевъ: «Если кто скажетъ, что я, написавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа непонятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ?» Однако, если и не было у Радищева намѣренія взбунтовать крестьянъ, слѣдуетъ сказать, что въ его книгѣ было весьма достаточное количество фактовъ, ярко иллюстрирующихъ безобразіе крѣпостныхъ отношеній. Выше мы видѣли картинку продажи крестьянъ съ аукціона, теперь остановимся на другихъ явленіяхъ этого рода.

Вотъ передъ нами образецъ не изверга, но просто весьма хозяйственнаго помѣщика, выжимающаго изъ своихъ крестьянъ все, что только возможно: «Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастія, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ, во сто или въ двѣсти душъ,

опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обрабатыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ, дѣйствительно, въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бой грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, дворянинъ сей нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и въ постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя разговѣны бывали развѣ на Святой недѣлѣ. Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способствовалъ къ тому. Кто и былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда бралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ. При таковомъ заведеніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г. Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію и, поступая съ ними равно, какъ и первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ».

Неудивительно, что при такихъ хозяйственныхъ порядкахъ

крестьяне часто голодаютъ или питаются хлѣбомъ, который состоитъ «изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки». Не должно также удивлять и слѣдующее «обозрѣніе утвари крестьянской избы: четыре стѣны, до половины покрытыя такъ, какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ почти поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь, смеркающійся въ полдень, пропуская свѣтъ, горшка два или три (счастливая изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустыя щи); деревянная чашка и кружки, тарелками называемыя; столъ, топоромъ срубленный, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастію, кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ кой коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы и могущества».

Нарисовавъ такую ужасную картину крестьянской нищеты, Радищевъ невольно обращается съ горькимъ упрекомъ къ дворянамъ: «Звѣри алчные, пьявицы ненасытныя!—восклицаетъ онъ.—Что мы крестьянину оставляемъ? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не только даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти у него постепенно. Съ одной стороны почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго во узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ»...

Разоряя крестьянъ до послѣдней крайности, помѣщики не щадятъ въ нихъ и человѣческихъ чувствъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, оскорбляя ихъ и угнетая; ни одна крестьянская дѣвушка не защищена отъ насильственныхъ покушеній господина на ея честь, и съ барской точки зрѣнія подобныя дѣйствія считаются даже особенной милостью. Горе крестьянину, если въ немъ въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ заговоритъ сознаніе собственнаго достоинства! Всяческія гоненія обрушиваются за это на

его голову, какъ это видно на примѣрѣ рекрута Ванюши, изображеннаго въ главѣ «Городня». Этотъ несчастный юноша росъ вмѣстѣ съ сыномъ своего барина, учился тому же, чему учился барчукъ, поработалъ въ заграничномъ университетѣ и, возвращаясь въ Россію, ждалъ свободы, которую ему обѣщалъ старый баринъ. Но старикъ умеръ, а баринъ, сверстникъ Ванюши, не торопился исполнять обѣщаніе своего отца, и отсюда пошли несчастья Ванюши. «Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда,—разсказываетъ онъ,—бывшій мой господинъ влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу, но которая съ красотой тѣлесной соединяла скареднѣйшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надменности своего происхожденія, отличностью почитала только внѣшность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супругой моего барина и моей повелительницей. До того времени я не чувствовалъ перемѣны и жилъ въ домѣ господина своего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялась начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первый вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ который я ей представленъ былъ супругомъ ея, какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но къ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первый ужинъ у новобрачныхъ, и я, по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оный не сажалъ. Онъ, взглянувъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я изъ-за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ, однакожъ, изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и распредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторяю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ во посмѣяніе, но, возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми офиціан-

тами, гдѣ моя постель, сундукъ съ платьемъ и бѣлье мое уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ. Что въ душѣ моей происходило, слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ, можетъ быть, повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе домомъ и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ, всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало прещеніе Вышняго надъ всѣми Судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. Я сносилъ не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта и не отъялъ у себя томные остатки плачевнаго житія при случившемся новомъ души уязвленіи. Племянникъ моей барыни, молодецъ восемнадцати лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетушки и, скоро овладѣвъ неопытною ея горячностью, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ не рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ, запретила входъ къ себѣ горничной, а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердныхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде,—выдать ее за конюха замужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпожа моя, въ присутствіи своего супруга, мнѣ возвѣстила, яко неотмѣнную милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія. «Безчеловѣчная женщина, во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло! Говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю, но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ». Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея: «Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но не доводи до отчаянія души твоея благороднѣйшей, страшись!» Болѣе ска-

зать я не могъ, ибо, по повелѣнію госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню и сѣченъ нещадно кошками. На другой день едва я могъ встать отъ побоевъ съ постели, и паки приведенъ былъ передъ госпожу мою. «Я тебѣ прощу,—говорила она,—твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я, любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нея сдѣлать».—«Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, вы слышали вчера, другого не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права».—«Ну, такъ пора въ солдаты!» вскричала яростно моя госпожа. Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю меньше обрадуется, сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. «Въ солдаты», повторила она. И на другой день то было исполнено. Несмысленная! Она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился».

Ванюша радуется военной службѣ, какъ средству избавленія отъ невыносимаго рабства; но бываютъ случаи, когда крестьяне вынуждены искать другихъ путей защиты своего человѣческаго достоинства, когда они прибѣгаютъ къ самосуду надъ своими притѣснителями. Такіе случаи представлены Радищевымъ въ главахъ «Зайцево» и «Едрово»: въ первой мы видимъ жестокую расправу съ семьей нѣкоего асессора, всячески изводившаго своихъ крестьянъ и практиковавшаго нѣчто въ родѣ jus primae noctis, а во второй изображена попытка крестьянъ казнить помѣщика «добраго и человѣколюбиваго», но крайняго сладострастника, у котораго «мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери». Подобные примѣры могутъ служить хорошимъ предостереженіемъ рабовладѣльцамъ, и Радищевъ указываетъ на тѣ общія грозныя послѣдствія, которыя могутъ возникнуть изъ крѣпостного права. «Не вѣдаете ли,—говоритъ онъ,—любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе приходящія, тѣмъ укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ загражденный въ стремленіи своемъ тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Коло-

колъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будутъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Вотъ что предстоитъ намъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся!» Грядущая опасность можетъ быть устранена только облегченіемъ участи крестьянъ, находящихся въ рабствѣ, и Радищевъ набрасываетъ проектъ такихъ мѣропріятій, которыя должны привести къ упраздненію крѣпостного права. «Первое положеніе,—говоритъ онъ,—относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ, брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца въ званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, т. е. въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, т. е. покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда. За симъ слѣдуетъ совершенно уничтоженіе рабства». Въ этомъ проектѣ Радищева наиболѣе существеннымъ является признаніе права собственности крестьянина на обрабатываемую имъ землю, чѣмъ устранялась возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

III.

Какъ бы радикальны ни были разсужденія Радищева о крестьянскомъ вопросѣ, наиболѣе опасной стороной въ его книгѣ и для императрицы Екатерины, и для позднѣйшаго времени должны были представляться разсужденія болѣе общаго характера, касающіяся самыхъ основъ политическаго быта Россіи,—разсужденія, сравнительно съ которыми протестъ противъ крѣпостного права былъ лишь незначительной частностью, совершенно утратившею свое практическое значеніе послѣ упраздненія крѣпостничества. Радищевъ возсталъ въ своей книгѣ противъ произвола, проникавшаго всю русскую жизнь, онъ первый выступилъ съ этимъ обличеніемъ; обличеніе было настолько яркимъ и захватывало такъ широко всѣ русскія гражданскія отношенія, что и до нашего времени оно не утратило своего значенія. Въ этомъ-то и крылась причина жестокой кары, обрушившейся на Радищева и на его «Путешествіе».

Частныя проявленія произвола, такъ называемыя злоупотребленія суда и администраціи, обличались и предшественниками и современниками Радищева, и въ этомъ отношеніи онъ далъ въ своей книгѣ не особенно много новаго. Однако, нужно сказать, что и въ этихъ бытовыхъ картинкахъ рельефно обнаруживался обличительно-публицистическій талантъ Радищева, и мы считаемъ нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ главѣ «Чудово» представленъ начальникъ, который спитъ въ то время, какъ люди гибнутъ на морѣ, а его подчиненные не смѣютъ его разбудить, чтобы подать помощь гибнущимъ. Въ главѣ «Зайцово» Радищевъ знакомитъ насъ съ порядками суда, въ которомъ царитъ сословное лицепріятіе, который наполненъ взяточниками и людьми, умѣющими искусно обходить законы. Въ главѣ «Спасская Полисть» дается прекрасная характеристика тѣхъ отношеній, по поводу которыхъ впослѣдствіи одинъ изъ декабристовъ выразился: «Служба замѣнилась прислугой». «Жилъ-былъ, — разсказывается въ этой главѣ, — гдѣ-то государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ было мало, то онъ отъ охоты своей воздерживался—ѣдалъ по десятку, и то, когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его стало прибавляться. А какъ попалъ

въ намѣстники и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургъ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожной, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился передъ его высокопревосходительствомъ. «Поспѣшай, мой другъ, — вѣщаетъ ему унизанный орденами,—поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской... господину Карзинкину, почтенному лавочнику, въ С.-Петербургѣ; ступай, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли: я тебѣ скажу спасибо не одно». Курьеръ съ невѣроятной быстротой, съѣздивъ за тысячу верстъ, привозитъ устрицы, и намѣстникъ чрезвычайно доволенъ. «Право, — говоритъ онъ, — человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ по два раза ѣздитъ въ Петербургъ, а въ Москву сколько разъ—упомнить не могу. Секретарь, пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ». Въ расходной книгѣ у казначея записано: «По предложенію его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному въ С.-Петербургъ съ наинужнѣйшимъ донесеніемъ, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстраординарной суммы. Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ».

Подобное отношеніе къ службѣ и къ закону возможно лишь при самовластіи вельможъ, и Радищевъ разражается гнѣвной филиппикой противъ этого самовластія. «Блаженны, — восклицаетъ онъ,—въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа имъ повинуется. Даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ и, дабы имъ въ путешествіи, зѣвая, не наскучилось, скачутъ они, не жалѣя ни ногъ, ни легкаго, и нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторю я, имѣющіе внѣшность, къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плети, имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной грамматикѣ

называется; что ему ни А, ни О во всю жизнь свою сказать не удалось; что онъ одолжечъ, и сказать стыдно кому, своимъ возвышеніемъ; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, татьство, грабежъ, убійство не больше ему стоятъ, какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечины, что онъ другъ всякаго придворнаго истопника и рабъ едва-едва при дворѣ нѣчто значущаго; но властелинъ и презирающъ невѣдающихъ его низкости и ползущества Знатность безъ истиннаго достоинства подобная колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ».

Но откуда же является эта чрезмѣрная сила вельможъ? Какъ создался этотъ классъ людей, почти ничего не дѣлающихъ, попирающихъ всякіе законы, живущихъ на счетъ народа? Источникъ ихъ силы—дворъ, и Радищевъ даетъ краткій очеркъ возникновенія этого учрежденія, характеризуетъ переходъ отъ феодальныхъ отношеній къ придворнымъ. Когда были урѣзаны права прежняго дворянства, «на мѣстѣ мужества водворилась надменность и самолюбіе, на мѣстѣ благородства души и щедроты посѣялись раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинные скряги на великое». Усилилась до крайнихъ предѣловъ царская власть, и создалось придворное сословіе. Произошло это такимъ образомъ: «жительствуя среди столь тѣсныхъ душъ и подвизаемые на милости ласкательствомъ наслѣдственныхъ заслугъ и достоинствъ, многіе государи возомнили, что они суть боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворятъ и пресвѣтло. Такс и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій, преломляясь, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой блужденія мысли воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои, истинные ѳеатральные божки, повинуются свистку или трещоткѣ».

«Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ и съ улыбкой сожалѣнія отвратимъ взоры наши отъ кичащихся служеніемъ своимъ; но возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкій мой, конюшій, и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, крайчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тотъ, кто меня брѣетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моей, тотъ, что пыль и грязь отираетъ съ обуви моей, о многихъ другихъ не упоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству силами своими душевными и тѣлесными, не щадя ради отечества ни здравія своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства».

Такимъ образомъ люди, полезные отечеству, отличившіеся истинными заслугами передъ народомъ, ставятся ниже придворныхъ тунеядцевъ, которыхъ безчисленное множество, вслѣдствіе предразсудка, по которому внѣшній блескъ представляется безусловно необходимымъ для прочности власти. Однако просвѣщеніе должно искоренить этотъ предразсудокъ, такъ какъ на просвѣщенный народъ внѣшность оказываетъ мало вліянія. «Нума могъ,—поясняетъ Радищевъ,—грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что нимфа Эгерія наставляла его въ его законоположеніяхъ. Слабые перуанцы охотно вѣрили Манко Копаку, что онъ сынъ солнца, и что законъ его съ небеси истекаетъ. Магометъ могъ прельстить скитающихся аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрижали заповѣдей на горѣ, среди блеска молній. Но нынѣ, буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно,—внѣшность убѣжденій. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить свыше, тотъ утвердитъ болѣе наружность полезности, и тою всѣ тронутся. Мы же, устремляя всѣ силы наши на пользу всѣхъ и каждаго, почто намъ блескъ внѣшности? Но если пышная внѣшность намъ безполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственной должностью во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико изыскательны они будутъ во всемъ томъ, что намъ нравиться можетъ. Желаніе наше будетъ предупреждено; но не токмо желанію не допустятъ возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже удовлетвореніе. Воззрите съ ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угожденій. Наитвердѣйшая душа во правителяхъ своихъ позыбнется, приклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнію, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обида чуж-

дыя едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловаться о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны и самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей и, являяся намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ ѳеатральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни и жало зла не въ насъ дрожитъ вонзенное. Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго царей дѣйствія».

Уже изъ приведенныхъ словъ ясно, что Радищевъ возстаетъ противъ самодержавной царской власти, что онъ противникъ неограниченной монархіи, но въ этихъ словахъ еще не обнаруживается его симпатія къ народовластію: она проявляется въ подробномъ изложеніи оды «Вольность», которое мы находимъ въ главѣ «Тверь». Прославляя свободу, Радищевъ говоритъ:

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О! вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце своимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ
Во свѣтъ рабства тьму претвори,
Да Брутъ и Телль еще проснутся,
Сѣдяй во власти, да смятутся
Отъ гласа твоего цари.

Въ дальнѣйшихъ строфахъ оды развиваются извѣстныя идеи XVIII вѣка о свободѣ человѣка по природѣ, о договорномъ возникновеніи власти, о значеніи правды и законности, а въ противоположность этимъ идеямъ характеризуется деспотизмъ, поддерживаемый религіозными и политическими предразсудками:

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ,
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ.
Его отчизна тамъ, гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.
. . . . . .

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, царь,
На громномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
«По волѣ рекъ, щажу злодѣя,
Я властію могу дарить;
Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
Нахмурюсь грозно,—все смятется.
Живешь тогда, велю коль жить».

Но пригнетеніе народа должно окончиться, идеалъ свободы увлекаетъ всѣхъ утѣсненныхъ, и страшная участь готовится деспоту:

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ!
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ
Надъ гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.
И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ,
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ!

Далѣе въ одѣ восхваляется Кромвель, который научилъ людей, «какъ могутъ мстить за себя народы». Въ послѣднихъ строфахъ содержатся прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое «раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ пространнѣе. Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову и сберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность».

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ и, направляемое надеждою свободы и неистребимымъ природы правомъ, двинется. И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тогда тяжелая власть

Развѣется въ одно мгновенье.
О! день избраннѣйшій всѣхъ дней!
Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсіяла».

IV.

Приведенный выше приговоръ по дѣлу Радищева былъ приведенъ въ исполненіе необыкновенной поспѣшностью, такъ что отправляемый въ ссылку писатель не имѣлъ даже возможности проститься съ семьей, а такъ какъ у него не было теплой одежды, то ему дали «гнусную нагольную шубу, взявъ ее тутъ же у сторожа или солдата»; а рядомъ съ этой поспѣшностью петербургское губернское правленіе обнаружило и чрезвычайную суровость, распорядившись заковать Радищева въ кандалы. Но нашелся у Радищева и защитникъ—его бывшій начальникъ, гр. А. Р. Воронцовъ: по его ходатайству, императрица на другой же день послѣ отправленія Радищева послала курьера съ повелѣніемъ снять съ него оковы и доставить ему нужныя для пути вещи. Только въ Нижнемъ Новгородѣ курьеръ догналъ Радищева, и излишнее мучительство было прекращено. Благодаря стараніямъ гр. Воронцова, написавшаго губернаторамъ въ Нижній-Новгородъ, Пермь, Иркутскъ, Радищевъ вездѣ на пути видѣлъ «отъ начальства милость и снисхожденіе», и даже останавливался на долгій срокъ въ Тобольскѣ и Иркутскѣ.

Въ Илимскѣ, куда онъ пріѣхалъ въ январѣ 1792 г., онъ поселился съ сестрой своей жены, Елизаветой Рубановской, впослѣдствіи вышедшей за него замужъ, и съ двумя младшими дѣтьми въ воеводскомъ домѣ, который былъ ему отведенъ по приказу генералъ-губернатора. Здѣсь онъ оставался шесть лѣтъ, «отрѣзанный,—какъ говоритъ В. А. Мякотинъ,—отъ личныхъ сношеній со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, внѣ всякаго интеллигентнаго общества, состоя подъ надзоромъ грубыхъ и невѣжественныхъ исправниковъ, которые, не имѣя никакого понятія объ его преступленіи, видѣли въ немъ проворовавшагося чиновника, и отъ корыстолюбія которыхъ его спасало лишь личное знакомство съ губернаторомъ». Однако на положеніе свое Радищевъ жаловался очень мало, и въ этомъ отношеніи весьма характернымъ представляется слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ гр. Ворон-

цову отъ 10 апрѣля 1792 г.: «Мы, благодаря Бога, живемъ здѣсь въ спокойствіи и тишинѣ, и недостатка по милости вашего сіятельства ни въ чемъ не чувствуемъ. Но сестра моя больна съ самаго пріѣзда въ Илимскъ, что я дѣйствительнымъ почитаю несчастіемъ, ибо ко многимъ другимъ мрачнымъ мыслямъ присоединяется и та, которую я себѣ безъ ужаса не могу представить. Можетъ быть, сіе и малодушіе, но я въ томъ признаюся; мнѣ кажется, что и дѣти мои не столь здоровы, какъ прежде сего. Правда совершенная, что мѣста еще способнаго нѣтъ для гулянья, и я самъ живу въ нетерпѣливомъ ожиданіи весны и теплыхъ дней. Сколько много я живалъ прежде сего въ движеніи, столь его нынѣ мало; но опричь ревматической боли, которую я и нынѣ еще чувствую въ пальцахъ и составахъ обѣихъ рукъ (если то не хиragra), то я всей моей семьи здоровѣе. Безпрестанное движеніе, въ которомъ я столь долгое время находился, и кушанье простое, но здоровое, тому, конечно, причина».

Душевная бодрость, выражающаяся даже въ этихъ жалобныхъ строкахъ и не уступавшая «мрачнымъ мыслямъ», внушалась, конечно, и тѣмъ сочувствіемъ, которое Радищевъ встрѣчалъ со стороны гр. Воронцова, но еще въ большей степени она объяснялась отмѣченнымъ нами выше «сроднымъ человѣку безпокойствомъ», такъ сильно отличавшимъ Радищева. Его дѣятельной натурѣ невозможно было поддаваться унынію, и умъ его не переставалъ работать. Написавъ даже во время заключенія въ Петропавловской крѣпости полное высокой человѣчности повѣствованіе о «Филаретѣ милостивомъ», Радищевъ уже на пути въ Сибирь находитъ въ себѣ достаточно силы для чисто научнаго наблюденія жизни, и его замѣтки объ этомъ путешествіи показываютъ живой интересъ къ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ онъ проѣзжалъ. Еще ярче этотъ интересъ проявляется въ письмахъ Радищева къ гр. Воронцову. Такъ, уже изъ Нижняго-Новгорода онъ сообщаетъ, что его «разумъ можетъ иногда заниматься упражненіемъ». «Когда я стою на ночлегѣ,—говоритъ онъ,—то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе. Не повѣрите, можетъ быть, что я, съ восхищеніемъ, переѣхавъ Оку, вскарабкался на крутую гору и увидѣлъ въ разсѣлинахъ оной слѣды морскихъ раковинъ!» Въ письмѣ отъ 15 марта 1791 г. находимъ слѣдующее любопытное разсужденіе: «Время моего здѣсь пребыванія

я, по возможности, стараюся употребить себѣ въ пользу пріобрѣтеніемъ безпристрастныхъ о здѣшней сторонѣ свѣдѣній. Если я столь счастливъ могу назваться, что въ глазахъ В. С. я почитаюся зрителемъ безъ очковъ, то я нынѣ тщуся все видѣть обнаруженно, ни въ микроскопъ, ни въ зрительную трубу. Но, признаюсь, трудно уловлять истину, когда къ достиженію оной ведутъ одни только разногласныя повѣствованія, изрекаемыя обыкновенно пристрастіемъ, огорченіемъ и всѣми другими страстьми, сердце человѣческое терзающими. Издавна не нравилось мнѣ изреченіе, когда кто говорилъ: *Такъ водится въ Сибири; то или другое имѣютъ въ Сибири*—и всѣ общія изреченія о осьмитысячномъ пространствѣ верстъ; теперь нахожу сіе вовсе нелѣпымъ. Ибо какъ можно одинаково говорить о землѣ, которой физическое положеніе представляетъ толико разнообразностей, которой и нынѣшнее положеніе толико же по мѣстамъ между собою различествуетъ, колико различны были перемѣны, нынѣшнее состояніе ея основанія; гдѣ и политическое положеніе, и нравственность жителей слѣдуютъ неминуемо положенію естественности; гдѣ подлѣ дикости живетъ просвѣщеніе, подлѣ звѣрства мягкосердіе; гдѣ черты, пороки отъ ошибокъ и злость отъ остроумія отдѣляющія, теряются въ неизмѣримомъ земель пространствѣ и стужѣ за 30 градусовъ? Уральскія горы столь существенно различествуютъ въ своей естественности отъ степи Барабинской, сколько жители оныхъ отъ жителей степныхъ. Крестьянинъ заводской есть совсѣмъ другой человѣкъ, нежели земледѣлецъ Тарской и Ишимской округи, и если Сургутъ, Туруханскъ изобилуютъ соболями, то почто дивиться, что въ Ялуторовскѣ ихъ нѣтъ? А обыкновенно говорятъ: соболи родятся въ Сибири. Если Березовскій житель кормится отъ табуна оленей, а Томскій уѣздный крестьянинъ можетъ только успѣвать въ земледѣліи, то хотя они оба Сибиряки, однако же во многихъ вещахъ они между собою толико же различествуютъ, какъ англичанинъ отъ француза, proportion gardée. Передъ глазами моими на стѣнѣ прибита генеральная карта Россіи, въ коей Сибирь занимаетъ почти $^3/_4$. Хорошо знать политическое раздѣленіе государства; но если бы весьма учебно было въ Великой Россіи сдѣлать новое географическое раздѣленіе, слѣдуя въ томъ чертамъ, природою между народами назначеннымъ, гораздо бы еще учебнѣе и любопытнѣе было, если бы Сибирь раздѣлена была (на картѣ, разумѣется) на округи, естественностью означенныя. Тогда бы изъ двухъ губерній вышла иногда одна, а изъ одной

пять или шесть. Но къ сочиненію таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да безъ очковъ, и вниманія не на одни цвѣтки и травы».

Сибирь поражала Радищева своими естественными богатствами, и онъ пророчилъ ей блестящую будущность, особенно когда откроется морской путь въ Европу черезъ Ледовитый океанъ. Призывая другихъ къ изслѣдованію Сибири, онъ самъ старательно изучалъ ее, насколько это позволяли ему условія ссылки. Онъ читалъ работы Штеллера, Гмелина, Гильденштедта, знакомился съ прошлымъ этой богатой страны, останавливался на нѣкоторыхъ вопросахъ ея современной хозяйственной жизни. Результатомъ этихъ изученій были многочисленныя цѣнныя замѣчанія въ письмахъ къ гр. Воронцову и два любопытныхъ сочиненія: «Письмо о китайскомъ торгѣ» и «Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири», а также «Записки путешествія въ Сибири» и «Дневникъ путешествія изъ Сибири».

Но рядомъ съ этимъ идутъ и другія занятія: Радищевъ входитъ въ интересы жителей городка, въ который забросила его ссылка, и для этихъ людей изучаетъ медицину. Однако прежніе интересы, политическіе и философскіе также не заглушаются, и, выписавъ въ Сибирь часть своей библіотеки, Радищевъ постоянно обращается къ гр. Воронцову съ просьбами о присылкѣ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ книгъ и журналовъ, внимательно слѣдя за современнымъ литературнымъ и научнымъ развитіемъ, наблюдая общественное движеніе, особенно интересуясь французской революціей. Сохраняя прежніе интересы, Радищевъ не измѣняетъ и прежнимъ взглядамъ и вполнѣ откровенно говоритъ гр. Воронцову, что отреченіе отъ этихъ взглядовъ передъ знаменитымъ Шешковскимъ не могло быть искреннимъ и прочнымъ. «Хотя,—пишетъ онъ,—мнѣнія мои относительно многихъ вещей, по несчастію моему, стали болѣе извѣстными, нежели тщеславіе быть сочинителемъ иногда требуетъ, но я признаюсь въ превратности моихъ мыслей охотно, если меня убѣдятъ доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковыя я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не имѣлъ, какъ что сказалъ. Помню, что Галиллей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнувъ вопреки здороваго разсудка: солнце коловращается».

Лучшимъ выраженіемъ сохранности этихъ прежнихъ взглядовъ Радищева можетъ считаться начатый въ первый же годъ

ссылки, обширный философскій трактатъ: «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи». Нѣсколько лѣтъ онъ писалъ это сочиненіе, но окончательно его обработать онъ не успѣлъ, такъ что издано оно было уже послѣ его смерти. Въ этомъ сочиненіи проявляется основательное знакомство Радищева съ современной ему философіей, въ разнообразныхъ теченіяхъ которой онъ пытается найти нѣчто ихъ примиряющее. Онъ остается по прежнему поклонникомъ французскихъ энциклопедистовъ, онъ сильно склоняется къ матеріализму барона Гольбаха и Гельвеція, и Пушкинъ былъ отчасти правъ, сказавъ: «Радищевъ, хотя и выражается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма». Въ этомъ приговорѣ много истины, но въ то же время слѣдуетъ указать, что трактатъ Радищева представляетъ собою любопытнѣйшую попытку примиренія матеріалистическихъ теорій съ ученіемъ нѣмецкихъ идеалистовъ школы Лейбница. Стараясь держаться на почвѣ опыта и наблюденія, Радищевъ не можетъ отвергать бытія души, и для него безсмертіе является необходимымъ постулатомъ. Онъ не знаетъ, есть ли оно, но настаиваетъ на его нравственной необходимости, говоря: «Ты будущее свое опредѣляешь настоящимъ, и вѣрь, скажу паки, вѣрь, вѣчность не есть мечта».

Но наступилъ конецъ ссылкѣ Радищева; преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ рескриптомъ 23 ноября 1796 г. на имя гр. Салтыкова разрѣшилъ Радищеву вернуться на родину и жить въ деревнѣ, подъ надзоромъ губернатора. 20 февраля 1797 г. Радищевъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Распродавъ или раздавъ все въ Илимскѣ, на что употребилъ я 10 дней, мы выѣхали, при стеченіи всѣхъ почти Илимскихъ жителей, въ 3 часа пополудни. О! колико возрадовалось сердце наше! и если бы не предстояла горесть о потеряніи Анютушки, которую заранѣе предузнаютъ, выѣздъ нашъ былъ бы торжественный». Въ іюлѣ онъ прибылъ въ свое имѣніе, село Нѣмцово, Калужской губерніи. Хотя ему было всего 50 лѣтъ, но его силы были уже подорваны, и онъ писалъ: «взглянувъ на меня, всякъ можетъ сказать, колико старость предварила мои лѣта». Именно, въ виду этой слабости ему было въ 1798 г. разрѣшено съѣздить въ Саратовскую губернію для свиданія съ родителями, но эта отлучка была кратковременна, и почти все царствованіе Павла Радищевъ оставался въ Нѣмцовѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ.

Изъ литературныхъ его произведеній того времени заслуживаютъ вниманія статья «Описаніе моего владѣнія» и богатырская повѣсть «Бова». Въ первомъ сочиненіи мы видимъ проявленіе того же отношенія къ крѣпостному праву, что и въ «Путешествіи», ту же ненависть къ рабству, выражающуюся въ слѣдующихъ словахъ: «Сей (т. е. господинъ) можетъ его (т. е. крестьянина) продать оптомъ или подробно; не шуткою сіе сказано; ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца, и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца, продаютъ его остальныя силы. 2. Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ, и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу, но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни дворового не опредѣлено. 3. Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. 4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. 5. Распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ; слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно; итакъ не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо».

Богатырская повѣсть «Бова» интересна, какъ попытка обработки народнаго сказочнаго сюжета, впослѣдствіи обратившая на себя вниманіе Пушкина, хотя стихъ тяжелъ и языкъ нѣсколько архаиченъ. Есть въ «повѣсти» черты сентиментализма и ложноклассицизма. Тѣ же особенности можно отмѣтить и въ «Пѣсни исторической», написанной, можетъ быть, и раньше, и въ «Пѣсни Всегласа», сочиненной подъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ. Поэтическое достоинство всѣхъ этихъ произведеній не особенно высоко.

Совсѣмъ возвращенъ былъ изъ ссылки Радищевъ только при восшествіи на преестолъ Александра I, а въ августѣ 1801 г. былъ принятъ на службу членомъ комиссіи составленія законовъ. Въ этой комиссіи онъ работалъ до смерти; по свидѣтельству его сына, онъ составилъ «проектъ гражданскаго уложенія», въ которомъ намѣтилъ рядъ либеральныхъ реформъ; но этотъ проектъ до насъ не дошелъ, и намъ извѣстны только два его особыхъ

мнѣнія: «о цѣнахъ за людей убіеныхъ» и «объ отводѣ судей». Особенно любопытно первое мнѣніе, въ которомъ Радищевъ, какъ принципіальный врагъ крѣпостного права, рѣшительно возстаетъ противъ оцѣнки жизни убитыхъ крестьянъ деньгами. Старыя идеи не могли быть уничтожены даже и ссылкою, и потому весьма правдоподобенъ разсказъ Пушкина о кончинѣ Радищева. Вотъ этотъ разсказъ: «Императоръ Александръ приказалъ Радищеву изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился». Хотя этому разсказу противорѣчатъ показанія сыновей Радищева, но онъ тѣмъ не менѣе характеренъ для настроенія Радищева, который, по словамъ сыновей, становился передъ смертью все болѣе задумчивымъ, пока не покончилъ самоубійствомъ 12 сентября 1802 г. Онъ не видѣлъ возможности осуществить свои свободолюбивыя мечты, и въ либеральномъ внукѣ Екатерины, ему, быть можетъ, чуялись тѣ же черты, что и въ ней самой, и задумчивость была вполнѣ естественна, жизнь не могла имѣеть цѣнности для неисправимаго мечтателя.

Въ 1809—11 гг. сыновья Радищева издали въ двухъ томахъ собраніе его сочиненій, но «Путешествіе» въ нихъ не было перепечатано. Съ 20-хъ годовъ самое имя автора становится запретнымъ, такъ что о немъ не упоминаютъ ни Гречъ, ни Бестужевъ-Марлинскій въ своихъ обзорахъ русской литературы, а въ 1836 году Пушкину была запрещена статья, приготовленная для «Современника», причемъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровъ написалъ на докладѣ о статьѣ слѣдующее: «Статья сама по себѣ недурна и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія». Только черезъ 21 годъ статья Пушкина впервые появилась въ печати въ собраніи его сочиненій,

изданномъ Анненковымъ. Благодаря этому, заговорили объ авторѣ запрещенной книги, а въ 1858 году въ Лондонѣ появилось новое ея изданіе, но сильно искаженное, которое было потомъ перепечатано въ Лейпцигѣ. Въ 1868 году по Высочайшему указу было отмѣнено запрещеніе, наложенное на книгу при Екатеринѣ II, съ тѣмъ, «чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ узаконеній о печати». Однако, по этимъ узаконеніямъ оказалось возможнымъ издать «Путешествіе» прямо въ обезображенномъ состояніи, и когда въ 1872 году извѣстный библіографъ, П. А. Ефремовъ попробовалъ его издать цѣликомъ, оно было снова сожжено. Затѣмъ въ 1888 году А. С. Суворинъ издалъ гонимое сочиненіе въ 100 экземплярахъ по дорогой цѣнѣ, а въ 1901 г. А. Е. Бурцевъ напечаталъ его въ своемъ библіографическомъ описаніи, которое въ продажу не поступало. Въ 1903 г. книга была издана г. Картавовымъ, но цензурой уничтожена, и только въ ноябрѣ 1905 г., послѣ возвѣщенія свободы слова, она могла появиться на свѣтъ Божій подъ редакціей П. Е. Щеголева и Н. П. Павлова-Сильванскаго, изъ которыхъ послѣдній далъ доступъ къ рукописи Радищева. Тогда же «Путешествіе» вышло въ дешевомъ, хорошемъ изданіи г. Суворина. Послѣ того появились другія изданія «Путешествія», а въ 1907 г. вышли три полныя собранія сочиненій Радищева, одно въ Москвѣ, подъ редакціей В. В. Каллаша, другое—въ Петербургѣ, подъ редакціей г. Тройницкаго, и третье—тоже въ Петербургѣ, подъ редакціей П. Е. Щеголева, И. И. Лапшина и нашей.

Такъ извлеченъ былъ изъ-подъ спуда одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей. Почти сто лѣтъ о немъ нельзя было говорить, но никакая цензура идей не уничтожаетъ. Завѣты Радищева передались всей русской интеллигенціи, послѣ его смерти ему посвятили прочувственныя строки Борнъ и Пнинъ, въ 20-хъ годахъ его идеями вдохновлялись Пушкинъ и декабристы, о немъ помнили Герценъ и лучшіе люди сороковыхъ годовъ, его идеи воскресли въ эпоху реформъ Александра II, а въ совершающемся на нашихъ глазахъ процессѣ освобожденія русской общественности мы видимъ отвѣтъ на призывъ, прозвучавшій въ 1790 году въ книгѣ многострадальнаго идеалиста.

Литературные и общественные взгляды Карамзина.

Въ своей блестящей характеристикѣ русской литературы, въ знаменитыхъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», говоря о Карамзинѣ, Бѣлинскій опредѣляетъ отношеніе къ нему читающей публики и критики слѣдующими словами: «Карамзинъ—вотъ актеръ нашей литературы, который еще при первомъ своемъ дебютѣ, при первомъ своемъ появленіи на сцену, былъ встрѣченъ и громкими рукоплесканіями, и громкимъ свистомъ! Вотъ имя, за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружія, давно ли враждующія партіи вложили мечи въ ножны и теперь силятся объяснить себѣ, изъ чего онѣ воевали? Кто изъ читающихъ строки сіи не былъ свидѣтелемъ этихъ литературныхъ побоищъ, не слышалъ этого оглушающаго рева похвалъ преувеличенныхъ и безсмысленныхъ, этихъ порицаній, частью справедливыхъ, частью нелѣпыхъ? И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы, еще нѣтъ! Съ одной стороны, насъ, какъ *вѣрныхъ сыновъ отчизны*, призываютъ *молиться на могилѣ Карамзина, и шептать его святое имя;* а съ другой — слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливою улыбкою. Любопытное зрѣлище! Борьба двухъ поколѣній, не понимающихъ одно другого!» [1]).

Такъ писалъ Бѣлинскій почти 80 лѣтъ тому назадъ, и несмотря на этотъ большой промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ приведенныхъ словъ нашего критика, вопросъ о значеніи Карамзина сравнительно мало подвинулся къ своему окончательному разрѣшенію. Прочнѣе всего, повидимому, установлена въ послѣднее время научная оцѣнка «Исторіи Государства Россійскаго»: П. Н. Милюковъ въ своей замѣчательной книгѣ «Главныя теченія русской исторической мысли» весьма убѣдительно доказалъ, что

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, т. I, стр. 346.

восхваленіе «Исторіи», какъ научнаго труда, есть весьма неумѣренное преувеличеніе панегиристовъ, что въ научной разработкѣ прошлаго русской земли Карамзинъ не двинулся почти ни на шагъ впередъ сравнительно со своими предшественниками, что его трудъ есть во многихъ частяхъ лишь стилистическая переработка положеній, высказанныхъ раньше, и что даже самая схема построенія русской исторіи, какъ развитія извѣстнаго государственнаго принципа, заимствована Карамзинымъ у кн. Щербатова. Доводы, которыми нашъ почтенный ученый подкрѣпляетъ свое отрицательное отношеніе къ труду Карамзина, очень сильны и пока не были опровергнуты, однако, мы не можемъ не указать, что такой авторитетный ученый, какъ покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ находилъ отзывъ г. Милюкова о Карамзинѣ слишкомъ строгимъ. Вопросъ объ историко-литературномъ значеніи Карамзина тоже далеко не вполнѣ разработанъ: отличное во многихъ отношеніяхъ, обстоятельнѣйшее изслѣдованіе «Писемъ русскаго путешественника», произведенное В. В. Сиповскимъ, не свободно отъ нѣкотораго панегиризма. Прочія литературныя произведенія Карамзина еще ждутъ детальнаго изученія. Недостаточно опредѣлено значеніе Карамзина въ развитіи нашей журналистики, нѣтъ настоящей біографіи нашего историіографа, такъ какъ извѣстная книга М. П. Погодина есть сплошной панегирикъ; сужденія о политическихъ взглядахъ Карамзина рѣзко различаются, смотря по тому, къ какому политическому направленію примыкаютъ критики... Такимъ образомъ, по многимъ еще вопросамъ необходимо произвести провѣрку тѣхъ или другихъ установившихся взглядовъ, чтобы окончательно опредѣлить мѣсто Карамзина въ исторіи нашего литературнаго развитія.

Въ настоящей статьѣ мы не ставимъ себѣ такой широкой задачи, а намѣчаемъ лишь два вопроса, разрѣшеніе которыхъ отчасти можетъ содѣйствовать выясненію значенія Карамзина: 1) вопросъ о развитіи его литературныхъ взглядовъ и 2) вопросъ о его политическихъ воззрѣніяхъ, причемъ главнымъ (почти исключительнымъ) матеріаломъ для насъ служатъ собственныя сочиненія нашего писателя.

I.

Обращаясь къ первому изъ указанныхъ вопросовъ, мы видимъ, что самымъ раннимъ выраженіемъ взгляда Карамзина на значеніе литературы было написанное въ 1787 г. стихотвореніе

«Поэзія», появившееся въ печати только въ 1792 г. Въ этомъ большомъ дидактическомъ произведеніи авторъ прежде всего говоритъ о происхожденіи поэзіи, признаетъ ея источникомъ гимны въ хвалу Богу:

Едва былъ созданъ міръ огромный, велелѣпный,
Явился человѣкъ, прекраснѣйшая тварь,
Предметъ любви Творца, любовію рожденный;
Явился—весь сей міръ привѣтствуетъ его,
Въ восторгѣ и любви, единою улыбкой.
Узрѣвъ соборь красотъ и *чувствуя себя*,
Сей гордый царь почувствовалъ и Бога.
Причину бытія толь живо ощутилъ.
Величіе Творца, Его премудрость, благость,
Что сердце у него въ гимнъ нѣжный излилось,
Стремясь летѣть къ Отцу... Поэзія святая
Се ты въ устахъ его, въ источникѣ своемъ,
Въ высокой простотѣ! Поэзія святая!
Благословляю я рожденіе твое!
Причину бытія толь живо ощутилъ,
Какъ роза, цвѣлъ въ раю, Поэзія тебѣ
Утѣхою была, Ты пѣлъ свое блаженство,
Ты пѣлъ Творца его. Самъ Богъ тебѣ внималъ,
Внималъ, благословлялъ твои святые гимны:
Гармонія была душою гимновъ сихъ—
И часто Ангелы въ небесныхъ мелодіяхъ
На лирахъ золотыхъ, хвалили пѣснь твою.

Послѣ этихъ гимновъ, въ которыхъ выражались райскіе восторги человѣка, настроеніе поэзіи мѣняется, она проникается элегическимъ тономъ, такъ какъ несчастный падшій человѣкъ,

...вдругъ раскаяся въ грѣхѣ,
Молитвы воспѣвалъ—сидя на бережку
Журчащаго ручья и слезы проливая,
Въ унынiи, въ тоскѣ тебя воспоминалъ,
Тебя, Эдемскій садъ!

Каково бы ни было настроеніе, древнѣйшая поэзія отличалась религіознымъ характеромъ, всегда была отрадою «невинныхъ, чистыхъ душъ».

Во всѣхъ, во всѣхъ странахъ поэзія святая
Наставницей людей, ихъ счастіемъ была;
Вездѣ она сердца любовью согрѣвала.
Мудрецъ, Натуру знавъ, позналъ ея Творца,

И слыша гласъ его и въ громахъ и въ зефирахъ,
Въ лѣсахъ и на водахъ, на арфѣ подражалъ
Аккордамъ Божества, и гласъ сего поэта
Всегда былъ Божій гласъ.

Охарактеризовавъ затѣмъ рядъ отдѣльныхъ поэтовъ, Карамзинъ заключаетъ свое стихотвореніе слѣдующими словами, еще ярче опредѣляющими его возвышенный взглядъ на поэзію:

Доколѣ міръ стоитъ, доколѣ человѣки
Жить будутъ на землѣ, дотолѣ дщерь Небесъ,
Поэзія для душъ чистѣйшихъ благомъ будетъ.
Доколѣ я дышу, дотолѣ буду пѣть,
Поэзію хвалить и ею утѣшаться.
Когда жъ умру, засну, и снова пробужусь,
Тогда въ восторгахъ погружаясь
И вѣчно, вѣчно наслаждаясь,
Я буду гимны пѣть Творцу,
Тебѣ, мой Богъ, Господь всесильный,
Тебѣ, любви источникъ дивный,
Узрѣвъ тамъ все лицомъ къ лицу!

Устанавливая, такимъ образомъ, взглядъ на поэзію, какъ на выраженіе чувства вообще, и высшаго религіознаго чувства въ особенности, Карамзинъ высказывалъ нѣчто новое для современной ему русской литературы, въ которой господствовало далеко не высокое представленіе о роли поэзіи, представленіе, давшее возможность Державину уподобить поэзію «вкусному лимонаду». Если по взгляду Карамзина поэзія такъ могущественно дѣйствуетъ на чувство, то ясно, что ея цѣль не есть одно доставленіе людямъ удовольствія, что она имѣетъ задачей нравственное совершенствованіе людей посредствомъ пробужденія въ нихъ добрыхъ чувствъ. Такого рода идеи могли возникнуть у Карамзина подъ впечатлѣніемъ знакомства съ произведеніями поэтовъ, которыхъ онъ называетъ въ упомянутомъ стихотвореніи, при чемъ весьма характерно, что всѣ они—поэты новаго направленія, нѣмцы и особенно англичане, что среди нихъ нѣтъ ни одного изъ представителей французскаго классицизма. Въ этомъ подборѣ поэтовъ нельзя не видѣть вліянія школы, пройденной Карамзинымъ, и того Новиковскаго кружка, къ которому онъ примкнулъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности и который вообще былъ въ то время проводникомъ у насъ разныхъ новыхъ идей.

Этими вліяніями объясняется и тотъ интересъ, который обнаруживалъ Карамзинъ къ произведеніямъ Шекспира, переведя за

годъ передъ написаніемъ указаннаго стихотворенія «Юлія Цезаря» и предпославъ своему переводу любопытную замѣтку, въ которой выступилъ противникомъ такого крупнаго авторитета, какъ Вольтеръ. Цитируя мнѣніе Вольтера о Шекспирѣ, Карамзинъ считаетъ даже «излишнимъ пространно опровергать» его и высказываетъ очень смѣлыя мысли относительно непререкаемыхъ для того времени литературныхъ требованій. «Что Шекспиръ, — говоритъ онъ,—не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ *единствъ*, которыхъ нынѣшніе наши драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему; онъ смотрѣлъ только на Натуру, не заботясь, впрочемъ, ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію Натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце, и атомы. Съ равнымъ искусствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру Натуры, исполнены многоразличія: все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ *театральныхъ* писателей».

Въ этомъ случаѣ мы видимъ у Карамзина довольно опредѣленное пренебреженіе тѣми условными правилами, которыя выставлялись ложноклассической школой, и невольно поэтому является изумленіе, когда мы узнаемъ изъ письма друга Карамзина, Петрова, что въ это время нашему писателю «нравился» Батте, знаменитый теоретикъ классическаго направленія, что молодые друзья считали необходимымъ «учиться правиламъ и употреблять ихъ»; и нѣсколько позже въ «Письмахъ русскаго путешественника» уже самъ Карамзинъ пишетъ изъ Парижа: «Въ церкви св. Андрея сооруженъ памятникъ аббату Батте, наставнику авторовъ, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ (т. е. Петровымъ), вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ». Какъ же объяснить такое странное противорѣчіе: съ одной стороны, увлеченіе Шекспиромъ, Лессингомъ, Клопштокомъ, Виландомъ и вообще писа-

телями новаго литературнаго направленія, а съ другой—преклоненіе передъ истиной правилъ Батте, правилъ вполнѣ произвольныхъ, стѣснявшихъ свободное литературное развитіе, къ которому стремилось новое направленіе? Намъ кажется, объясненіе можетъ быть двоякое: прежде всего не надо забывать, что наши ревностные словесники были еще очень молоды и просто не усвоили себѣ того коренного различія, которое было между требованіями старой и новой литературной школы; а кромѣ того, въ этомъ случаѣ сказалась характерная черта личности самого Карамзина, какая-то мягкость, не позволявшая ему вообще рѣшительно склониться на сторону одного изъ противоположныхъ мнѣній. Съ годами эта мягкость, нерѣшительность сглаживается, даже совсѣмъ исчезаетъ, но въ молодости она видна довольно ярко и заставляетъ Карамзина часто примирять непримиримыя понятія. При такой нерѣшительности совсѣмъ не былъ труденъ переходъ отъ одного воззрѣнія къ другому, прямо противоположному, и если у насъ иногда является склонность заподозрить Карамзина, въ особенности по отношенію къ его общественнымъ взглядамъ, въ нѣкоторомъ оппортунизмѣ, то подобное подозрѣніе далеко не можетъ считаться справедливымъ. Въ сущности въ подобныхъ измѣненіяхъ взглядовъ Карамзина мы имѣемъ дѣло не съ переходами отъ одного мнѣнія къ другому, а съ выборомъ одного изъ двухъ мнѣній, прежде уживавшихся рядомъ, если не примирявшихся.

Отмѣтивъ это противорѣчіе, мы должны, однако, сказать, что симпатіи Карамзина гораздо болѣе склонялись на сторону новаго литературнаго направленія, стоявшаго за искреннее и свободное выраженіе чувства въ поэзіи. Въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы не одинъ разъ встрѣчаемся съ выраженіемъ этихъ симпатій. Такъ, въ письмахъ изъ Берлина, отъ 2 іюля 1789 г., передавъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него представленіемъ драмы Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», Карамзинъ говоритъ: «Я думаю, что у нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ драматическихъ авторовъ, которые съ такою живостью представляютъ въ драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія румяна, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру, и какъ что произнести; но при чте-

ніи французскихъ трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть».

Ставя такъ высоко чувство въ поэзіи, Карамзинъ не могъ не быть ревностнымъ поклонникомъ наиболѣе яркаго защитника чувства, человѣка, оказавшаго сильнѣйшее вліяніе на европейскую литературу, Жанъ-Жака Руссо. Пріѣхавъ въ Лозанну, онъ захотѣлъ «видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романтическихъ любовниковъ». «Вы можете,—говоритъ онъ,—имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу! Хотя въ семъ романѣ много неестественнаго, много увеличеннаго—однимъ словомъ, много романическаго—однако жъ на французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими она въ Элоизѣ описана—въ Элоизѣ, безъ которой не существовалъ бы и нѣмецкій *Вертеръ*». Въ Женевѣ Карамзинъ снова возвращается къ мыслямъ о Руссо. «Недавно былъ я на островѣ св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмого-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ фуріи, гнали его изъ мѣста на мѣсто. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ женевскаго гражданина и философа: подъ вѣтвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ, поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь, думалъ я, здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!... здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ было при немъ; но его нѣтъ—нѣтъ!» Преклоняясь предъ памятью Руссо, Карамзинъ посѣщаетъ Эрменонвилль, мѣсто погребенія женевскаго философа, и подъ вліяніемъ видѣннаго здѣсь и слышаннаго дѣлаетъ такія замѣчанія: «Человѣкъ рѣдкій, авторъ единственный, пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми, и завидно-счастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чув-

ствѣ Его благости и красотъ творенія!... Сколько краснорѣчивъ пепелъ такого автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу?»

Путешествуя по Германіи, Карамзинъ ищетъ знакомства съ вождями новаго литературнаго движенія, съ Гердеромъ, Виландомъ, Гете и др., но замѣчательно, что въ разговорѣ съ профессоромъ Платнеромъ, въ числѣ русскихъ оригинальныхъ произведеній, онъ «наименовалъ прежде всѣхъ двѣ эпическія поэмы, Россіяду и Владимира, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ исторіи россійской поэзіи». Опять противорѣчіе, возможное только для Карамзина!

Во Франціи симпатіи къ новому выражаются опредѣленнѣе; высоко цѣня французскую трагедію, Карамзинъ отдаетъ передъ ней предпочтеніе Шекспиру и говоритъ: «Французская Мельпомена благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ, и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства Натуры*,—простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ греки и римляне à la Française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir, они прославляютъ пьесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностью приключеній, чрезвычайными, но естественными положеніями, и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою. Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу,

то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій».

Отрицаніе искусственности въ литературѣ ярче всего выражено Карамзинымъ въ его письмѣ объ англійскихъ поэтахъ и особенно о Шекспирѣ. «Въ англійскихъ поэтахъ, говоритъ онъ, есть какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожидаемыхъ вещей. Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку... Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты! Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ: кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ—я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: какой смѣшной! какой чудакъ! Всякій авторъ ознаменованъ печатью своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній не *можетъ взять мѣръ своихъ*. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другого поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса».

Мы по возможности подробно представили литературныя мнѣнія, выраженныя Карамзинымъ въ «Письмахъ русскаго путешественника», и изъ обозрѣнія этихъ мнѣній довольно легко придти къ заключенію, что ко времени появленія «Писемъ» у

Карамзина вырабатываются болѣе опредѣленные взгляды на литературу, чѣмъ это было до его заграничнаго путешествія. Если онъ и признаетъ достоинства писателей ложноклассическаго направленія, то ему ясенъ главный ихъ недостатокъ, отсутствіе живого, искренняго выраженія чувства, слѣдствіе чего читатель произведеній французскихъ поэтовъ, удивляясь красотѣ ихъ стиля, остается холоднымъ. Если въ этомъ заключается недостатокъ, то ясно, что главнымъ достоинствомъ всякаго поэтическаго произведенія Карамзинъ долженъ считать выраженіе чувства, настолько искреннее, правдивое, чтобы оно передавалось и читателю. Усвоивъ себѣ подобное воззрѣніе, выработанное новѣйшею европейскою критикою (англичанами Дидро, Лессингомъ и др.), Карамзинъ вноситъ въ нашу литературу весьма существенный элементъ развитія, онъ даетъ новую основу для нашей критики. До него критика ограничивалась чисто внѣшнимъ разсмотрѣніемъ литературныхъ произведеній. Каковъ стиль автора? удовлетворяетъ ли авторъ тѣмъ правиламъ, которыя предписаны теоріей избранному имъ литературному роду? подходитъ ли данное произведеніе по своимъ достоинствамъ къ тѣмъ образцамъ, которые въ силу авторитетной теоріи считаются чѣмъ-то нормирующимъ правильный вкусъ?—вотъ тѣ вопросы, на которые требовалось дать отвѣтъ при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній при господствѣ ложноклассической теоріи. Критика была въ сущности очень легкимъ дѣломъ; на все были готовые шаблоны: подходитъ новая поэма, повѣсть, ода, драма подъ одинъ изъ такихъ шаблоновъ, она одобряется критикой; нарушенъ шаблонъ, критика порицаетъ, не обращая никакого вниманія на тѣ идеи и чувства, которыя руководили авторомъ, на искренность его творчества. При новыхъ литературныхъ взглядахъ задачи критики существенно измѣняются: вопросы стиля, формы отступаютъ на второй планъ, а на мѣсто ихъ выступаетъ вопросъ о содержаніи даннаго произведенія, о чувствахъ, въ немъ выраженныхъ, объ искренности автора, стремящагося воздѣйствовать на читателей.

Въ разныхъ критическихъ статьяхъ своего «Московскаго Журнала» Карамзинъ даетъ образецъ примѣненія новыхъ пріемовъ къ текущимъ явленіямъ литературы. Для примѣра приведемъ начало его разбора Ричардсоновской «Клариссы». «Не одна англійская нація,—говоритъ Карамзинъ,—поднесла вѣнецъ Ричардсону, какъ искусному живописцу моральной натуры человѣка; не въ одной Англіи хвалили его сочиненія на каѳедрахъ и находили въ

нихъ наилучшую философію жизни, предложенную наипріятнѣйшимъ образомъ. Руссо, Дидротъ, Галлеръ, Геллертъ, съ жаромъ превозносили достоинство англійскаго творца и наиболѣе удивлялись ему въ Клариссѣ. Написать *интересный романъ въ восемь томовъ*, не прибѣгая ни къ чудесамъ, которыми эпическіе поэты стараются возбуждать любопытство въ читателяхъ, ни къ сладострастнымъ картинамъ, которыми многіе изъ новѣйшихъ романистовъ прельщаютъ наше воображеніе, и не описывая ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ сценъ жизни—для сего потребно, конечно, отмѣнное искусство въ описаніи подробностей и характеровъ. Самое то, что можетъ иному показаться излишнею пространностію въ семъ романѣ, вмѣщаетъ въ себѣ мастерскія черты, для знатока драгоцѣнныя и служащія къ совершенству цѣлаго. Что принадлежитъ собственно до характеровъ, то Кларисса, добронравная, нѣжная, благодѣтельная и несчастная Кларисса, которую мы столько любимъ и столь сердечно оплакиваемъ, и Ловеласъ, въ которомъ видимъ такое чудное, однако жъ естественное смѣшеніе добрыхъ и злыхъ качествъ—Ловеласъ, иногда благородный и любезный, иногда чудовище—сіи два характера, говорю я, будутъ удивленіемъ всѣхъ читателей и всѣхъ временъ»... Эта похвала одному изъ родоначальниковъ сентиментализма весьма характерна, изъ нея видно, чего ищетъ критикъ въ произведеніяхъ литературы: ему нужна «философія жизни», онъ цѣнитъ «описаніе характеровъ», изображеніе «*самыхъ обыкновенныхъ сценъ жизни*». Отсюда уже не особенно труденъ былъ переходъ къ реализму, на путь котораго русская литература вступаетъ въ позднѣйшій періодъ своего развитія. Отъ условныхъ формъ классицизма надо было обратиться къ правдивому изображенію чувства.

Вскорѣ послѣ изданія «Писемъ русскаго путешественника», въ 1793 г. Карамзинъ печатаетъ очень важную статью «Что нужно автору?» Эта статья, при крайне небольшомъ своемъ объемѣ заключаетъ въ себѣ изложеніе основныхъ принциповъ новой литературной школы. «Говорятъ,—начинаетъ Карамзинъ,—что автору нужны таланты и знанія: острый проницательный разумъ, живое воображеніе и пр. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ, если хочетъ писать для вѣчности и собрать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ своей воли. Тщетно думаетъ лицемѣръ

обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя. Ты берешься за перо, и хочешь быть авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я?* ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего... Ты хочешь быть авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго—и если сердце твое не обольется кровію, оставь перо,—или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей. Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; если душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру,* можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага:* тогда смѣло призывай богинъ Парнасскихъ—онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ твою смиренную хижину—ты не будешь безполезнымъ писателемъ—и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу. Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія—все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; если не оно разгорячаетъ воображеніе писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою... Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ».

Итакъ, главная задача автора есть воздѣйствіе на чувство читателей; авторъ долженъ стремиться вызвать въ читателяхъ добрыя чувства, но это возможно для него только въ томъ случаѣ, если онъ самъ эти чувства испытываетъ; а послѣднее доступно только хорошему, доброму человѣку: лишь онъ можетъ проникнуться состраданіемъ къ угнетенному, любовью братской къ другому человѣку, желаніемъ всеобщаго блага. Только добрый человѣкъ бываетъ искрененъ, когда говоритъ о добрыхъ чувствахъ, и слѣдовательно, для поэзіи первое условіе есть искренность. Таковъ смыслъ этихъ словъ Карамзина, таково его литературное profession de foi въ тотъ періодъ его дѣятельности, когда онъ выступилъ проводникомъ новаго западнаго направленія, проповѣдывавшаго искренность чувства въ поэзіи. Это profession de foi имѣло для русской литературы не меньшее, пожалуй, даже большее значеніе, чѣмъ тѣ произведенія Карамзина, которыя были образцомъ новой литературной манеры, чѣмъ его «Письма» и повѣсти. Эти произведенія скоро стали достояніемъ исторіи, были

вытѣснены болѣе свѣжими, болѣе поэтическими созданіями писателей, послѣдовавшихъ за Карамзинымъ. Русская литература въ скоромъ времени достигла такого роста, что уже въ 30-хъ годахъ XIX вѣка Бѣлинскій, при всемъ уваженіи къ литературнымъ заслугамъ Карамзина, могъ сказать о его беллетристикѣ слѣдующія слова: «Карамзинъ писалъ для дѣтей и писалъ по-дѣтски; удивительно ли, что эти дѣти, сдѣлавшись взрослыми, забыли его и, въ свою очередь, передали его сочиненія своимъ дѣтямъ? Это въ порядкѣ вещей: дитя съ довѣрчивостью и съ горячею вѣрою слушало разсказы своей старой няни, водившей его на помочахъ, о мертвецахъ и привидѣніяхъ, а выросши смѣется надъ ея разсказами. Вамъ порученъ ребенокъ: смотрите же, что этотъ ребенокъ будетъ отрокомъ, потомъ юношей, а тамъ и мужемъ, и потому слѣдите за развитіемъ его дарованій, и, сообразно съ ними, перемѣняйте методу вашего ученія, будьте всегда выше его; иначе вамъ худо будетъ: этотъ ребенокъ станетъ въ глаза смѣяться надъ вами. Уча его, еще больше учитесь сами, а не то онъ перегонитъ васъ: дѣти растутъ быстро. Теперь скажите по совѣсти, sine ira et studio, какъ говорятъ наши записные ученые: кто виноватъ, что, какъ прежде плакали надъ Бѣдною Лизою, такъ нынѣ смѣются надъ нею? Воля ваша, гг. поклонники Карамзина, а я скорѣе соглашусь читать повѣсти барона Брамбеуса, чѣмъ Бѣдную Лизу или Наталью, Боярскую дочь! Другія времена, другіе нравы! Повѣсти Карамзина пріучили публику къ чтенію, многіе выучились по нимъ читать: будемъ же благодарны ихъ автору, но оставимъ ихъ въ покоѣ, даже вырвемъ ихъ изъ рукъ нашихъ дѣтей, ибо онѣ надѣлаютъ имъ много вреда: растлятъ ихъ чувство приторною чувствительностью».

Можетъ быть, нѣкоторые поклонники Карамзина найдутъ приведенный отзывъ Бѣлинскаго слишкомъ рѣзкимъ, непочтительнымъ по отношенію къ памяти нашего исторіографа, во всякомъ случаѣ, трудно отвергать его справедливость, такъ какъ, отрицая абсолютную, такъ сказать, цѣнность беллетристики Карамзина, Бѣлинскій не унижаетъ ея историческаго значенія. Она сдѣлала свое дѣло: пріохотила русское общество къ чтенію, была первой ступенью въ развитіи новаго литературнаго направленія, отъ нея легче могла совершиться эволюція къ русскому романтизму и къ идеальному реализму Пушкина и Гоголя. Однако, въ этой эволюціи болѣе существеннымъ факторомъ, чѣмъ беллетристика Карамзина, была его критика. Обратившись отъ формъ къ содержа-

нію, выставивъ общій принципъ служенія добру, передачи чувства. Карамзинъ далъ русской критикѣ такое основное положеніе, которое сохранилось почти безъ измѣненій въ теченіе всего XIX вѣка. Въ сущности и русская романтическая школа въ своихъ критическихъ пріемахъ держалась того же направленія, и Бѣлинскій прежде всего цѣнилъ въ литературѣ искренность и служеніе всеобщему благу, и критика шестидесятыхъ годовъ въ главныхъ представителяхъ исходитъ изъ нравственно-общественныхъ требованій, а гр. Л. Н. Толстой въ статьѣ «Что такое искусство?», выставивъ принципъ зараженія чувствомъ, только развилъ обстоятельно тѣ мысли, которыя были набросаны Карамзинымъ въ указанныхъ выше его произведеніяхъ.

Мы представили наиболѣе существенныя черты взглядовъ Карамзина на литературу, но для полноты обзора намъ слѣдуетъ остановиться на двухъ его статьяхъ изъ «Вѣстника Европы»: «Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?» и «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи», а также на его рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Имп. Россійской академіи, 5 декабря 1818 года.

Въ первой изъ указанныхъ статей Карамзинъ говоритъ, что отвѣта на вопросъ, отчего у насъ мало хорошихъ писателей, надо искать «въ обстоятельствахъ гражданской жизни россіянъ». Писательство есть великій трудъ. «Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно раскрыться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе, то-есть какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей—но и многія историческія свѣдѣнія, умъ, образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ, русскимъ, еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Монтаня, Паскаля, 5 или 6 авторовъ вѣка Людовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красотъ отъ художника. Истинныхъ писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцовъ во многихъ

родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, уже обыкновенныя мысли. Русскій *кандидатъ авторства,* недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-французски! Милыя женщины, которыхъ надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, счастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ нерусскими фразами. Что жъ остается дѣлать автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія женщины не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?»

Таково первое затрудненіе, представляющееся русскому писателю по самому роду избранной имъ дѣятельности; чтобы побѣдить это затрудненіе, требуется огромная настойчивость, вотъ тутъ-то и выступаютъ тѣ «обстоятельства гражданской жизни», о которыхъ упомянулъ Карамзинъ. «Кому,—спрашиваетъ онъ,—у насъ сражаться съ великою трудностью быть хорошимъ авторомъ, если и самое счастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жестокую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что-нибудь лучшее? Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время идти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чтеніе; имя хорошаго автора не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ и праздникамъ; а жизнь авторская любитъ частое уединеніе.—Молодые люди средняго состоянія, которые учатся, также *спѣшатъ* выдти изъ школы или университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ немногіе, которые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ—безъ чего трудно писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни

былъ». Изъ этихъ словъ ясно, что главнымъ препятствіемъ для развитія литературы Карамзинъ считаетъ отсутствіе просвѣщенія, а въ особенности отсутствіе сознанія того, что просвѣщеніе необходимо. Между тѣмъ для Карамзина, какъ для бывшаго члена Новиковскаго кружка, совершенно ясна польза просвѣщенія и литературы не только для частныхъ лицъ, но и для цѣлыхъ государствъ, и Карамзинъ, съ полнымъ сочувствіемъ, изображаетъ тѣ идеи, которыми проникнутъ человѣкъ, посвящающій себя въ тиши кабинета занятіямъ наукой и литературой! «Онъ думаетъ,—говоритъ Карамзинъ,—что трудъ его не безполезенъ для отечества; что авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить;* что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты, что греки, римляне, французы, англичане, нѣмцы не славились бы умомъ своимъ, если бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ худыхъ писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ латинской элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патріотическіе и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству».

Въ статьѣ «О книжной торговлѣ», указавъ, что наибольшимъ успѣхомъ у современной ему публики пользуются романы, Карамзинъ старается объяснить, насколько полезенъ этотъ родъ литературы. «И романы, самые посредственные,—говоритъ онъ,—даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Никаномъ, злочастнымъ дворяниномъ*, тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему-нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жанъ Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностью, такъ вкусъ нравственный открываетъ человѣку вѣрную аналогію предмета съ его душою; но сія душа можетъ возвыситься постепенно—и кто начинаетъ *Злосчастнымъ дворяниномъ*, нерѣдко доходитъ до Грандисона. Всякое пріятное чтеніе имѣетъ вліяніе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуетъ, ни во-

ображеніе не представляетъ. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая логика и реторика: кто ихъ читаетъ, будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: то описываетъ какой-нибудь американскій островъ, истощая Бишинга; то изъясняетъ свойство тамошнихъ растеній, справляясь съ Бомаромъ; такимъ образомъ, читатель узнаетъ и географію, и натуральную исторію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ романѣ новая планета Піацци будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ!»

Весьма распространено было мнѣніе, что романы могутъ быть вредны въ нравственномъ смыслѣ, развивая въ читателяхъ чрезмѣрное фантазерство, крайнюю чувствительность, отвлекая ихъ отъ реальной обстановки. Карамзинъ рѣшительно отвергаетъ это мнѣніе. «Напрасно,—говоритъ онъ,—думаютъ, что романы могутъ быть вредны для сердца: всѣ они представляютъ обыкновенно славу добродѣтели или нравоучительное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми авторъ закрасилъ ихъ черноту; слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся? Обыкновенно, чувствительные: слезы, проливаемыя читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ. Жестокая душа ихъ не принимаетъ кроткихъ впечатлѣній любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности. Гнусный корыстолюбецъ, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ романическомъ героѣ? а что ему нужды до другихъ? Неспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце, и воображеніе... *романическими:* какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣнія, не романическія сердца причиною того зла въ свѣтѣ, на которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то-есть, совсѣмъ имъ противоположныя! Романическое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои огорченія и не отдаетъ ихъ за самыя удовольствія эгоистовъ».

Обращаясь, наконецъ, къ послѣднему изъ указанныхъ выше произведеній Карамзина, къ его академической рѣчи 1818 г., мы видимъ въ ней рядъ весьма интересныхъ мыслей о литературныхъ вопросахъ. Остановимся прежде всего на характеристикѣ творческаго процесса, характеристикѣ, напоминающей то, что Карамзинъ высказывалъ уже въ началѣ своей дѣятельности. Какой главный импульсъ для творчества? Слава, которая плѣняетъ писателей. Однако, слава часто измѣняетъ, и Карамзинъ, зная это, указываетъ, что «есть другая, вѣрнѣйшая, существеннѣйшая награда для писателя, отъ рока и людей независимая: *внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта,* изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе, коему мы обязаны столь многими безсмертными твореніями, и которое Бюффонъ называлъ *превосходнѣйшимъ даромъ:* ибо не одни сочинители фоліантовъ, не одни антикваріи имѣютъ нужду въ терпѣніи; оно, можетъ быть, еще нужнѣе для великаго поэта, для великаго оратора или великаго живописца природы. «Удаленный отъ свѣта» (сказалъ мнѣ въ юности моей старецъ Виландъ) «не имѣя ни читателей, ни слушателей, въ дикой пустынѣ, среди необитаемаго острова, я въ восторгѣ бесѣдовалъ бы съ уединенною музою, неутомимо исправляя стихи мои, хотя бы и неизвѣстные міру». Вотъ тайна писателей, часто, но не всегда, ласкаемыхъ славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь ему, оживляютъ душу и питаютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей *сроднымъ* удовольствіемъ, что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ всякое иное земное счастье. Когда въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго двора Людовикова, указывая на гробъ великаго Конде, безсмертный Босюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями Неба: тогда, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полнотою чувствъ своихъ и дѣйствія ихъ на слушателей; но, можетъ быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда, углубясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и мысли! Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ; въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, неизъяснимыя пріятности: награду, которая выше похвалъ и славы! Внутреннее удовольствіе любимца музъ дѣйствуетъ всегда и на душу читателей: они вмѣстѣ съ нимъ восхи-

щаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, переселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыя одни имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе. Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ разврата скоро увядаютъ: неувядаемость принадлежитъ единственно благу. Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе, оскорбительное не только для чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего единство съ добромъ тайно для разума, но извѣстно сердцу. Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованіе: пламень его есть пламень добродѣтели».

Далѣе въ этой академической рѣчи мы находимъ, напоминающее прежнія мысли Карамзина, разсужденіе о государственной пользѣ словесности. «Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій для человѣка, словесность возвышаетъ и нравственное достоинство государства. Великія тѣни Паскалей, Боссюэтовъ, Фенелоновъ, Расиновъ спасали знаменитость ихъ отечества и въ самыя ужасныя времена его мятежей народныхъ. Если бы греки, если бы самые римляне только побѣждали: мы не произносили бы ихъ имени съ такимъ уваженіемъ, съ такою любовію; но мы плѣнялись Иліадою и Энеидою, вмѣстѣ съ аѳинянами слушали Демосѳена, съ римлянами—Цицерона. Побѣждали и Моголы; Тамерланы затмили бы Ѳемистокловъ и Цесарей; но Моголы только убивали, а греки и римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ твореній. Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земномъ шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ колоссомъ силы и его звучнымъ паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой державѣ, которая въ чреду свою падетъ неминуемо? Нѣтъ! и жизнь наша, и жизнь имперіи должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человѣческой; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль, среди гробовъ и тлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ».

Кромѣ этихъ идей, которыя мы отмѣчали въ прежнихъ сочиненіяхъ Карамзина, любопытны въ этой его рѣчи замѣчанія о народности въ литературѣ и о значеніи критики. Относительно перваго изъ этихъ предметовъ Карамзинъ говоритъ слѣдующее: «Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ

что, хотя и не можно иногда отличить россіянина отъ британца, но всегда отличимъ россіянъ отъ британцевъ: во *множествѣ* открывается *народное*. Сію истину отнесемъ и къ словесности: будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ французовъ, имѣемъ и свой собственный; хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцовъ искусства: если бы сіи писатели не знали творцовъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? *подражали* бы своимъ; но и тогда списки ихъ остались бы *бездушными*. А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ, *самъ собою*—оставитъ путеводителей, и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ».

Приведемъ, наконецъ, мнѣніе Карамзина о критикѣ, руководительство которою, по его взгляду, должна на себя взять Академія. «Никто не предпишетъ законовъ публикѣ: она властна судить и книги, и сочинителей; но ея мнѣніе всегда ли ясно, всегда ли опредѣлительно? Сіе мнѣніе ищетъ опоры: если Академія посвятитъ часть досуговъ своихъ *критическому обозрѣнію россійской словесности*, то удовлетворитъ, безъ сомнѣнія, и желанію общему, и желанію писателей, слѣдуя правилу, внушаемому намъ и любовію къ добру, и самою любовію къ изящному: *болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно*. Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растеній, то излишно строгая критика для юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ; а мы должны оживлять и питать—привѣтствовать славолюбіе, не устрашать его: ибо оно ведетъ ко славѣ, а слава автора принадлежитъ отечеству. Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ; но вамъ извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ

предмета для хвалы, тамъ скажемъ все—молчаніемъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны. Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, не забудемъ, что приговоры наши основываются единственно на вкусѣ, неизъяснимомъ для ума; что они не могутъ быть всегда рѣшительны; что вкусъ измѣняется и въ людяхъ, и въ народахъ; что удовольствіе читателей рождается отъ ихъ тайной симпатіи съ авторомъ и не подлежитъ закону разсудка; что мы никогда не согласимся съ англичанами или нѣмцами во мнѣніи о Шекспирѣ или Шиллерѣ; что примѣръ изящнаго сильнѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи литературы; что мы не столько хотимъ учить писателей, сколько ободрять ихъ нашимъ къ нимъ вниманіемъ, нашимъ сужденіемъ, исполненнымъ доброжелательства. Какъ ни пріятна для автора хвала публики и самое одобреніе Академіи, но будетъ еще пріятнѣе, если соединится съ благонамѣреннымъ разборомъ книги его, съ показаніемъ ея красотъ особенныхъ; когда опытный любитель искусства углубится взоромъ, такъ сказать, въ сокровенность души писателя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ чувствовать, искать выраженій и стремиться къ какому-то образцу мысленному, который бываетъ цѣлію, болѣе или менѣе ясною для всякаго дарованія. Самолюбіе грубое довольствуется и нѣмою хвалою: она нѣма, когда не изъясняетъ своего предмета; но самолюбіе нѣжное требуетъ хвалы *краснорѣчивой:* она краснорѣчива, когда изображаетъ хвалимое».

Это мнѣніе о критикѣ можетъ вызвать нѣкоторыя недоразумѣнія: можно было бы возразить Карамзину, что рекомендуемая имъ чрезмѣрная мягкость въ критикѣ ведетъ къ неискренности, уклончивости въ сужденіяхъ, что она можетъ вредить самимъ критикуемымъ авторамъ, для которыхъ справедливое, хотя иногда и въ рѣзкой формѣ, указаніе ихъ недостатковъ можетъ быть наилучшимъ средствомъ для того, чтобы вывести ихъ на путь истины; можно даже сказать, что рекомендуемое Карамзинымъ молчаніе умѣстно только въ отношеніи бездарныхъ писателей (въ вопросахъ общественныхъ является иногда средствомъ борьбы), но для настоящаго таланта оно прямо оскорбительно и безусловно вредно, такъ какъ не даетъ ему возможности сознать свои промахи. Тѣмъ не менѣе приведенныя замѣчанія Карамзина нельзя не признать очень цѣнными, потому что въ нихъ возлагается на критику обязанность выяснять смыслъ и значеніе разбираемыхъ произведеній: требованіе «углубляться взоромъ въ сокровенность души писа-

теля» есть въ сущности одно изъ основаній и современной намъ критики.

Такимъ образомъ, суммируя сказанное о литературныхъ взглядахъ Карамзина, мы должны признать большую заслугу нашего писателя въ дѣлѣ установленія новыхъ принциповъ литературной критики: послѣ него внѣшняя, стилистическая критика оказалась уже совершенно недостаточной. Принципы новой критики еще не были раскрыты во всей полнотѣ, но Карамзинъ указалъ тотъ путь, на который должна была вступить критика, и въ этомъ отношеніи онъ явился человѣкомъ, облегчившимъ работу позднѣйшихъ нашихъ дѣятелей въ области критики; а если критика есть одинъ изъ могущественныхъ факторовъ вообще литературнаго развитія, то ясно, что Карамзинъ послужилъ этому развитію, не однимъ только внесеніемъ къ намъ сентиментализма, а болѣе всего указаніемъ серьезнаго общественнаго значенія литературы.

II.

Переходя ко второму изъ намѣченныхъ выше предметовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, мы также должны будемъ указать на неясность для самого Карамзина въ началѣ его литературнаго поприща многихъ общественныхъ вопросовъ, неопредѣленность, неустановленность его общаго политическаго міросозерцанія. Если впослѣдствіи, подъ конецъ своей дѣятельности, Карамзинъ выступалъ рѣшительнымъ консерваторомъ, то въ началѣ ея мы замѣчаемъ какія-то туманныя сочувствія противоположному направленію; сочувствія эти именно туманныя, потому что рядомъ съ ними встрѣчаются мысли, легшія въ основу будущаго консерватизма.

По ходу нашего культурнаго развитія главнымъ общественнымъ вопросомъ для конца XVIII и начала XIX вѣковъ былъ вопросъ о нашемъ отношеніи къ западно-европейскому просвѣщенію. Петръ Великій сдѣлалъ рѣшительный шагъ по пути нашего пріобщенія къ европейской цивилизаціи, по тому пути, на который Россія вступила уже значительно ранѣе. Прежде движеніе совершалось крайне медленно, при Петрѣ дается сильный толчокъ, пробудившій общественное сознаніе. Передъ русскими людьми является требующая разрѣшенія дилемма, идти ли далѣе въ сближеній съ Западомъ, продолжать ли совершенствованіе жизненныхъ формъ согласно съ тѣмъ, что наблюдается у опередившихъ насъ народовъ,

или же вырабатывать что-нибудь свое въ духѣ прежнихъ до-Петровскихъ традицій. Отъ разрѣшенія этой дилеммы зависитъ, съ одной стороны, отношеніе къ реформѣ Петра Великаго, съ другой—разрѣшеніе многихъ современныхъ вопросовъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ Карамзинскую эпоху указанная дилемма осложняется въ весьма значительной мѣрѣ, такъ какъ нужно было опредѣлить отношеніе къ тому перевороту въ понятіяхъ и жизни Западной Европы, который былъ произведенъ французской революціей. Самъ Карамзинъ, какъ человѣкъ, объѣхавшій Германію, Швейцарію, Францію и Англію, долженъ былъ въ своей литературно-публицистической дѣятельности не разъ касаться указаннаго вопроса о характерѣ нашего просвѣщенія, причемъ въ измѣненіи его отношенія къ Петру Великому, ярче всего выразилась общая перемѣна его взглядовъ.

Въ «Письмахъ русскаго путешественника» Карамзинъ выступаетъ восторженнымъ поклонникомъ Петра и защитникомъ его реформъ противъ націоналистовъ того времени. Говоря о памятникѣ Людовику XIV въ Ліонѣ, Карамзинъ вспоминаетъ Петра и отдаетъ ему предпочтеніе предъ Людовикомъ. «Подданные, — говоритъ онъ, — прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: вторый, какъ лучезарный Богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя—въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ французовъ принуждены были оставить отечество; вторый привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцевъ — перваго уважаю, какъ сильнаго царя, второго почитаю, какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля».

Послѣ такой краснорѣчивой похвалы вполнѣ естественно, что Карамзинъ энергично долженъ былъ защищать Петра отъ нападокъ французскаго историка Левека. «Всего же болѣе,—говоритъ онъ,—не люблю его (т. е. Левека) за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, если посредственный французскій писатель можетъ унизить нашего славнаго монарха, говоря: on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples. Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для наро-

довъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли было русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ, для того, что все это не русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другого, и не должно ли *сравняться,* чтобы превзойти? Однакожъ, говорятъ, на что подражать рабски? На что перенимать вещи, совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ бороды для того, что такъ и покойнѣе, и пріятнѣе. Длинное платье неловко, мѣшаетъ ходить... «Но въ немъ теплѣе!»... За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но и лицо? Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго: а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ, во-первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во-вторыхъ, и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился государемъ какого-нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, французы, англичане, были впереди русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской

нравственной физіономіи, или не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми,* а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое,* ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable,—говоритъ Левекъ,—que si Pierre n'avait pas regné, les Russes seraient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть, хотя Петръ Великій и не училъ бы насъ, мы бы сами выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? Но сколько трудовъ стоило монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно, русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими европейскими землями было очень несвободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію, только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли бы сдѣлалось то, что государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться».

Трудно опредѣленнѣе выступить съ похвалой Петру Великому, трудно логичнѣе и ярче защищать реформы, чѣмъ это дѣлалъ въ настоящемъ случаѣ Карамзинъ. Старый русскій укладъ жизни вполнѣ осужденъ молодымъ писателемъ, сѣтованія націоналистовъ (въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, такой просвѣщенный и даровитый человѣкъ, какъ знаменитый публицистъ XVIII вѣка, кн. М. М. Щербатовъ) о томъ, что искаженъ нравственный обликъ русскаго народа, названы «жалкими іереміадами», происходящими «отъ недостатка въ основательномъ размышленіи»; выставлено, наконецъ, краснорѣчивое положеніе: «все народное ничто предъ человѣческимъ». Отсюда, казалось бы, выте-

кало ясное слѣдствіе, что надо продолжать дѣло Петра Великаго, стремиться къ болѣе полному усвоенію формъ европейской жизни; однако, Карамзинъ останавливается, не дѣлаетъ этого вывода. Почему? Вѣроятно, потому, что для него западная жизнь представляла интересъ только со стороны науки и искусства. Въ этой области онъ вполнѣ допускаетъ заимствованіе; привлекаютъ его и формы свѣтскаго общежитія. Что же касается политики, то ею онъ почти не интересуется и очень мало въ ней понимаетъ.

Это слабое пониманіе европейскихъ политическихъ отношеній лучше всего выразилось въ сужденіяхъ Карамзина о французской революціи, въ разгаръ которой онъ попалъ въ Парижъ. Уже въ Страсбургѣ до него доносились отголоски революціи, онъ узналъ, что «цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ своимъ; почтмейстеры, постилліоны, солдаты, бабы говорятъ о революціи». Движеніе представляется ему бунтомъ черни, которую обманываютъ именемъ короля злоумышленники. Въ Парижѣ впечатлѣнія должны были стать сильнѣе, какъ въ центрѣ движенія, но Карамзинъ остается холоденъ и большею частью иронизируетъ по поводу происходящихъ событій. Въ салонѣ г-жи Гло идетъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ, декретахъ Національнаго собранія, французы разсуждаютъ, хвалятъ, критикуютъ, а Карамзинъ «зѣваетъ», подтрунивая надъ говорунами, которыхъ «нынѣ тьма въ Парижѣ». Наиболѣе опредѣленно его сужденіе о революціи высказывается въ письмѣ изъ Парижа отъ «Апрѣля 1790». «Говорить ли о французской революціи?—спрашиваетъ онъ.—Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время отъ зефирныхъ французовъ, которые славились своей любезностью? Не думайте, однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва-ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ терять нечего, дерзки, какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки, какъ зайцы, одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что-нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ счастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Затѣмъ Карамзинъ сообщаетъ о разныхъ курьезахъ, представляющихъ движеніе въ комическомъ видѣ: «Съ 14 іюля всѣ твердятъ во Франціи объ

аристократахъ и демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту: въ одной деревенькѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одѣтаго человѣка и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: vive la nation! Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: vive la nation! *Хорошо, хорошо,*—сказали они,—*мы довольны. Ты добрый французъ; ступай, куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое... нація?* Разсказываютъ, что маленькій Дофинъ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: *ты аристократъ, великій аристократъ, бѣлка!* Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его. Одинъ маркизъ, который былъ нѣкогда осыпанъ королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю роль между непріятелями двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: que faire! j'aime les te-te-troubles! что дѣлать... я люблю мяте-те-тежи! Маркизъ заика. Но читалъ ли маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цыкуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстый гробъ для добродѣтели и—самаго злодѣйства». Подобравъ эти весьма невысокаго остроумія анекдоты, Карамзинъ дѣлаетъ сентенціозное заключеніе о революціи. «Всякое,—говоритъ онъ,—гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надо удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. *Утопія* будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца государей—и довольно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнью возрастали науки и художе-

ства; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ!*»

Сколько въ этомъ послѣднемъ заключеніи логическихъ противорѣчій (въ родѣ, напр., «чудесной гармоніи» въ самомъ несовершеннѣйшемъ обществѣ), сколько исторической путаницы, и какъ мало пониманія смысла того движенія, которое пришлось наблюдать Карамзину, мы не будемъ говорить: это прекрасно разъяснено А. Н. Пыпинымъ въ его замѣчательной книгѣ «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» (гл. IV). Замѣтимъ только, что Карамзинъ въ этихъ словахъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ всякихъ насильственныхъ потрясеній и даже характерно обмолвился объ опасности *«всякой перемѣны»*. Эта обмолвка весьма кстати для будущаго противника чуть ли не всякихъ реформъ, какимъ Карамзинъ является, какъ увидимъ, въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи».

Къ разсужденію о французской революціи Карамзинъ возвращается еще разъ, послѣ эпохи террора, въ извѣстной перепискѣ Мелодора и Филалета, напечатанной въ 1795 году. По объясненію Галахова, въ этихъ двухъ лицахъ Карамзинъ представилъ самого себя въ разные моменты своего развитія: Мелодоръ — Карамзинъ, разочаровавшійся въ тѣхъ идеяхъ просвѣщенія, которыми онъ увлекался вмѣстѣ съ Филалетомъ; а Филалетъ—тотъ же Карамзинъ, но находящій успокоеніе въ своемъ разочарованномъ состояніи.

Обращаясь къ Филалету, Мелодоръ напоминаетъ ему тѣ радужныя мечтанія о блаженствѣ человѣческаго рода, которымъ предавались они всего за пять лѣтъ до этого времени. «Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству*. Ахъ! съ какою нѣжностью обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей Небеснаго Отца! Ра-

дость сіяла на лицахъ нашихъ—и свѣтлый ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества. Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмогонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій, и проч., и проч.?—Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества; но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды: «все исчезнетъ, и царство общей мудрости настанетъ, рано или поздно настанетъ—и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума человѣческаго, успѣлъ хотя однимъ шагомъ приблизить людей къ источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ хотя единое плодоносное зерно добродѣтели вложить рукою любви въ сердца чувствительныхъ, и, такимъ образомъ, ускорилъ ходъ всемірнаго совершенія!» Конецъ нашего вѣка почитали мы концомъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣйствительностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія насладятся истинными благами жизни».

Но прошло пять лѣтъ, произошли важнѣйшія событія, въ которыхъ иные мечтатели видѣли шагъ впередъ по пути къ осуществленію идеаловъ XVIII вѣка, но которыя Мелодора привели къ печальному заключенію, что его «утѣшительная система разрушилась въ своемъ основаніи». «Осьмойнадесять вѣкъ, говоритъ онъ, кончается: что же видишь ты на сценѣ міра?—Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки! Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать? Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ,—съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ!—Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ... Фурій съ грозными пламенниками! Гдѣ люди, которыхъ мы лю-

били? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія?—Вѣкъ просвѣщенія! Я не узнаю тебя—въ крови и пламени не узнаю тебя—среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился къ ней духъ мой; но—небесная красота исчезла—змѣи шипятъ на ея мѣстѣ!—Какое превращеніе! Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками, драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ!—И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются—Сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества. Мизософы торжествуютъ: «Вотъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они: вотъ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? И за что? И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша философія!...—И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: *да погибнетъ!* И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: *да погибнетъ!* А сіи восклицанія могутъ составить, наконецъ, *общее мнѣніе:* вообрази же слѣдствія!... Такъ, мой другъ, паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; не только вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, близкимъ. Когда же падутъ онѣ... Когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ — что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую трепетъ въ сердцѣ!... Сверхъ того внимательный наблюдатель видитъ теперь повсюду отверстые гробы для *нѣжной нравственности.* Сердца ожесточаются ужасными происшествіями, и привыкая къ феноменамъ злодѣяній, теряютъ чувствительность. Я закрываю лицо свое!»

Окончательный выводъ, къ которому приходитъ Мелодоръ, крайне пессимистиченъ: прогресса въ жизни человѣчества не существуетъ, и вся исторія представляется безцѣльнымъ «вѣчнымъ движеніемъ въ одномъ кругу».

Филалетъ спѣшитъ, однако, утѣшить своего друга. «Нѣтъ! нѣтъ!—восклицаетъ онъ,—сіи мысли ужасны. Сердце мое отвер-

гаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія—въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію—не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску. Такъ, Мелодоръ! Я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя среди всеобщихъ ужасовъ скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе рукъ Твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!* Уничтожься на вѣки, мысленная и чувствительная сила моя, прежде, нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель—чуждое растеніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы!... Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители будемъ мы отрицать. Его дѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть, единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Можетъ быть то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для ангеловъ; можетъ быть то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое совершеннѣйшее бытіе».

Изъ этихъ религіозно-оптимистическихъ соображеній Филалетъ черпаетъ увѣренность въ лучшемъ будущемъ и эту увѣренность онъ стремится передать Мелодору. «Будемъ, мой другъ,— продолжаетъ онъ,—будемъ и нынѣ утѣшаться мыслію, что жребій рода человѣческаго не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда нибудь перестанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ и не исчезнетъ во вѣки: рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилоны: но рано или поздно настанетъ благодѣтельная весна и сѣмя распустится отъ животворнаго дыханія зефировъ. Вѣрю и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку,

то онъ сотворенъ для добродѣтели. Кто не плѣняется описаніемъ латаго вѣка, вѣка невинности? Кто не проливаетъ слезъ умиленія, внимая повѣствованію о дѣлахъ великодушія и геройства? Кто е любитъ воображать себя добрымъ, благодѣтельнымъ существомъ? Мой другъ, я былъ среди такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ среди народовъ дикихъ, и видѣлъ, что вездѣ, о всѣхъ странахъ человѣкъ дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицомъ, добро съ пріятною улыбкою!.. Сія черта нравственности любезна илософу. Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишно величали осьмойнадесять вѣкъ и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — напримѣръ, въ девятомнадесять вѣкѣ—нравственность болѣе исправится—разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ добру будущему».

Затѣмъ Филалетъ разбираетъ устрашающія Мелодора нападки на просвѣщеніе разныхъ обскурантовъ, видѣвшихъ въ наукахъ источникъ всѣхъ современныхъ общественныхъ бѣдствій. «Что принадлежитъ до мизософовъ, мой другъ, то они никогда, никогда торжествовать не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ, напротивъ того, средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо науки? Разогнемъ книгу исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? Напримѣръ, распри суевѣрія вооружали сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую религію? Напротивъ того, не она ли обезоружила, наконецъ, сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости властителей, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! развѣ не онѣ служатъ намъ отрадою въ горестяхъ? Развѣ не въ ихъ мирномъ святилищѣ укрываемся отъ всѣхъ бурь житейскихъ? Нѣтъ, Всемогущій не лишитъ насъ сего драгоцѣннаго утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ, печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ и

открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лѣкарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества!—Кто скажетъ мнѣ: *науки вредны, ибо осьмойнадесять вѣкъ, ими гордившійся, ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами;* тому скажу я: «осьмойнадесять вѣкъ не могъ именовать себя просвѣщеннымъ, когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами».

Конечный результатъ, къ которому приходитъ Филалетъ послѣ всѣхъ своихъ разсужденій, по своему характеру прямо противоположенъ пессимистическимъ выводамъ Мелодора. Филалетъ вѣритъ въ прогрессивное движеніе человѣчества къ осуществленію его вѣковѣчныхъ идеаловъ. «Мой другъ! — говоритъ онъ, — мы должны смотрѣть на міръ, какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все неправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ во вѣки!»

Такимъ образомъ выразилъ Карамзинъ свое отрицательное отношеніе къ революціи еще въ первую половину своей литературной дѣятельности; оно не измѣнилось и впослѣдствіи, хотя мотивы отрицательнаго взгляда стали иными.

Такъ, въ стихотвореніи «Освобожденіе Европы и слава Александра I», богиня Мудрости говоритъ слѣдующее:

Судить, давать, блюсти законы,
Съ мечемъ въ рукѣ—для обороны
Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ,
Есть дѣло вышней царской власти,
Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
Пока, увы! пылаютъ страсти.
Народы! власти покоряйтесь:
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она призракъ, страстей обманъ.
Вы зрѣли Галловъ заблужденье:
И своевольство и тиранъ
Отмстили имъ за возмущенье
Противъ законнаго царя,
Уставовъ древнихъ алтаря.

Питайте въ сердцѣ добродѣтель:
Тогда не будетъ вамъ владѣтель
Святыхъ законовъ попирать.
Ко злому только зло влечется:
Благимъ и царь есть благодать.
Господь Небесъ о всѣхъ печется:
И червь Его рукой хранимъ.
Надъ вами царь, а Богъ надъ нимъ.
Въ правленьяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно.
Какъ трудно общество создать!
Оно устроилось вѣками:
Гораздо легче разрушать
Безумцу съ дерзкими руками.
Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!

Въ молодости Карамзинъ, хотя на словахъ, склоняется къ либерализму, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ его взгляды вполнѣ консервативны, и отрицаются имъ уже не только революціи, но почти всякія реформы. Это измѣненіе взглядовъ совершилось въ Александровскую эпоху, но произошло оно не сразу, хотя безъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ прежній либерализмъ выражался, собственно говоря, только въ красивыхъ, чувствительныхъ фразахъ.

Мы уже говорили въ статьѣ «Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія» о тѣхъ мысляхъ, которыя Карамзинъ выразилъ въ одѣ на вступленіе на престолъ Императора Александра и «Похвальномъ словѣ» Императрицѣ Екатеринѣ II, мысляхъ, соотвѣтствовавшихъ либеральному настроенію правительственныхъ круговъ того времени [1]). Поэтому мы не будемъ

---

[2]) Такое же радостное настроеніе, какъ и въ упомянутой одѣ, выражается и въ статьѣ «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», написанной въ 1802 г. Признавъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ французской революціи установившееся повсюду убѣжденіе въ томъ, что «учрежденія древности имѣютъ магическую силу», Карамзинъ говоритъ: «Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону. Будучи, такъ сказать, внѣ обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всѣхъ низкихъ побужденій эгоизма, которыя дѣлаютъ людей несправедливыми и даже злыми; наконецъ, имѣя все, они должны и могутъ чувствовать только одну потребность: *благотворить* и, смотря на всякаго гражданина, думать: «я заслужилъ любовь его!» Въ особенно благопріятномъ положеніи находится Россія. «Какой надежды, — восклицаетъ Карамзинъ, — не можемъ раздѣлять съ

останавливаться на упомянутыхъ произведеніяхъ, а, разсмотрѣвъ нѣсколько сочиненій Карамзина, относящихся къ началу Александровскаго царствованія и касающихся вопросовъ просвѣщенія, мы обратимся къ его «Запискѣ о древней и новой Россіи».

Карамзинъ радостно привѣтствовалъ изданный 24 января 1803 г. «безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи», указъ, въ которомъ Императоръ Александръ называлъ народное просвѣщеніе «важною частію государственной системы, любезною его сердцу». «Новая, великая эпоха,—говорилъ Карамзинъ,—начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистью, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли, наконецъ, избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное словолюбіе—хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа патріотизма—не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости, и—однимъ словомъ—не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, т. е. добродѣтельнаго монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко счастью ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ важнѣйшее, единственное средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить россіянъ, чтобы они могли поль-

---

другими европейскими народами мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго монарха?» Болѣе всего радуютъ Карамзина водворившееся при новомъ государѣ спокойствіе и распространяющееся просвѣщеніе. «Другъ людей и патріотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ россіянъ возвышается».

зоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія».

Александру суждено, по мнѣнію Карамзина, «увѣнчать безсмертныя творенія славныхъ и великихъ его предшественниковъ», Петра и Екатерины, т. е. стремиться къ тому, чтобы въ просвѣщеніи сравняться съ Западомъ. «Патріоты, — говоритъ онъ,—съ гордостью указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостью входили они въ блестящія собранія нашего дворянства, въ университеты, въ академіи, въ гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: въ Россіи уже *много* просвѣщенія, но еще *не довольно;* въ неизмѣримыхъ странахъ ея мы находили милліоны жителей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; сни не умнѣе своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ способовъ умножать свои идеи, научаться опытами, успѣвать въ искусствѣ жизни и благородныхъ наслажденій». Русскіе отвѣтствовали, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли—и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и счастливо—тѣмъ счастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе; мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина, награждаемыхъ за прилежность къ ученію; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными, подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечественной. Русскіе патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ, и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ Трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ—и добродѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души своей, исполнилъ ихъ желаніе. Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію; скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей Уставъ

народнаго просвѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство благости монарха, который всѣхъ своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, *всѣхъ* равно любитъ и всѣхъ считаетъ людьми».

Статья «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія», изъ которой взяты предыдущія цитаты, посвящена, главнымъ образомъ, сельскимъ школамъ, какъ «главному благодѣянію» новаго Устава, но въ ней говорится и о гимназіяхъ и университетахъ, при чемъ Карамзинъ радуется открытію новыхъ учебныхъ заведеній. Но для школъ нужны учителя, и Карамзинъ пишетъ новую статью «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей». Не касаясь самаго этого способа, мы укажемъ два мѣста этой статьи, характеризующія отчасти настроеніе того времени и отношеніе къ этому настроенію Карамзина. Прежде всего мы видимъ, что увлеченіе новшествами было такъ сильно въ обществѣ, что Карамзину приходится какъ бы охлаждать пылъ горячихъ людей. «Человѣколюбивыя намѣренія монарха,—замѣчаетъ онъ,—явно дѣйствуютъ на умы и сердца: вездѣ хотятъ общеполезныхъ учрежденій и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный! оставимъ правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честію и славою способствовать ему въ его святыхъ намѣреніяхъ. Зная главную потребность Россіи, оно всегда болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученія: когда сей великій планъ его исполнится, тогда будемъ счастливѣе и въ собственныхъ изобрѣтеніяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага людей». Но были, вѣроятно, люди, не совсѣмъ довольные просвѣтительными начинаніями; о нихъ, вѣроятно, Карамзинъ говоритъ въ началѣ статьи, указывая, что есть такіе люди, которые «трясутъ головою при всякой новой идеѣ человѣколюбія, тотчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы, статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ не мудри, а все будетъ по старому!*»

Противъ подобныхъ скептиковъ, должно быть, направлена слѣдующая любопытная басня «Филины и соловей», написанная въ томъ же 1803 году:

Узнали Филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,
И сутки цѣлыя безъ отдыха сіять.
«Что! что!» кричатъ они: разрушить царство нощи,
Въ которомъ намъ такъ мило жить

И сонныхъ птицъ давить
Во мракѣ тихой рощи!
Кто Фебу далъ такой совѣтъ?...»
«Не вы, друзья мои: *не филины, не воры*»,
Сказалъ имъ соловей: «не нравится вамъ свѣтъ:
Его боятся хищныхъ взоры!
Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
Ихъ также наградятъ хвалой...
Лишиться славы больно,
Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
И солнцемъ веселюсь,
Когда въ его сіяньи
Для міра болѣе утѣхъ,
Чѣмъ въ горестномъ мерцаньѣ.
Злой мыслитъ о себѣ, а доброй обо всѣхъ;
Злой любитъ мракъ густой, а доброй просвѣщенье.
Къ несчастью долженъ я сказать вамъ въ утѣшенье,
Что въ самой ясной день
Для васъ еще найдется тѣнь!»

Выступая защитникомъ просвѣщенія, Карамзинъ въ это время уже начинаетъ говорить противъ подражанія. Такъ, въ извѣстномъ разсужденіи «О любви къ отечеству и народной гордости», вооружаясь противъ пристрастія ко всему иностранному, онъ высказываетъ слѣдующее: «какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса къ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ». Въ этихъ словахъ слышится уже нѣчто новое для Карамзина, который раньше защищалъ «подражаніе въ бездѣлкахъ», т. е. введеніе европейскаго платья и бритье бороды, и говорилъ, что «все народное ничто передъ человѣческимъ».

Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ проблескомъ новыхъ понятій, которыя нашли себѣ полное развитіе въ «Исторіи Государства Россійскаго» и въ «Запискѣ о древней и новой Россіи». Къ изложенію этой «Записки» мы теперь и обратимся.

Имѣя въ виду разобраться въ современной внѣшней и внутренней политикѣ правительства, Карамзинъ для подкрѣпленія своихъ критическихъ замѣчаній историческими основаніями, первую часть своей «Записки» посвящаетъ бѣглому обзору русской исторіи до царствованія Александра, такъ какъ «настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго; чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее». Этимъ историческимъ обзоромъ Карамзинъ пользуется для доказательства той мысли, что Россія процвѣтала при самодержавіи и бѣдствовала, лишь только самодержавіе начинало колебаться. Это та же идея, которая составила схему главнаго труда Карамзина, его «Исторіи», и какъ показалъ П. Н. Милюковъ, эта схема не есть оригинальный домыселъ Карамзина, а заимствована имъ у его предшественниковъ, главнымъ образомъ у кн. М. М. Щербатова. Кромѣ этого положенія Карамзинъ стремится доказать, что для русскихъ излишни заимствованія съ Запада, что ихъ общественное развитіе должно идти своимъ путемъ. Въ «Запискѣ» мы встрѣчаемся съ такими мнѣніями, которыя прямо противорѣчатъ прежнимъ воззрѣніямъ Карамзина, а кромѣ того бѣглость историческаго обзора была причиной того, что во многихъ подробностяхъ утвержденія Карамзина представляются поверхностными и спорными.

Примѣръ произвольнаго историческаго утвержденія мы находимъ уже въ самомъ началѣ «Записки», когда Карамзинъ упомянувъ о призваніи князей, говоритъ: «Сіе случилось въ 862 году, а въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже не менѣе нынѣшней, то есть: во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго». Преувеличивъ до такой крайности размѣры древняго русскаго государства, Карамзинъ объясняетъ его быстрый ростъ: «Что произвело феноменъ столь удивительный? Пылкая, романическая страсть нашихъ первыхъ князей къ завоеваніямъ и единовластіе, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владиміръ не давали образумиться гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шумѣ воинскихъ становъ, платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности, бѣдной и мятежной. Въ XI вѣкѣ государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбу милліоновъ; озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались

народу полубогами, судили и рядили землю, мановеніемъ воздвигали рать и движеніемъ перста указывали ей путь къ Босфору Оракійскому или горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, государь пировалъ съ вельможами и народомъ, какъ отецъ среди многочисленнаго семейства. Пустыни украсились городами, города избранными жителями, свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась вѣрою христіанскою; на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ, простыхъ и мудрыхъ, согласныхъ съ древними нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ, но въ сравненіи съ другими и самымъ образованнымъ государствомъ». Вся эта блистательная картина Руси первыхъ временъ есть результатъ реторики, увлеченіе которой доходитъ до такой степени, что Карамзинъ даже не замѣчаетъ, насколько, фальшиво его утвержденіе, будто Россія была сравнительно съ другими самымъ образованнымъ государствомъ, тогда какъ ему должно было бы знать, на какомъ уровнѣ въ дѣйствительности стояло тогдашнее русское просвѣщеніе.

Изобразивъ послѣ этого раздробленіе Россіи въ удѣльную эпоху, бѣдствія татарскаго ига и объединеніе Руси около Москвы, Карамзинъ слѣдующими словами характеризуетъ установленіе самодержавія: «Глубокомысленная политика князей московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ одно цѣлое; надлежало еще связать ихъ твердо и единовластіе усилить самодержавіемъ. Славяне россійскіе, признавъ князей варяжскихъ своими государями, хотя отказались отъ правленія общенароднаго, но удержали многія его обыкновенія. Во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ бывало такъ называемое *вѣче* или совѣтъ народный, при случаяхъ важныхъ; во всѣхъ городахъ избирались тысяцкіе или полководцы не княземъ, а народомъ. Сіи республиканскія учрежденія не мѣшали Олегу, Владиміру, Ярославу самодержавно повелѣвать Россіею. Слава дѣлъ, великодушіе и многочисленность дружинъ воинскихъ, имъ преданныхъ, обуздывали народную буйность; когда же государство раздѣлилось на многія области независимыя, тогда граждане, не уважая князей слабыхъ, захотѣли пользоваться своимъ древнимъ правомъ *вѣча* и верховнаго законодательства, иногда судили князей и торжественно изгоняли въ Новѣгородѣ и другихъ мѣстахъ. Сей духъ вольности господствовалъ въ Россіи до нашествія Батыева и въ самыхъ ея бѣдствіяхъ не могъ вдругъ исчезнуть, но ослабѣлъ примѣтно. Такимъ образомъ, исторія

наша представляетъ новое доказательство двухъ истинъ: 1) для твердаго самодержавія необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое несовмѣстно съ гражданскою вольностію. Князья пресмыкались въ Ордѣ, но возвращаясь оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ ханскимъ, повелѣвали смѣлѣе, нежели въ дни нашей государственной независимости. Народъ, смиренный игомъ варваровъ, думалъ только о спасеніи жизни и собственности, мало заботясь о своихъ правахъ гражданскихъ. Симъ расположеніемъ умовъ, сими обстоятельствами воспользовались князья московскіе и мало-по-малу, истребивъ всѣ остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавіе. Умолкъ вѣчевой колоколъ во всѣхъ городахъ Россіи. Дмитрій Донской отнялъ власть у народа избирать тысяцкихъ и, вопреки своему рѣдкому человѣколюбію, первый уставилъ торжественную смертную казнь для государственныхъ преступниковъ, чтобы вселить ужасъ въ дерзкихъ мятежникахъ».

Послѣ того Карамзинъ переходитъ къ изображенію внутренбыта новаго Московскаго государства и опять увлекается риторическимъ восхваленіемъ. «Хотя,—говоритъ онъ,—двувѣковое иго ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожъ Москва и Новгородъ воспользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ. Бумага, порохъ, книгопечатаніе сдѣлались у насъ извѣстными весьма скоро (?) по ихъ изобрѣтеніи. Библіотеки царская и митрополитовская, наполненныя рукописями греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество; Москва въ XV вѣкѣ имѣла уже знаменитыхъ архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и грановитую палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащались въ нашей столицѣ... Внутри самодержавіе укрѣпилось: никто, кромѣ государя, не могъ судить, ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее титло уже было не княжеское, не боярское, но титло *слуги царева*. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государству; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ; одни бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость самодержавія, но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго».

Представивъ затѣмъ бѣдствія смутнаго времени и эпоху первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, Карамзинъ даетъ слѣдующее заключеніе своему обзору древней русской исторіи: «Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, способствовало сближенію россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ; но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія: мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ». Послѣдняя фраза о постепенномъ заимствованіи подготовляетъ насъ къ отрицательному взгляду на поспѣшное заимствованіе съ «порывами и насиліемъ», и съ этимъ Карамзинъ приступаетъ къ эпохѣ Петра Великаго.

Указавъ на заслуги Преобразователя, «славя славное въ семъ монархѣ», Карамзинъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на «вредной сторонѣ его блестящаго царствованія», и здѣсь онъ выставляетъ противъ Петра такой длинный рядъ всяческихъ обвиненій, что совершенно стушевываетъ впечатлѣніе своихъ прежнихъ панегириковъ. Карамзинъ забылъ, что онъ самъ когда-то опровергалъ мнѣнія Левека очень убѣдительными доводами; отказался отъ своего положенія: «все народное ничто передъ человѣческимъ»; пересталъ считать вполнѣ нормальнымъ измѣненіе внѣшнихъ формъ общежитія, произведенное Петромъ Великимъ, и выражаетъ теперь прямо противоположныя идеи.

«Умолчимъ,—говоритъ онъ,—о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ (т. е. въ Петрѣ Великомъ) границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть ничто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными,

глупыми, хваля и вводя иностранные, Государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другого полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе, беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами сказалъ имъ: «Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Въ семъ отношеніи государь по справедливости можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ.

«Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до престола, россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ. Со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ, увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго единодушія государственныхъ состояній.

Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ государю. Петръ уничтожилъ достоинство бояръ—ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вмѣсто древней славной Думы явился Сенатъ, вмѣсто приказовъ—коллегіи, вмѣсто дьяковъ—секретари и проч. Та же безсмысленная для россіянъ перемѣна въ воинскомъ чиноначаліи: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали изъ нашей рати воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, и проч. Честію и достоинствомъ россіянъ сдѣлалось подражаніе.

«Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ: ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мужчинъ, и европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людскости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

«Не говорю и не думаю, чтобы древніе россіяне, подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ, были вообще лучше насъ; не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ, мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что дѣйствительно порочно,—однакожъ должно согласиться, что мы, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *святая Русь*—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными,* теперь называемъ *братьями.* Спрашиваю: кому бы легче покорить Россію, *невѣрнымъ* или *братьямъ,* т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ, вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи,—виною Петръ!»

Указаніемъ на подчиненіе церкви государству и на неудачный выборъ мѣста для столицы заканчивается этотъ обвинительный актъ противъ Петра Великаго. Однако всѣ эти обвиненія противъ Петра не представляли во время Карамзина чего-либо новаго,

ихъ высказывали уже національности XVIII вѣка, и Карамзинъ раньше противъ нихъ возражалъ, теперь же онъ ихъ цѣликомъ повторяетъ, не прибавляя никакихъ новыхъ доказательствъ. По внѣшности тѣ же самыя возраженія противъ Петровской реформы были выставлены позднѣе славянофильскою школою, но основаніе ихъ было совсѣмъ не то, что у Карамзина, такъ какъ исходныя положенія, изъ которыхъ развивалось славянофильство, тѣ требованія, которыя имъ предъявлялись къ современной русской дѣйствительности, были совсѣмъ иного свойства, чѣмъ у Карамзина. Если славянофильство, по выраженію одного изслѣдователя, было «археологическимъ либерализмомъ», то у Карамзина та же «археологія» привела къ политическому консерватизму: тѣ задатки свободнаго общественнаго мнѣнія, которые представлялись столь цѣнными въ древней Руси для славянофиловъ, для Карамзина не имѣли никакой цѣны.

Развѣнчавъ Петра, предъ которымъ раньше преклонялся, Карамзинъ развѣнчиваетъ и Екатерину, за 10 лѣтъ передъ тѣмъ превознесенную въ «Похвальномъ словѣ». Повторивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ похвалъ императрицѣ, онъ говоритъ: «согласимся, что блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ: тамъ отъ примѣровъ Двора... здѣсь отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. Примѣръ Анны и Елисаветы извиняетъ ли Екатерину? Богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лицо красивое? Слабость тайная есть только слабость, явная—порокъ, ибо соблазняетъ другихъ. Самое достоинство государя терпитъ, когда онъ нарушаетъ уставъ благонравія... Требуется ли доказательствъ, что искреннее почтеніе къ добродѣтелямъ монарха утверждаетъ власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаемъ ея слабости. Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время: вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ кабинетъ. Тамъ засыпало оно и не пробуждалось. Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности; избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое учрежденіе губерній, изящное на бумагѣ, но худо примѣненное къ обстоятельствамъ Россіи. Солонъ говорилъ: «мои законы не совершенные, но лучшіе для аѳинянъ».

Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ, полезнѣйшемъ дѣйствіи оныхъ; дала намъ суды, не образовавъ судей; дала правила безъ средствъ исполненія. Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей государынѣ: чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ: дворъ забылъ языкъ русскій; отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія французской или англійской наружности. У насъ были академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и великая монархиня,—не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни. Любимецъ вельможи, рожденный бѣднымъ, не стыдился жить пышно,—вельможа не стыдился быть развратнымъ. Торговали правдою и чинами. Екатерина, великій мужъ въ главныхъ событіяхъ государственныхъ, являлась женщиною въ подробностяхъ монаршей дѣятельности, дремала на розахъ, была обманываема или себя обманывала; не видала или не хотѣла видѣть многихъ злоупотребленій, считая ихъ, можетъ быть, неизбѣжными и довольствуясь общимъ успѣшнымъ, славнымъ теченіемъ ея царствованія».

Изложеніе предшествующей исторіи, являясь вступленіемъ къ времени Александра, должно было показать, какихъ основъ слѣдуетъ держаться Россіи въ своей политикѣ. а послѣдующимъ изложеніемъ Карамзинъ предполагалъ открыть, на сколько политика Александра соотвѣтствовала указаннымъ основамъ. Въ началѣ царствованія однимъ изъ господствующихъ воззрѣній было мнѣніе о необходимости ограничить самодержавіе, и потому Карамзинъ говоритъ о тѣхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли бы оказаться, если бы такое мнѣніе восторжествовало. «Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ,—можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабляя спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: «можно; надобно только поставить законъ еще выше государя». Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ, или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя; во второмъ, захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу

аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга; а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія?»

Выяснивъ невозможность ограниченія самодержавной власти, Карамзинъ переходитъ къ современному положенію Россіи, когда протекло уже 10 лѣтъ со вступленія Александра на престолъ. Оказывается, что несмотря на личныя прекрасныя свойства монарха, повсюду въ Россіи царитъ недовольство. Происходитъ оно вслѣдствіе неудовлетворительности какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Разсмотрѣвъ затѣмъ рядъ ошибокъ въ отношеніяхъ къ Наполеону, Карамзинъ подвергаетъ строгой критикѣ дѣйствія совѣтниковъ Александра по дѣламъ внутренняго управленія. «Вмѣсто того, чтобы немедленно обращаться къ порядку вещей Екатерининa царствованія (которое, какъ мы видѣли, подвергалось Карамзинымъ суровому осужденію), утвержденному опытомъ 34 лѣтъ и, такъ сказать, оправданному безпорядками Павлова времени; вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ, *исправлять* по основательному разсмотрѣнію,—совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правила мудрыхъ, что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ отъ привычки». Здѣсь мы встрѣчаемся съ знакомою намъ мыслью, что «всякія перемѣны опасны» въ новой формѣ «всякая новость есть зло»

Главными новостями первыхъ лѣтъ царствованія Александра были учрежденіе министерствъ и Государственнаго Совѣта и мѣры къ распространенію просвѣщенія. Говоря о министерствахъ и Со-

вѣтѣ, Карамзинъ указываетъ многіе недостатки въ ихъ учрежде-
ніи и находитъ, что старый порядокъ управленія черезъ Сенатъ и
коллегіи былъ гораздо лучше новаго. Но спеціальныя замѣчанія
Карамзина по этому предмету для насъ менѣе интересны, чѣмъ
его мнѣнія о состояніи народнаго просвѣщенія. Здѣсь мы встрѣ-
чаемся съ такимъ отзывомъ, который сильно расходится съ его
недавними восторгами. «Всѣ намѣренія Александровы,—говоритъ
Карамзинъ,—клонятся къ общему благу. Гнушаясь безсмыслен-
нымъ правиломъ держать умы въ невѣжествѣ, чтобы властвовать
тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для основанія универ-
ситетовъ, гимназій, школъ: къ сожалѣнію видимъ болѣе убытка
для казны, нежели выгодъ для отечества. Выписали профессоровъ,
не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ лю-
дей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иностранныхъ
учителей, ибо худо знаютъ языкъ латинскій, и число ихъ такъ не
велико, что профессоры теряютъ охоту ходить въ классы. Вся
бѣда отъ того, что мы образовали свои университеты по нѣмец-
кимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Въ Лейпцигѣ,
Геттингенѣ, надобно профессору только стать на каѳедру, залъ
наполняется слушателями. У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ
наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно
ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли.
Въ Германіи столько молодыхъ людей учится въ университетахъ
для того, чтобы сдѣлаться адвокатами, судьями, пасторами, про-
фессорами! Наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи
римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ се-
минаріяхъ и далѣе не идутъ; а выгоды ученаго состоянія въ Россіи
такъ еще новы, что отцы не вдругъ еще рѣшатся готовить дѣтей
своихъ для онаго. Вмѣсто 60 профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Гер-
маніи въ Москву и въ другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и
не пожалѣлъ бы денегъ для умноженія числа казенныхъ питом-
цевъ въ гимназіяхъ; скудные родители, отдавая туда сыновей, бла-
гословляли бы милость государя, и призрѣнная бѣдность, черезъ
10 или 15 лѣтъ, произвела бы въ Россіи ученое состояніе. Смѣю
сказать, что нѣтъ иного дѣйствительнѣйшаго средства для успѣха
въ семъ намѣреніи. Строить, покупать домы для университетовъ,
заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать зна-
менитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ, есть—пускать
въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и въ
Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учи-

теля для языка русскаго, а въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе, а мы не имѣемъ хорошей грамматики, а въ именныхъ указахъ употребляются слова не въ ихъ смыслѣ... Вообще министерство такъ называемаго просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности и какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя».

Въ числѣ мѣръ къ распространенію просвѣщенія среди дворянъ одною изъ важнѣйшихъ считался указъ объ экзаменахъ, но Карамзинъ подвергаетъ эту мѣру суровому осужденію. «Отнынѣ,—говоритъ онъ,—никто не долженъ быть производимъ ни въ статскіе совѣтники, ни въ ассесоры безъ свидѣтельства своей учености. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго для ихъ службы знанія: науки инженерной отъ инженера, законовѣдѣнія — отъ судьи, и проч. У насъ предсѣдатель палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сенатскій—свойства оксигена и всѣхъ газовъ, вице-губернаторъ—Пиѳагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ—Римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни 40-лѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія, столь несогласнаго съ ихъ цѣлію. Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающаго знать всѣмъ риторику, самъ дѣлаетъ въ немъ ошибки грамматическія. Не будемъ говорить о смѣшномъ, замѣтимъ только вредное. Донынѣ дворяне и не дворяне въ гражданской службѣ искали у насъ чиновъ или денегъ. Первое побужденіе невинно, второе опасно, ибо умѣренность жалованья производитъ въ корыстолюбивыхъ охоту мздоимства. Теперь не зная ни физики, ни статистики, ни другихъ высшихъ наукъ, для чего будутъ служить титулярные и коллежскіе совѣтники? Лучшіе, т. е. честолюбивые, возьмутъ отставку; худшіе, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу съ живого и мертваго. Уже видимъ и примѣры... Вмѣсто всеобщихъ знаній должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ себя посвятить».

Но какъ ни язвительны, какъ ни рѣзки (и притомъ несправедливы, какъ напримѣръ, абсурды, выводимые изъ указа объ

экзаменахъ) эти замѣчанія Карамзина, гораздо для него существеннѣе были тѣ возраженія, которыя онъ сдѣлалъ противъ плановъ правительства объ особожденіи крестьянъ. Въ былыя времена Карамзинъ проливалъ слезы о судьбѣ бѣдной Лизы, говорилъ о добродѣтеляхъ и чувствительности поселянъ, мечталъ о равенствѣ людей, но никогда онъ не помышлялъ объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ, и еще въ 1802 г. въ «Письмѣ сельскаго жителя», изображая счастливую Аркадію въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, при которомъ благоденствовали добрые земледѣльцы, онъ утверждалъ, что «главное право русскаго дворянина быть помѣщикомъ». Теперь этому праву грозила опасность, и Карамзинъ вооружился всею своею патетическою діалектикою. «Нынѣшнее правительство, пишетъ онъ, какъ увѣряютъ, имѣетъ намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства. Въ девятомъ, десятомъ, первомъ надесять вѣкахъ были у насъ рабами одни холопи, т. е. или военноплѣнные и купленные чужеземцы, или преступники, закономъ лишенные гражданства, или потомки ихъ; но богатые люди, имѣя множество холопей, населяли ими свои земли. Вотъ первыя въ нынѣшнемъ смыслѣ крѣпостныя деревни. Сверхъ того, владѣлецъ принималъ къ себѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ въ кабалу на условіяхъ, болѣе или менѣе стѣснившихъ ихъ естественную и гражданскую свободу; нѣкоторые, получая отъ него землю, обязывались и за себя, и за дѣтей своихъ ему вѣчно,—вторая причина сельскаго рабства. Другіе же крестьяне, и большая часть нанимали землю у владѣльцевъ только за деньги, или за опредѣленное количество хлѣба, имѣя право, по истеченіи урочнаго времени, идти въ другое мѣсто. Сіи свободные переходы имѣли свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали къ себѣ вольныхъ крестьянъ отъ владѣльцевъ малосильныхъ, которые, оставаясь съ пустою землею, лишались способа платить государственныя повинности. Царь Борисъ отнялъ первый у всѣхъ крестьянъ волю переходить съ мѣста на мѣсто, т. е. укрѣпилъ ихъ за господами: вотъ начало общаго рабства. Сей уставъ измѣнялся, ограничивался, имѣлъ исключенія и долгое время служилъ поводомъ къ тяжбамъ, наконецъ, утвердился во всей силѣ, и древнее различіе между крестьянами и холопами совершенно исчезло. Слѣдуетъ: 1) что нынѣшніе господскіе крестьяне не были никогда владѣльцами, т. е. не имѣли собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность дворянъ; 2) что крестьяне холопскаго происхожденія также закон-

ная собственность дворянская и не могутъ быть освобождены лично безъ особеннаго нѣкотораго удовлетворенія помѣщика; 3) что одни вольные, Годуновымъ укрѣпленные за господами, земледѣльцы могутъ по справедливости требовать прежней свободы; но 4) какъ мы не знаемъ нынѣ, которые изъ нихъ происходятъ отъ холопей и которые отъ вольныхъ людей, то законодателю предстоитъ не малая трудность въ распутываніи сего Гордіева узла, если онъ не имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объявивъ, что всѣ люди равно свободны: потомки военноплѣнныхъ, купленныхъ законныхъ невольниковъ и потомки крѣпостныхъ земледѣльцевъ; что первые освобождаются правомъ естественнымъ, такъ же, какъ вторые правомъ монарха самодержавнаго—отмѣнять уставы своихъ предмѣстниковъ. Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому, и что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ тѣ уставы, которые дѣлаются вредными, или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими.

Этими доводами Карамзинъ доказываетъ юридическую невозможность освобожденія крестьянъ; но онъ страшится, что несмотря на подобныя юридическія основанія, несправедливое, по его мнѣнію, дѣло освобожденія все же можетъ совершиться, а потому ему необходимо доказать, что этотъ планъ реформы не только несправедливъ, но и абсолютно вреденъ, причемъ болѣе всего могутъ потерпѣть сами крестьяне, о благѣ которыхъ заботится правительство, замышляющее освободительную реформу. Вотъ эта аргументація:

«Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помѣщиковъ съ условіемъ платить оброкъ, обрабатывать господскія поля, доставлять хлѣбъ, куда надобно,—однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде, или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность,—тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ

его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія поля не обработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ. Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безнадежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ— какое разореніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ, какъ Атласъ, возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ—есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ оброкомъ или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго попечителя и заступника. Не лучше ли подъ рукою взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ? Они извѣстны начальникамъ губерній. Ежели послѣдніе вѣрно исполнятъ свою должность, то первыхъ скоро не увидимъ; а ежели не будетъ въ Россіи умныхъ и честныхъ губернаторовъ, то не будетъ благоденствія и для поселянъ вольныхъ. Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства

служатъ ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху. «Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ».

Разобравъ послѣ того нѣкоторыя финансовыя мѣропріятія правительства и проектъ новаго Уложенія, въ которомъ главнымъ недостаткомъ ему представляется подражаніе Наполеоновскому кодексу, Карамзинъ высказываетъ свои положительныя мнѣнія. Въ то время, какъ совѣтники Александра возлагаютъ слишкомъ большія надежды на новыя учрежденія, Карамзинъ думаетъ, что не въ учрежденіяхъ дѣло, что «не формы, а люди важны», и потому нужно заботиться о выборѣ пригодныхъ людей для замѣщенія существующихъ должностей. Нужно прежде всего охранять самодержавіе, а съ нимъ вмѣстѣ и весь status quo. «Дворянство, духовенство, Сенатъ и Синодъ, какъ хранилища законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей—вотъ основаніе Россійской монархіи». Всякая перемѣна, всякія новости—зло.

Такимъ образомъ, историческое обоснованіе приводитъ Карамзина къ отреченію отъ многихъ идей (или вѣрнѣе, фразъ), которыми онъ въ былое время такъ увлекался. Не мудрено, что съ измѣненіемъ (или выясненіемъ) его взглядовъ измѣнились отношенія къ нему разныхъ круговъ общества: тогда какъ въ прежнее время его считали спаснымъ либераломъ, теперь передовая молодежь встрѣтила его главный трудъ «Исторію Государства Россійскаго» далеко не сочувственно, какъ это видно изъ эпиграммъ Пушкина и изъ критической статьи Никиты Муравьева, которая ходила въ то время по рукамъ. Молодое поколѣніе не могло согласиться съ тѣмъ общественнымъ квіетизмомъ, который проповѣдывалъ Карамзинъ въ предисловіи къ «Исторіи», и по поводу словъ историографа, что «исторія миритъ простого гражданина съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали ужаснѣйшія, и государство не разрушалось», по поводу этихъ словъ Никита Муравьевъ высказалъ весьма любопытныя замѣчанія, которыя мы считаемъ не лишнимъ привести въ заключеніе настоящаго очерка.

«Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего

земного; но исторія должна ли только мирить насъ съ несовершенствомъ, должна ли погружать насъ въ нравственный сонъ квіетизма? Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противъ заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствомъ, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, но пища чувствительности, не забавы праздности, составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, побуждаетъ душевныя силы наши, и устремлетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ. Священными устами исторіи праотцы взываютъ къ намъ *Не посрамите земли Русскія!*»

«*Несовершенство видимаго порядка вещей* есть, безъ сомнѣнія, обыкновенное явленіе во всѣхъ вѣкахъ, но есть различіе между несовершенствами. Кто сравнитъ несовершенства вѣка Фабриціевъ или Антониновъ съ несовершенствами вѣка Нерона или гнуснаго Геліогабала, когда честь, жизнь и самые нравы гражданъ зависѣли отъ произвола развращеннаго отрока.—когда владыки міра, римляне уподобились безсмысленнымъ тварямъ».

«Преступленія Тиверія, Калигулы, Каракаллы, опустошавшаго одинъ городъ послѣ другого, принадлежатъ ли къ обыкновеннымъ явленіямъ вѣковъ? Наконецъ, несовершенства великодушнаго воинственнаго народа временъ Святослава и Владиміра сходствуютъ ли съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи, когда цѣлый народъ могъ привыкнуть къ губительной мысли необходимости... Еще унизительнѣе для нравственности народной эпохи *возрожденія* нашего, рабская хитрость Іоанна Калиты, далѣе холодная жестокость Іоанна III, лицемѣріе Василія и ужасы Іоанна IV».

«Исторія можетъ ли также утѣшить насъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось? Кто поручится за будущее? Кто знаетъ, не постигнутъ ли внуковъ нашихъ бѣдствія еще ужаснѣе тѣхъ, которыя претерпѣвали наши дѣды? Государственныя бѣдствія могутъ имѣть послѣдствіемъ и разрушеніе самаго государства. Въ 98 году венеціане, читая въ лѣтописяхъ своихъ, какъ нѣкогда они противились Камбрейскому союзу, могли ли тѣмъ утѣшиться, теряя независимость и славу?»

Адмиралъ А. С. Шишковъ.

Однимъ изъ главныхъ противниковъ Карамзина, защищавшихъ старыя литературныя традиціи, былъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, выдающійся государственный дѣятель, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

> Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
> Священной памятью двѣнадцатаго года.

Уже раннія впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, домашняго воспитанія являются тою основою, которая должна была опредѣлить будущее религіозно-патріотическое міросозерцаніе Шишкова. Онъ воспитывался при тѣхъ же условіяхъ, что и нѣкоторые изъ его сверстниковъ, видные представители русской литературы второй половины XVIII столѣтія, какъ, напримѣръ, Фонвизинъ, Державинъ и др.

Въ нихъ развивались религіозное чувство и мысль подъ вліяніемъ чтенія церковныхъ книгъ, Священнаго Писанія и Четьихъ Миней. Въ этомъ чтеніи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ любви Шишкова къ церковно-славянскому языку; кромѣ церковныхъ книгъ его литературный вкусъ вырабатывался подъ вліяніемъ напыщенной ложноклассической поэзіи, и онъ навсегда остался почитателемъ Ломоносова, Сумарокова и другихъ кориѳеевъ русской литературы 18-го в. Съ такой домашней подготовкой Шишковъ поступилъ въ Морской Кадетскій корпусъ, который укрѣпилъ въ немъ идеи, вынесенныя изъ домашняго воспитанія.

Съ 1771 года начинается морская служба Шишкова. Въ 1776 году онъ былъ назначенъ на фрегатъ «Сѣверный Орелъ», который долженъ былъ изъ Кронштадта провести кругомъ черезъ Дарданелы три другихъ корабля (подъ видомъ купеческихъ) въ Черное море. Путешествіе продолжалось три года, познакомило Шишкова съ тогдашнимъ положеніемъ Италіи, Греціи и Турціи. Изъ этого времени сохранились его записки, въ которыхъ онъ передаетъ свои путевыя впечатлѣнія. Характерно, что

дно изъ этихъ впечатлѣній было первымъ импульсомъ враждеаго отношенія къ французамъ, которое впослѣдствіи окрасило сю литературную дѣятельность Шишкова. Корабль, на которомъ ылъ Шишковъ, побывалъ въ одномъ греческомъ порту, и Шишовъ передаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ такъ: «Мы видѣли нѣколько новѣйшихъ греческихъ часовенъ съ написанными на тѣнахъ ихъ изображеніями святыхъ и не могли надивиться уйству и злочестію французовъ, которые, заходя иногда въ сей ортъ, не оставили ни одной часовни безъ того, чтобы не обеобразить лицъ святыхъ и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и угательныхъ надписей». По возвращеніи изъ заграничнаго плаанія, Шишковъ былъ произведенъ въ лейтенанты и назначенъ ъ Морской Кадетскій корпусъ для преподаванія морской тактики.

Къ этому времени относится начало литературныхъ занятій Шишкова. Эти занятія отчасти связаны съ его педагогической дѣятельностью, но также вызваны и самостоятельнымъ интересомъ къ литературѣ. Такъ, онъ переводитъ французскую мелодраму «Благодѣянія пріобрѣтаютъ сердца» и нѣмецкую «Дѣтскую библіотеку» Кампе. Послѣдняя книжка, состоявшая изъ нравоучительныхъ разсказовъ для дѣтей въ стихахъ и прозѣ, имѣла большой успѣхъ; по ней долго обучали дѣтей грамотѣ. Къ началькому періоду литературной дѣятельности Шишкова относится и небольшая пьеса «Невольничество», написанная въ 1780 году для прославленія Екатерины, пожертвовавшей значительную сумму денегъ для выкупа алжирскихъ невольниковъ. Послѣ неудачной шведской войны, въ которой Шишковъ участвовалъ, онъ поселился въ Петергофѣ и предался научнымъ занятіямъ по морскому дѣлу. При вступленіи на престолъ Павла I, Шишковъ пользовался сначала расположеніемъ императора, но затѣмъ его постигла опала, и онъ былъ удаленъ отъ двора.

Въ 1801 году Шишковъ привѣтствовалъ вступленіе на престолъ императора Александра радостной одой, но скоро оказалось, что люди его воззрѣній уже устарѣли, не подходили къ требованіямъ Александра I. Уже первыя распоряженія новаго правительства вызвали осужденіе со стороны Шишкова. Онъ отказывается отъ активнаго участія въ государственной жизни и, ставъ въ ряды недовольныхъ, отдается литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ его старовѣрство можетъ быть объясняемо отчасти личными причинами. Выбранный еще въ 1796 г. въ члены Россійской академіи, Шишковъ углубился теперь въ изученіе цер-

ковно-славянскаго языка, при чемъ руководствовался господство
вавшимъ въ то время этимологическимъ направленіемъ. «Разы
сканія въ области филологіи, — говоритъ Сухомлиновъ, — доста
вляли Шишкову величайшее наслажденіе. Онъ свободно разгули
валъ въ созданномъ его воображеніемъ филологическомъ лѣсу
извлекалъ изъ него и корни, и деревья словъ, ломалъ и пере
саживалъ ихъ по своему произволу, въ наивной увѣренности
что трудъ его принесетъ обильные и въ высшей степени полез
ные плоды». До какой степени удачны были филологическія пу
тешествія Шишкова и открытія, сдѣланныя имъ во время лѣсныхъ
прогулокъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

«*Громъ*. Человѣкъ, наученный природою подъ звукомъ *гр*. раз
умѣть всякій гласъ или шумъ, и оттолѣ самый сильнѣйшій изъ
сихъ шумовъ, слышимый имъ всегда надъ главою своею, назвавъ
громъ, сталъ далѣе соображать и разсуждать. Съ понятіемъ о
громѣ естественно соединилось понятіе о высотѣ, поелику громъ
всегда вверху слышится. Отсюда, увидя нѣчто отличной высоты,
онъ тотчасъ (не по стуку, но по высокости) снесъ сію вещь съ
словомъ громъ, и назвалъ оную *гора*. Сіе новое въ умѣ его по-
нятіе о горѣ (родившееся отъ слова громъ) подало ему поводъ
подобнымъ же образомъ, т. е. чрезъ сличеніе и уподобленіе ве-
щей, производить отъ того же начала (корня) и другія колѣна
и отъ колѣнъ вѣтви, какъ то мы выше сего видѣли и теперь
изъ нижеслѣдующихъ объясненій увидимъ.—

«*Гордость*. Безъ всякаго сомнѣнія отъ уподобленія съ горою по-
тому что сословы гордости суть: *спесь*, *напыщеніе*, *высоковый-
ность*, *высокомѣріе;* первое отъ *сопѣть*, второе отъ *пыхтѣть*,
третье отъ *высоко носить шею или голову*, четвертое отъ *пре-
возноситься, ставить себѣ высокую мѣру*. Изъ всѣхъ сихъ по-
нятій явствуетъ, что признакомъ *гордости* почитается, когда
человѣкъ надувается, поднимаетъ голову вверхъ, слѣдственно
какъ бы хочетъ стать нѣкою горою, выше всѣхъ возносящеюся.

«*Грубый* (grob нѣм.). Есть также понятіе, почерпнутое отъ по-
нятія о *горѣ* или *горбѣ*, по тому соображенію, что всякая глад-
кость не дѣлаетъ такой непріятности осязанію, какую причи-
няетъ негладкость, т. е. *горами*, *горками*, *горбами*, *горбылями*
исполненное мѣсто, иначе шараховатость отъ слова *шарѣ*, тоже
какъ и *гора* или *горбѣ*, дѣлающимъ негладкость, неровность. Отъ
чувственнаго осязанія перешло сіе къ умственному понятію, и
сократясь изъ *горубость въ грубость*, стало обозначать невѣж-

вость, неучтивость, т. е. такую же во нравѣ черствость, ка-
ю осязаемъ, водя рукою или ходя ногами по неровному, не-
адкому и шероховатому мѣсту.

«*Грѣхъ* (грѣшу, грѣшить) показываетъ также слѣды проис-
жденія своего отъ гора. Мы уже видѣли, что подъ словомъ
орній часто разумѣемъ мы Бога и небеса (горній царь, горнія
лы). Слово же грѣхъ означаетъ именно вину передъ Творцомъ
беснымъ. О человѣкѣ мы говоримъ: я виноватъ передъ нимъ;
въ отношеніи къ Богу не употребляемъ слова *виноватъ*, а
воримъ: *согрѣшилъ* передъ Богомъ. Итакъ ясно, что *грѣхъ*
ѣроятно сокращеніе изъ *горѣхъ*) яко вина передъ *горнимъ* влады-
ю, долженствуетъ происхожденіе свое имѣть отъ сего же са-
го понятія. Сверхъ того *грѣхъ*, будучи виною передъ горнимъ,
ть для раскаивающагося въ немъ, купно и *горе*, и *горькость*,
грусть, *и горесть*. Всѣ сіи понятія изъ одного корня истекшія,
жутся быть изображающимися въ словѣ *грѣхъ*».

Такія же филологическія соображенія прилагаетъ Шишковъ
ъ словамъ *трудъ и тереть*.

(Трудиться, трудно и проч.). Слово сіе хотя имѣетъ
тъ же самый звукъ, однако не такую близость значенія съ
аголомъ *тру* (тереть), которая бы ясно и тотчасъ намъ пред-
авлялась. Для того распространимся нѣсколько въ объясненіи
шемъ. *Трудъ* безъ сомнѣнія есть распространенное значеніе
агола *тру*—имя изъ него извлеченное; ибо дѣйствіе, изъявляе-
ое симъ глаголомъ, не можетъ быть производимо безъ нѣкоего
илія, *труда*. Глаголъ *тру* представляетъ намъ одно нѣкоторое
йствіе, имъ опредѣляемое слово *трудъ* представляетъ вкупѣ
ногія подобныя дѣйствія, разныя, отнюдь симъ словомъ не опре-
бляемыя, но только вообще обозначаемыя; ибо человѣкъ тру-
ится, когда *третъ;* трудится, когда катитъ (напримѣръ, камень);
рудится, когда копаетъ (напримѣръ, землю и т. д.). Но во всѣхъ
ихъ дѣйствіяхъ глаголъ *тру* соучаствуетъ, поелику ни одно изъ
ихъ безъ нѣкоего *тренія* не совершается. Умъ, составлявшій
зыкъ, долженъ былъ примѣтить оное. Человѣкъ далъ различныя
азванія симъ дѣйствіямъ (тереть, катить, копать и проч.); но
оелику при каждомъ изъ нихъ совершается нѣкоторое усиліе,
апряженіе мышцей, то, дабы дать всѣмъ симъ усиліямъ одно
бщее имя, не могъ онъ взять произвольно какой нибудь слу-
айно пришедшій ему въ голову звукъ. Таковое составленіе языка
еудобно и несвойственно одаренному разсужденіемъ существу.

Итакъ онъ, размышляя о сихъ дѣйствіяхъ и находя одно из нихъ (тереть) болѣе всѣхъ участвующимъ въ другихъ, взял оное за корень и произвелъ изъ него потребное ему слов *трудъ*.

При семъ надлежитъ еще примѣтить, что дѣйствіе, озна чаемое словомъ *треніе*, есть самое сильнѣйшее и величайше въ природѣ: оно сопряжено съ движеніемъ всѣхъ тѣлъ, яко про тивоборствующая сему ихъ стремленію сила, безпрестанно оста новить оное трудящаяся. Слѣдовательно, никакое отъ иног корня произведенное слово не удобно съ такимъ приличіемъ правдою выразить слово *трудъ*, какъ имя, взятое отъ глагол *тру*. Въ славянскомъ языкѣ сіе приличіе производства слов основанное на истинномъ познаніи вещей и глубокомъ разсуж деніи, весьма часто примѣчается».

Эти филологическія занятія доставляли Шишкову утѣшені въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. Однако, одной фило логіей онъ не могъ ограничиться. Хотя онъ и удалился от дѣлъ, тѣмъ не менѣе отъ него не ускользали факты дѣйстви тельной жизни. Здѣсь Шишковъ видитъ, что все идетъ въ раз рѣзъ съ его археологическими вкусами, и онъ рѣшается высту пить въ качествѣ публициста, конечно, съ націоналистическим тенденціями. Его возмущаютъ новыя идеи, выразившіяся как въ проектахъ государственныхъ преобразованій, такъ и въ ли тературѣ. Онъ возстаетъ противъ нововведеній и высказывает недовольство молодыми администраторами, получившими не русское образованіе. Шишковъ рѣшительно ополчается против Карамзина, который не совсѣмъ благосклонно относился къ слог прежнихъ писателей и признавалъ только за новѣйшимъ слогом нѣкоторую пріятность. Какъ членъ Россійской академіи, Шишков считаетъ своимъ долгомъ оберегать чистоту русскаго языка, такъ какъ стилистическія правила Ломоносовской школы, н которыхъ воспитался Шишковъ, отвергнуты Карамзинской шко лой и начались заимствованія у французовъ, возбудившихъ ещ 20 лѣтъ назадъ его негодованіе, то Шишкову представляется что русскому литературному языку грозитъ опасность полнаг искаженія.

Чтобы противостать этой пагубѣ, Шишковъ въ 1803 г. из даетъ свое сочиненіе «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» Въ этомъ произведеніи онъ высказываетъ общее положеніе, что русскій языкъ не можетъ развиваться при томъ французкомъ

правленіи, которое дается нашимъ дѣятелямъ. «Какое знаніе
жемъ мы имѣть, говоритъ Шишковъ, — въ природномъ языкѣ
юемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ
мыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у францу-
овъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои
бычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и
онятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и
аже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо
а языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся
е знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ
зъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ
остоинствомъ хвастаютъ и величаются. Будучи такимъ образомъ
оспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они
бъясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, который въ общихъ
азговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они
очерпнуть искусство и свѣдѣнія въ книжномъ или ученомъ
зыкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простого мыслей своихъ
ообщенія. Для познанія богатства, обилія, силы и красоты языка
воего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче
ревосходными писателями сочиненныя. Отмѣчая этотъ недоста-
окъ «знатныхъ бояръ и дворянъ» и забывая, что изъ нихъ
икто почти литературой не занимался, Шишковъ тѣмъ не
енѣе видитъ здѣсь причину пренебреженія къ ц.-славянскому
зыку, вслѣдствіе чего «въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ господ-
твуетъ странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ».
іренебрежительно относясь къ ц.-славянскому языку, который,
о мнѣнію Шишкова, тождественъ съ русскимъ, новые писатели
ѣликомъ переносятъ французскія слова, составляютъ новыя
лова и реченія по образцу французскихъ, придаютъ словамъ,
режде существовавшимъ новое, несвойственное, имъ значеніе.
Между тѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ
выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ несвойственныхъ,
ногія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова иныя
ришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство
мысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей
транны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе и упо-
ребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками
твержденныя понятія: такимъ то образомъ процвѣтаетъ словес-
ость наша и образуются пріятность слога, называемая élégance!»
Для того, чтобы показать образцы хорошаго слога, Шишковъ

въ свое «Разсужденіе» внесъ изъ Четьихъ Миней житіе трех дѣвъ: Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, прибавилъ къ нем объяснительный словарь славянскихъ словъ, сравненіе Ломоно совской оды «Іовъ» съ книгой Іова.

Когда это произведеніе Шишкова вышло въ свѣтъ, оно вы звало общее изумленіе по тѣмъ филологическимъ соображе ніямъ, какія въ нихъ были. Шишковъ негодовалъ на новы слова, совѣтовалъ ихъ замѣнить русскими и славянскими сло вами. (Напр. *аллея* — словомъ *омена*, которое упоминается в исторіи Артаксеркса). Для несуществующихъ въ ц.-славянском языкѣ нужно образовать новыя, но не по образцу Карамзинско школы. Нужно, чтобы эти новыя слова не были простыми пере водами, какъ, напримѣръ, французское слово *touchant* въ рус скомъ языкѣ было передано словомъ *трогательный*. Посл такихъ филологическихъ изобрѣтеній къ Шишкову стали отно ситься иронически. Но онъ не унывалъ и напечаталъ прибавлені къ своему «Разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ». Здѣс онъ продолжаетъ отстаивать тождественность русскаго и ц.-сла вянскаго языка, несмотря на сдѣланныя ему уже возраженія «Отколѣ,—говоритъ онъ, — родилась неосновательная мысль сія что славянскій и русскій языкъ различны между собой. Ежел мы слово «языкъ» возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то конечно, можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ раз ностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полу вѣкѣ примѣчается перемѣна въ нарѣчіяхъ... Что такое русскій языкъ отдѣльно отъ славянскаго? Мечта, загадка? Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова?» Славянскій языкъ Шишковъ считаетъ языкомъ церковныхъ книгъ, а русскій — языкомъ книгъ свѣтскихъ. Ихъ раздѣлять нельзя. Свое сочиненіе Шишковъ черезъ министра поднесъ Александру «и былъ осчастливленъ благоволеніемъ» также похвалили его усердіе многія духовныя и свѣтскія особы Ободренный высокимъ покровительствомъ, Шишковъ энергично продолжаетъ свою работу. По его мысли Россійская академія съ 1805 года издаетъ «Сочиненія и переводы», въ которыхъ пропагандируетъ его идеи. Въ своихъ оригинальныхъ и пере водныхъ произведеніяхъ, печатавшихся Академіей, онъ старается отстоять старый языкъ. Въ числѣ другихъ переводовъ былъ изданъ и его «переводъ «Слова о полку Игоревѣ» на современный языкъ». Но всего этого для Шишкова мало, мало того, что его

оддерживаетъ Россійская академія, — онъ рѣшилъ образовать бщество для борьбы съ новой пагубой. Вмѣстѣ съ Державиымъ, Хвостовымъ и сенаторомъ Захаровымъ Шишковъ устраваетъ кружокъ. Въ 1807 году начались частныя засѣданія того кружка, а съ 1810 г. собранія стали публичными подъ менемъ «Бесѣды любителей русскаго слова». Цѣлью «Бесѣды» ыло укрѣпленіе патріотическихъ чувствъ въ русскомъ обществѣ ри помощи русскаго языка и словесности. Чтобы вліять на ублику, было предпринято изданіе «Чтеній въ «Бесѣдѣ» любителей русскаго слова», при чемъ матеріалъ для «Чтеній» доставлся, главнымъ образомъ, Шишковымъ. Такъ, здѣсь были омѣщены его «Разсужденіе о красотѣ Св. Писанія», «Разговоры словесности».

Любопытны, между прочимъ, мысли, высказанныя Шишкоымъ въ «Разговорахъ». Онъ говоритъ здѣсь, что изученіе русскихъ народныхъ пѣсенъ очень важно для русскаго языка Шишковъ забываетъ что дѣло идетъ не о томъ языкѣ, который нъ защищаетъ). «Народный языкъ,—пишетъ онъ,—очищенный ѣсколько отъ своей грубости, возобновленный и приноровленый къ нынѣшней нашей словесности, сблизилъ бы насъ съ ою пріятною невинностью, съ тѣми естественными чувствованіями, отъ которыхъ мы, удаляясь, дѣлаемся болѣе желанными оворунами, нежели истинно краснорѣчивыми писателями». Въ ѣхъ же «Чтеніяхъ» печатается патріотическая статья Шишкова О любви къ отечеству».

Всѣ эти разсужденія совпадаютъ съ очень важными историческими моментами, давшими Шишкову возможность снова ринять участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Приближалась ойна 1812-го года. Александру I нуженъ былъ подходящій челоѣкъ для редактированія манифестовъ, и, хотя императоръ не ылъ расположенъ къ Шишкову за его рѣзкія рѣчи и дѣйствія ъ прежнее время, онъ все же обратился къ нему, такъ какъ аходилъ, что Шишковъ можетъ быть ему полезенъ. «Я читалъ азсужденіе ваше о любви къ отечеству, сказалъ Александръ Шишкову, призывая его къ себѣ. — Имѣя таковыя чувства, вы ожете быть ему полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ ойны съ французами, нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; Я бы елалъ, чтобы вы написали манифестъ».

9-го апрѣля 1812 года Шишковъ былъ назначенъ на мѣсто осударственнаго секретаря, замѣнивъ Сперанскаго. Для него

начинается кипучая дѣятельность. Онъ отправляется вмѣстѣ с Александромъ сначала въ Вильну, а затѣмъ, находясь при арміи пишетъ всѣ важнѣйшіе манифесты, рескрипты и воззванія Въ нихъ можно найти много своеобразнаго краснорѣчія, кото рымъ Шишковъ старается возбудить патріотизмъ. И нѣкоторы изъ его писаній производили впечатлѣніе. Они совпадали с общимъ настроеніемъ. Его патріотическое увлеченіе выражалос въ гнѣвныхъ, обличительныхъ рѣчахъ противъ французовъ которыхъ онъ уподоблялъ «сліянію тигра съ обезьяной». Шиш ковъ призывалъ къ духовной борьбѣ съ ними. Нужно отречьс отъ всякаго подражанія имъ. Эти горячія рѣчи предвѣщал реакцію, которая вскорѣ должна была наступить. Онѣ нравилис императору. Но одно изъ произведеній государственнаго секре таря «Извѣстіе изъ Москвы, занятой французами», вызвал неудовольствіе со стороны государя. Самъ Шишковъ такъ раз сказываетъ объ этомъ: «Написавъ сіе, подумалъ я, что упрек сіи (русскому обществу) если не прямо, то косвенно на нег падаютъ. Мысль сія остановила меня. Но когда же подумал опять — дать ему это почувствовать, какъ не при нынѣшних обстоятельствахъ. Ободренный симъ размышленіемъ, рѣшился идти къ нему; но прежде, нежели начать читать, сказалъ ему государь, я не умѣю иначе говорить, какъ то, что чувствую Позвольте мнѣ попросить васъ выслушать бумагу мою до конца не прерывая чтенія оной. Послѣ того дѣлайте съ ней, что вам будетъ угодно. Онъ обѣщалъ это, и я началъ читать. По окон чаніи чтенія, взглянувъ на него, примѣтилъ я въ лицѣ его нѣкоторую краску и смущеніе». На этотъ разъ Александр подавилъ свое недовольство, но скоро началось охлажденіе к Шишкову. Тѣмъ не менѣе это охлажденіе не мѣшало утверждаться направленію Шишкова, и его реакціонные взгляды вскорѣ стано вятся господствующими при дворѣ.

Послѣ войны 12-го года Шишковъ снова занялся своей фи лологіей. Онъ вступилъ даже въ переписку съ основателем славянской филологіи, аббатомъ Добровскимъ, и здѣсь мы снова находимъ тѣ же курьезныя, оригинальныя словообразованія, не имѣющія никакого значенія въ научномъ отношеніи, какъ и раньше. Вскорѣ онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ Россійской академіи. Какъ представитель консервативно-патріотическихъ взглядовъ, онъ вноситъ въ госу дарственный совѣтъ новый проектъ цензурнаго устава, осуждаетъ

проекты Сперанскаго, защищаетъ крѣпостное право и рѣзко критикуетъ дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ благодаря его попустительству, всѣ училища превратились въ школы разврата, «и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ же покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумія». Какъ президентъ Академіи, онъ продолжаетъ филологическія занятія, ведя борьбу съ новыми писателями и поддерживая традиціи «Бесѣды любителей русскаго слова».

Въ 1824 году, въ эпоху полнаго расцвѣта реакціи, императоръ Александръ назначилъ Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій. На него была возложена задача произвести очистку этихъ вѣдомствъ отъ тлетворнаго духа, который завелся въ нихъ при князѣ А. Н. Голицынѣ. Хотя Голицынъ въ достаточной мѣрѣ былъ обскурантомъ, возставшимъ противъ «лжеименнаго разума», однако его мистицизмъ казался чѣмъ-то ненадежнымъ, и призванъ былъ Шишковъ, по мнѣнію котораго, цѣль министерства народнаго просвѣщенія состояла въ томъ, чтобы оберегать юношество отъ заразы «лжемудрыми ученіями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ, и черезъ то дѣлающимъ его въ старости юношею». «Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы». Таковы были взгляды новаго министра народнаго просвѣщенія. При первомъ же докладѣ Государю Шишковъ проситъ Высочайшаго позволенія составить планъ «какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось». Въ числѣ этихъ «способовъ» было усиленіе цензурнаго гнета. Былъ выработанъ новый суровый цензурный уставъ. Подверглись преслѣдованію Библейскія общества, за распространеніе карбонарскихъ книгъ, въ число которыхъ попалъ и катехизисъ Филарета, потому что въ немъ тексты Св. Писанія были приведены по русски. Но полное преобразованіе министерства народнаго просвѣщенія Шишковымъ не могло быть закончено. 25 апрѣля 1828 года Шишковъ былъ уволенъ отъ должности министра «по преклонности лѣтъ и по разстроенному здоровью». И хотя

онъ сохранилъ должность члена государственнаго совѣта и президента Академіи, однако его общественная дѣятельность съ этого момента можетъ считаться законченной. Онъ погрузился въ свои филологическія изысканія, не имѣвшія никакого научнаго значенія и потерявшія даже тотъ боевой общественный характеръ, какой они имѣли раньше. Умеръ Шишковъ въ 1841 году.

Шишковъ первый со своимъ кружкомъ получилъ названіе славянофиловъ. Ихъ называли такъ въ насмѣшку за занятія славянской филологіей. Но, конечно, Шишкова не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми славянофилами, которые явились позже. Онъ скорѣе является представителемъ того направленія, которое впослѣдствіи получило названіе офиціальной народности. Шишковъ, какъ нравственная личность, не заслуживаетъ упрековъ, которые отпускались по его адресу: онъ никогда не лукавилъ, не искалъ выгодъ. Но для насъ важны, конечно, его литературно-общественные взгляды, а въ этомъ отношеніи Шишковъ является старовѣромъ, такъ какъ онъ отстаивалъ старыя традиціи, какъ въ литературныхъ, такъ и въ общественныхъ вопросахъ.

Романтизмъ.

Въ началѣ XIX вѣка въ русской литературѣ понемногу обнаруживается нѣкоторое новое направленіе, близко родственное сентиментализму, но кое въ чемъ отъ него отличающееся. Получивъ названіе романтизма, это направленіе вызываетъ оживленные толки въ читающей публикѣ. Вскорѣ оно развѣтвляется, даетъ начало разнымъ новымъ теченіямъ въ русской умственной жизни, теченіямъ, сильно отличающимся отъ первоначальнаго движенія и по формѣ, и по содержанію, но сохраняющимъ за собою то же названіе. Такъ какъ направленіе это возникло на Западѣ, а оттуда въ измѣненномъ видѣ перешло къ намъ, то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о романтизмѣ европейскомъ.

Романтизмъ можно понимать, съ одной стороны, какъ извѣстное поэтическое настроеніе, а съ другой—какъ историческое явленіе, характерно выразившееся въ европейской литературѣ первой половины XIX столѣтія. Сущность романтическаго настроенія выясняется Бѣлинскимъ въ его статьяхъ о Пушкинѣ. „Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи,—говоритъ Бѣлинскій,—романтизмъ есть ничто иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца. Въ груди и сердцѣ человѣка заключается таинственный источникъ романтизма: чувство, любовь есть проявленіе или дѣйствіе романтизма, и потому почти всякій человѣкъ—романтикъ. Исключеніе остается только или за эгоистами, которые кромѣ себя никого любить не могутъ, или за людьми, въ которыхъ священное зерно симпатіи и антипатіи задавлено и заглушено или нравственною неразвитостью, или матеріальными нуждами бѣдной и грубой жизни. Вотъ самое первое, естественное понятіе о романтизмѣ“. При такомъ широкомъ опредѣленіи романтизма, Бѣлинскій вполнѣ естественно находитъ его во всѣхъ странахъ, во всѣ періоды развитія міровой литературы, такъ какъ „человѣкъ по натурѣ своей былъ, есть и будетъ одинъ и тотъ же“: романтизмъ есть и на Востокѣ, „миѳы котораго—самое вѣрное свидѣтельство романтической жизни народовъ и выражаютъ одно неутомимое вожделѣніе, одно чувство: сладострастіе, — одну идею: вѣчную производительность природы; въ греческомъ романтизмѣ „любовь

является уже въ высшемъ моментѣ своего развитія: тамъ она—чувственное стремленіе, просвѣтленное и одухотворенное идеею красоты; это изящное, проникнутое граціею наслажденіе"; въ этомъ античномъ романтизмѣ былъ сильный мистическій элементъ, выражавшійся въ „борьбѣ титаническихъ естественныхъ и сердечныхъ стремленій противъ олимпійскихъ боговъ"; въ средніе вѣка „романтизмъ составлялъ безпримѣрную самобытную силу, которая не будучи ничѣмъ ограничиваема, дошла до послѣднихъ крайностей противорѣчія и безсмыслицы, такъ какъ этимъ страннымъ міромъ среднихъ вѣковъ управлялъ не разумъ, а сердце и фантазія"; романтизмъ нашего времени есть сынъ романтизма среднихъ вѣковъ, но онъ же очень сродни и романтизму греческому, онъ есть органическая полнота и всецѣлость романтизма всѣхъ вѣковъ и всѣхъ фазисовъ развитія человѣческаго рода".

Такое же широкое опредѣленіе романтизма даетъ и Аполлонъ Григорьевъ. „Романтическое въ искусствѣ и жизни, — говоритъ онъ, — на первый разъ представляется отношеніемъ души къ жизни несвободнымъ, подчиненнымъ, несознательнымъ, а съ другой стороны, оно же—это подчиненное чему-то отношеніе—есть и то переходное, то вѣчно недовольное настоящимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди и чему не довольно цѣлаго міра,—тотъ огонь, о которомъ говоритъ Мцыри, что онъ отъ „юныхъ дней, таяся, жилъ въ груди моей. . и онъ прожегъ свою тюрьму"... Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ, и въ средне-вѣковомъ, и въ новомъ; оно является во всякую эпоху, только что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго моральнаго переворота, въ переходные моменты сознанія". Подобныя опредѣленія романтическаго настроенія мы находимъ и у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ теоретиковъ романтизма, и у Шатобріана, и у г-жи Сталь, причемъ послѣдняя становится, однако, на болѣе историческую почву, видя романтизмъ только въ христіанскомъ мірѣ; христіанство внесло въ поэзію меланхолическое настроеніе, тоску о лучшемъ, небесномъ существованіи, котораго мы лишились и къ которому мы естественно стремимся возвратиться—настроеніе, совершенно неизвѣстное классической древности. Этотъ взглядъ г-жи Сталь (несмотря на примѣръ Платона, который въ этомъ смыслѣ можетъ быть названъ романтикомъ древности) былъ раздѣляемъ въ извѣстной мѣрѣ и Викторомъ Гюго и Шатобріаномъ, указывавшими, что роман-

тизмъ есть прежде всего созданіе новоевропейскихъ христіанскихъ и романскихъ народовъ.

Обращаясь къ романтизму, какъ историческому явленію, мы находимъ первые источники его въ той самой просвѣтительной философіи, противъ которой такъ возставали новые романтики, въ движеніи періода бури и натиска, въ универсализмѣ Гердера и въ критикѣ Лессинга. Лессингъ окончательно разрушилъ тѣ условныя правила, на которыхъ основывался классицизмъ XVIII вѣка, и заодно съ Дидро указалъ на роль чувства въ литературѣ. Свобода и искренность вдохновенія составляютъ главное требованіе новой литературной школы, выступившей въ Германіи въ эпоху Гете и Шиллера; духовное родство всѣхъ этихъ теченій съ этой группой писателей, которая приняла названіе романтической школы и претендовала на коренное различіе съ предшественниками, не можетъ, по крайней мѣрѣ въ указанныхъ основныхъ пунктахъ, подвергаться никакому сомнѣнію, какъ это было выяснено еще Гервинусомъ, а за нимъ Ю. Шмидтомъ, Геттнеромъ и Гаймомъ. Періодъ бури и натиска, по указанію Гайма, поставилъ нѣмецкой литературѣ задачи первостепенной важности: „нужно было собрать въ одно цѣлое всѣ уже находившіеся на лицо идеальные мотивы; нужно было освоиться съ тѣми благородными идеями, которыя уже были развиты творческою дѣятельностью геніальныхъ людей, и распространить ихъ въ низшихъ слояхъ нѣмецкаго общества; нужно было провѣрить основательность этихъ идей въ ихъ всестороннемъ примѣненіи, провести ихъ въ самыя разнообразныя сферы, перенести духъ поэзіи въ науку, въ жизнь, въ нравы,— и за эту-то работу взялась романтическая школа“.

Философскія воззрѣнія школы вытекаютъ изъ ученія Фихте. Исходя изъ критической философіи Канта, Фихте утверждаетъ, что между теоретическимъ разумомъ, заявляющимъ притязаніе на знаніе вещей въ нихъ самихъ, въ ихъ внутренней истинѣ, и нашимъ нравственнымъ чувствомъ, отвергающимъ безусловную необходимость всѣхъ явленій, лежитъ непроходимая пропасть. Самыя притязанія теоретическаго разума не имѣютъ никакого основанія. Мы не можемъ знать дѣйствительность иначе, какъ въ нашихъ мысляхъ, а наши мысли не существуютъ внѣ нашего сознанія. Думая постигнуть вселенную, мы познаемъ только свое собственное „я“. Теоретическій разумъ, согласный самъ съ собою, долженъ все существующее превратить въ призракъ.

Слѣдовательно, умозрѣніе не можетъ намъ дать реальной истины, и ея познаніе возможно только при помощи вѣры, которая основывается на непобѣдимомъ стремленіи къ дѣятельности, прирожденной человѣку. Во имя этого стремленія мы приписываемъ реальность не только земному міру, который есть поприще нашей дѣятельности, но и міру надземному, сверхчувственному, такъ какъ въ немъ только наше существованіе получаетъ высшій смыслъ, и лишь въ немъ осуществляется движущій нами нравственный идеалъ, безконечный по своему содержанію. Настоящая наша жизнь, въ виду будущей, есть жизнь въ вѣрѣ; вѣчная жизнь усвояется лишь пожертвованіемъ чувственнаго и его цѣлей закону высшему; только отказавшись отъ земного, мы получаемъ вѣру въ вѣчное. Изъ такихъ построеній легко было заключить, какъ это сдѣлалъ Шеллингъ, о тождествѣ реальнаго и идеальнаго въ единомъ жизненномъ началѣ, которое, какъ душа міра, является органическою связью всѣхъ вещей. Слѣдовательно, красота есть безконечное, переданное въ конечномъ, и въ поэтическомъ творчествѣ нераздѣльно совмѣщается сознательное съ безсознательнымъ.

Въ такомъ направленіи полную формулировку философіи искусства даетъ Зольгеръ: „Безконечное развертывается передъ нами въ конечномъ, дабы непрестанно въ себя возвращаться. Иронія—вотъ тотъ высшій взглядъ, который паритъ надъ этимъ вѣчнымъ переливомъ бытія въ призрачность и призрачности въ бытіе. Это именно то душевное настроеніе, которое видитъ во всѣхъ вещахъ откровеніе, но вмѣстѣ и скудное осуществленіе идей, и если оно скорбитъ о погибели частнаго, то зато ликуетъ о торжествѣ божественнаго, которое заявляетъ этимъ свою всемогущую безконечность". Иронія проникаетъ все поэтическое и философское міросозерцаніе школы; по выраженію Ф. Шлегеля, въ ней есть какая-то трансцендентальная насмѣшка (Transcendentale Buffonerie), т. е. такое настроеніе, которое помогаетъ поэту стать безконечно выше всего условнаго какъ въ художественномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, и позволяетъ ему съ высоты идеала смотрѣть на міръ, какъ на игру (das wirkliche Spiel des Lebens). Такъ обосновывается въ романтизмѣ полная свобода поэта, его субъективизмъ.

Тотъ же субъективизмъ выдвигался школою и въ области религіи и нравственности, гдѣ наиболѣе виднымъ представителемъ идей новаго направленія былъ Шлейермахеръ. Въ противо-

положность просвѣтительной философіи и Канту, религія, по взгляду Шлейермахера, заключается не въ теоретическомъ построеніи догматовъ, не въ добродѣтели, не въ знаніи и дѣйствіи, а исключительно въ созерцаніи и чувствѣ; она есть благоговѣйное созерцаніе безконечнаго въ конечномъ, или такое настроеніе, которое, подобно священной музыкѣ, сопровождаетъ всякое дѣяніе человѣка. Каждый человѣкъ, благодаря религіи, становится средоточіемъ универсальности, и всякое явленіе окружающей природы есть откровеніе божества. Священное Писаніе теряетъ свое значеніе при такомъ пантеистически-субъективномъ пониманіи религіи, но изъ существующихъ религій Шлейермахеръ все таки отдаетъ первенство христіанству, какъ такой системѣ, въ которой совершеннѣе всего выражено стремленіе конечнаго къ безконечному. Субъективизмъ въ религіи приводитъ Шлейермахера къ крайнему нравственному индивидуализму, такъ какъ чувство есть тождество мышленія и хотѣнія и становится божественнымъ двигающимъ началомъ нашей дѣятельности; поэтому наша первая задача—быть самими собою, вырабатывать свои индивидуальныя особенности, которыя намъ даны свыше. Однако, этотъ индивидуализмъ у Шлейермахера не вполнѣ исключалъ любовное отношеніе къ внѣшнему міру, такъ какъ его надо познавать. Безъ притягательной силы духовнаго міра все обращается въ безформенную массу.

При всей расплывчатости своихъ религіозныхъ и моральныхъ воззрѣній, Шлейермахеръ все-таки не сдѣлалъ того шага, на который отважились романтики, искавшіе въ религіи прежде всего эстетическихъ элементовъ. Въ протестантизмѣ красота почти совсѣмъ отсутствуетъ, а потому естественно было искать ее въ средневѣковомъ католицизмѣ, или даже на Востокѣ, гдѣ, по язвительному замѣчанію Гейне, одинъ изъ братьевъ Шлегелей нашелъ свои средніе вѣка (Elephantenmittelalter). Особенно ярко сочувствіе католицизму выражено Новалисомъ (Гарденбергомъ) въ его „Фрагментѣ о христіанствѣ“. „Было нѣкогда славное время, — говоритъ Новалисъ, — когда Европа была единой страной, въ которой жило одно христіанское населеніе, сплоченное общимъ интересомъ, подчиненное одному верховному главѣ. Миръ и любовь царствовали на землѣ, процвѣтала торговля и изящныя искусства. Мудрый глава церкви справедливо противился дерзкому развитію человѣческихъ способностей въ ущербъ набожности и несвоевременнымъ, опаснымъ открытіямъ въ области

мысли. Но человѣчество недостаточно созрѣло для того, чтобы наслаждаться подобнымъ гармоническимъ существованіемъ. Зловредная культура подкопалась подъ этотъ чудный бытовой строй, который сталъ мало-по-малу разлагаться. Вспыхнуло возмущеніе, называемое протестантизмомъ. Оно разорвало единство церкви и подчинило религію цѣлямъ государственнымъ. Мѣсто живой *поэтической* религіи заступило служеніе буквѣ; свѣтскія начала въ обществѣ получали большее и большее преобладаніе, значеніе искусства умалялось, человѣчество приближалось къ періоду невѣрія. Даже благодѣтельная сила іезуитскаго ордена была сокрушена правительственною властью. Наконецъ, въ французской матеріалистической философіи и въ нѣмецкомъ просвѣщеніи сосредоточилась ненависть ко всему святому, ко всякому энтузіазму, всякой поэзіи и прорвалась наружу во второй реформаціи, т. е. во французской революціи. Теперь наступаетъ пора религіознаго возрожденія. Среди анархіи зарождается вѣра, среди истребленія всѣхъ положительныхъ началъ поднимается снова религія — устроительница міра. Приближается новое золотое время, съ темными, безконечно глубокими очами, время пророчествъ и чудесъ, подающее утѣшеніе духу и открывающее путь къ вѣчной жизни"...

Въ средневѣковыхъ воспоминаніяхъ, кромѣ папства, нашлось весьма много другихъ фактовъ, утѣшительныхъ при томъ тяжеломъ положеніи, которое приходилось переживать Германіи въ началѣ XIX-го столѣтія: тамъ, назади, виднѣлась могущественная имперія съ феодальнымъ строемъ, съ поэтическими рыцарскими похожденіями; богатый фантастическій міръ средневѣковаго творчества манилъ къ себѣ разнообразіемъ своихъ красокъ, причудливостью положеній, возвышенной туманностью идеаловъ. Надо — думали романтики — изучать средніе вѣка не изъ одного историческаго интереса, а съ практической цѣлью обновленія сухой, разсудочной атмосферы, созданной вѣкомъ просвѣщенія, для національнаго возрожденія Германіи. Въ сущности въ этомъ тенденціозномъ изученіи среднихъ вѣковъ было много ложнаго, но оно сослужило свою службу, давъ начало разработкѣ средневѣковой исторіи, которая скоро успѣла выйти на вполнѣ научный путь. Національныя тенденціи тоже были вполнѣ законнымъ явленіемъ въ эпоху угнетенія Германіи, и въ нихъ была своя полезная сторона, но романтизмъ въ своемъ увлеченіи стариной очень ужъ отрѣшался отъ современной жизни

и являлся услужливымъ помощникомъ всякихъ реакціонныхъ стремленій. Пассивность представителей школы приводила къ тому, что они начинали завидовать индійскимъ факирамъ, которые „цѣпенѣютъ въ самыхъ мучительныхъ позахъ; пища ихъ — небесная роса, они словно корни пускаютъ въ землю, тѣло обрастаетъ мохомъ, птицы вьютъ гнѣзда на ихъ головѣ". Этого идеала, по мнѣнію Фр. Шлегеля, слѣдовало достигнуть и христіанамъ.

Сообразно съ субъективнымъ идеализмомъ и съ средневѣковыми преданіями, въ которыхъ видѣли наилучшее отраженіе безконечнаго въ конечномъ, строилась и теорія искусства, разрабатывавшаяся Ваккенродеромъ, Тикомъ, Новалисомъ, Шлегелями, Вольгеромъ и др. Вмѣсто опредѣленныхъ правилъ классицизма, вездѣ стремившагося проводить здравый смыслъ, является требованіе передавать настроенія, часто совсѣмъ неопредѣленныя, несныя, такъ что поэзія должна приближаться къ музыкѣ, любимому искусству романтиковъ. Поэтъ долженъ созерцать сверхчувственный міръ; онъ отрѣшается отъ дѣйствительности и становится безумнымъ, какъ этого требовалъ Новалисъ. Дѣйствительные образы одному изъ героевъ Тика, живописцу Францу, кажутся слишкомъ прозаическими, и онъ начинаетъ рисовать только ихъ отраженіе въ водѣ. Поэтъ съ высоты своего ироническаго созерцанія перемѣшиваетъ серьезное съ смѣшнымъ, съ *гротескомъ*. Вводятся формы поэзіи, найденныя въ средневѣковыхъ произведеніяхъ: модною становится баллада, распространяется романъ, причемъ образцомъ служитъ «романъ изъ романовъ» — «Вильгельмъ Мейстеръ»; въ драмѣ Шекспиръ привлекаетъ особенно тѣмъ, что онъ нарушаетъ правила, признававшіяся непререкаемыми въ катехизисѣ псевдо-классиковъ. И романъ, и драма въ романтической школѣ получаютъ самыя причудливыя формы. Такъ, одна изъ пьесъ Тика начинается не на сценѣ, а въ партерѣ: занавѣсъ еще спущенъ; нѣсколько зрителей жестоко бранятъ автора: какъ онъ смѣетъ занимать ихъ вниманіе глупой сказкой, въ которой не будетъ никакой добродѣтельной семейной исторіи и изъ которой нельзя будетъ извлечь никакой морали. Авторъ, услыхавъ эти рѣчи, выходитъ на сцену, и защищается, нападая на извращенный вкусъ публики. Затѣмъ начинается самая пьеса, ходъ которой прерывается замѣчаніями зрителей и пререканіями актеровъ. Въ подобныхъ пьесахъ и въ романахъ съ весьма фантастической обстановкой постоянно под-

вергается нападеніямъ обычная мораль, которая называется
иначе, какъ филистерской. Вообще филистерствомъ окрещиваетс
все, что не согласуется съ причудливыми требованіями школ
даже трезвый идеализмъ Шиллера былъ заклейменъ этимъ им
немъ, а «Пѣснь о колоколѣ» читалась при громкомъ хохот
какъ жалкое восхваленіе добродѣтельнаго мѣщанства. Несмотр
однако, на многія уродливыя проявленія нѣмецкаго романтизм
онъ несомнѣнно оказался полезнымъ въ нѣкоторыхъ отноше
ніяхъ и въ наукѣ, и въ дальнѣйшемъ развитіи литературы. Даж
«Молодая Германія», при всей своей враждебности къ рома
тизму, во многомъ ему обязана идеальными элементами своихъ во
зрѣній, близкими къ первой порѣ романтизма, когда онъ ещ
не увлекался католицизмомъ и не сталъ пособникомъ реакці

Въ тѣсной связи съ германскими вліяніями находится воз
никновеніе романтизма въ Англіи, гдѣ первыми представителям
этой школы являются такъ называемые лекисты или озерны
поэты. Вордсвортъ и Кольриджъ установили теоретическія основ
своего направленія, ознакомившись, во время путешествія по Ге
маніи, съ философіей Шеллинга, мистическимъ ученіемъ Бема
взглядами первыхъ нѣмецкихъ романтиковъ. Однако, у англ
чанъ уже съ самаго начала видна сильная склонность къ ре
лизму, который въ англійской литературѣ проявляется еще с
XVIII столѣтія. Вордсвортъ исходилъ изъ принципа, что для поэзі
какъ и для живописи, нѣтъ ничего малаго и недостойнаго, чт
слѣпой мальчикъ, катающійся по пруду въ грязномъ корытѣ, дл
истиннаго поэта — сюжетъ, столько же пригодный и, пожалуі
даже болѣе трогательный, чѣмъ походъ Александра Македон
скаго на Персію. Его вѣчная тема — жизнь души человѣческо
проявляющаяся въ мелочахъ повседневнаго быта. Задача его—
растрогать читателя, вызвать къ дѣйствію ту способность, ко
торую нѣмцы называютъ Gemüth; онъ достигаетъ этого детально
вѣрнымъ изображеніемъ обыденныхъ сценъ и предметовъ и из
ложеніемъ своихъ мыслей и чувствъ по поводу ихъ. Романтизм
заключается здѣсь собственно въ любовномъ, тепломъ чувствѣ
проникающемъ произведенія лекистовъ, и въ склонности ихъ к
народной поэзіи, въ чемъ они сходятся съ нѣмецкими романти
ками. Значительно ближе къ послѣднимъ г-жа Радклифъ, ко
торая въ своихъ романахъ стремится занять воображеніе чита
телей грандіозными образами и сплетеніемъ странныхъ и не
ожиданныхъ событій, очень рѣдкихъ въ жизни дѣйствительной

Это настоящіе Abenteuer-romane, столь распространенные въ прошломъ вѣкѣ и въ романтическую эпоху Германіи: рядомъ съ высокодобродѣтельными людьми дѣйствуютъ и разбойники, и ужасные злодѣи. Сильна въ этихъ романахъ также и фантастика. Романтизмъ г-жи Радклифъ—чисто внѣшній; настоящимъ романтикомъ въ Англіи является Вальтеръ-Скоттъ, воскресившій въ своихъ романахъ средневѣковую старину, давшій широкій просторъ фантастическому элементу и раздѣляющій съ нѣмецкимъ романтизмомъ любовь къ народной поэзіи и сочувствіе къ народному міросозерцанію. И въ немъ, однако, очень силенъ реализмъ: даже чудесное представляется имъ такъ, что оно заинтересовываетъ читателя, но не подавляетъ его. При всей своей великой оригинальности, къ англійскому романтизму примыкаетъ и Байронъ, создавшій новое теченіе въ романтизмѣ; по выраженію Пушкина, онъ «облекъ въ унылый романтизмъ и безнадежный эгоизмъ». Эта поэзія разочарованія при своемъ возникновеніи имѣла не мало точекъ соприкосновенія съ тѣмъ настроеніемъ, которое въ нѣмецкомъ романтизмѣ называлось Wehmuth. Навсегда Байронъ остается близкимъ къ нѣмецкимъ романтикамъ по своему субъективизму, который ставитъ его неизмѣримо высоко надъ толпой, погрязшей въ филистерствѣ. Но, конечно, у Байрона нѣтъ и тѣни реакціонныхъ стремленій его нѣмецкихъ собратьевъ; это пѣвецъ свободы, онъ не можетъ увлекаться призраками, образы его ясны и поэзія его не отрѣшается отъ жизни. То же слѣдуетъ сказать и объ общемъ характерѣ творчества Шелли, котораго можно считать союзникомъ Байрона въ новомъ англійскомъ направленіи романтизма.

Французскій романтизмъ возникаетъ первоначально помимо чуждыхъ вліяній и только впослѣдствіи воспринимаетъ нѣкоторые элементы нѣмецкаго и англійскаго романтизма. Источникъ его происхожденія можно видѣть еще у Руссо, возставшаго противъ разсудочной стороны просвѣтительной философіи и стремившагося возвратить человѣка къ первобытной простотѣ. Воскваленіе первобытнаго состоянія унаслѣдовано Шатобріаномъ, который и долженъ считаться отцомъ французскаго романтизма: въ своемъ «Духѣ христіанства» онъ далъ совершенно такую же, какъ и нѣмецкіе романтики, апологію средневѣковаго католицизма, хотя и совершенно независимо отъ нѣмцевъ. Въ этомъ сочиненіи онъ старается доказать, что изъ всѣхъ религіозныхъ ученій христіанство представляетъ религію самую поэтическую,

самую гуманную, самую благопріятную для свободы, для изящных искусствъ и литературы. Христіанство споспѣшествуетъ генію очищаетъ вкусъ, развиваетъ въ человѣкѣ добродѣтельныя вле ченія, укрѣпляетъ мысль, даетъ превосходные образцы поэтам и художникамъ: ему современная цивилизація обязана всѣм своими благами. Шатобріанъ не имѣетъ намѣренія писать бого словскій трактатъ; такого рода «жанръ», замѣчаетъ онъ, исчер панъ и, быть можетъ, въ настоящее время даже безполезен кто станетъ теперь читать богословское сочиненіе? Вмѣсто от влеченныхъ умствованій авторъ предлагаетъ читателю рядъ рос кошныхъ картинъ; онъ изображаетъ католицизмъ привлекатель нымъ съ эстетической и моральной стороны и, показывая кра соту христіанскаго ученія, дѣлаетъ отсюда заключеніе объ ег *истинѣ*. Уже въ этомъ эстетическомъ пониманіи христіанства или точнѣе—католицизма, Шатобріанъ приближается къ нѣмец кимъ романтикамъ; но родство оказывается еще болѣе тѣснымъ когда заходитъ рѣчь о среднихъ вѣкахъ, красота которыхъ рѣ шительно противопоставляется имъ античному міру, передъ по явленіемъ христіанства изжившемуся и шедшему къ гибели. Сред ніе вѣка оказываются для Шатобріана, какъ и для Новалиса, н періодомъ варварства, а эпохой зарожденія новой, болѣе совер шенной красоты; средневѣковая музыка и готическая архитек тура—высокія проявленія обновленнаго генія человѣчества.

Книга Шатобріана явилась первымъ манифестомъ новаго идей наго теченія, а послѣдующія его произведенія, развившія мотивъ міровой скорби, значительно подготовили почву для пересадки во Францію нѣмецкаго романтизма. Это перенесеніе соверши лось благодаря г-жѣ Сталь, которая въ своей книгѣ: «О Германіи» познакомила французскую читающую публику съ новыми тече ніями нѣмецкой литературы. Не слѣдуетъ, впрочемъ, придавать слишкомъ большое значеніе иноземнымъ вліяніямъ. Пелиссь вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что корни французскаго роман тизма находятся въ томъ настроеніи, которое возникло во Фран ціи въ эпоху реставраціи. Возрожденіе спиритуализма, противо дѣйствіе просвѣтительной философіи и связанному съ ней клас сицизму являются вполнѣ самостоятельно, какъ результатъ разочарованія въ революціонномъ движеніи. Всѣ поэты новой школы проникнуты христіанскимъ міровоззрѣніемъ. В. Гюго ви дитъ въ религіи не только обильнѣйшій источникъ поэтическаго вдохновенія, но и самую высокую форму человѣческой мысли

ъ своихъ одахъ онъ жалуется, что до сихъ поръ всѣ фран-
узскіе поэты были язычниками, и объявляетъ своимъ поэтиче-
кимъ знаменемъ крестъ, «возстановленный Шатобріаномъ».
амартинъ признаетъ себя истолкователемъ «идеала, сроднаго
ристіанству по своей возвышенной мечтательности». Та же ре-
игіозность, окрашенная меланхоліей, замѣчается у А. де-Виньи;
аже вольнодумецъ Мюссе иногда призываетъ имя Божіе.

Начиная съ Шатобріана, французскій романтизмъ оказы-
ается окрашеннымъ въ сильнѣйшій субъективизмъ: и самъ
Іатобріанъ, и г-жа Сталь, и де-Виньи, и даже болѣе объектив-
ый В. Гюго постоянно выдвигаютъ впередъ свое чувство, свою
ичность. Въ этомъ несомнѣнное совпаденіе съ нѣмецкимъ ро-
антизмомъ, но и тутъ первое начало было вполнѣ самостоя-
ельно. То же надо сказать и о меланхоліи, объ элегическомъ
астроеніи представителей французскаго романтизма. Въ чемъ,
ожалуй, болѣе всего подчинился французскій романтизмъ нѣ-
ецкому—это въ отрицаніи условныхъ правилъ старинной клас-
ической школы. Искусство должно освободиться отъ стѣсни-
ельныхъ рамокъ, въ которыя хотятъ его заключить теоретики.
рекрасное есть не въ одномъ античномъ мірѣ, его можно найти
о всякихъ формахъ; необходимо признать законность безобра-
я, «гротеска» нѣмецкихъ романтиковъ. Отсюда какое-то пред-
асположеніе къ уродливымъ образамъ, которые такъ часто
оздаются романтиками, преимущественно В. Гюго, причемъ иногда
а внѣшнимъ безобразіемъ скрывается высокая внутренняя кра-
ота. Для классиковъ поэзія была отлично расчищеннымъ са-
омъ, съ подстриженными деревьями, съ усыпанными пескомъ
орожками; для романтиковъ она обратилась въ первобытный
ѣсъ Новаго Свѣта, съ гигантскими деревьями, высокой травой,
аинственными звуками. Незначительность нѣмецкаго вліянія на
ранцузскій романтизмъ обнаруживается лучше всего въ томъ
актѣ, что онъ, будучи сперва какъ бы союзникомъ реакціи,
послѣдствіи оказывается вполнѣ прогрессивнымъ движеніемъ,
огда какъ нѣмецкій романтизмъ окончательно выдохся въ ре-
кціонныхъ стремленіяхъ и долженъ былъ уступить мѣсто «Мо-
одой Германіи», многое отъ него унаслѣдовавшей, но рѣши-
ельно осудившей его обскурантизмъ.

Поэзія В. А. Жуковскаго [1]).

При наступленіи пятидесятилѣтія со дня кончины Жуковскаго, вполнѣ естественно спросить, что сдѣлано за такой продолжительный срокъ для изученія его жизни и творчества, но къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ относительно многихъ нашихъ писателей (въ томъ числѣ и Жуковскаго) приходится отвѣчать или полнымъ отрицаніемъ, или же указаніемъ на крайнюю незначительность точныхъ свѣдѣній, которыми мы располагаемъ. Самое первое затрудненіе, съ которымъ мы встрѣчаемся при разсмотрѣніи творчества Жуковскаго, заключается въ отсутствіи полнаго и въ научномъ отношеніи удовлетворительнаго изданія произведеній нашего поэта. Въ извѣстномъ изданіи почтеннаго библіографа П. А. Ефремова есть весьма существенные недостатки, указанные еще покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ изданіи мы не имѣемъ первоначальнаго печатнаго текста сочиненій Жуковскаго; передъ нами та ихъ редакція, которая явилась въ результатѣ разныхъ исправленій, сдѣланныхъ черезъ много лѣтъ послѣ ихъ напечатанія то самимъ Жуковскимъ, то нѣкоторыми другими лицами при его жизни, или въ посмертномъ собраніи сочиненій, такъ что объ исторіи творчества нашего поэта, о процессѣ его развитія изданіе г. Ефремова даетъ совсѣмъ неправильное представленія. Кромѣ того, это изданіе, какъ говорилъ Тихонравовъ, «оставляетъ совершенно неразработаннымъ вопросъ о переводахъ и оригинальныхъ сочиненіяхъ, которыя Жуковскій помѣщалъ въ «Вѣстникѣ Европы» безъ подписи своей фамиліи.

---

[1]) Изъ Историч. Вѣстника, 1902 г., № 5. Со времени напечатанія этой статьи вышли, какъ изданіе проф. Архангельскаго, такъ и новое изданіе Ефремова, значительно лучшія, чѣмъ всѣ прежнія изданія: однако и о нихъ приходится сказать, что кое въ чемъ желательны дополненія. Изъ изслѣдованій о Жуковскомъ слѣдуетъ отмѣтить фундаментальный трудъ академика А. Н. Веселовскаго, уяснившаго характеръ творчества Жуковскаго въ его отношеніяхъ къ сентиментализму и романтизму.

Г. Ефремовъ ограничился перепечаткою лишь немногихъ татей и замѣтокъ Жуковскаго изъ его «Вѣстника Европы», не ринявъ въ свое изданіе другихъ, гораздо болѣе любопытныхъ амѣтокъ, несомнѣнно принадлежащихъ Жуковскому; въ изданіи Ефремова нѣкоторыя переводныя произведенія Жуковскаго ризнаны за оригинальныя, вопреки авторитету собственныхъ о омъ свидѣтельствъ переводчика. Наконецъ, важнымъ недостатомъ существующаго изданія надо считать отсутствіе въ немъ исемъ Жуковскаго, т. е. чрезвычайно цѣннаго біографическаго, сторико-литературнаго матеріала; для тѣхъ же біографическихъ ѣлей будущему издателю не мѣшало бы воспроизвести дневники уковскаго, а также и тѣ его замѣтки и записки, которыя асаются его педагогической дѣятельности. Быть можетъ, всѣ ги недочеты будутъ устранены въ изданіи, которое должно выйти одъ редакціею профессора А. С. Архангельскаго; но теперь ѣдуетъ признаться, что мы не располагаемъ хорошимъ издаемъ сочиненій Жуковскаго.

Не имѣя пока хорошаго изданія, мы бѣдны и по части изслѣваній о жизни и дѣятельности Жуковскаго: наибольшее значеніе имѣетъ книга друга Жуковскаго, доктора Зейдлица, представляющая собою добросовѣстнѣйшую передачу того, что было звѣстно автору непосредственно отъ поэта, и цѣнная преимущественно по біографическимъ даннымъ; что касается объемистой ниги г. Загарина, то ея значеніе сведено почти къ нулю тѣмъ е Н. С. Тихонравовымъ, давшимъ въ своей превосходной рензіи на эту книгу вполнѣ научное изслѣдованіе нѣкоторыхъ щественнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ поэзіей Жуковаго. Указанными трудами и ограничивается наша литература Жуковскомъ, если не считать нѣсколькихъ компиляцій, составленныхъ съ педагогическими цѣлями, и нѣсколькихъ статей, тѣющихъ узко-спеціальный характеръ.

При такомъ состояніи литературы и въ особенности самыхъ точниковъ для изученія жизни и творчества Жуковскаго, конечно, если не повторять нѣкоторыхъ шаблонныхъ приговоровъ, райне трудно дать вполнѣ правильную общую характеристику о поэзіи: подобная характеристика, чтобы не быть голословной, отребовала бы слишкомъ много мѣста, и поэтому въ своей небольшой статьѣ я ограничусь только нѣкоторыми частными просами, разрѣшеніе которыхъ, на мой взглядъ, можетъ намъ дѣйствовать выясненію того, въ чемъ состоитъ значеніе Жу-

ковскаго для нашей литературы, что далъ онъ ей новаго, по
вліялъ ли онъ и въ какомъ направленіи на ея дальнѣйшее раз
витіе. Прежде всего мы остановимся на вопросѣ о томъ, как
смотрѣлъ Жуковскій на задачи поэтическаго творчества, — во
просѣ, имѣющемъ значеніе не только лично для Жуковскаго, н
и вообще для развитія нашего литературнаго самосознанія; за
тѣмъ мы постараемся уяснить господствующій тонъ поэзіи Жу
ковскаго, и это намъ дастъ возможность опредѣлить, чѣмъ от
личается Жуковскій отъ представителей сентиментальнаго на
правленія, господствовавшаго въ нашей литературѣ въ начал
XIX вѣка, и въ какой мѣрѣ онъ содѣйствовалъ возникновені
новыхъ стремленій, извѣстныхъ подъ именемъ нашего роман
тизма.

I.

Первое по времени выраженіе взгляда Жуковскаго на поэзі
мы находимъ въ написанныхъ въ 1803 году «Стихахъ въ ден
моего рожденія, къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ». Судя п
этимъ стихамъ, можно признать Жуковскаго сторонникомъ поэ
тическаго квіетизма, человѣкомъ, чуждающимся интересов
общества; онъ откровенно заявляетъ:

Я бурный міръ сей презираю
О лира, другъ мой, утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи!
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь въ хижинѣ моей.
Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ!

Однако уже черезъ годъ послѣ этого эпикурейскаго profes
sion de foi мы видимъ выраженіе иного взгляда въ стихотворені
«Къ поэзіи». Назвавъ поэзію «прелестью тихой, души очаро
ваньемъ», указавъ, что она является утѣшительницей въ самых
тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, «и въ скорби, и въ нищетѣ
и въ мрачномъ изгнаньи», Жуковскій, обращаясь къ самим
поэтамъ, характеризуетъ ихъ задачи далеко не съ точки зрѣні
отреченья отъ міра и его суетъ. Напротивъ, онъ призываетъ
поэтовъ къ участію въ жизненной борьбѣ, говоря имъ:

Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!

Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
Герой, ко славѣ пробужденный,
Дивитъ и потрясаетъ міръ!
Да юноша воспламененный,
Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
Алтарь отечества лобзаетъ
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ
Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!
Но да обрушится вашъ громъ
На нихъ жестокихъ и развратныхъ,
Которые въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,

Невинность, доблести и честь поправъ ногами.
Дерзаютъ величать себя полубогами!
Друзья небесныхъ музъ! плѣнимся-ль суетой?

Презрѣвъ минутные успѣхи—
Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный звонъ пустой,
Презрѣвши роскоши утѣхи,
Пойдемъ великихъ по слѣдамъ!

Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою.
Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!

Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться
И униженіемъ Фортуну обольщать?

Проходитъ еще четыре года, и Жуковскій въ «Письмѣ изъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы» подробно развиваетъ свой взглядъ на задачи журналиста и вообще писателя. Указавъ на развитіе русской журналистики, на растущую потребность въ чтеніи и на возможность вслѣдствіе этого для журнала «имѣть самыя благодѣтельныя дѣйствія», Жуковскій опредѣляетъ, что «обязанность журналиста — подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчислены: къ его услугамъ богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери, что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе—разборчивость. Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостью, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами: иногда разсуждая, какъ

моралистъ или метафизикъ о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда разсказывая повѣсть, въ которой идеальное нравилось бы сходствомъ своимъ съ существенностью, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романическимъ лицомъ и, можетъ быть, объяснять многое, въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе созданіями поэзіи, прелестью стихотворной гармоніи одушевляя мысли и чувства».

Такова обязанность журналиста, но, какъ видимъ, Жуковскій дѣлаетъ поэта однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ журналиста въ распространеніи «полезнаго и наставительнаго». Для воздѣйствія на общество нельзя писателю отъ этого общества устраняться, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны тѣ мысли, которыя Жуковскій влагаетъ въ этомъ же «Письмѣ изъ уѣзда» въ уста Стародуму «Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими», говоритъ этотъ фонвизинскій герой, «умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ—вотъ благородное назначеніе писателя». Для своей работы писатель долженъ устраниться отъ суетныхъ удовольствій «большого свѣтскаго круга», такъ какъ «желаніе въ немъ блистать противно спокойнымъ занятіямъ автора». «И можно ли, продолжаетъ Стародумъ, съ симъ чистымъ, вѣрнымъ, всегда одинаковымъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ дѣятельностью ума, производящаго или пріобрѣтающаго новое, соединить безпокойное удовольствіе, доставляемое успѣхами въ свѣтѣ, побѣдами самолюбія, непрочными, слишкомъ непродолжительными для того, чтобы наслаждаться ими безъ волненія: одно уничтожаетъ другое. Ограничивъ себя уединеніемъ, гдѣ мысли сохраняютъ свободу, а чувства первоначальную живость и свѣжесть, онъ долженъ только мимоходомъ, изъ любопытства, для заимствованія нѣкоторой пріятной образованности, необходимо нужной писателю, заглядывать въ свѣтъ, сбирать въ немъ потребный запасъ, и снова съ добычею возвращаться въ уединеніе; уединеніе пусть будетъ главнымъ театромъ его дѣйствій, когда желаетъ произвести нѣчто полезное для общества. Разсѣянность мѣшаетъ трудолюбію. Но можно ли совершенно отдѣлиться отъ людей, заключить себя въ четырехъ стѣнахъ, жить съ однѣми безмолвными идеями, съ одними воздушными созданіями воображенія? Даетъ ли одиночество счастье? Кто же награждаетъ писателя, когда не люди, и гдѣ же слава

его, когда не въ обществѣ? Мой другъ, я не хочу запереть пріятеля нашего въ келію, но говорю ему: чѣмъ менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе. Ищи людей, которые способнѣе другихъ цѣнить твои работы: ихъ судъ есть голосъ современниковъ и приговоръ потомства. Имѣй друзей, согласныхъ съ тобою въ образѣ чувства, въ желаніи дѣйствовать и въ выборѣ цѣли; въ минуты уединеннаго труда помни о своихъ товарищахъ, которые — быть можетъ, въ разныхъ сторонахъ земли—живутъ, думаютъ, дѣйствуютъ одинаково съ тобою, которые видятъ тебя, которыхъ жизнь твоя должна быть достойна, съ которыми совокупно исполняешь важное условіе бытія: любить и распространять добро; ихъ голосъ будетъ возбуждать тебя къ трудамъ, и дружеская осторожность предупреждать твои ошибки».

Несмотря на указаніе высокой цѣли «любить и распространять добро», въ приведенныхъ разсужденіяхъ Стародума можно замѣтить нѣсколько эпикурейскій идеалъ, стремленіе къ творчеству «для немногихъ». Однако, изъ дальнѣйшаго хода мыслей въ «Письмѣ изъ уѣзда» яснымъ становится, что Жуковскій далекъ отъ подобнаго ограниченія круга дѣятельности писателя, что онъ только возстаетъ противъ суетнаго исканія славы. По его мнѣнію, лучшая награда писателя въ его «собственной дѣятельности: въ томъ удовольствіи, которое неразлучно съ любовью къ прекрасному, съ трудами ума, съ работами воображенія; въ той неотъемлемой наградѣ, которая, вопреки самой несправедливости людей, вопреки зависти и клеветѣ, заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ *человѣкъ*, совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ*, трудясь съ намѣреніемъ (иногда мечтательнымъ, всегда благороднымъ) приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій».

Признавая писателя гражданиномъ, Жуковскій, конечно, не можетъ проповѣдывать отрѣшенности поэзіи отъ жизни, и въ этомъ случаѣ онъ является послѣдователемъ Карамзина, который требовалъ, чтобы литература была средствомъ пробуждать въ людяхъ добрыя чувства. Жуковскій это требованіе дополняетъ указаніемъ той цѣли, для которой должны быть пробуждаемы добрыя чувства. Поэзія, какъ онъ высказываетъ въ «Графѣ Габсбургскомъ», свободна отъ внѣшнихъ авторитетовъ, поэтъ знаетъ надъ собой высшую волю, волю вдохновенія, которое возникаетъ изъ божественнаго источника.

Наиболѣе полно эта теорія поэтической свободы и служенія божественному идеалу развита Жуковскимъ въ драматической поэмѣ «Камоэнсъ», написанной уже въ 1839 году. Въ поэмѣ представленъ великій творецъ «Лузіады» уже передъ смертью: онъ лежитъ въ больницѣ, и его посѣщаетъ Васко Квеведо, тоже поэтъ. Старикъ Камоэнсъ указываетъ юношѣ на свою печальную судьбу и пытается отклонить его отъ занятія поэзіей, но Васко возражаетъ ему, напоминая высокую цѣль, которая преслѣдуется поэзіей. «Не счастія, не славы здѣсь ищу я, говоритъ онъ:

быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей; великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподнимать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!
. . . . . .
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?

Затѣмъ Васко говоритъ объ идеальномъ значеніи поэзіи, о ея высокомъ воздѣйствіи на человѣчество:

. . . . . Поэзія небесной
Религіи сестра земная, свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ! на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми.
При блескѣ ихъ, чтобъ труженикъ земной
Ни испыталъ,—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ!

Благодаря такому идеальному воздѣйствію, поэзія проникаетъ въ душу человѣка, какъ «Божій лучъ», и во всѣхъ вѣкахъ и поколѣніяхъ ей будутъ отзываться «возвышенныя души».

Понятно, что при такомъ высокомъ характерѣ поэтическаго творчества самъ поэтъ долженъ испытать полное духовное перерожденіе, и эту мысль Жуковскій выражаетъ въ слѣдующемъ разсказѣ Камоэнса:

Я помню часъ, великій часъ, меня
Всего пересоздавшій. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ.
Тьма вокругъ меня, и тьма во мнѣ...
И вдругъ,—сказать не смѣю,—подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло,—свѣжо, какъ утро;
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы,—
И было то, какъ будто и во мнѣ,
И внѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ,
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту...
Я обезпамятѣлъ; когда же пришелъ
Въ себя,—то было первая моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ:
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу, и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ «Камоэнса», Жуковскій пишетъ небольшую замѣтку «Объ изящномъ искусствѣ» и въ ней признавая цѣлью искусства «созданіе изящное, то-есть пробуждающее въ душѣ сладостное ощущеніе красоты», даетъ опредѣленіе понятія о красотѣ. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, «красота въ тѣсномъ смыслѣ есть истина, то-есть вѣрное сходство изображенія съ изображаемымъ; въ обширномъ смыслѣ красота есть истина идеальная, то-есть не одно ощутительное

сходство выраженія съ выражаемымъ, но и соединеніе съ нимъ того, что не ощутительно, что единственно существуетъ въ душѣ человѣческой, постигающей нѣчто высшее, внѣ видимой матеріальной природы существующее и свойственное ея общественной природѣ, однимъ словомъ, когда идеалъ красоты есть Богъ, явно и тайно соприсутствующій въ созданіи и ему сообщающій красоту живую, одной человѣческой душѣ откровенную».

Наконецъ, въ 1848 году, мы еще разъ встрѣчаемся у Жуковскаго съ разсужденіемъ о значеніи поэзіи въ отрывкѣ изъ письма къ Гоголю, озаглавленномъ «Слова поэта—дѣла поэта». Здѣсь комментируются извѣстныя слова Пушкина, возражавшаго противъ взгляда Державина на отношенія между его словомъ и дѣломъ:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ.

Жуковскій въ своемъ письмѣ подробно развиваетъ мысль, высказанную еще Карамзинымъ, о томъ, что творецъ виденъ въ своихъ твореніяхъ. Онъ говоритъ: «Обыкновенно, разсуждая о художествахъ, оставляютъ въ сторонѣ художника и творца рознятъ съ твореніемъ. Можно ли допускать или оправдывать такой разрывъ, не знаю—по крайней мѣрѣ, не въ теоріи, опредѣляющей не то, что можетъ быть и бываетъ, а то, что всегда *должно* быть. Поэтъ творитъ *словомъ*, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно овладѣвшей душою поэта, стремительно переходя въ другую душу, производитъ въ ней такое же вдохновеніе и ее также могущественно объемлетъ; это дѣйствіе не есть ни умственное, ни нравственное—оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни пріобрѣтеніе какой-нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу охватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественнаго произведенія, или, вѣрнѣе, смотря по духу самого художника. Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога; есть такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ нимъ въ то-

варищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе, поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія. Таковъ истинный смыслъ его призванія, его великаго дара, который въ то же время есть и страшное искушеніе, ибо въ сей силѣ для полета высокаго заключается и опасность паденія глубокаго».

Изъ такого опредѣленія поэзіи является опасность для поэта впасть въ непоэтическій дидактизмъ, проникнуться желаніемъ постоянно поучать и наставлять. Жуковскій предвидитъ это затрудненіе и даетъ слѣдующее объясненіе: «Что же, спросятъ, неужели поэтъ долженъ ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ божества и человѣчества? Отвѣтъ простой: не произноси имени Бога, но знай Его, вѣрь Ему, иди къ Нему — тогда, что бы ни встрѣтилось на пути твоемъ откровенному твоему оку, и что бы ни было это встрѣченное—высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначащее или легкое, забавное или мрачное,—все оно, прошедъ черезъ твою душу пріобрѣтаетъ ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободою; утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своевольство), она теряетъ прелесть; всякое *намѣреніе* произвести то или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе, нравственное, поучительное или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантазіи какую-то неповоротливость, тогда какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости, летать между небомъ и землей, всѣ посѣщать климаты и уносить за собою нашу душу въ чистый эѳиръ высоты на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью. Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлить отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе; что *онъ самъ*, то будетъ и его созданіе». Заключая это письмо къ Гоголю, Жуковскій припоминаетъ послѣдній стихъ «Камоэнса»:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Сводя въ одно всѣ эти высказанныя въ разныя времена мнѣнія Жуковскаго о поэзіи и литературѣ, мы видимъ, что онъ всегда оставался вѣренъ одному требованію; *поэзія ведетъ къ*

нравственному совершенству человѣка, возвышая его къ божественному идеалу истины и красоты; истинный поэтъ непремѣнно самъ проникнутъ сознаніемъ и стремленіемъ къ этому идеалу, и ему совсѣмъ нѣтъ нужды насиловать свою натуру въ направленіи какого-либо дидактизма, такъ какъ идеальныя стремленія отразятся въ его поэзіи безнамѣренно, или, по другой терминологіи, безсознательно. Понятно, что при этомъ подразумѣвается полная свобода поэзіи отъ какихъ-либо внѣшнихъ предписаній, но при требованіи этой свободы Жуковскій по существу не имѣетъ ничего общаго съ школой чистаго искусства, рознящей искусство и жизнь, и онъ не особенно далекъ отъ тѣхъ воззрѣній, которыя высказывались Бѣлинскимъ въ послѣдній періодъ его дѣятельности. Не даромъ Жуковскій видитъ въ поэтѣ гражданина, и трудно, думается намъ, не замѣтить нѣкотораго сходства общихъ идей въ приведенныхъ отрывкахъ изъ письма Жуковскаго къ Гоголю хотя бы съ слѣдующими словами Бѣлинскаго: «Смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риѳмами разныя нравоучительныя мысли, и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобъ онъ воспѣвалъ все дружбу да любовь и прочее, и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ... Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціональной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ или духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній».

Право, если оставить въ сторонѣ рѣзко-гражданскій характеръ требованій Бѣлинскаго отъ поэзіи, его взглядъ совсѣмъ не такъ противоположенъ воззрѣніямъ Жуковскаго; и поэтъ и критикъ ищутъ отъ поэзіи нравственнаго воздѣйствія, но и тотъ, и другой одинаково чуждаются дидактизма, т. е. *намѣреннаго* учительства, такъ какъ для одного изъ нихъ нравственное воздѣйствіе должно явиться *безнамѣренно*, а для другого *безсозна-*

ельно. Въ сущности подобный взглядъ на поэзію раздѣляется семи выдающимися дѣятелями нашей литературы, всѣми самостоятельными творцами. Съ разными варіаціями его можно прослѣдить, начиная съ Карамзина до графа Л. Н. Толстого. Это сть то учительное направленіе, которое составляетъ отличительную особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ главныхъ основаній гордости нашей литературы, которая всегда оказывается тѣсно связанною съ жизнью общества, и въ которой тенденція искусства для искусства никогда почти не могла найти себѣ сильныхъ по таланту сторонниковъ.

Мы сказали, что отмѣченное направленіе во взглядахъ на поэзію идетъ отъ Карамзина, и этимъ Жуковскій связывается со своимъ предшественникомъ и въ литературномъ смыслѣ учителемъ. Связь эта выражается и въ другихъ отношеніяхъ: какъ видимъ, направленіе и характеръ творчества Жуковскаго были сильно сродни Карамзинскому сентиментализму, однако въ его дѣятельности были все же такія черты, которыя заставляютъ признать въ немъ представителя иного литературнаго теченія, а какое это было теченіе, мы отчасти уяснимъ себѣ, отвѣтивъ на второй вопросъ, поставленный въ началѣ настоящей статьи, опредѣливъ тотъ тонъ, который является наиболѣе сильнымъ, преобладающимъ въ поэзіи Жуковскаго, который придаетъ ей своеобразную окраску съ самаго ея начала и до послѣднихъ произведеній, хотя за долгій періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ испыталъ и нѣкоторыя перемѣны въ своемъ направленіи.

II.

Эта характерная, господствующая нота въ поэзіи Жуковскаго обнаруживается уже въ первыхъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, какъ въ прозаической, такъ и въ стихотворной формѣ. Это опыты 14-лѣтняго мальчика, помѣщенные въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1797 и 1798 гг.). Уже самое заглавіе перваго изъ сочиненій юнаго поэта характеризуетъ его настроеніе: это сочиненіе называется «Мысли при гробницѣ».

Представивъ картину тихой лѣтней ночи (картину, по нѣкоторымъ частностямъ напоминающую Державинское «Видѣніе мурзы»), Жуковскій передаетъ тѣ мысли о бренности и ничтожности «всего подлуннаго», которыя въ немъ возбудились, когда

онъ подошелъ къ какой-то полуразвалившейся гробницѣ. «Все
ленная,—говоритъ поэтъ,—представилась мнѣ гробомъ». «Смерть
лютая смерть!—сказалъ я, прислонившись къ изсохшему дубу,—
когда утомится рука твоя, когда приступится лезвіе страшно
косы твоей, и когда, когда перестанешь ты посѣкать все живущее
какъ злаки дубравные? Ты неумолима, законъ твой непремѣнен
ничто не избѣжитъ ударовъ твоихъ; ничто не подвигнетъ теб
на жалость... Тамъ вижу я прекраснаго отрока, подобнаго едв
распустившейся розѣ; здѣсь лѣпообразнаго, сановитаго юношу
гордящагося превосходными дарованіями своими. Нѣжные родител
не могутъ насмотрѣться на нихъ, не могутъ нарадоваться; ими
дышатъ, ими живутъ—и надежда, что они будутъ нѣкогда сла
вою своего рода, украшеніемъ своего времени, восхищаетъ чадо
любивое ихъ сердце. Тщетная надежда... одинъ махъ косы твоей—
и ихъ нѣтъ... стонъ и вопль раздаются, но ты не внемлешь
спѣшишь къ новымъ жертвамъ. Спѣшишь—и мужъ добродѣтель
ный, коего вся жизнь посвящена благотворенію, коего примѣр
есть свѣтильникъ, вверху горы стоящій, мужъ, достойный жит
цѣлые вѣки, колеблется, падаетъ и, еще разъ взглянувъ глазами
любви на оставляемый имъ міръ, закрываетъ ихъ навѣки. Спѣ
шишь—и столѣтній старецъ, безпечно вчера игравшій съ милыми
праправнучатами, сегодня впослѣднее прижимаетъ ихъ къ хлад
ной груди своей, и сердце его перестаетъ биться. Ты спѣшиш
далѣе, смерть грозная, и все—отъ хижины до чертоговъ, отъ
плуга до скипетра—все гибнетъ подъ сокрушительными ударами
косы твоей. И я, и я буду нѣкогда жертвою ненасытной твоей
алчности, и кто знаетъ, какъ скоро? Завтра взойдетъ солнце—
и, можетъ быть, глаза мои, сомкнутые хладною твоею рукою,
не увидятъ его. Оно взойдетъ еще—и вѣтры прахъ мой раз-
вѣютъ»... Тутъ глубокое смущеніе объяло мой духъ и грудь
моя поколебалась отъ вздоховъ. «Но почто смущаюсь сею мы-
слію, сказалъ я потомъ, развѣ нѣтъ оплота противъ ужасовъ
смерти? Взгляни на сей лазоревый сводъ: тамъ обитель мира,
тамъ царство истины, тамъ отецъ любви. Смерть есть путь въ
сію вѣчно-блаженную страну. Кто не угнеталъ слабыхъ, кто не
притѣснялъ невинныхъ, и на кого горькая слеза сироты не во-
піяла на небо, кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ по
возможности старался дѣлать добро, тому нечего бояться. Смерть
для него будетъ торжество, а гробъ лѣстница къ небу. Но вы,
злодѣи, трепещите»....

Рядомъ съ этимъ размышленіемъ о бренности всего земного о вѣчномъ блаженствѣ въ царствѣ истины можно поставить тѣдующія строфы изъ написаннаго въ томъ же 1797 году сти-отворенія «Майское утро»:

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать, любезна,
Сердцу драгова
Съ ней уже нѣтъ!
Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?
Можно ль о благѣ
Плакать другого?...
Онъ вѣдь заснулъ,
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.
Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

То же настроеніе и почти тѣ же самыя картины, что въ атьѣ «Мысли при гробницѣ», видимъ мы въ явившемся въ 798 году стихотвореніи «Добродѣтель», изъ котораго приводимъ я иллюстраціи начальныя строфы (причемъ замѣтимъ, что вто-ая изъ нихъ пропущена въ изданіи г. Ефремова).

Подъ звѣзднымъ небомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богаты памятники тамъ;
Порфиромъ, златомъ обложенны,
Тамъ мраморны столпы стоятъ.
Обитель смерти тамъ—покоя;
Усопшихъ прахи тамъ лежатъ;
Ничто ихъ сна не прерываетъ,
Ничто не грезится во снѣ.

Не всѣ ль тамъ мирно почиваютъ,
Не всѣ ли тамъ покойно спятъ?
Не монументы отличаютъ
И не блестяща пышность насъ!
Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды—
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ
Ни здѣсь, ни въ новомъ бытіи,
И царь сравняется съ убогимъ,
Герой тамъ ляжетъ, гдѣ пастухъ.

Въ заключеніи этого стихотворенія опять-таки та же идея что и въ «Мысляхъ при гробницѣ»:

Тогда останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затьмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежды правды облекутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ всемощнаго Творца.
О, сколь священна добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить.
На что мнѣ памятники горды?
И скиптръ, и посохъ—все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ—прахъ лежитъ.

Черезъ два года послѣ этого стихотворенія мы находим новый прозаическій отрывокъ «Мысли на кладбищѣ», въ общем сходный съ «Мыслями при гробницѣ» и по картинамъ, и по на строенію, его проникающему; новостью является только форм болѣе музыкальная, подходящая къ позднѣйшимъ стихотворе ніямъ въ прозѣ. Наши современные декаденты могли бы поза видовать слѣдующимъ фразамъ изъ этого произведенія: «Обло котясь на падшій столбъ смотрю я вокругъ себя — все мол читъ, — почившіе спятъ сномъ непробуднымъ. Геній унынія, в бѣлой одеждѣ, съ поникшею главою, сидитъ на гробовыхъ об ломкахъ и стонетъ о бренности всего подлуннаго. Они спятъ сіи сыны тлѣнія; они спятъ, и кто ихъ пробудитъ? Натура одѣянная мракомъ, дремлетъ на лонѣ полуночи; все молчитъ

и единый гласъ не взываетъ къ нимъ. Все молчитъ въ благо-
овѣйномъ ужасѣ. Пустынный ручей тихо струится по камнямъ,
оловей давно остановилъ громкія трели свои — все молчитъ...
о се грядетъ утро. Съ высоты отдаленныхъ горъ несется бла-
отворное сіяніе его долу. Натура пробуждается: все твореніе
озглашаетъ гимны. Се грядетъ утро; но они спятъ. Они спятъ,
е внемля гласу взывающаго къ нимъ дня: они спятъ — и кто
хъ пробудитъ? Спите, сыны тлѣнія; еще не время — наступитъ
гро безсмертія; жизненный лучъ его проникнетъ въ сердце
іра — и вы возстанете отъ сна своего. Спите, сыны тлѣнія; еще
е время»...

Проходитъ еще два года, и Жуковскій даетъ свой знамени-
ый переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище», тотъ переводъ,
ъ котораго Вл. С. Соловьевъ считаетъ у насъ начало истинно-
еловѣческой поэзіи. Сравнивая это произведеніе съ только-что
азсмотрѣнными первыми прозаическими и стихотворными опы-
ами Жуковскаго, мы видимъ, что по темѣ оно близко къ нимъ
римыкаетъ и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ ними можетъ характе-
изовать настроеніе нашего поэта въ первые годы его дѣятель-
ости, въ такіе годы, когда уже по самому его возрасту врядъ ли
ы можемъ считать его особенно самостоятельнымъ. Меланхо-
ическое настроеніе могло проистекать изъ не совсѣмъ нор-
альнаго общественнаго и семейнаго положенія Жуковскаго,
акъ на это указываетъ его другъ, докторъ Зайдлицъ, называя
Сельское кладбище» психологическимъ документомъ. Но, кромѣ
ого, могли дѣйствовать и воспитательныя вліянія, которыя Жу-
овскій испыталъ въ университетскомъ пансіонѣ и въ кружкѣ
исоновъ. Несомнѣнно обнаружилось въ этомъ случаѣ и вліяніе
урнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени», какъ
го отлично выяснилъ Н. С. Тихонравовъ, изъ статьи котораго
ы позволимъ себѣ привести характеристику этого журнала.
Рядомъ съ идиллическими картинами пастушескаго быта и сель-
ой натуры, — говоритъ Тихонравовъ, — идутъ, заслоняя ихъ,
угіе образы — мрачные, ужасные. Меланхолія прославляется,
акъ «сильная царица превыспреннихъ мыслей». Кладбище слу-
итъ любимымъ мѣстомъ меланхолическихъ мечтаній. «Утомлен-
ый обуреваніями жизни, сопутствуемый Циммерманомъ, меланъ-
оликъ идетъ на кладбище и въ этомъ «величественномъ уеди-
ніи проливаетъ вѣрующія слезы, восхищаясь пареніями Оратора
рчей—Юнга». Дикость мѣстности и осенняя темнота, умножая

меланхолію, оживляютъ въ воображеніи «мечтателя» мрачны пѣсни «Шотландскаго барда». Въ уединенныхъ прогулкахъ писа теля сопровождаютъ творенія Циммермана, Юнга, Оссіана и Ге вея. Особеннымъ одобреніемъ издателей «Пріятнаго и полезнаг препровожденія времени» пользовались тѣ статьи, въ которых находили «духъ Оссіанской горести, нѣжность и глубокость ме ланхолическихъ чувствъ»; подражанія Оссіану нерѣдко встр чаются на страницахъ «Пріятнаго и полезнаго препровожден времени» и «Иппокрены». Юнгъ пользовался особеннымъ уваж ніемъ издателей: изъ «превосходныхъ пѣсней» Юнга одинъ из сотрудниковъ «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени составилъ «сокращеніе», «раздѣлилъ на статьи», придалъ им болѣе простое и понятное изложеніе и напечаталъ въ этом журналѣ подъ заглавіемъ «Духъ Юнговъ». Помѣщаются перевод «Размышленій надъ гробницами» извѣстнаго англійскаго «мет диста» Джонса Гервея. Элегія Грея «Сельское кладбище» не толь переводится два раза, но служитъ даже предметомъ подражан со стороны плодовитаго Павла Львова. Здѣсь же печатала сво стихи извѣстная въ своемъ кругу подъ именемъ «философки Анна Турчанинова, которая, «не имѣя еще двадцати лѣтъ от роду, избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась пр имущественно математическими науками, знала латинскій и гр ческій языки». Сюжетами ея стихотворныхъ произведеній был «Достоинство смерти», «Гласъ смертнаго къ Богу», «Уединеніе «Воздыханіе о помощи», «Къ суетѣ»... Для своихъ стихотворені начитанная въ священномъ писаніи, Турчанинова избирала сю жеты религіозные и горячо защищала меланхолическія чувств въ стихахъ. Сотрудницы «Пріятнаго и полезнаго препровожден времени» и «Иппокрены» раздѣляли взглядъ сотрудниковъ н значеніе въ поэзіи «священной меланхоліи».

Не удивительно, что, находясь въ подобной литературно атмосферѣ, молодой Жуковскій долженъ былъ легко ей подчи няться, тѣмъ болѣе, что къ грусти и мечтательности его распо лагали и домашнія его дѣла. Не удивительно, что это меланхо лическое настроеніе становится господствующимъ въ первых его произведеніяхъ, и что онъ даже даетъ ему теоретическо обоснованіе въ отзывѣ о книгѣ Шаликова «Путешествіе въ Ма лороссію». «Кого, — говоритъ молодой критикъ, — не тронет чувствительность? Кто не предавался меланхоліи? Кто не меч талъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздуш

ихъ замковъ, не бросалъ унылаго взора на минувшее время
ности? Молодой человѣкъ съ пламенною душою хотѣлъ бы,
жется, всю натуру прижать къ своему сердцу. Всюду летаютъ
нимъ мечты, сіи метеоры юнаго воображенія. Взоръ его стре-
ится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ
прошаетъ судьбу; хочетъ узнать, что готовится ему за таин-
веннымъ покровомъ, которымъ закрыта она отъ взоровъ лю-
пытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ призраками и
астливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая, живая молодость!
ядаютъ чувства, и бѣдный человѣкъ, лишенный магической
лы, которая прежде созидала вокругъ него волшебный міръ,
прасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, вели-
лѣпной натурѣ: вокругъ него — развалины. Гробъ и смерть
гались для него въ будущемъ, воспоминанія—въ прошедшемъ,
споминанія прелестныя и вмѣстѣ печальныя»...

Меланхолія не оставляетъ Жуковскаго и впослѣдствіи, при-
ъ поддерживается иногда мотивами чисто личнаго свойства,
й роковой невозможностью осуществить идеалъ семейнаго
стья, которая обнаружилась для поэта въ концѣ перваго де-
илѣтія XIX вѣка. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть от-
оска личныхъ мотивовъ въ статьѣ «Меланхолія» (1808 г.), гдѣ
ковскій говоритъ о «любви несчастной, наполняющей душу,
разлученной со сладкою надеждою жить для того, что намъ
безно». Жуковскій указываетъ, что, заведя рѣчь о «несча-
ихъ любви», онъ имѣетъ въ виду «одни препятствія жребія»,
нихъ-то онъ высказываетъ слѣдующія любопытныя сообра-
нія: «несчастіе утратить то, что украшало бы нашу жизнь,
для насъ всего выше, всего святѣе, чему нѣтъ никакой за-
ны, и утратить безъ надежды возврата, навѣки, такое не-
стіе можетъ отвратить душу отъ привязанности къ жизни,
жизнь мила не собою, но тѣми привязанностями, которыми
отворится наше сердце; но это самое чувство отвращенія
жизни можетъ имѣть нѣкоторую сладость, меланхоличе-
ю, драгоцѣнную, благо единственное; сладость, заключенную
мысли, что любимъ, хотя не долженъ мечтать о соединеніи;
въ мысли, которая не даетъ тебѣ счастія, но въ то же время
даетъ совершенно разрушиться заблужденію души твоей; въ
ли, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, еще
койно, еще не отдано; невозможность владѣть имъ тебя тер-
гъ, но тайный голосъ тебѣ говоритъ въ то же время: пере-

мѣнись твой жребій, и, можетъ быть, она была бы твоею! Т
призываешь смерть, ты веселишься, примѣчая, что жизнь тво
въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ гаснуть и наконец
угасаетъ, но, разставаясь съ нею и останавливая на ней послѣ
ній меланхолическій взглядъ, ты говоришь: жизнь моя могла б
быть прелестна».

Эта меланхолія не оставляетъ Жуковскаго и впослѣдстві
осложняясь новыми мотивами, окрашиваясь нѣкоторыми новы
оттѣнками, она отражается въ общемъ грустномъ, элегическом
характерѣ его поэтическаго міросозерцанія. Въ 1819 г. являет
стихотвореніе «На кончину ея величества королевы Виртемберг
ской», въ которомъ ярко сказывается безотрадный взглядъ
земное существованіе человѣка:

Гонителемъ неслышнымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ *бѣда* насъ сторожитъ;
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ;
Гнетомы всѣ единой грозной *силой;*
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьи: *было!*
. . . . . .
О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радость крылаты,
И гдѣ навѣкъ, навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Однако изъ этого мрачнаго воззрѣнія на земную жизнь до
женъ быть какой-нибудь исходъ, должно быть что-либо прим
ряющее съ жизнью, и это начало примиренія указывается Ж
ковскимъ въ той же элегіи:

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье нашъ учитель, а не врагъ;
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ,
Намъ объ руку на тайной жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости—не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
О благахъ намъ обѣщанныхъ вдали;
. . . . . .
Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
Опущена завѣса Провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:
«Мужайтеся, душою не скорбите;
Съ надеждою и вѣрой приступите!»

Поэтъ, какъ видно изъ этихъ словъ, глубоко-вѣрующій человѣкъ, а эта-то вѣра является источникомъ утѣшенія въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми переполнена наша жизнь. Отсюда происходитъ и другой утѣшительный взглядъ: здѣшнія бѣдствія въ сущности нѣчто приближающееся къ миражу, какъ это выражено въ слѣдующихъ стихахъ «Свѣтланы»:

Лучшій другъ нашъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.

Та же «довѣренность къ Творцу» указывается и въ стихотвореніи «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Что бъ ни было—Незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.

Поэтому мы должны примириться съ огорченіями, встрѣчаемися въ жизни, помня, что «горесть и радость, все къ цѣли дной». Есть два пути къ утѣшенію: одинъ—«радость сердца—дованье на лучшій неизмѣнный свѣтъ», а другой—«милое воспоминаніе о томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ». Если кому-нибудь ждено было утратить своихъ «милыхъ спутниковъ», близкихъ друзей, поэтъ обращается къ нему съ увѣщаніемъ:

Не говори съ тоской: «ихъ нѣтъ»,
Но съ благодарностію: «были».

Чрезвычайно характерно представлены эти два пути къ душевному успокоенію, воспоминаніе и надежда, въ элегіи «Теонъ и Эсхинъ». Лишившись подруги своей жизни, Теонъ не предается отчаянію и, указывая на ея гробъ, говоритъ своему другу:

Эсхинъ—вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь,—
Но съ нею печаль неразлучна.
О нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ;
И жизнь, и вселенна прекрасны,
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше,
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—
Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной возвышенной цѣли.

Но рядомъ съ воспоминаніемъ Теонъ знаетъ и другую отраду такъ какъ онъ не допускаетъ мысли, чтобы навѣки исчезло бы лое счастье.

Для сердца прошедшее вѣчно (говоритъ онъ);
Страданье въ разлукѣ есть то же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
. . . . . .
А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ;
Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь,
Отворится... жду и надѣюсь.

Можно привести еще много другихъ примѣровъ изъ произ веденій Жуковскаго, примѣровъ, иллюстрирующихъ его господ ствующее элегическое настроеніе и тотъ двоякій исходъ из меланхоліи, который открывается передъ нашимъ поэтомъ; но мы ограничимся уже приведенными, тѣмъ болѣе, что всѣ они показываютъ намъ ту сторону творчества Жуковскаго, котора не была оригинальной, являлась прямымъ отраженіемъ Карам зинскаго сентиментализма: и меланхолія, и воспоминаніе о бы

ломъ счастіи, и надежда на возвратъ счастія въ загробной жизни—все это темы старыя, не разъ трактовавшіяся, какъ послѣдователями Карамзина, такъ и тѣми западными сентименталистами, подъ вліяніемъ которыхъ началась поэтическая дѣятельность Жуковскаго. На это въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ указывалъ Бѣлинскій, но онъ же указалъ, что у Жуковскаго есть кое-что, отличающее его отъ Карамзина и сближающее его съ новой литературной школой, благодаря чему мы можемъ по справедливости называть Жуковскаго не сентименталистомъ, но романтикомъ. Это новое—есть идеализмъ Жуковскаго. Идеала не знало сентиментальное направленіе, оно только будило добрыя чувства, но не указывало цѣли, къ которой должны такія чувства направляться. Эту цѣль указываетъ Жуковскій, а какъ онъ это дѣлаетъ, увидимъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Въ письмѣ къ К. Ѳ. Рылѣеву отъ 25-го января 1825 г. Пушкинъ выражаетъ свое несогласіе съ отзывомъ А. Бестужева о поэзіи Жуковскаго и упрекаетъ молодыхъ писателей въ неблагодарности по отношенію къ ихъ руководителю. «Зачѣмъ,— говоритъ Пушкинъ, — кусать намъ груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности: къ тому же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ»... Однако Рылѣевъ не соглашается съ такой оцѣнкой значенія Жуковскаго. «Неоспоримо, — пишетъ онъ, — что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за то навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали».

Неизвѣстно, что отвѣтилъ своему несчастному другу Пушкинъ, быть можетъ, споръ на этомъ не кончился; но мнѣніе Рылѣева для насъ важно, какъ выраженіе взгляда на Жуковскаго собой группы русскихъ романтиковъ, группы, явившейся въ началѣ 1820-хъ годовъ. Въ этой группѣ мы видимъ будущихъ

декабристовъ, и отъ нихъ мы можемъ вести въ нашей литературѣ начало направленія, извѣстнаго подъ именемъ поэзіи гражданскихъ мотивовъ. Эти молодые поэты 1820-хъ годовъ стремились въ своихъ произведеніяхъ выразить тѣ гражданскіе идеалы, которые были главнымъ мотивомъ ихъ жизненной дѣятельности. Ихъ идеализмъ былъ близокъ къ запросамъ жизни; благодаря имъ, являлась возможность болѣе тѣснаго соприкосновенія литературы съ жизнью общественной; но сами они дѣйствительно были несправедливы къ своей «кормилицѣ», къ Жуковскому. Какъ бы ни были туманны стремленія старшаго романтика, они направлялись къ идеальнымъ цѣлямъ; они были первымъ проявленіемъ идеализма въ нашей литературѣ. Отъ этого идеализма происходитъ и тотъ, который выражается въ стремленіяхъ Рылѣева, Бестужева, Кюхельбекера, молодого Пушкина. Этотъ идеализмъ, при всей своей туманности и неопредѣленности, явился ступенью къ развитію того новаго направленія, которое проявляется въ нашей литературѣ съ 1820-хъ годовъ.

Дѣйствительно, много мистицизма, туманности и неопредѣленности въ тѣхъ надеждахъ на будущее счастіе, которыя составляютъ, какъ мы указали, одинъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ поэзіи Жуковскаго. Правда, фантастично-мечтательны тѣ картины, которыя рисуетъ намъ поэтъ во второй части повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», изображая стремленіе Вадима къ его идеалу; мечтателенъ образъ, ведущій героя къ идеалу; но не надо забывать, что этотъ образъ спасаетъ героя отъ низкихъ чувственныхъ обольщеній, напримѣръ, при встрѣчѣ съ кіевской княжной.

...знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи
И долго жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ полнебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстный;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдругъ сильнѣе потрясся лѣсъ.
И небо зашумѣло...
Вадимъ взглянулъ—призракъ исчезъ;
А въ вышинѣ... звенѣло.
И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится.

Къ такому высокому идеалу можетъ придти только тотъ человѣкъ, который сохраняетъ въ себѣ чистоту души, который любитъ другихъ людей, чуждъ эгоизма. Этотъ идеализмъ ведетъ къ очеловѣченію общества, въ которомъ много дикаго и злого, и обществу несомнѣнно полезно было слышать отъ поэта такіе призывы.

Прочь низкое, прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ сѣдъ
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ простота;
Нежданность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ правота;
Въ могуществѣ смиренье.
Обѣтамъ вѣрность, чести честь,
Покорность правой власти;
Для дружбы все, что въ мірѣ есть;
Любви весь пламень страсти;
Утѣхи скорби, просьбѣ дань,
Погибели спасенье;
Могущему пороку брань,
Безсильному презрѣнье
Неправдѣ грозный правды гласъ,
Заслугѣ воздаянье,
Спокойствіе—въ послѣдній часъ
При гробѣ—упованье.

Эта высокая человѣчность прекрасно выразилась въ стихотвореніи «Солнце и Борей», въ которомъ ярко выставляется та идея, что «злобы самовластной милость кроткая сильнѣй»; та же человѣчность высказалась въ знаменитыхъ пожеланіяхъ Жуковскаго его будущему воспитаннику, цесаревичу Александру Николаевичу.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ
И на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.

Какъ извѣстно, эта человѣчность привела къ величайшему акту нашей исторіи, къ незабвенному дню 19 февраля 1861 года, и воспоминая объ этомъ, не лишнее привести отрывокъ изъ статьи «Печальное происшествіе, случившееся въ началѣ 1809 года», отрывокъ, являющійся протестомъ противъ крѣпостного права (въ чемъ можно еще видѣть отличіе Жуковскаго отъ Ка-

рамзина, приблизительно въ это время защищавшаго рабство). «Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ *фаворитовъ*. Что это значитъ? Они выбираютъ или мальчика, или дѣвочку изъ состоянія служителей, прлближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ не принадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней *зависимости*. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ *зависимый*, знакомый съ чувствами и понятіями людей *независимыхъ*, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее — свобода!.. Просвѣщеніе должно возвысить человѣка въ собственныхъ его глазахъ,—а что унизительнѣе рабства? Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный — и такъ прежде, нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія».

Послѣ этихъ указаній на идеализмъ Жуковскаго, намъ кажется, мы въ правѣ признать его великое значеніе для дальнѣйшаго нашего литературнаго развитія, признать, что, несмотря на зависимость въ началѣ своей литературной карьеры отъ Карамзина, Жуковскій внесъ въ нашу литературу такой элементъ, котораго не хватало сентименталистамъ, и который существенно необходимъ для здороваго роста литературы, какъ выразительницы общественнаго сознанія· «Неизмѣримъ, — говоритъ Бѣлинскій, — подвигъ Жуковскаго и велико его значеніе въ русской литературѣ! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинскою богинею Церерою: она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія въ «оный таинственный свѣтъ», которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную завѣтную сторону... Жуковскій — это поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу. Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрасть, они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный періодъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть. Но Жуковскій, кромѣ того, имѣетъ великое историческое значеніе для русской поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее до-

ступною для общества, далъ ей возможность развитія, и безъ Жуковскаго мы не имѣли бы Пушкина. Сверхъ того, есть еще другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковскаго: благодаря ему, нѣмецкая поэзія — намъ родная, и мы умѣемъ понимать ее безъ того усилія, которое условливается чуждою національностью».

Крыловъ и Грибоѣдовъ.

Рядомъ съ сентиментальнымъ и романтическимъ направленіями въ русской литературѣ начала XIX вѣка замѣчается теченіе, нѣкоторыми своими чертами унаслѣдованное отъ прежняго времени, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи осложнившееся новыми элементами и ставшее основой всей послѣдующей русской литературы. Это реализмъ.

Съ понятіемъ о реализмѣ, какъ о воспроизведеніи дѣйствительности, необходимомъ для искусства, мы встрѣчаемся уже съ самаго начала теоретическихъ разсужденій объ искусствѣ: это понятіе мы находимъ у Аристотеля, который опредѣляетъ задачу искусства, какъ подражаніе природѣ; однако, важно отмѣтить, что Аристотель говоритъ о необходимости единства и цѣльности въ поэтическомъ произведеніи. Эти два послѣднія условія сообщаются литературному произведенію только нѣкоторою идеею, такъ что у Аристотеля на ряду съ реализмомъ мы можемъ видѣть требованіе извѣстнаго идеализма. Этотъ идеализмъ совсѣмъ утрачиваетъ свое значеніе при томъ искаженіи Аристотелевскихъ взглядовъ, которое явилось въ XVIII вѣкѣ, благодаря теоріи Буало и Батте. По этой теоріи искусство оказалось воспроизведеніемъ дѣйствительности безъ всякой высшей идеи, исключительно въ угоду господствующему вкусу эпохи. Какая цѣль такого воспроизведенія, оставалось невыясненнымъ. Цѣль была указана тою литературною школою, которая явилась на смѣну классикамъ, т. е. сперва сентименталистами, потомъ романтиками. По ихъ взгляду дѣйствительность въ произведеніяхъ искусства представляется только съ тою цѣлью, чтобы выразить извѣстную идею, зародившуюся въ сознаніи художника; ясно, что по взгляду романтиковъ идея ставится выше дѣйствительности, такъ что въ концѣ концовъ самое воспроизведеніе дѣйствительности (зачастую признаваемой грубою и потому презрѣнною), отодвигаясь на второй планъ, можетъ много потерять въ своей точности, правдивости. Обѣ литературныя школы

падали въ крайность, и правда, какъ всегда, должна была ока-аться по серединѣ между этими двумя противоположными край-остями. Отличное образное выраженіе теоріи реализма, соеди-еннаго съ идеализмомъ, мы находимъ въ книгѣ Мельхіора де-огюэ о русскомъ романѣ.

«Лучшая,—говоритъ Вогюэ,—общая формула дла характери-гики пріемовъ и значенія реализма очень стара и кратко вы-ажаетъ тайну всякаго творчества... «Господь Богъ создалъ че-овѣка изъ земли». Это созданіе изъ земли есть только одна горона, земля разлагается опытной наукой, но послѣ этого раз-ложенія остается нѣчто такое, чего не въ силахъ объяснить пытная наука, и что прекрасно выдвигается въ дальнѣйшихъ ловахъ Библейскаго текста: «и вдохнулъ въ него дыханіе жизни, далъ человѣку душу живую». Такимъ же путемъ совершается литературное творчество: необходима «земля», т. е. воспро-изведеніе дѣствительности, но при этомъ нѣтъ правды, если нѣтъ ыханія жизни».

Такова теорія, но что же даетъ практика искусства?

Если мы разсмотримъ великія произведенія искусства, если ы внимательно изучимъ процессъ творчества величайшихъ ху-ожниковъ, то мы всюду увидимъ подтвержденіе этого теорети-ескаго положенія. Если мы возьмемъ статуи Аполлона Бельве-рскаго или Венеры Милосской, то замѣтимъ, что несмотря а стремленіе художника воплотить въ нихъ идеалъ вѣчной расоты, несмотря на божественный характеръ изображеній, въ къ созданіи несомнѣнно выразился полный реализмъ, сказав-ійся въ самомъ тщательномъ воспроизведеніи линій тѣла и ускулатуры въ такомъ видѣ, какъ это можетъ наблюдаться въ йствительности. Если мы обратимъ вниманіе на тѣ данныя, оторыя у насъ имѣются относительно пріемовъ работы Ра-аэля, мы должны будемъ признать, что этотъ творецъ идеаль-йшихъ изображеній Мадонны былъ въ полномъ смыслѣ слова еалистомъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ качествѣ модели ія одной изъ картинъ, представлявшихъ Мадонну, служила Ра-аэлю какая-то крестьянка изъ окрестностей Рима, и задумавъ ое идеальное созданіе, великій художникъ цѣлые дни употре-яетъ на то, чтобы старательно воспроизводить въ разныхъ гюдахъ отдѣльныя части тѣла этой крестьянки, ея костюмъ, кладки ея платья при различныхъ позахъ и т. д. То же изу-еніе мельчайшихъ подробностей природы и быта является осно-

вою знаменитой картины Иванова: «Явленіе Христа народу идеальное содержаніе вкладывается во вполнѣ реальную обст новку.

Обращаясь къ поэзіи, мы и здѣсь у великихъ мастеровъ ув димъ то же соединеніе реализма съ идеализмомъ: такъ, Ше спиръ вездѣ въ своихъ трагедіяхъ является поразительнымъ зн токомъ самыхъ незамѣтныхъ особенностей человѣка, его душ быта, обстановки, но при этомъ мы не можемъ не замѣчать него идеальной подкладки. Общій принципъ таковъ: идеалъ с единяется съ реальностью, но онъ не есть какое-либо нрав ученіе, привлеченное со стороны, онъ есть самая сущность эт реальности, онъ наполняетъ собою всю жизнь, въ немъ закл чается «дыханіе жизни». Такой реализмъ можно назвать дид ктическимъ, какъ это предложилъ французскій ученый Давид Соважо, въ противоположность тому направленію, которое во производитъ дѣйствительность безъ всякой идеальной цѣли которое тотъ же ученый мѣтко называетъ «реализмомъ иску ства для искусства».

Такимъ-то дидактическимъ и является нашъ русскій ре лизмъ,—въ этомъ его существенное отличіе отъ многихъ проя леній реализма французскаго, и этой стороной онъ сближает въ значительной степени съ реализмомъ англійскимъ. Благода именно своему дидактическому направленію, или, иначе говор тѣмъ идеаламъ, которые посредствомъ его выражаются, а так благодаря картинамъ совсѣмъ незнакомой Западу, своеобразно русской жизни, нашъ реализмъ привлекаетъ къ себѣ восто женное вниманіе европейской и американской публики, стан вится какъ бы новымъ словомъ, откровеніемъ въ искусствѣ. В этомъ новомъ русскомъ литературномъ направленіи заключает можетъ быть, то новое слово, которое, по взгляду славяноф ловъ, мы призваны сказать міру, или выражаясь проще, наш литература при помощи новыхъ образовъ, взятыхъ изъ русск дѣйствительности, напоминаетъ европейскому міру старыя иде частью отъ него же усвоенныя, но имъ забытыя. Какъ бы т ни было, интересъ двоякій: съ одной стороны, вслѣдствіе идей съ другой стороны, вслѣдствіе картинъ жизни. Но какъ же сл жился этотъ реализмъ? Какова исторія его развитія на родно его почвѣ?

Приходится начинать съ очень отдаленныхъ временъ. Ист рія нашей старинной литературы представляетъ намъ чрезв

айно мало проявленій реализма, такъ какъ дѣйствительность
казалась, при господствѣ аскетическихъ взглядовъ, какъ бы
ъ пренебреженіи, и ея воспроизведеніе должно было считаться
о меньшей мѣрѣ излишнимъ, хотя и при этомъ мы можемъ
тмѣтить нѣкоторые проблески стремленія ввести въ литературу
искусство изображенія жизни. Господствующій, сложившійся
одъ сильнымъ византійскимъ вліяніемъ, взглядъ, какъ сказано,
ылъ аскетическій, отрицавшій дѣйствительность, такъ какъ
іръ во злѣ лежитъ: это зло надо уничтожить, воспроизводить
е его при помощи искусства есть прямой грѣхъ. Реализмъ въ
скусствѣ ведетъ къ эллинской прелести, т. е. къ язычеству, и
тобы избѣгнуть такого соблазна, литература должна отрѣ-
иться отъ жизни; образы, создаваемые искусствомъ, должны
тличаться чисто духовнымъ характеромъ, совсѣмъ исключаю-
имъ всякій помыселъ о реальномъ мірѣ. Одинъ изъ любимыхъ
редметовъ античной поэзіи, женщина называлась бѣсовской го-
тиницей и потому, конечно, изгнана изъ литературы. Пласти-
ескія искусства принимаютъ формы, приноровленныя къ тому
е взгляду: живопись допускается только въ видѣ иконописанія,
ричемъ для иконъ устанавливается строгій шаблонъ, заставля-
яющій писать лики святыхъ такимъ образомъ, чтобы они не
мѣли ничего общаго съ реальностью; благодаря, напримѣръ,
тому шаблону совсѣмъ сглаживались индивидуальныя черты,
акъ что ликъ одного святого вовсѣмъ походитъ на другого, и
ля различенія необходимы разныя эмблематическія добавленія.
адо однако замѣтить, что рядомъ съ такими взглядами къ
амъ перешелъ изъ Византіи аскетизмъ иного рода, допускав-
лій болѣе свѣтлое воззрѣніе на окружавшій міръ, не исключа-
шій мирнаго созерцанія красотъ природы. Представителемъ та-
ого аскетизма можно считать св. Іонна Златоуста, у насъ же
го яркое выраженіе можно видѣть въ духовныхъ стихахъ, вос-
валяющихъ пустынное житіе.

Но, какъ я сказалъ, и при самомъ сильномъ аскетическомъ
трицаніи дѣйствительности, струйка реализма кое-гдѣ проби-
ается и въ народной словесности, подъ вліяніемъ ея слагателей
хранителей, веселыхъ людей—скомороховъ, и въ древнерус-
кой письменности. Такимъ отраженіемъ дѣйствительности мы
ожемъ считать въ значительной степени драгоцѣнный памят-
икъ старинной поэзіи—«Слово о полку Игоревѣ»: удѣльный
ріодъ его съ его усобицами живо характеризуется въ «Словѣ»,

а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важны для насъ и тѣ картины пр
роды, которыя мы находимъ въ этомъ произведеніи. Реализм
съ рѣзкой примѣсью ироніи мы найдемъ въ извѣстномъ «Мол
ніи» Даніила Заточника. XVI вѣкъ представляетъ намъ т
кого, пожалуй, грубаго реалиста, какъ царь Іоаннъ Грозный,
въ XVII вѣкѣ мы прежде всего встрѣчаемся съ реально-сатир
ческими изображеніями московской жизни у князя Ивана Хв
ростинина, заявляющаго, что «московскіе люди живутъ в
ложью», и у дьяка Котошихина, зло рисующаго засѣданіе боя
ской думы. Въ томъ же столѣтіи среди духовныхъ писателе
насъ поражаютъ своимъ реализмомъ Іоаннъ Вишенскій, обл
чающій «перцелюбцевъ, цукролюбцевъ, конфетолюбцевъ, перин
спаловъ, подушкоспаловъ, куроѣдовъ, мясоѣдовъ», и знамен
тый расколоучитель, протопопъ Аввакумъ, у котораго въ «Ж
тіи» находимъ рядъ прекрасныхъ описаній видѣнныхъ имъ м
стностей, а въ поученіяхъ реальныя обличенія въ такомъ, напр
мѣръ, родѣ: «иной человѣкъ жалѣетъ дать нагому ризы едины
и не токмо ризы, но и копѣйки цѣлыя нищему Христа ра
жалѣетъ дати, но и денежки на смѣнъ проситъ. А инъ сто р
блевъ имѣетъ, а нищему глаголетъ: Богъ пошлетъ, да пришедш
въ церковь, ста на обычномъ мѣстѣ и глаголетъ, яко сущ
христіанинъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! А за чт
Боже милостивъ буди тебѣ грѣшному? За то, что нищему ни
чего не далъ?»

Въ XVI и XVII вѣкахъ замѣтно усиливается въ нашей ли
тературѣ вліяніе западное, сказывающееся между прочимъ и в
усиленіи реализма. Къ намъ переходятъ такъ называемые Schel
menromane, въ которыхъ представляются продѣлки разныхъ лов
кихъ, пронырливыхъ, плутоватыхъ людей, и такіе романы скор
приноравливаются къ русскому быту, такъ что появляются ори
гинальныя повѣствованія о похожденіяхъ своихъ русскихъ плу
товъ, вродѣ извѣстной «Исторіи о дворянинѣ Флорѣ Скобѣевѣ»
въ такихъ разсказахъ и повѣстяхъ несомнѣнно очень сильно
отражалась современная русская дѣйствительность, и естественно
что русскій реализмъ является съ извѣстной сатирической окра
ской. Та же самая сатирическая окраска можетъ быт
указана въ произведеніяхъ малорусскихъ ученыхъ, пересели
вшихся въ Москву, въ особенности въ сочиненіяхъ Симеона По
лоцкаго; у малороссовъ сатира являлась вслѣдствіе того, что им
приходилось вести тяжелую борьбу съ исконнымъ невѣжествомъ

о вскорѣ этой борьбѣ суждено было охватить всю русскую изнь, и весьма, вслѣдствіе этого, понятно, что сатира на долго становилась въ русской литературѣ, являясь почти единственымъ отголоскомъ живой дѣйствительности въ этой литературѣ, оторая въ новомъ періодѣ чуть ли не цѣлое столѣтіе остается ь извѣстной мѣрѣ оторванною отъ родной почвы.

Реформа Петра Великаго должна была усилить борьбу между ащитниками старины и поклонниками западно-европейскаго росвѣщенія, и эта борьба есть источникъ того сатирическаго еализма, который проявляется съ такою силою въ изображеяхъ невѣждъ въ сатирахъ Кантеміра, въ комедіяхъ Фонвизина, ъ журналахъ Новикова и другихъ дѣятелей Екатерининскаго арствованя; даже Державинъ тамъ, гдѣ онъ настраиваетъ свою иру на сатирическій ладъ, становится до извѣстной степени еалистомъ, отражаетъ современную ему жизнь. Отъ борьбы съ евѣжествомъ и обскурантизмомъ сатира XVIII в. постепенно ереходитъ къ обличенію другихъ общественныхъ золъ и нестройствъ, особенно злоупотребленій помѣщичьихъ и административно-судебныхъ, расширяя такимъ образомъ область воспроизведенія дѣйствительности въ литературѣ. Однако, слѣдуетъ казать, что этотъ реализмъ еще далеко не полонъ: прежде всего му недостаетъ самостоятельныхъ, народныхъ формъ, литература не можетъ при чуждыхъ формахъ вполнѣ сблизиться съ изнью, а кромѣ того сатира всегда бываетъ чѣмъ-то односторннимъ, представляетъ только отрицательныя явленія жизни, гда какъ не можетъ быть такой жизненной обстановки, которая не имѣла бы хоть какихъ-нибудь положительныхъ чертъ. ъ обществѣ, состоящемъ изъ однихъ лишь невѣждъ и негодяевъ, человѣкъ не можетъ существовать и несомнѣнно, что оложительные типы были въ дѣйствительности и въ XVIII вѣкѣ, о литература не умѣла ихъ различать, не умѣла ихъ воспроводить. Такимъ образомъ реалистическому направленію предстояла важная задача сліянія по формамъ съ народностью и отысканія въ жизни положительнаго содержанія. Задача эта была азрѣшена окончательно Пушкинымъ, но весьма много подвинулись къ ея рѣшенію два предшественника Пушкина, И. А. Крыловъ и А. С. Грибоѣдовъ.

Не останавливаясь на біографіи Крылова, мы упомянемъ олько о его первыхъ литературныхъ прозведеніяхъ, а затѣмъ всколько подробнѣе разсмотримъ его басни, какъ наиболѣе

замѣчательный родъ его творчества, такой родъ, къ которому
какъ недавно доказано было Ѳ. А. Витбергомъ, Крыловъ пр
явилъ склонность въ самомъ началѣ своего литературнаго п
прища. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, Крыловъ пр
нимается въ 1789 г. за изданіе журнала «Почта духовъ». Форм
приданная Крыловымъ этому изданію, переписка духовъ Бур
стона, Вѣстодава, Зора и др., съ волшебникомъ Маликульмул
комъ, есть повтореніе журнала «Адская почта», издававшаго
литераторомъ Эминымъ; по содержанію сатирическія стат
«Почты духовъ» близки къ насмѣшкамъ Новикова и другихъ с
тириковъ того времени: въ этихъ статьяхъ обличаются нра
жителей подземнаго царства, подъ которымъ слѣдуетъ подраз
мѣвать Россію, представляются въ яркомъ освѣщеніи невѣжеств
внѣшнее просвѣщеніе, щегольство, роскошь, лихоимство, зл
употребленія судей, чиновниковъ и помѣщиковъ.

То же самое находимъ мы и въ журналахъ «Зритель»
«С.-Петербургскій Меркурій», которые Крыловъ издавалъ
1792 и 1793 гг. Среди статей послѣдняго изъ этихъ журналов
слѣдуетъ отмѣтить «Похвальную рѣчь Ермолафиду», въ кот
рой подъ видомъ человѣка, говорящаго ермолафію, т. е. чепух
Крыловъ изображаетъ Карамзина. «Ермолафидъ, говоритъ Кр
ловъ, если, спустя десять дней вздумаетъ прочесть свое сочин
ніе, то уже не понимаетъ, что онъ хотѣлъ сказать»: причино
такой чепухи Крыловъ считаетъ отрицаніе Карамзинымъ уст
новленныхъ литературныхъ правилъ, а этимъ правиламъ сам
Крыловъ всегда придавалъ большое значеніе, хотя надо сказат
что въ басняхъ онъ какъ-то невольно отъ нихъ отступает
Вообще надо сказать, что къ сентиментализму нашъ баснопи
сецъ относился крайне отрицательно, видя въ немъ извращен
дѣйствительности, и въ этомъ случаѣ трудно не признать спра
ведливости нападокъ Крылова. Этотъ взглядъ онъ выразил
между прочимъ, въ сатирической повѣсти «Каибъ», въ которо
осмѣялъ идиллическое изображеніе жизни крестьянъ.

Тѣ же предметы обличенія, что и въ журнальныхъ статьях
Крылова, видимъ мы въ его комедіяхъ, изъ которыхъ лучшія—
«Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», а также и въ прослави
шихъ его имя басняхъ. Такимъ образомъ, по выбору тем
Крыловъ и въ басняхъ остается связаннымъ съ традиціям
Екатерининской эпохи, но какъ реалистъ, онъ отражает
измѣнившіяся обстоятельства жизни и дѣлаетъ значител

ый шагъ впередъ въ усвоеніи литературѣ элементовъ народ-ыхъ.

Нѣкоторыя изъ басенъ Крылова называются историческими, акъ какъ вызваны опредѣленными событіями жизни, не затра-ваютъ какихъ-либо общихъ ея явленій. Такъ басни: «Ворона курица», «Щука и котъ», «Обозъ», «Волкъ на псарнѣ», отно-ится къ фактамъ Отечественной войны: первая представляетъ бдственное положеніе французской арміи, вторая—осмѣиваетъ еудачныя дѣйствія адмирала Чичагова, третья — является за-итой Кутузова противъ людей, упрекавшихъ его въ медлен-ости, и, наконецъ, четвертая — изображаетъ затрудненіе Напо-она и торжество Кутузова. Кромѣ этихъ басенъ историческою ъ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть названа басня «Воспитаніе ва», характеризующая воспитаніе императора Александра I, о въ болѣе обширномъ смыслѣ мы должны считать историче-ими и очень многія другія басни Крылова, такъ какъ въ нихъ ъ изображаетъ не какіе-либо людскіе пороки, но осмѣиваетъ едостатки современнаго ему русскаго общества: невѣжество неправильное воспитаніе русскихъ людей, лихоимство судей, съ неспособность, бездѣятельность, ненормальныя отношенія словій и т. д.

Невѣжды выведены Крыловымъ во многихъ басняхъ. Отлично характеризовано ихъ враждебное отношеніе къ наукѣ въ сняхъ «Пѣтухъ и жемчужное зерно», «Свинья подъ дубомъ» «Мартышка и очки». Понимая только матеріальную пользу, евѣжда совсѣмъ не въ состояніи постигнуть значенія очень бнныхъ предметовъ, какъ пѣтухъ, находящій пустою вещью емчужное зерно, или какъ свинья, пренебрежительно отзываю-аяся о дубѣ, желудями котораго она питается. Хуже всего, онечно, такое положеніе, когда невѣжда оказывается сильнымъ, асть имѣющимъ, какъ это указано въ баснѣ «Мартышка и ки»; отрицаніе переходитъ въ прямое преслѣдованіе науки, или акъ выражается баснописецъ:

...Ежели невѣжда познатнѣй,
То онъ ее еще и гонитъ.

Невѣжда всегда крайне самоувѣренъ и готовъ взяться за якое дѣло конечно, при этомъ причиняя только порчу, какъ го представлено въ баснѣ «Голикъ»:

Бываетъ столько же вреда
Когда
Невѣжда не въ свои дѣла вплетется
И поправлять труды ученаго возьмется.

Особено же яркій типъ самоувѣреннаго невѣжды выставлен въ баснѣ: «Оселъ и соловей», въ которой оселъ, несмотря н свое полное непониманіе, рѣшается съ самымъ авторитетным видомъ произносить критическій судъ о пѣніи соловья.

Благодаря подобной самоувѣренности, невѣжды часто берут за такія дѣла, которыхъ по своей неспособности и неподгото вленности не могутъ исполнить сколько-нибудь сносно, какъ эт мы видимъ въ баснѣ «Квартетъ», а между тѣмъ причины своег неуспѣха они не въ состояніи понять, и вмѣсто того, чтоб отказаться отъ неосуществимаго намѣренія, пытаются добить своей цѣли при помощи средствъ, не имѣющихъ никакого зн ченія. Подобное же невѣжество ведетъ и къ тому, что руков дясь совершенно посторонними соображеніями, людямъ поручают дѣла, которыя имъ по недостатку дарованій или спеціальных свѣдѣній, совсѣмъ не по силамъ, какъ это мы видимъ на пр мѣрѣ господина, устроившаго себѣ домашній оркестръ: его м зыканты играютъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова, но онъ утѣшает знаменитымъ объясненьемъ:

Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмельного не берутъ
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.

Въ отвѣтъ на это пріятель меломана высказываетъ вполн резонное пожеланіе:

По мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй!

Та же самая мысль о необходимости «разумѣть дѣло» под черкивается Крыловымъ въ баснѣ «Бритвы».

Припомнивъ превратные толки о просвѣщеніи, шедшіе с разныхъ сторонъ въ Александровское время, открытый обску рантизмъ знатныхъ невѣждъ, гнавшихъ науку, полагавшихъ, чт «прекрасное поведеніе» можетъ быть полезнѣе знанія въ таких дѣлахъ, гдѣ это знаніе необходимо, припомнивъ крайнюю само увѣренность тогдашнихъ враговъ просвѣщенія, говорить против которыхъ бывало порой далеко не безопасно, мы поймемъ, чт разсмотрѣнными баснями Крыловъ служилъ великому дѣлу про

ресса. Но каково же было то просвѣщеніе, которое ему предтавлялось желательнымъ? Соотвѣтствовалъ ли характеръ современнаго Крылову просвѣщенія тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялъ къ наукѣ баснописецъ? Отвѣтомъ на эти вопросы могутъ служить нѣкоторыя басни, возбуждающія иногда недомѣніе критиковъ, вызывающія предположеніе, что Крыловъ вообще не понималъ истиннаго значенія науки. Однако, болѣе правильнымъ будетъ разсматривать эти басни не какъ отвлеченныя заключенія о пользѣ науки (а это дѣлаютъ указанные критики), но какъ сужденія о современномъ Крылову состояніи русскаго просвѣщенія»

Въ басняхъ «Два голубя» и а Водолазы» мы какъ бы находимъ основаніе заключать, что Крыловъ возстаетъ противъ стремленій науки проникнуть въ самую глубь изслѣдуемыхъ явленій; гибель водолаза, бросившагося въ черную пучину моря, приводитъ баснописца къ слѣдующему нравоученію:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ тамъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Но гдѣ же была та погибельная пучина, которая раскрывалась передъ русскимъ обществомъ и такъ устрашала баснописца? Вѣдь по меньшей мѣрѣ странно было предостерегать отъ глубоихъ научныхъ изысканій то общество, въ которомъ царило невѣжество, а знаніе проявлялось лишь въ самыхъ слабыхъ начаткахъ. Поэтому-то и естественно предполагать, что Крыловъ при всей своей сильной наблюдательности видѣлъ пучину въ комъ-нибудь реальномъ, въ какомъ нибудь явленіи окружавшей его дѣйствительности, а такимъ явленіемъ, возбуждавшимъ опасенія баснописца, могло быть вольномысліе, невѣріе, шедшее къ намъ съ Запада. Эту пучину Крыловъ изображаетъ въ баснѣ «Сочинитель и разбойникъ», въ которой одна и изъ трехъ миѳологическихъ адскихъ сестеръ обращается къ сочинителю съ слѣдующей рѣчью:

Уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.

Смотри (тутъ свѣтъ ему она узрѣть дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною?
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей.
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены?—Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальство, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти
И связи общества рвался расторгнуть?—Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ?
И вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой.
Въ ней каждой капли слезъ и крови ты—виной,
И смѣлъ ты на боговъ еще вооружиться!
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра.

Ясно, что въ этомъ случаѣ баснописецъ изображаетъ н Россію, а скорѣе Францію съ ея революціоннымъ движеніемъ его цѣль показать, что просвѣщеніе, идущее съ Запада, заклю чаетъ въ себѣ много ложнаго, и не самое просвѣщеніе, но эт ложь, въ него внѣдрившаяся, вызываетъ протестъ Крылова какъ видно изъ басни «Червонецъ», гдѣ находимъ такое нрав ученіе:

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.

Отсюда истекаетъ и недовѣріе Крылова къ воспитателям иностранцамъ, изъ которыхъ и лучшій по его словамъ, «ни к чорту не годится». Вліяніе иностранцевъ отрываетъ русских

юношей отъ родной почвы; дѣти, какъ птенцы кукушки, «не хотятъ совсѣмъ и знать» своихъ родителей и, будучи хорошо знакомы съ иноземной жизнью, совсѣмъ не понимаютъ того, что необходимо для Россіи, какъ это видно изъ словъ льва, воспитаннаго орломъ:

Папа (говоритъ левъ своему отцу), я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто:
И отъ орла до перепелки
Какой гдѣ птицы болѣе водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки.
Вотъ отъ учителя тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды.
Когда-жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзда.

Руководясь простымъ здравымъ смысломъ, Крыловъ по отношенію къ просвѣщенію оказывается утилитаристомъ; онъ отвергаетъ науку, которая несостоятельна въ приложеніи къ жизни («Огородникъ и философъ»), которая изобрѣтаетъ разныя ненужныя ухищренія, когда дѣло очень просто («Ларчикъ»), которая за разными букашками не замѣчаетъ слона, въ погонѣ за мелочами упускаетъ изъ виду очень важное («Любопытный»); но изо всего этого нельзя выводить заключенія, чтобы Крыловъ не понималъ значенія истиннаго просвѣщенія, такъ какъ всѣ тѣ явленія, на которыя онъ указываетъ въ упомянутыхъ басняхъ, врядъ ли могутъ заслуживать одобреніе, а въ тогдашней русской жизни встрѣтить ихъ было вполнѣ возможно: были и научные крохоборы, занимавшіеся изученіемъ мелкихъ курьезовъ и не имѣвшіе серьезнаго представленія о наукѣ; были и фантазеры, строившіе разныя теоріи, несостоятельныя на практикѣ.

Обратимся къ тѣмъ баснямъ Крылова, которыя изображаютъ различные недостатки суда и администраціи и тоже могутъ въ извѣстной мѣрѣ считаться историческими. Остановимся прежде всего на басняхъ, рисующихъ невѣжество и бездѣятельность властей. Въ баснѣ «Оракулъ» разсказывается, что въ какомъ-то языческомъ капищѣ былъ богъ, который давалъ очень мудрые отвѣты, пока въ немъ сидѣлъ умный жрецъ; а «какъ засѣлъ

въ него дуракъ, то идолъ сталъ болванъ болваномъ». Отсюда дѣлается такой выводъ:

Встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

При глупости и невѣжествѣ судей и правителей, ихъ безъ дѣятельность иногда, пожалуй, и полезна (Вельможа); если же подобные люди принимаются за дѣла, то они только портятъ разрѣшая волкамъ брать съ овецъ только по одной шкурѣ, или постановляя въ наказанье утопить щуку въ прудѣ, а медвѣдя заставить пролежать зиму въ берлогѣ и т. д.

Иногда такія рѣшенья являются не вслѣдствіе невѣжества и глупости судей, а результатомъ пристрастія, такъ какъ правители и судьи берутъ взятки, и Крыловъ даетъ мѣткую характеристику взяточничества въ баснѣ «Лисица и сурокъ»:

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;
И подлинно весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой.
А смотришь, по маленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

Свои продѣлки взяточники скрываютъ отъ высшей власти прибѣгая даже къ самому наглому обману; но не всегда имъ это удается, какъ видно изъ басни «Рыбьи пляски». Сюжетъ басни такой: левъ назначилъ воеводой надъ рыбами лисицу, и она взявъ себѣ въ помощники волка, принялась усердно истреблять рыбъ; обходя свои владѣнія, левъ накрываетъ лису на мѣстѣ преступленія, видитъ рыбъ, жарящихся на сковородѣ; лиса объясняетъ царю звѣрей, что рыбы пляшутъ на сковородѣ отъ радости при его появленіи; но обманъ не удается, и лиса съ секретаремъ своимъ несутъ должное наказаніе.

Отраженіе русской жизни ясно видно и въ тѣхъ басняхъ Крылова, которыя рисуютъ недостатки общественныхъ классовъ: дворянскую спесь («Гуси»), пренебрежительное отношеніе дворянъ

къ низшимъ сословіямъ («Листы и корни»), расточительность, заставляющую прибѣгать къ разнымъ изворотамъ («Тришкинъ кафтанъ»), антагонизмъ между военными и гражданскими чиновниками, развившійся послѣ Отечественной войны («Пушки и паруса») и т. д.

Кромѣ этихъ басенъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ русской дѣйствительности, есть у Крылова не мало и другихъ, изображающихъ общіе людскіе пороки, лѣнь, клевету, лесть, отсутствіе единенія, притѣсненіе слабаго сильнымъ, и представляющихъ, такъ сказать, отвлеченное нравоученіе. Почти всѣ басни этого разряда являются передѣлкою басенъ Лафонтена, но замѣчательны какъ своимъ неподражаемымъ народнымъ складомъ рѣчи, такъ и національзаціей типовъ выведенныхъ въ нихъ животныхъ. Чтобы убѣдиться въ этой послѣдней особенности, стоитъ сравнить хотя бы лису Лафонтеновскую изъ басни «Ворона и Лисица» съ Крыловскою въ той же баснѣ: maître renard Лафонтена говоритъ изысканнымъ языкомъ французскаго придворнаго, тогда какъ Крыловская лиса своей лестью напоминаетъ русскую кумушку; такое же различіе замѣтно и между Крыловскою вороною и французскимъ maître corbeau.

Если Крыловъ по общему характеру своей дѣятельности примыкаетъ къ старому направленію русскаго реализма, то Грибоѣдовъ внесъ въ этотъ реализмъ существенное дополненіе, создавши первый въ нашей литературѣ вполнѣ жизненный типъ положительнаго дѣятеля въ лицѣ Чацкаго, противопоставленнаго московскому высшему обществу, въ которомъ, однако, поэтъ показалъ черты, присущія всему современному ему русскому обществу.

Центральной фигурой въ этомъ обществѣ является важный чиновникъ, Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, вѣрный послѣдователь и охранитель всѣхъ московскихъ традицій. Въ сущности вся жизнь Фамусова, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, обусловлена этими крѣпкими традиціями, изъ которыхъ главными нужно считать свѣтскія связи. Такъ какъ въ Москвѣ «дорожатъ дворянствомъ», то Фамусовъ долженъ быть типичнымъ представителемъ взглядовъ и образа жизни дворянскаго круга; онъ принадлежитъ къ тому «порядочному» обществу, основной принципъ жизни котораго есть comme il faut, правило, прекрасно иллюстрированное впослѣдствіи гр. Л. Н. Толстымъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», правило, не имѣющее почти ничего общаго съ

требованіями нравственности, потому что можно быть человѣкомъ весьма невысокимъ въ нравственномъ отношеніи и въ то же время быть вполнѣ равноправнымъ и даже почитаемымъ членомъ порядочнаго общества: къ этому обществу принадлежатъ вѣдь «лгунишка, картежникъ, воръ», Загорѣцкій и низменный Молчалинъ, который числится по архивамъ, т. е. даже входитъ въ категорію свѣтскихъ молодыхъ людей, «архивныхъ юношей». Въ этомъ обществѣ «на все свои законы есть», и отъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отступленія: нужно дѣйствовать и думать такъ же, какъ дѣйствуютъ и думаютъ «всѣ», а эти всѣ вѣрны преданіямъ старины и отлично помнятъ, «какъ дѣлали отцы». Все это прекрасно знаетъ Фамусовъ, и въ точности соблюдаетъ онъ законы общества: поддерживая свои связи, онъ живетъ широко; его дверь «отперта для званыхъ и незваныхъ», но и самъ онъ долженъ помнить, кому и когда слѣдуетъ сдѣлать визитъ, чьимъ расположеніемъ надо особенно дорожить, какъ угодить старухѣ Хлестовой, князю и княгинѣ Тугоуховскимъ и прочимъ членамъ свѣта, мнѣніе котораго для него настолько важно, что при развязкѣ комедіи ему наиболѣе страшнымъ представляется соображеніе о томъ, «что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна».

Такой же хранитель старыхъ традицій — Фамусовъ и въ сферѣ служебныхъ отношеній: онъ смотритъ на дѣла чисто съ формальной точки зрѣнія, заботясь лишь о томъ, чтобы ихъ не накопилось слишкомъ много, и знаетъ, что успѣхъ по службѣ зависитъ больше всего отъ того искусства «сгибаться въ перегибъ», которымъ отличался его сановный дядюшка, Максимъ Петровичъ. Кромѣ формализма старыми преданіями установленъ въ службѣ непотизмъ, и Фамусовъ нисколько не отступаетъ и отъ этого принципа, говоря:

> При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
> Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
> Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
> Ну, какъ не порадѣть родному человѣку.

Старыя преданія и мнѣніе свѣта вліяютъ и на семейныя отношенія Фамусова. Къ воспитанію своей дочери онъ относится такъ же формально, какъ и къ службѣ, «приманявши» послѣ смерти своей жены «вторую мать», какую-то madame Розье. Воспитаніе, конечно, дается такое, какого требуетъ свѣтъ; надо

аучиться «всему, и танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздо-амъ», а главное, французскому языку, который въ разговорѣ осковскаго общества постоянно смѣшивается съ «нижегород-имъ». По существу конечно, Фамусовъ врагъ просвѣщенья, акъ какъ оно разрушаетъ тѣ традиціи, которымъ онъ такъ ѣренъ, и вноситъ пагубное вольнодумство. Съ полнымъ убѣжде-іемъ онъ восклицаетъ:

Ученость—вотъ чума, ученье—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Вполнѣ естественнымъ послѣ такого заключенія рецеп-омъ для того, «чтобъ зло пресѣчь», является пожеланіе Фа-усова:

Забрать бы всѣ книги да сжечь.

Во враждѣ къ просвѣщенію сходятся съ Фамусовымъ всѣ лены московскаго общества, и Хлестова, и Тугоуховскіе, и Крюмины, и Загорѣцкій, и образцовый фрунтовикъ Скалозубъ, въ рѣчахъ которыхъ громко провозглашаются тѣ реакціонные взгляды, что стали господствующими во вторую половину цар-твованія Александра I. Вся жизнь этого общества строится по гѣмъ же Фамусовскимъ принципамъ, вся она сводится къ под-держанію установившихся традицій. Всѣ члены этого общества находятся въ какомъ-то духовномъ рабствѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не помышляетъ отнестись самостоятельно, критически къ разъ установившимся въ ихъ кругу взглядамъ и обыкнове-ніямъ. Далеко не одному Молчалину кажется непозволительнымъ «свое сужденіе имѣть», и чуть только кто попробуетъ выска-зать сомнѣніе въ справедливости какого-либо обще-распростра-ненаго взгляда, онъ навлекаетъ на себя строгія порицанія, ъ это случилось съ Репетиловымъ, рѣшившимся не повѣрить слуху о сумасшествіи Чацкаго, да и самое это сумашествіе за-ключается вѣдь въ томъ лишь, что Чацкій рѣшился вслухъ вы-сказывать воззрѣнія, противорѣчащія тому, во что вѣрятъ и чему безусловно подчиняются «всѣ», т. е. Фамусовскій кругъ.

Какъ будто исключеніемъ изъ этого общества представ-ляется Репетиловъ, который принимаетъ участіе въ какомъ-то «секретнѣйшемъ союзѣ», собирающемся тайно по четвергамъ въ англійскомъ клубѣ. Какъ онъ самъ себя (не безъ сильнаго преувеличенія) рекомендуетъ, его прошлое далеко не таково,

чтобы онъ могъ стать членомъ какого нибудь серьезнаго тай наго общества, и дѣйствительно, составъ кружка, къ котором онъ принадлежитъ, врядъ ли можно считать особенно замѣча тельнымъ, хотя Репетиловъ и называетъ своихъ пріятеле «сокомъ умной молодежи». Вотъ этотъ кружокъ, по его опи санію»:

. . . . во-первыхъ, князь Григорій.
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко остриженъ для порядка.
Другой Воркуловъ Ердокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ постъ? О диво!
. . . . . .
Еще у насъ два брата
Левонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать.
Но если генія прикажете назвать—
Удушьевъ, Ипполитъ, Маркелычъ!
Ты сочиненія его читалъ ли что-нибудь? Хоть мелочь?
Прочти братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣчто,
О чемъ бишь Нѣчто?—обо всемъ.
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.

Конечно, ни съ подобнымъ кружкомъ, ни съ враждебнымъ просвѣщенію Фамусовскимъ обществомъ, которое усвоило себѣ внѣшность европейскаго образованія, не можетъ быть ничего общаго у главнаго героя комедіи, у Чацкаго, человѣка образованнаго въ истинномъ смыслѣ этого слова. Побывавши за границей и серьезно поучившись, Чацкій понимаетъ всю ложь направленія московскаго общества, видитъ, насколько низки его духовные интересы, сколько вреда приноситъ внѣшнее усвоеніе европейской цивилизаціи. Онъ

вляется борцомъ за національныя начала жизни и рѣшительно
ѣзстаетъ противъ раболѣпства передъ иностранцами, причемъ
огда, какъ увлекающійся человѣкъ, доходитъ до крайностей,
акъ это видно изъ его извѣстной пламенной рѣчи, произно-
имой на балу у Фамусова.

Я (говоритъ Чацкій) одаль возсылалъ желанья,
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ иль примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны, и не краса лицу.
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?

Крайностью здѣсь являются нападки на европейскій костюмъ,
надо помнить, что такія нападки вызываются исключительно
ѣшнимъ характеромъ подражанія иноземцамъ; крайностью,
нечно, слѣдуетъ признать и желаніе подражать китайцамъ въ
знаніи иноземцевъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Чацкій вѣдь
здилъ же за границу «ума искать», такъ что въ этихъ сло-
хъ нельзя видѣть истиннаго стремленія совсѣмъ оторваться
ъ Запада, а надо на нихъ смотрѣть, какъ на рѣзкій протестъ
отивъ односторонняго и чрезмѣрнаго подражанія. Однако уже
леко не крайностью представляются заключительныя слова
иведеннаго отрывка рѣчи Чацкаго: въ этихъ словахъ звучитъ
олнѣ нормальное желаніе сблизиться съ роднымъ народомъ, и
этомъ Чацкій болѣе всего подходитъ къ тому нашему ум-

ственному теченію, которое извѣстно подъ именемъ славяно
фильства.

Желаніе сблизиться съ народомъ есть источникъ серьезных
общественныхъ взглядовъ Чацкаго: для него служба не ест
одно средство составлять карьеру, а есть серьезное дѣло н
пользу народа. Не можетъ онъ также не возставать и проти
крѣпостного права: ярко рисуетъ онъ тѣ злоупотребленія, т
приниженіе личности крестьянъ. тотъ произволъ помѣщиков
которые происходили отъ этого тяжелаго явленія русской жизн
Чацкій, какъ говоритъ Гончаровъ, «очень положителенъ в
своихъ положеніяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программ
выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонит
съ юношеской запальчивостью со сцены всего, что уцѣлѣл
что, по законамъ разума и справедливости, какъ по естестве
нымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживат
свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требует
ста и свободы своему вѣку: проситъ дѣла, но не хочетъ пр
служиваться и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шуто
ство. Онъ требуетъ «службы дѣлу, а не лицамъ», не смѣшивает
веселья и дурачества съ дѣломъ, какъ Молчалинъ, — онъ тяг
тится среди пустой, праздной толпы «мучителей, зловѣщих
старухъ, вздорныхъ стариковъ, отказываясь преклоняться п
едъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія и проч. Его во
мущаютъ безобразныя проявленія крѣпостного права, безумна
роскошь и отвратительные нравы «разливанья въ пирахъ и м
товствѣ»—явленія умственной и нравственной слѣпоты и растл
нія. Его идеалъ «свободной жизни» опредѣлителенъ: это — св
бода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которы
оковано общество, а потомъ свобода—«вперить въ науку ум
алчущій познаній», или безпрепятственно предаваться «иску
ствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ»—свобода «сл
жить или не служить», жить въ деревнѣ или путешествоват
не слывя за то ни разбойникомъ, ни зажигателемъ — и ряд
дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ — от
несвободы».

Внѣшнимъ образомъ въ своей борьбѣ съ Фамусовскимъ о
ществомъ Чацкій терпитъ пораженіе, онъ вынужденъ удалить
«искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ»; н
истинная побѣда за нимъ, его идеалы должны восторжествова
въ будущемъ, когда на общественное поприще выступятъ др

дѣятели, пробужденные его горячей проповѣдью просвѣщенія. къ отмѣчаетъ Гончаровъ, у Чацкаго «есть уже и единомышнники. Скалозубъ жалуется, что братъ его оставилъ службу, дождавшись чина, и сталъ читать книги. Одна изъ старухъ пщетъ, что племянникъ ея, князь Ѳедоръ, занимается химіей ботаникой». Мы знаемъ, что въ то время, какъ создавалось оре отъ ума», дѣйствительно, являлись такіе люди... Это были овозвѣстники новыхъ могучихъ теченій русской мысли, тѣхъ ченій, которымъ суждено было развиться въ 40 годахъ XIX вѣка которыя привели къ приснопамятной эпохѣ реформъ... Это были новыя литературныя силы, во главѣ которыхъ стало геніалье дарованіе Пушкина, открывшаго новую эпоху вполнѣ самооятельнаго развитія нашей литературы.

Въ отношеніи литературномъ, въ смыслѣ поступательнаго иженія нашей литературы по пути сближенія съ дѣйствительстью, типъ Чацкаго представляетъ огромный шагъ впередъ. о первый въ нашей литературѣ положительный типъ общеевеннаго дѣятеля, борца за идеалы. Чацкаго нельзя отнести къ тегоріи тѣхъ резонеровъ, которыхъ выставляла комедія прежго времени и которые безстрастно излагали передъ публикой исли автора. Резонеры эти на сценѣ не жили, они только горили, поучали зритетелей; а кромѣ того слѣдуетъ сказать, что ъ не было и въ дѣйствительной жизни, они являлись чистѣйю фикціею, нарушавшею цѣльность той реалистической карны, въ рамки которой ихъ втискивалъ дидактизмъ автора. Сомъ не то—Чацкій: онъ и на сценѣ живетъ, «волнуется, бѣтся», смѣется, радуется и больше всего страдаетъ и отъ личй драмы, и отъ разлада съ обществомъ. Чацкаго обвиняютъ томъ, что онъ только говоритъ, или же больше говоритъ, мъ дѣйствуетъ; но если даже мы признаемъ, это это такъ, мъ все-таки нельзя за это бросить камнемъ въ Чацкаго, приать его резонеромъ. Вѣдь и въ жизни есть люди, дѣломъ корыхъ является именно слово, проповѣдь новыхъ идей, и весь просъ въ томъ, составляютъ ли эти идеи самое ядро натуры добныхъ людей, связаны ли онѣ неразрывно съ самымъ ихъ ществомъ, или эти идеи только нѣчто повторяемое ими съ чуго голоса, не пережитое, не вошедшее въ ихъ плоть и кровь. зъ мы поставимъ вопросъ такимъ образомъ, мы сумѣемъ отчить резонера отъ живого человѣка и намъ уже невозможно детъ видѣть въ Чацкомъ резонера. Нѣтъ! онъ живой чело-

вѣкъ! Но откуда же взялъ Грибоѣдовъ этого живого человѣк
Конечно, онъ его не выдумалъ, а нашелъ въ современной дѣ
ствительности: въ характерѣ и стремленіяхъ Чацкаго много ес
такого, что свойственно было самому Грибоѣдову, но дѣйстви
тельность представляла и другія данныя для типа Чацкаго. М
знаемъ, что были и другіе оригиналы для этого типа: тако
былъ гусарскій офицеръ П. Я. Чаадаевъ (уже по фамиліи бли
кій къ Чацкому—Чадскому), проповѣдникъ прогрессивныхъ иде
кстати, признанный впослѣдствіи сумасшедшимъ; таковы бы
декабристы, эти безумцы—патріоты, думавшіе сочетать наці
нальное благо съ европейскимъ просвѣщеніемъ... Такимъ обр
зомъ лица, подобныя Чацкому, давались самою жизнью, и с
зданіемъ этого типа Грибоѣдовъ оказалъ величайшую услу
русской литературѣ, сдѣлавъ первую, геніальную попытку вы
сти ее на путь идеальнаго реализма, на который окончатель
вывелъ ее Пушкинъ.

оспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ вся Россія готовится къ торже-
венному чествованію памяти Пушкина: каждый день со всѣхъ
оронъ мы получаемъ извѣстія о томъ или другомъ начинаніи
торое связывается съ предстоящимъ національнымъ праздне-
зомъ и въ которомъ такъ или иначе должна выразиться бла-
дарность русскаго общества своему великому учителю-поэту.
этомъ движеніи почти не замѣчается показная, офиціаль-
я сторона, а, напротивъ, выдвигается на первый планъ чисто
дечный его характеръ, и это, конечно, является отраднѣй-
мъ признакомъ нашей умственной зрѣлости. Мы не только
леко оставили за собою ту этнографическую ступень развитія,
которой народъ живетъ почти исключительно настоящимъ
не умѣетъ цѣнить заслуги своихъ былыхъ вождей; мы не
лько, по выраженію нашего историка, С. М. Соловьева, пере-
али быть народомъ безпамятнымъ, но мы даже научились
лжнымъ образомъ понимать значеніе такихъ людей, дѣятель-
сть которыхъ не представляетъ чего-либо эффектнаго по
ѣшности; насъ привлекаетъ уже не одна слава, купленная
овью, намъ дороги и безкровныя побѣды въ чистой и не
ающей ограниченія области духа, такъ что мы можемъ со-
авать себя въ извѣстной мѣрѣ достойными нашихъ великихъ
ятелей науки и искусства, тѣхъ представителей творчества
учнаго и поэтическаго, которые ведутъ насъ къ мирнымъ и
и томъ неотъемлемымъ завоеваніямъ.

Велики пріобрѣтенія науки, сильно расширяютъ они нашъ
ственный кругозоръ, во многомъ облегчаютъ они нашу жизнь,
цѣйствуютъ улучшенію окружающей насъ обстановки какъ
матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но они
ни далеко не въ состояніи удовлетворять ту духовную жажду,
которой, быть можетъ, заключается самая важная сторона,
и не весь смыслъ нашего существованія. Нѣтъ человѣка, въ
торомъ не было бы стремленія въ какой-то лучшій міръ, сто-

ящій выше нашей земной юдоли, такъ что это стремленіе
совершенству должно быть признано чѣмъ-то неразрывно связа
нымъ съ самою природою человѣка, и вотъ здѣсь-то мы зам
чаемъ бѣдность нашей науки, такъ какъ врядъ ли когда-нибу
она дойдетъ до основательнаго разрѣшенія всѣхъ проблемъ, к
торыя выдвигаются передъ нами въ одной лишь познавательн
области, врядъ ли настанетъ такое время, когда мы силою наше
разума постигнемъ истину во всей ея полнотѣ. Но кромѣ исти
духъ нашъ стремится къ добру и красотѣ, и осуществле
этихъ двухъ сторонъ идеальнаго совершенства требуетъ др
гихъ путей; на смѣну безсильной науки съ одной стороны в
ступаетъ мораль, на религіозномъ или иномъ какомъ-либо осн
ваніи, а съ другой—художественное творчество въ своихъ мног
образныхъ проявленіяхъ.

Такимъ образомъ поэтъ ведетъ насъ къ разрѣшенію высши
нравственныхъ задачъ, къ воплощенію нашего идеала и воспо
няетъ какъ то, что дается ученымъ, такъ и то, на что указ
ваетъ намъ моралистъ. Поэта можно назвать учителемъ жизн
онъ объясняетъ намъ дѣйствительность, въ вѣчномъ кругов
ротѣ явленій помогаетъ намъ отдѣлить случайное отъ общаг
раскрываетъ намъ внутренній, таинственный смыслъ жизни, н
мѣчаетъ передъ нами путь нравственнаго совершенства и пр
ближаетъ насъ къ идеалу вѣчной красоты. Все это труизм
избитыя истины, но ихъ приходится всегда припоминать, ког
рѣчь заходитъ объ историческомъ и особенно воспитательном
значеніи поэта, потому что очень много есть такихъ люде
которые готовы ограничить роль поэзіи какой-либо одною о
ластью, забывая что главная ея сила заключается именно в
объединеніи отдѣльныхъ сторонъ идеала.

Нельзя сказать, чтобы задача разныхъ искусствъ, и въ том
числѣ поэзіи, состояла исключительно въ воспроизведеніи дѣ
ствительности, какъ это думаютъ крайніе представители нат
ральной школы; но въ то же время невозможно сводить поэзі
на степень нравственно-публицистической проповѣди, какъ эт
дѣлается критиками-публицистами, или же заставлять ее сл
жить одной красотѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было о
щественно-нравственныхъ задачъ, о чемъ толкуютъ сторонник
такъ называемой теоріи чистаго искусства. Ни въ одной из
этихъ крайностей, конечно, нельзя найти истиннаго опред
ленія задачъ поэтической дѣятельности, и правда, какъ нам

ажется, должна быть въ сліяніи указанныхъ трехъ направле-
й, причемъ получается слѣдующая формулировка: поэтъ одно-
ременнно служитъ истинѣ, добру и красотѣ, стремясь, при точ-
омъ воспроизведеніи дѣйствительности, къ торжеству нрав-
твеннаго начала и къ осуществленію его въ прекрасныхъ
бразахъ.

Если мы примемъ такое опредѣленіе, то окажется рѣшительно
евозможнымъ, немыслимымъ форму отрывать отъ содержанія,
акъ это сплошь и рядомъ практикуется разными цѣнителями,
зъ которыхъ одни окончательно пренебрегаютъ внѣшней сторо-
ой произведенія, а другіе, наоборотъ, чуть ли не въ ней одной
отовы видѣть все достоинство поэтическаго созданія. И дѣй-
твительно, разсматривая произведенія великихъ поэтовъ мы въ
ихъ постоянно встрѣчаемся съ указаннымъ гармоническимъ
бъединеніемъ разныхъ сторонъ идеала, и невольно рождается
опросъ, не въ этомъ ли самомъ фактѣ и слѣдуетъ прежде всего
скать воспитательнаго значенія ихъ поэзіи? Думается намъ,
го именно такая цѣльность идеальнаго созерцанія должна при-
авать наибольшую силу твореніямъ поэта, что въ ней-то и
аключается секретъ его вліянія на людей, его могучаго эстети-
ески-нравственнаго на нихъ воздѣйствія, и, обращаясь къ про-
зведеніямъ Пушкина, мы невольно увидимъ въ нихъ какъ разъ
гу самую основную особенность, это тѣснѣйшее сочетаніе формы
ь идеей, прекраснаго образа съ возвышеннымъ нравственнымъ
рокомъ.

Давно уже стало общимъ мѣстомъ, что поэзія Пушкина какъ
о содержанію, такъ и по своимъ формамъ, отличается крайнею
азносторонностью и лучше всего можетъ быть охарактеризо-
ана при помощи того образа, который онъ самъ далъ намъ въ
лѣдующихъ стихахъ:

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ--
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ:
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ представляетъ отзывч
вость къ впечатлѣніямъ окружающаго міра вообще свойство
поэта, не примѣняя, быть можетъ, этого наблюденія исключ
тельно къ самому себѣ; но, изучая его произведенія, неволь
соглашаешься съ Достоевскимъ, который въ своей знамените
рѣчи при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ указалъ, ч
подобная отзывчивость есть наиболѣе выдающаяся особенно
именно самого Пушкина.

«Нашъ поэтъ, —говорилъ Достоевскій, — представляетъ с
бою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное
него нигдѣ и ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ л
тературахъ были громадной величины художественные геніи-
Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одно
изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою спосо
ностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. И эту-т
способность, главнѣйшую способность нашей національност
онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ гла
нѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европе
скихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ тако
силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народ
духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску е
призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обр
щаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще все
перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали
своему. Даже у Шекспира его итальянцы, напримѣръ, почт
сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ мір
выхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполн
въ чужую національность... Положительно скажу, не было поэт
съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ, и не в
одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубин
ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народов
перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудесном
потому что нигдѣ, ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра тако
явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этом
смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а, п
нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣ
его національная русская сила, выразилась именно народност
его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народ
ность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и вы
разилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народ

ности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко семірности и всечеловѣчности?»

Въ доказательство этой своей мысли Достоевскій ссылается на нѣсколько фактовъ такого поразительнаго перевоплощенія въ духъ другой эпохи и другого народа въ произведеніяхъ Пушкина; не повторяя этихъ любопытныхъ указаній, приведу хотя два примѣра замѣчательнаго отраженія Пушкинымъ древняго классическаго міра въ его стихотвореніяхъ. Таковъ слѣдующій отрывокъ «Изъ Ксенофана Колофонскаго»:

«Чистый лоснится полъ, стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи, [душою
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой
Правду блюсти; вѣдь оно же и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо».

Переводъ этихъ стиховъ, какъ показываетъ сравненіе съ подлинникомъ, не вполнѣ точенъ, но тѣмъ не менѣе трудно не замѣтить, что при всѣхъ отступленіяхъ, несмотря даже на анахронизмъ эпитета «стеклянныя», вполнѣ вѣрно переданъ духъ античнаго міросозерцанія, его спокойствіе, ясность, эпикурейская уравновѣшенность и жизнерадостность, даже складъ рѣчи въ нѣсколько тавтологическомъ, тяжеломъ выраженіи «вѣщать благовѣщія рѣчи», такъ что въ этихъ немногихъ строкахъ чувствуется гораздо болѣе сильное перевоплощеніе современнаго поэта въ древній міръ, чѣмъ въ очень точныхъ переводахъ Гнѣдича и нѣкоторыхъ преемниковъ Пушкина, затрогивавшихъ область классической поэзіи. Такая вѣрность передачи тѣмъ болѣе поразительна, что переводъ явился не прямо съ подлинника, а при посредствѣ французскаго перевода.

То же самое приходится сказать и относительно слѣдующей оды Анакреона:

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай же, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.

Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ, за чашей я пою
Иль бесѣдую невинно.

Подобная же вѣрность оригиналу замѣчается и въ другой од
того же древняго поэта:

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ ихъ строго.
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода;
Входъ въ него для всѣхъ открытъ;
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.

Приведенныя стихотворенія представляютъ собою переводы
но перевоплощеніе еще ярче обнаруживается въ оригинальныхъ
классическихъ произведеніяхъ нашего поэта, какъ, напримѣръ
въ слѣдующемъ антологическомъ образцѣ:

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

Читая такія строки, положительно можно забыть, что он
принадлежатъ поэту XIX столѣтія, — ихъ можно принять з
переводъ: до того близко выражаемое ими настроеніе къ тому
что мы находимъ въ цитированныхъ переводахъ, подражател
какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ, не можетъ такъ писать; дл
этого нужно быть геніемъ, постигающимъ глубочайшую сущ
ность чуждаго духовнаго строя.

Таковы факты возсозданія античнаго духа въ поэзіи Пуш

кина, но вѣдь возможно и у другихъ поэтовъ нѣчто подобное мы имѣемъ право предположить и у другихъ такое же проникновеніе древнимъ міросозерцаніемъ; но если бы даже наше предположеніе вполнѣ подтвердилось, за Пушкинымъ остается все-таки преимущество въ этомъ отношеніи, что для него существуетъ не одна эта античная сфера, и что такое же перевоплощеніе можно наблюдать и тамъ, гдѣ онъ касается поэзіи восточной, міра средневѣкового, Англіи, Германіи, Италіи, Испаніи, гдѣ онъ переносится въ древнюю Русь, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ пѣснями славянскихъ племенъ (причемъ опять-таки посредникомъ ему служитъ текстъ французскій), гдѣ онъ даетъ намъ образцы русскаго народнаго стиля, какъ это дѣлается имъ въ сказкахъ и даже въ «Русланѣ и Людмилѣ», несмотря на не совсѣмъ доброкачественный источникъ этой поэмы въ передѣлкахъ народныхъ сказаній литератора екатерининской эпохи Чулкова.

Эта же самая способность Пушкина была замѣчена еще Бѣлинскимъ, который, приведя подражаніе Пушкина Горацію, указалъ, что «въ этомъ стихотвореніи видна художническая способность Пушкина переноситься во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны, — виденъ тотъ Пушкинъ, который при концѣ своего поприща нѣсколькими терцинами въ духѣ Дантовой «Божественной комедіи» познакомилъ русскихъ съ Дантомъ больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всевозможные переводчики, — какъ можно познакомиться съ Дантомъ, только читая его въ подлинникѣ».

Такая разносторонность поэзіи Пушкина, его отзывчивость къ самымъ разнохарактернымъ міросозерцаніямъ придаютъ особенную силу его творчеству и въ этомъ прежде всего можно видѣть великое воспитательное его значеніе: онъ даетъ намъ какъ бы энциклопедію міровой поэзіи, но это не хрестоматія переводовъ вродѣ извѣстныхъ «Голосовъ народовъ» (Stimmen der Völker) нѣмецкаго поэта Гердера или прекрасныхъ переводовъ Жуковскаго — это скорѣе синтезъ міровой поэзіи; благодаря Пушкину, мы входимъ въ общеніе съ духомъ разныхъ временъ и народовъ; его поэзія есть великая сокровищница, въ которой для насъ собрано достояніе, накопленное вѣками творчества, и наше національное міросозерцаніе расширяется привнесеніемъ элементовъ общечеловѣческихъ. Поэзія Пушкина есть въ извѣстной степени та арфа человѣчества, состоящая изъ мно-

гихъ струнъ, представляемыхъ отдѣльными народами, о которо
когда-то говорилъ Гердеръ.

Разносторонность творчества ведетъ къ крайнему богатств
языка, и мы знаемъ, что подъ перомъ Пушкина нашъ литера
турный языкъ впервые обнаружилъ все свое разнообразіе, сво
силу. Для Пушкина въ этомъ отношеніи исчезли всѣ тѣ стѣсни
тельныя правила стиля, которыми руководилась наша литера
тура въ Петровскомъ періодѣ. Для него нѣтъ условнаго дѣлені
стилей онъ не знаетъ ни высокихъ, ни низкихъ словъ, ни тре
бованій такъ называемаго хорошаго вкуса, ни намѣренной ар
хаичности языка, ни столь же искусственнаго его подновлені
или опрощенія, онъ видитъ передъ собой все необъятное богат
ство живой русской рѣчи и пользуется ею, не обращая вни
манія на притязанія мнимыхъ охранителей ея чистоты. Заслуг
Пушкина въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе велика, что для ег
реформы литературнаго языка нужно было обладать крайне
смѣлостью въ ту эпоху, когда началось его творчество, и м
знаемъ, какимъ рѣзкимъ нападкамъ онъ подвергался со сто
роны современной ему критики за нарушеніе якобы непрере
каемыхъ правилъ. И тѣмъ болѣе надо удивляться его смѣлости
что она обнаруживается уже въ лицейскихъ его стихотворе
ніяхъ, въ ученическихъ опытахъ. Въ одномъ посланіи онъ го
воритъ:

«Устрой гостямъ пирушку,
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой».

По этому поводу Бѣлинскій совершенно справедливо замѣ
чаетъ: «За исключеніемъ Державина, поэтической натурѣ кото
раго никакой предметъ не казался низкимъ, изъ поэтовъ преж
няго времени никто не рѣшился бы говорить въ стихахъ о пив
ной кружкѣ, и самый пуншевой кубокъ каждому изъ нихъ по
казался бы прозаическимъ: въ стихахъ тогда говорилось не
кружкахъ, а о фіалахъ, не о пивѣ, а объ амброзіи и других
благородныхъ, но не существующихъ на бѣломъ свѣтѣ напит
кахъ». Пушкинъ гораздо лучше учитъ насъ русскому языку
русскому стилю, чѣмъ всякіе многоученые авторы грамматик
и риторикъ. Говорить объ этой сторонѣ его дѣятельности в
краткой бесѣдѣ нѣтъ возможности сколько-нибудь обстоятельно
а потому, чтобы не повторять общеизвѣстныхъ истинъ, мы огра

ничимся настоящимъ замѣчаніемъ и перейдемъ къ внутренней сторонѣ творчества нашего поэта.

Но прежде позволимъ себѣ привести принадлежащую Бѣлинскому вдохновенную характеристику стиха Пушкина: «Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельною игрою романтической риѳмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча богатыря. Въ немъ и обольстительная, невыразимая прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая влажность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и риѳма, въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія. Еслибъ мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по преимуществу поэтическій, художественный, артистическій стихъ,—и этимъ разгадали бы тайну паѳоса всей поэзіи Пушкина...»

Касаясь содержанія поэзіи Пушкина, мы на первый планъ должны поставить воспроизведеніе имъ дѣйствительности, такъ какъ основное стремленіе его творчества есть правдивость. Онъ представляетъ жизнь во всей ея широтѣ, для него нѣтъ такихъ предметовъ, которые онъ призналъ бы недостойными своей поэзіи, и въ этомъ смыслѣ мы находимъ прекрасное объясненіе въ стихотвореніи «Капризъ». Вотъ это стихотвореніе:

«Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.

И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ, за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй! ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ!

Какъ проста картинка, представленная въ этомъ стихотвореніи! Какое полное отсутствіе какой бы то ни было эффектности, чего-либо яркаго, бросающагося въ глаза! Какъ мало матеріала въ этой картинѣ для тѣхъ людей, которые видятъ поэзію только въ извѣстной условной красотѣ! Нѣтъ ровно ничего, что можетъ очаровывать: нѣтъ ни свѣтлыхъ нивъ, ни темныхъ лѣсовъ, столь необходимыхъ при идиллическомъ изображеніи, какъ оно понималось до Пушкина. Рисуется бѣдный осенній пейзажъ русскаго селенія, будничная обстановка похоронъ крестьянскаго ребенка, причемъ не забыта даже та подробность, что гробъ несется подъ мышкой! Дѣйствительность представлена безъ всякихъ украшеній, какъ это требовалось бы эстетическимъ вкусомъ той эпохи, въ которую выступилъ Пушкинъ, и какъ это признается иногда необходимымъ и въ наше время, а между тѣмъ, развѣ можно сказать, что эта картинка не производитъ эстетическаго впечатлѣнія? Красота здѣсь несомнѣнно присутствуетъ, и она чувствуется гораздо болѣе, чѣмъ во всѣхъ намѣренно украшенныхъ изображеніяхъ: красота заключается прежде всего въ правдивости, которая для русскаго поэта соединяется съ простотой. Поэтому Пушкинъ и не знаетъ «низкой природы», и она открыто высказываетъ, къ чему склоняется его вкусъ:

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣчью липъ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой...

Нѣтъ красоты тамъ, гдѣ нѣтъ правды,—вотъ та великая истина, которую раскрываетъ намъ поэзія Пушкина; но при этомъ есть еще одинъ элементъ, который придаетъ цѣну поэтическому воспроизведенію дѣйствительности: этотъ элементъ есть отношеніе художника къ своему изображенію. Мы видимъ, что поэтъ любитъ ту дѣйствительность, которую онъ намъ представляетъ, и въ этомъ любовномъ чувствѣ поэта заключается для насъ новый источникъ очарованія: какъ бы ни была неприглядна дѣйствительность, но если она озарена высшимъ свѣтомъ любви, онъ возводится, какъ выразился Гоголь, въ перлъ созданія.

Какое бы ни взяли произведеніе Пушкина, мы въ немъ замѣтимъ именно такое отношеніе къ дѣйствительности: въ этомъ-то и состоитъ сущность того идеальнаго реализма, который введенъ въ нашу литературу Пушкинымъ и который является наиболѣе цѣнною ея особенностью. Подобный взглядъ на жизнь помогаетъ въ ней открыть красоту, такъ какъ во всемъ разлито божественное начало, само по себѣ прекрасное. Гораздо важнѣе найти красоту въ томъ, мимо чего мы постоянно проходимъ почти съ полнымъ равнодушіемъ, чѣмъ замѣтить ее въ грандіозныхъ, героическихъ образахъ. Благодаря такому отношенію, вполнѣ понятнымъ становится созданіе Пушкинымъ такихъ идеальныхъ типовъ, какъ Татьяна или Марья Ивановна Миронова. Въ этихъ на первый взглядъ заурядныхъ личностяхъ Пушкинъ сумѣлъ разглядѣть такія свойства, которыя ставятъ ихъ на недосягаемую нравственную высоту.

Указанное отношеніе къ дѣйствительности истекаетъ изъ широко развитого въ нашемъ поэтѣ чувства человѣчности, которое является особенно для насъ поучительнымъ и въ которомъ вмѣстѣ съ правдивостью можно видѣть завѣтъ его послѣдующей русской литературѣ. Враждебное озлобленіе совершенно не свойственно мягкой, чистой натурѣ Пушкина. На это могутъ намъ, пожалуй, возразить указаніемъ на стихотвореніе «Бородинская годовщина» и оду «Клеветникамъ Россіи», но такое возраженіе далеко не будетъ справедливымъ. Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что эти произведенія явились, какъ отвѣтъ на ожесточенные нападки западныхъ политиковъ на Россію, и раздраженіе поэта объясняется полемическимъ характеромъ его рѣчи; а во-вторыхъ, и тутъ Пушкинъ по отношенію къ полякамъ оказывается настроеннымъ вполнѣ гуманно, указывая на домашній,

семейный характеръ славянскаго спора и прямо отрекаясь от мстительныхъ чувствъ къ побѣжденнымъ въ слѣдующихъ пре красныхъ стихахъ:

Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Съ этими словами вполнѣ гармонируетъ то примирительное на строеніе, которое выражается въ задушевныхъ строкахъ, посвя щенныхъ Мицкевичу:

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ: мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ.
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни бурной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

Въ этомъ чудномъ стихотвореніи лучше всего выразилась н злобивость русской души великаго поэта; онъ также «незлобен памятью», какъ и любимый его герой, Петръ Великій: онъ п мнитъ задушевныя, мирныя бесѣды съ геніальнымъ представит лемъ польской поэзіи, а на его гнѣвныя рѣчи отвѣчаетъ мол бой ко Всевышнему о ниспосланіи мира его озлобленно душѣ.

Совершенно такое же проявленіе незлобивости мы видимъ въ воспоминаніи о Наполеонѣ; поэтъ прощаетъ Наполеону т оскорбленія, которыя онъ нанесъ русскому патріотическому чу ству, и восклицаетъ:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Обращаясь отъ этихъ политическихъ мотивовъ къ чувствамъ ичнымъ, мы замѣтимъ въ нашемъ поэтѣ то же самое гуманное астроеніе, и въ этомъ случаѣ особенно характерными предста-ляются тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ прощается съ юбимымъ существомъ. Еще Бѣлинскій назвалъ высокочеловѣче-кими знаменитые стихи:

«Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ».

Эти нѣжнѣйшіе стихи напомнили нашему критику слѣдующее стихотвореніе Пушкина, написанное нѣсколько позже:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумной предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ
. . . . . .
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги»?

Какъ прекрасны, какъ возвышенны чувства, выраженныя въ этомъ дивномъ стихотвореніи! Полное забвеніе своей личности, рѣшительное отреченіе отъ столь обычнаго любовнаго эгоизма заставляютъ признать это стихотвореніе драгоцѣннѣйшимъ перломъ въ области любовной лирики, въ которой даже у величайшихъ поэтовъ мы много находимъ произведеній, внушенныхъ совсѣмъ инымъ настроеніемъ и провозглашающихъ весьма несимпатичныя стремленія.

Глубокая человѣчность придаетъ своеобразную окраску другому чувству, выражаемому въ поэзіи Пушкина. Я говорю его грусти, давшей источникъ нѣсколькимъ несравненнымъ э гіямъ. Эта грусть никогда почти не захватываетъ поэта въ кой степени, чтобы онъ забывалъ о мірѣ, о другихъ людях Тягостная, постоянно преслѣдующая поэта, мысль о смерти см чается сознаніемъ вѣчности мірового порядка, въ которомъ прекрасно, и Пушкинъ заканчиваетъ свою элегію «Брожу ли вдоль улицъ шумныхъ» знаменитымъ пожеланіемъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Поэтъ любитъ людей и потому, изобразивъ свое посѣщен родного уголка и тѣ перемѣны, которыя онъ тамъ нашелъ, та сочувственно привѣтствуетъ грядущее поколѣніе;

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго.

Однако, грусть должна уступать мѣсто и не однимъ таким размышленіямъ, и въ поэзіи Пушкина мы встрѣчаемся съ обо ряющимъ призывомъ къ жизни и дѣятельности. «Я жить хоч чтобъ мыслить и страдать», восклицаетъ онъ, и въ этомъ энер гичномъ заявленіи выражается весьма возвышенное представлен о задачѣ человѣческаго существованія: того поэта, который так смотритъ на жизнь, совсѣмъ несправедливо обвинять въ какомъ то легкомысленномъ эпикуреизмѣ. Подобные стихи указываютъ намъ путь самой серьезной духовной работы. Бодрости духа н слѣдуетъ терять, нельзя поддаваться апатическому разочарова нію въ жизни.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись;
Въ день унынія смирись!
День веселья, вѣрь, настанетъ,
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ:
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Бодрость духа поддерживается надеждой на конечное торже-
во свѣта, какъ выражено въ «Вакханической пѣснѣ»:

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ.
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Подобные стихи пробуждаютъ горячее стремленіе къ свѣту,
правдѣ, то стремленіе, въ которомъ выражается истинная
човѣчность. Въ этой-то человѣчности и въ высокой правди-
сти и надо искать воспитательнаго значенія поэзіи Пушкина:
о пророкъ, возвѣщающій намъ Божью волю и ведущій насъ
высшему совершенству.

Источникомъ этихъ чувствъ въ поэтѣ приходится такимъ
разомъ признать совѣсть, просвѣтленную высшимъ религіоз-
мъ сознаніемъ, какъ это ясно выражено въ стихотвореніи
«Пророкъ»: не даромъ Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ мно-
кратно упоминаетъ о совѣсти, какъ руководительницѣ всей
шей жизни, и не случайно религіозные мотивы занимаютъ та-
е мѣсто въ его творчествѣ. Припомнимъ хотя бы превосход-
е переложеніе великопостной молитвы Ефрема Сирина, и для
съ несомнѣнно, что это возвышенное чувство не только не
жетъ исключать правдивости и человѣчности, но непремѣнно
ъ предполагаетъ, вызываетъ ихъ къ жизни лучше, чѣмъ это
гла бы сдѣлать самая утонченная философская мораль. «Есть,
воритъ Бѣлинскій, всегда что-то особенно благородное, нѣж-
е, кроткое, благоуханное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ
омъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ
разомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно
лезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ рус-
ихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспи-
телемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его
жда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, при-
ачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствитель-
стью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но
казываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ по-
и Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. По-
ому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая

ложь, разгорячающая воображеніе, —ложь, которая ставитъ ловѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и плодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоин формы, такое артистическое изящество человѣческаго чувс Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить док тельствомъ этой мысли». Проникновеніе идеалами Пушкина дохранитъ юношество отъ увлеченія односторонними стре ніями современныхъ проповѣдниковъ такъ называемаго чис искусства и подготовитъ намъ истинныхъ гражданъ, руков щихся завѣтомъ правды и человѣчности, завѣтомъ того по который съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу.
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ нашъ жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности

Если мы оглянемся на состояніе нашей литературы начала нѣшняго столѣтія, то передъ нами откроется чрезвычайно трая и далеко не отрадная картина: нельзя сказать, чтобы ало было дѣятелей, но всѣ они дѣйствуютъ какъ-то въ раз-одъ, и весьма немногіе отдаютъ себѣ ясный отчетъ, въ чемъ ключается ихъ прямая задача, и есть ли какая-нибудь серьезная, изненная цѣль для ихъ писательства. Здѣсь мы прежде всего идимъ совсѣмъ не малочисленную группу представителей ста-яхъ литературныхъ традицій уже отжившаго свой вѣкъ, но ердо старающагося сохранить преобладаніе классицизма прош-го столѣтія: главная цѣль для нихъ есть соблюденіе условныхъ равилъ литературнаго стиля, защита опредѣленныхъ строгихъ ормъ, установленныхъ западной, преимущественно французской итикой или риторикой; содержаніе же представляется имъ ѣмъ-то второстепеннымъ, такъ какъ поэзія въ сущности остается я нихъ тѣмъ же вкуснымъ лимонадомъ, какимъ она была для ержавина; конечно, объ общественномъ значеніи подобнаго лимо-ада толковать не приходится: литература только доставляетъ удо-ольствіе, есть средство, при помощи котораго получаются болѣе ли менѣе богатые дары отъ разныхъ милостивцевъ; иногда она бличаетъ порокъ, но никому и въ голову не можетъ придти, тобы писатель могъ сдѣлаться общественнымъ вождемъ; правда сли онъ облеченъ какимъ-нибудь важнымъ саномъ, то его ожно послушать, какъ всякаго другого начальника, но вѣдь жъ это выходитъ изъ области чисто-литературнаго воздѣйствія, понятно, что къ подобному писательству вполнѣ приложимо анное И. С. Аксаковымъ названіе Staats-литература. Къ этому лассическому направленію примыкаетъ школа литературныхъ гаровѣровъ, группирующихся около Шишкова и сосредоточи-ающихъ свое вниманіе исключительно на вопросахъ стиля.

Единственнымъ жизненнымъ проблескомъ въ этой схоластикѣ вляется сатира, которая по самому существу своему не можетъ

быть чѣмъ либо отвлеченнымъ; но она связана съ классицизм
только по формѣ, содержаніе же ея коренится въ чисто-русск
сатирическомъ реализмѣ, возникающимъ еще въ XVII столѣ
при столкновеніи старыхъ и новыхъ просвѣтительныхъ нач
Однако сатира всегда бываетъ только одностороннимъ отра
ніемъ жизни: какъ бы плохи ни были люди, какъ бы низко
стояло общество, въ немъ всегда есть что-нибудь положитель
какіе-нибудь, хотя бы и очень слабые, задатки дальнѣйш
развитія, — иначе остается въ перспективѣ только смерть.
этому наша обличительная литература конца прошлаго и нач
нынѣшняго столѣтія и пытается отрицательнымъ явленія
взятымъ ею изъ жизни, противопоставить что-нибудь свѣт
хорошее, но недостаточное, одностороннее наблюденіе привод
только къ созданію вполнѣ нереальныхъ фигуръ всяческ
Стародумовъ, Добролюбовыхъ, Честоновъ.

Отчасти это же стремленіе къ положительнымъ типамъ, т
гающимъ сердце читателей, видно и въ другомъ литературн
направленіи, которое вступило въ борьбу съ классицизмомъ
концѣ прошлаго столѣтія, въ такъ называемомъ сентиментали
Карамзина и его послѣдователей; но эта школа, несомнѣ
имѣющая за собой крупныя заслуги, такъ какъ содѣйствов
въ нѣкоторой степени разрушенію якобы непререкаемыхъ п
вилъ хорошаго стиля и установленныхъ условныхъ формъ,
свою очередь страдаетъ тоже существеннѣйшимъ недостако
полнымъ отсутствіемъ наблюденія надъ фактами окружающ
дѣйствительности: самъ Карамзинъ сочиняетъ такія безжизн
ныя фигуры, какъ бѣдная Лиза съ ея мамашей, или какъ доб
дѣтельный поселянинъ Фролъ Силинъ; а его послѣдователи, разн
Милоновы и Нахимовы наводняютъ русскую литературу до кр
ности фальшивыми образами добродѣтельныхъ героевъ и герои
чувствительныхъ пейзановъ и пейзанокъ во вкусѣ пастушески
идиллій XVIII вѣка. Такимъ образомъ и здѣсь выращивает
тепличное растеніе, и здѣсь литература немногимъ отличает
отъ классическаго лимонада: вѣдь слезы, пролитыя надъ Лиз
нымъ прудомъ, нисколько не мѣшали сентиментальнымъ пом
щикамъ и помѣщицамъ отсылать настоящихъ крестьянъ
конюшню для производства надъ ними экзекуціи, и даже са
прекраснодушный авторъ, заявившій, что и крестьянки чувств
вать умѣютъ, отлично могъ совмѣстить съ такимъ заявленіе
доказательство необходимости крѣпостного права. Чувствител

ость сама по себѣ, литература сама по себѣ, но и жизненна рактика тоже сама по себѣ: лимонадъ не можетъ вліять на изнь.

Гораздо плодотворнѣе оказывается для дальнѣйшаго развитія итературы третье направленіе, проявляющееся у насъ въ эту поху, романтическое: въ немъ прежде всего начинаютъ толко-ать объ идеалѣ, о высшемъ совершенствѣ, къ которому надо тремиться; правда, у романтиковъ идеалъ представляется или ъ прошломъ, въ «миломъ воспоминаньи о томъ, чего ужъ въ ірѣ нѣтъ», или въ заоблачныхъ сферахъ, гдѣ-то не на землѣ, ъ надеждѣ «на лучшій неизмѣнный свѣтъ»; правда, наши ро-антики часто ограничиваются, подобно Ленскому, тѣмъ, что оспѣваютъ «нѣчто и туманну даль», — однако, это не позво-яетъ намъ строго относиться къ тому направленію, которое ервое заговорило у насъ о возвышенномъ значеніи поэзіи и странило всякую возможность видѣть въ ней пустую забаву, инъ лимонадъ; разъ заведена рѣчь объ идеалѣ, то можно на-яться, что этого идеала станутъ искать гдѣ-нибудь и поближе къ изни, сведутъ поэзію съ небесъ на землю. Расчистивъ такимъ разомъ путь для будущаго движенія литературы къ серьезнымъ лямъ, романтики, кромѣ того, чрезвычайно много сдѣлали и я того, чтобы литература наша стала народною: въ своей падной родинѣ романтизмъ былъ теченіемъ чисто національ-мъ, и этотъ же національный характеръ скоро сообщается у и у насъ; подражая нѣмцамъ, мы видимъ, что у нихъ ро-нтизмъ есть возрожденіе народности въ литературѣ, и потому тественно начинаемъ сами стремиться къ сближенію съ на-дностью, тѣмъ болѣе, что подобное стремленіе идетъ у насъ изъ другихъ источниковъ, изъ направленія нѣкоторыхъ старыхъ сателей, затрогивавшихъ народную жизнь, и изъ патріотиче-аго одушевленія, охватившаго русское образованное общество эпоху борьбы съ Наполеономъ, который, пожалуй, въ этомъ ношеніи дѣйствительно «русскому народу высокій жребій ука-лъ». Однако, при всѣхъ этихъ заслугахъ, въ нашемъ роман-змѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія слишкомъ много носнаго, чуждаго русской жизни.

Изъ этой краткой характеристики литературныхъ напра-еній мы видимъ, что главнымъ ихъ недостаткомъ является рѣшенность отъ русской жизни, и такая литература, чуждаю-аяся дѣйствительности, не есть еще литература: мы видимъ

нѣсколько хорошихъ писателей, но ихъ дѣятельность не мож
служить отраженіемъ жизни. И вотъ въ такую-то среду во
паетъ юноша, почти мальчикъ, уже на школьной скамьѣ об
руживающій задатки рѣдкой оригинальности, говорящій таки
языкомъ, какой невѣдомъ его учителямъ. Много ли мы найд
въ то время (1814 г.) у нашихъ поэтовъ такихъ строкъ, ка
видимъ у 15-ти лѣтняго Пушкина въ его «Городкѣ?» Для п
мѣра приведемъ слѣдующій отрывокъ:

Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркою предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала.
Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ,—
Старушка все разскажетъ.
Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое;
А я сижу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ея.

Въ этомъ прекрасномъ, легкомъ стихѣ, въ образномъ и
то же время совершенно простомъ языкѣ виденъ уже не у
никъ, а человѣкъ, смѣло могущій стать рядомъ съ лучши
тогдашними поэтами,—чувствуется будущая великая сила, ска
вается тотъ Пушкинъ, который и впослѣдствіи долженъ всѣ
очаровывать именно своей простотой. Но не одна форма по
жаетъ насъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, нел
забывать, что и содержаніе ихъ совсѣмъ уже не всегда та
легкомысленно, какъ это мы привыкли постоянно говори

виняя поэту его легкомысліе юнымъ возрастомъ. Такъ напри-
ъръ, въ извѣстномъ, ставшемъ достояніемъ шарманщиковъ,
мансѣ «Подъ вечеръ осенью ненастной» мы находимъ такіе,
лные серьезнаго чувства, совсѣмъ не легкомысленные и не
льчишескіе стихи:

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!
Ты спишь!.. позволь тебя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!

Также вполнѣ серьезнымъ по тону является одно изъ луч-
ихъ лицейскихъ стихотвореній «Лицинію», напоминающее до
которой степени позднѣе написанную сатиру Рылѣева «Къ
беллію». Здѣсь мы видимъ полные жизненной правды образы
ухъ римлянъ, при чемъ рѣчи поклонника свободы, самого
эта, совсѣмъ не похожи на безпечные призывы къ веселью и
ну:

Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню принесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
Вспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

Изъ этихъ примѣровъ ясно, что уже въ юномъ лице обнаруживается умѣнье владѣть формой и порой содержат ная мысль; остается эту мысль направить на окружающую ствительность, и это осуществляется, какъ только Пушк окончилъ курсъ лицея. Вступивши въ свѣтъ, ведя разсѣян жизнь, предаваясь удовольствіямъ, Пушкинъ въ то же вр интересуется и литературными дѣлами: онъ принимаетъ тельное участіе въ борьбѣ литературныхъ кружковъ, какъ видно, напримѣръ, изъ его посланія къ Жуковскому. жестоко нападаетъ на партію Шишкова, на членовъ «Бес любителей россійскаго слова» которые представляются ему стными обскурантами, съ которыми, конечно, у него не мож быть мирныхъ отношеній:

Бѣда (восклицаетъ онъ), кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствител душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И *рѣчи* сыплются дождемъ на супостата!

Но обскуранты, сѣющіе развратъ и защищающіе «русс глупость», проявляютъ свое рвеніе не только въ «Бесѣдѣ», множество завелось въ ту реакціонную пору и въ другихъ с рахъ, и вотъ Пушкинъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ эпиграм въ которыхъ казнитъ изувѣрство Фотія, мистицизмъ кн. А Голицына, фрунтовые идеалы Аракчеева и т. п. Онъ сближае съ представителями передовыхъ взглядовъ, и на него силь вліяніе въ это время оказываетъ П. Я. Чаадаевъ, къ которо впослѣдствіи онъ обращается съ такими словами:

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть,

Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта?

Бесѣды съ Чаадаевымъ вели иногда къ крайне пылкимъ явленіямъ свободолюбиваго характера, каково, напримѣръ ѣдующее:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена

Въ такихъ стихахъ или въ одѣ «Вольность» выражалось модое увлеченіе горячей головы, но былъ одинъ вопросъ, котоій занималъ очень многихъ, и которому суждено было полуть разрѣшеніе еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, при мъ Пушкинъ какъ бы пророчески предугадалъ способъ его зрѣшенія. Это былъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостного ава, и въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Деревня», занчивающемся постоянно цитируемыми стихами, въ которыхъ къ бы предсказано освобожденіе крестьянъ «по манію царя», этъ даетъ намъ чрезвычайно яркую характеристику ненормальго состоянія крестьянства:

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,

Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Указанныя темы могутъ намъ служить отличнымъ матер ломъ для выясненія отношеній поэта къ общественной жиз поэтъ не стоитъ внѣ общественныхъ интересовъ, они живо захватываютъ, онъ является выразителемъ стремленій извѣ ныхъ общественныхъ круговъ своего времени, и въ этомъ с видитъ свое главное назначеніе. Такимъ онъ остается и в слѣдствіи, хотя конечно, съ годами долженъ изчезнуть юношес задоръ, должна устраниться нетерпимость, и вмѣстѣ съ тѣ расширяется область вопросовъ, затрагиваемыхъ его творчес фантазіей, и поэтъ идетъ не съ «вѣкомъ наравнѣ», а впер своего вѣка.

Выражая лучшія стремленія своего времени, поэтъ невол воспроизводитъ окружающую его дѣйствительность: является з жизнь и въ сатирическомъ, ѣдкомъ освѣщеніи, какъ, напримѣ въ посланіи «Кн. А. М. Горчакову», гдѣ поэтъ даетъ замѣ тельно рельефную характеристику большого свѣта,

Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
. . . . . .
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ...
Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-генералъ
Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
Съ трудомъ остритъ мрапнузскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
И всѣ вокругъ и дремлютъ, и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ..

Но гораздо важнѣе отмѣтить въ это время нѣсколько ин настроеніе, при которомъ поэтъ, наблюдая житейскую пошлос не бичуетъ ее съ Ювеналовскимъ негодованіемъ, а представляе ее съ добродушнымъ юморомъ. Такова, напримѣръ, слѣдующ картина Москвы въ стихотвореніи «Н. В. Всеволожскому», по ходящая къ той характеристикѣ первопрестольнаго града, кот рую мы находимъ впослѣдствіи въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

Ты скачешь въ мирную Москву (говоритъ поэтъ своему другу),
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ наяву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва—премилая старушка
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмелье.
И скуку съ картами въ рукахъ.

Въ подобныхъ стихахъ почти уже вполнѣ опредѣленно вы-исовывается намъ будущій образъ поэта-реалиста, поэта, доро-ащаго болѣе всего простотой и въ этой простотѣ умѣющаго гкрывать присутствіе истинной красоты. Правда прежде всего и равда во всемъ, и въ картинахъ жизни, и въ самомъ выраже-и, изъ котораго изгоняется все условное, напыщенное, намѣ-енно-слащавое. Поэтъ уже теперь не боится представлять намъ полнѣ обыденную, будничную обстановку, онъ умѣетъ ею заин-ересовать и очаровать гораздо лучше, чѣмъ это дѣлаютъ зорцы модной въ то время фантастики, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мѣетъ такъ пользоваться языкомъ, что незамѣтно ни малѣй-аго подчиненія всякимъ незыблемымъ авторитетамъ. И до-тается же ему за это отъ строгихъ пуристовъ, которые видятъ ъ такомъ попраніи литературныхъ правилъ страшную дерзость, оторые указываютъ поэту на мнимое неприличіе его языка, гиля, возмущаются его образами. Но, откуда же этотъ реализмъ? а этотъ вопросъ мы находимъ весьма поучительный отвѣтъ въ лицейскомъ стихотвореніи 15-лѣтняго поэта «Бова».

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Ріомматовымъ
Воспѣвать героевъ сѣрера.

Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ;
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до велика.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.
Но, вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Подчеркнутыя нами слова, въ которыхъ поэтъ выража
желаніе быть всѣми понятымъ, нельзя не признать въ выс
степени замѣчательными не только потому, что они напис
мальчикомъ, сидящимъ на школьной скамьѣ, но и потому,
вслѣдъ за ними поэтъ объясняетъ намъ источникъ, изъ ко
раго возникло его стремленіе, для того времени представл
шееся вполнѣ оригинальнымъ, такъ какъ не слѣдуетъ забыва
что тогда почти всѣ поэты писали «для немногихъ», да и
могли видѣть надобности расточать свой «вкусный лимона
для всѣхъ потому, вѣроятно, что только очень немногимъ
могъ показаться вкуснымъ. Источникомъ вдохновенія для наш
поэта является старая сказка про Бову королевича, и благода
ей, становится возможнымъ отказаться и отъ классическихъ т
дицій Шапелена и Риѳматова, и отъ романтическаго паре
«безъ крылъ». Нечего упоминать въ этомъ случаѣ о значе
знаменитой няни, которой юный поэтъ посвящаетъ прочувст
ванныя строки въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи «Сонъ», к
торая разсказывала ему «о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы»,
благодаря которой онъ «терялся» въ порывѣ сладкихъ думъ,
глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней, встрѣчалъ лихи
Полкановъ и Добрыней». Конечно, не слѣдуетъ черезчуръ пр
увеличивать значеніе няни, не слѣдуетъ видѣть въ ней, ка
это дѣлается, настоящую спасительницу поэта, охранившу
его отъ тлетворнаго вліянія французскаго воспитанія, нель
забывать того, что уже родительскій домъ знакомилъ Пушки

ъ русскимъ языкомъ и литературой, но все же собственное по-
азаніе поэта опредѣляетъ намъ, какъ велика была польза, при-
есенная ему его «мамушкой». Не случайно же первое крупное
роизведеніе поэта, его изящнѣйшая поэма «Русланъ и Людмила»,
аимствовано имъ изъ сказочнаго міра, и хотя источникъ поэмы
казанъ проф. Владиміровымъ въ передѣлкахъ сказокъ литера-
ора Екатерининской эпохи, Чулкова, тѣмъ не менѣе знаменитые
ихи (написаннаго, правда, уже позднѣе) пролога поэмы:

У лукоморья дубъ зеленый
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ,—

зяты Пушкинымъ, по его собственному свидѣтельству, изъ ня-
иной сказки о царѣ Салтанѣ: «У моря, у лукоморья, стоитъ дубъ,
на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ
ерхъ идетъ—сказки сказываетъ; внизъ идетъ—пѣсни поетъ».
какъ въ сущности выправлена въ поэмѣ Пушкина (при всѣхъ
несовершенствахъ, даже при подражаніи Аріосту) весьма не-
оброкачественная передѣлка Чулкова, какъ извѣстно, нисколько
церемонившагося съ текстомъ народно-поэтическихъ созданій!
ткуда же это? Тутъ сказалось и вліяніе няни, и домашняя об-
ановка, самое же главное здѣсь заключается въ геніальномъ
роникновеніи поэта въ существо народнаго творчества. Въ по-
мѣ не приноровленіе нѣмецкой баллады къ русской обстановкѣ,
акъ это мы часто видимъ у Жуковскаго, а напротивъ, возста-
овленіе народнаго колорита въ тенденціозной фальсификаціи
рошлаго столѣтія. Впослѣдствіи, въ Михайловскомъ, кругъ на-
люденій народной жизни и изученія народнаго творчества зна-
ительно расширяется, и поэтъ даетъ неподражаемыя произве-
енія въ духѣ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, но и теперь самый
ыборъ сюжета и его обработка намѣчаютъ намъ человѣка,
онко постигающаго характеръ народности и въ этомъ отно-
еніи идущаго по пути реальнаго воспроизведенія жизни.

Такимъ образомъ въ первомъ, такъ сказать, еще ученичес-
комъ періодѣ своей дѣятельности, Пушкинъ является передъ
ами поэтомъ, стремящимся къ народности въ своихъ произве-
еніяхъ, поэтомъ, не чуждающимся дѣйствительности, не видя-
имъ въ ней чего-либо низкаго, а напротивъ, въ ней находя-

щимъ лучшій источникъ для своего вдохновенія, которое правляется, какъ на воспроизведеніе этой дѣйствительности бе всякихъ условныхъ, фальшивыхъ прикрасъ, такъ и на выраже ея лучшихъ стремленій къ свѣту и правдѣ. Это поэтъ прех всего правдивый, и такимъ онъ остается въ теченіе всей сво послѣдующей славной творческой работы: поворота никакого замѣчается, а видно только расширеніе области наблюден большее приближеніе къ объективности, безъ которой нѣтъ стоящей правды, и которая, конечно, не можетъ въ полно проявляться въ задорномъ юношѣ, и наконецъ болѣе любови человѣчное отношеніе къ природѣ и людямъ, задатки котора можно указывать уже теперь; той же эпикурейской отрѣше ности отъ жизни, того художественнаго квіетизма, въ которых главнымъ образомъ благодаря второстепеннымъ послѣдователя Пушкина и неправильному толкованію его взглядовъ на поэзі мы привыкли обвинять нашего поэта, не наблюдается ни юности, ни въ зрѣломъ его возрастѣ.

Ссылка вырываетъ поэта изъ столичной среды, отдаляетъ е и отъ пустыхъ увлеченій, и отъ нѣкоторыхъ серьезныхъ друзе съ которыми, впрочемъ, связи не прекращаются. Мы не будем угадывать, что бы могло случиться съ поэтомъ, если бы он остался въ Петербургѣ, не будемъ предполагать, что его талант могъ бы погибнуть въ вихрѣ свѣтской жизни, такъ какъ въ п добныхъ предположеніяхъ нѣтъ ни цѣли, ни основанія; мы п стараемся только въ самыхъ общихъ чертахъ припомнить, чт дало ему время ссылки (но врядъ ли самая ссылка, такъ как «пустая, разсѣянная жизнь» продолжается частью и въ ссылк въ смыслѣ развитія его творчества, въ смыслѣ сближенія съ ру ской дѣйствительностью. Для насъ поэтому никакого интереса н представляетъ ни Байроновское вліяніе, ни недавно очень хорош доказанное г. Сиповскимъ вліяніе Шатобріана, состоящее, как это отмѣчаетъ молодой изслѣдователь, лишь въ заимствовані нѣкоторыхъ образовъ,—для насъ важно отношеніе созданных въ это время образовъ не къ ихъ литературнымъ источникам а непосредственно къ русской жизни, такъ какъ нашъ поэт заимствуя свои образы, переноситъ ихъ на русскую почву ищетъ имъ соотвѣтствія въ жизни и произноситъ свой поэтиче скій судъ надъ тѣми или другими жизненными явленіями.

Не говоря о прекрасныхъ описаніяхъ природы и быта въ« Кав казскомъ плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», мы остано

вимся только на Алеко и позволимъ себѣ привести мастерскую характеристику этого типа, принадлежащую Ѳ. М. Достоевскому. «Въ подражаніяхъ, — говорилъ Достоевскій, — никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которыя явилъ Пушкинъ въ Цыганахъ—поэмѣ, которую я всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и стремительности, которой не явилось бы столько, если бы онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко, героя поэмы «Цыганы», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная поэтомъ въ гармонической полнотѣ въ Онѣгинѣ, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ».

Далѣе, обращаясь непосредственно къ типу Алеко, Достоевскій говоритъ: «Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться, и когда именно она потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: «правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ, какъ институтка,

въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя, по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому из четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено русское образо ванное общество. И онъ это чувствуетъ, этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну, и что же въ томъ, что, принадлежа можетъ быть, къ родовому дворянству и даже, весьма вѣроятно обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазійку прельститься людьми живушими «безъ закона», и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла по дать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомыслен ною, но страстною вѣрой бросается къ Земфирѣ: «Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ, гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ». И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его — безъ отомщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ,
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человѣкъ» реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ захваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить».

Эта вдохновенная рѣчь Достоевскаго указала въ Алеко первый у насъ литературный типъ человѣка, оторваннаго европейскою цивилизаціей отъ родной почвы, тотъ типъ, въ которомъ сосредоточилась коренная болѣзнь всего нашего образованнаго общества, и критическое отношеніе къ подобному типу, его «развѣнчаніе», какъ выражались нѣкоторые критики, должно быть признано наиболѣе важнымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ Пушкинымъ по пути изученія нашей дѣйствительности. Еще въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» отношеніе поэта къ типу скитальца далеко не критическое, а въ произведеніяхъ современниковъ Пушкина этотъ типъ постоянно окружается ореоломъ какой-то таинственности и могучей силы. Въ «Цыганахъ» маска величія

же сорвана съ героя, указана его собственная внутренняя не-остоятельность, независимо отъ окружающихъ его обстоятельствъ, котя мы не видимъ еще, не былъ ли правъ Алеко, порывая свои связи съ цивилизованнымъ обществомъ. Судя по его словамъ, въ этомъ обществѣ невозможно ужиться, оно не признаетъ свободы, къ которой онъ стремится; но вѣдь это его собственныя слова, и можетъ быть, корень зла лежитъ въ немъ самомъ. Этотъ вопросъ занимаетъ и нашего поэта, и онъ принимается за его разрѣшеніе въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Какъ извѣстно, «Евгеній Онѣгинъ» былъ такимъ же любимымъ дѣтищемъ фантазіи Пушкина, какими были для Байрона «Донъ-Жуанъ» и для Гете—«Фаустъ»: романъ писался слишкомъ девять лѣтъ, и за этотъ продолжительный періодъ поэту пришлось многое пережить, увидѣть много новаго, о многомъ передумать, и, какъ онъ выразился впослѣдствіи, онъ «самъ, покорный общему закону, перемѣнился». Перемѣны коренной не произошло, а явилось только болѣе ясное пониманіе своихъ задачъ и поэтъ въ сущности только укрѣпилъ въ себѣ тѣ задатки реальнаго направленія, которые мы замѣчали въ немъ уже въ первый періодъ его дѣятельности. Здѣсь, конечно, мы должны особенно цѣнить впечатлѣнія жизни въ Михайловскомъ: и нянины пѣсни и сказки получаютъ для него въ это время гораздо болѣе серьезное значеніе, такъ что онъ приступаетъ къ собиранію памятниковъ народнаго творчества въ деревняхъ и, можно сказать, кладетъ начало болѣе правильному отношенію нашей науки къ народной поэзіи, такъ какъ его собраніе есть одинъ изъ исходныхъ пунктовъ работы П. В. Кирѣевскаго; знакомство съ сосѣдями расширяетъ кругъ его наблюденій надъ русской провинціальной средой, надъ полу-патріархальнымъ помѣщичьимъ бытомъ; отъ современной жизни онъ переходитъ къ исторіи, которая даетъ ему богатый матеріалъ для будущихъ его созданій, и къ которой онъ первый относится у насъ, какъ настоящій реалистъ, что было особенно важно въ ту эпоху, когда господствовали тенденціозные взгляды на исторію, отчасти внушенные Карамзинымъ.

Это сближеніе съ русской дѣйствительностью вполнѣ уясняетъ поэту дальнѣйшій характеръ его творчества, и онъ набрасываетъ такой планъ романа:

...романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.

Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины.
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ.

Можно предполагать, что это планъ романа осуществленъ в «Капитанской дочкѣ»; но нельзя также не видѣть его отражен и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», который изъ первоначальнаго проект шуточной повѣсти въ родѣ Байроновскаго «Беппо« разросся в это время въ широкую картину русской жизни. Сперва запас наблюденій былъ не особенно великъ, и можно было ограничи ваться намѣреніемъ дать «описаніе свѣтской жизни петербур скаго молодого человѣка», но съ годами являются новые типы новое къ нимъ отношеніе, рисуется жизнь всего общества. Од нако существенно-важнымъ представляется то обстоятельство что уже съ самаго начала авторъ смотритъ на свой романъ, как на сатирическій, и съ самаго начала далекъ отъ того, чтоб ставить своего главнаго героя на пьедесталъ. Типъ разочарован наго, скучающаго, охваченнаго «хандрой», скитальца уже въ эт время лишенъ ореола таинственнаго величія, а впослѣдствіи зна комство съ дѣйствительной жизнью приводитъ поэта къ окон чательному осужденію этого скитальца, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ первый русскій реалистическій романъ въ истинном значеніи этого слова.

Романъ этотъ реалистическій потому уже, что онъ народный романъ; все въ немъ русское, и это изображеніе народной жизни точное до мелочей, согрѣто любовнымъ отношеніемъ поэта. Бѣд ная природа, представленная въ разныя времена года, кажется намъ прекрасною въ этомъ освѣщеніи; русскій быть нарисованъ намъ въ самыхъ различныхъ сферахъ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціальныхъ городкахъ, въ деревнѣ,—и вездѣ господ ствуетъ удивительная, свойственная Пушкину и до него небыва лая простота, болѣе всего подходящая къ правдивому воспроиз-

ведению картинъ русской дѣйствительности. Развѣ не реальны отдѣльныя картинки крестьянскаго быта, написанныя безъ ультра-народническихъ подробностей, которыми щеголяютъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели, но вполнѣ вѣрно воспроизводящія особенности крестьянской жизни? Развѣ не реально, напримѣръ, такое описаніе провинціальной сутолоки въ «Путешествіи Онѣгина»:

. . . . передъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ!
Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
Поддѣльны вина европеецъ;
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей;
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ.
И всюду меркантильный духъ.

А какъ характерно описаніе того же провинціальнаго общества, съѣхавшагося на именины Татьяны, причемъ двумя-тремя словами очерчивается цѣлое жизненное явленіе:

Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, бричкахъ и саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.
Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, *хозяинъ превосходный,*
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ,
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной совѣтникъ Фляновъ,

Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

Рядомъ съ этимъ описаніемъ можно поставить слѣдующе изображеніе московской спячки, неподвижности:

Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки, княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все такъ же лжетъ Любовь Петровна.
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ,
У Пелагеи Николаевны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
А онъ все клуба членъ исправный.
Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ,
И такъ же ѣстъ и пьетъ за двухъ.
. . . . . .
. . . всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть чаобумъ,
Не улыбнется темный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Къ этой характеристикѣ пустого и пошлаго московскаго об щества очень подходитъ слѣдующее описаніе петербургскаг большого свѣта:

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ.
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по-старому шутившій,

Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно,
Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ;
. . . . . .
Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальный
Стоялъ картинкою журнальной,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
Румянъ, какъ вербный херувимъ,
И путешественникъ залетный,
Перекрахмаленный нахалъ.

Подобныя характеристики представляютъ намъ общество въ его цѣломъ составѣ и, пожалуй, могутъ показаться на первый взглядъ слишкомъ поверхностными; но въ сущности, сколько бы мы ни добавляли подробностей, мы ихъ не измѣнимъ, такъ какъ онѣ передаютъ вполнѣ наиболѣе характерныя черты свѣтской среды—пошлость, пустоту, отсутствіе серьезныхъ, высшихъ интересовъ. Въ этомъ и заключается великое достоинство Пушкинскаго реализма: онъ не расплывается въ мелочахъ, какъ это дѣлаютъ разные протоколисты въ литературѣ,—онъ схватываетъ самое существо жизни, и оттѣняетъ въ ней наиболѣе типичное, по большею частью нами не замѣчаемое.

Тотъ же самый реализмъ замѣчается и въ рисовкѣ отдѣльныхъ типовъ, выведенныхъ въ романѣ. Какъ, напримѣръ, типиченъ русскій романтикъ. Ленскій, вынесшій изъ пребыванія въ заграничномъ, конечно, Геттингенскомъ университетѣ, «учености плоды», характеризуемые въ слѣдующихъ, полныхъ тонкой ироніи, стихахъ:

Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

И въ этой характеристикѣ, и въ тѣхъ стихахъ, которые въ изобиліи сочиняетъ Ленскій, образецъ которыхъ намъ даетъ Пушкинъ въ шестой главѣ своего романа, замѣчательно вѣрно схвачены черты подлинной русской дѣйствительности, крайне непредѣленнаго и зачастую чисто внѣшняго увлеченія романтизмомъ. Фальшивую сторону такого романтизма нашъ поэтъ прекрасно выставляетъ въ своемъ отзывѣ о писаніяхъ Ленскаго:

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)

Тѣ же пріемы реальнаго творчества видны въ обрисовкѣ глав наго героя романа, этого скитальца-эгоиста, «москвича въ Га рольдовомъ плащѣ». Все въ Онѣгинѣ (который, повторяемъ, п замыслу Пушкина есть типъ сатирическій) взято изъ современ ной обстановки и для насъ отчасти уже отличается историче скимъ характеромъ: таково его воспитаніе поверхностное, под руководствомъ иностранца, позволяющее блистать въ свѣтѣ, так что даже «судьи рѣшительные и строгіе» находятъ послѣ разго вора съ нимъ (хотя онъ и хранитъ молчанье въ важномъ спорѣ») что онъ «ученый малый, но педантъ»; такова его пустая жизн въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, проходящая исключительн въ разнаго рода увеселеніяхъ: таковы и скука, его одолѣваю щая, и попытки приняться за какое-нибудь серьезное дѣло, чи тать и даже писать, его интересъ къ вопросамъ экономиче скимъ, которые особенно были въ модѣ въ это время («чи талъ Адама Смита и былъ великій экономъ»), хотя, по всей вѣ роятности, и въ этой наукѣ имъ схвачены одни верхи; столь же характерно для эпохи и отношеніе Онѣгина къ крестьянамъ судьбу которыхъ онъ облегчаетъ («яремъ онъ барщины старин ной оброкомъ легкимъ замѣнилъ»), такъ какъ въ то время не мало шло толковъ о крестьянскомъ вопросѣ; весьма интересно его деревенское времяпровожденіе, при чемъ онъ въ качествѣ петербургскаго льва съ большимъ пренебреженіемъ относится ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ; наконецъ, любопытны, какъ реальныя подробности, скитанія Онѣгина, его альбомъ, характеристика его чтенія:

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однакожъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ.
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,

Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Верхомъ реализма въ романѣ, совершенною новостью для русской литературы, должно быть признано созданіе дивнаго образа Татьяны; особенною новостью является этотъ типъ потому, что въ прежнемъ исключительно сатирическомъ направленіи реализма его положительные типы всегда бывали сочиненными, къ жизни отношенія не имѣли, тогда какъ Татьяна, несомнѣнно, лицо вполнѣ реальное. Это—самая обыкновенная провинціальная дворянская дѣвица, мало образованная, наивная, суевѣрно убѣжденная въ силѣ примѣтъ и гаданій, фантазерка, начитавшаяся чувствительныхъ романовъ, мечтающая о какомъ-то необыкновенномъ героѣ и даже свое письмо къ Онѣгину сочиняющая (непремѣнно по-французски, такъ какъ по-русски она писать не мастерица) въ стилѣ письма Юліи къ Сенъ-Пре (изъ романа Руссо «Новая Элоиза»),—короче сказать, это такой типъ, который не представляетъ собою ничего яркаго, выдающагося, бросающагося въ глаза... А между тѣмъ поэтъ сумѣлъ въ ней своей Танѣ, которую онъ такъ любитъ, разглядѣть такія черты, которыя поднимаютъ ее на чрезвычайную нравственную высоту и приводятъ Достоевскаго къ заключенію, что въ русской литературѣ есть только два такихъ идеально-чистыхъ образа, т.-е. Татьяна и Лиза изъ «Дворянскаго Гнѣзда». Лицо, не отступающее такимъ образомъ ни мало отъ дѣйствительности, возведено Пушкинымъ въ идеалъ, и въ этомъ заключается наиболѣе существенная особенность, отличающая новое реальное направленіе, родоначальникомъ котораго должно признавать Пушкина: это направленіе нисколько не чуждается идеала, но оно ищетъ его не въ заоблачныхъ сферахъ, не въ иномъ мірѣ, какъ это дѣлалъ романтизмъ, и не въ сочинительствѣ, чѣмъ рѣшилъ прежній реализмъ, а здѣсь, на землѣ, во вполнѣ реальной обстановкѣ.

Сродни Татьянѣ отчасти княжна Полина изъ отрывка «Рославлевъ», а въ особенности героиня «Капитанской дочки», Марья Ивановна Миронова, тоже крайне простая, лишенная всякой эффектности дѣвушка, воспитанная въ отдаленномъ захолустьѣ, на первый взглядъ кажущаяся даже глуповатой, при этомъ неожиданно обнаруживающая способность къ героизму, самоотверженной любви; здѣсь опять тотъ же пріемъ исканія идеала въ дѣйствительности неприкрашенной.

Коснувшись «Капитанской дочки», слѣдуетъ отмѣтить въ это повѣсти типъ слуги, Савельича, и отношеніе Пушкина къ исто ріи. Савельичъ (если не припоминать няни Еремѣевны у Фонвизин и очень немногихъ крестьянъ изъ комедій и повѣстей прошлаг вѣка, причемъ во всѣхъ есть нѣкоторая фальшивость, каррика турность) можетъ считаться (вмѣстѣ съ няней Татьяны) чуть л не первымъ правдивымъ образомъ крестьянина-слуги въ наше литературѣ: это уже не добродѣтельно-чувствительная фигур въ родѣ тѣхъ, какъ создавались Карамзинской школой, и н ловкій слуга французскихъ комедій, очень часто повторявшійс въ нашей литературѣ и даже отразившійся въ Грибоѣдовско Лизѣ,—это настоящій, живой человѣкъ, преданный своему ба рину, стоящій за барское добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишен ный нѣкотораго сознанія своего достоинства, умѣющій отвѣтит и Пугачеву и защититься отъ упрековъ старика Гринева. Такої типъ, какъ Савельичъ, явился художественнымъ откровеніемъ, с съ него надо вести генеалогію крестьянскихъ типовъ Григо ровича, С. Аксакова, Тургенева и другихъ нашихъ бытописа телей.

Что касается исторіи въ этой повѣсти, то насъ невольно олжно поражать тонкое пониманіе поэтомъ характера Пуга чева; у другого поэта, не реалиста, Пугачевъ легко могъ бы обратиться въ мелодраматическаго злодѣя, не умѣющаго и шагу ступить не по-злодѣйски, или же въ добродѣтельнаго разбой ника, какихъ мы много видимъ, въ такъ называемыхъ разбой ничьихъ романахъ; у Пушкина нѣтъ ничего подобнаго, и страш ный самозванецъ, не будучи окруженъ какимъ-нибудь добродѣ тельнымъ сіяніемъ, остается прежде всего человѣкомъ и не ли шенъ нѣкоторыхъ чертъ, могущихъ вызвать наше сочувствіе: такъ онъ умѣетъ благодарить за оказанную услугу, а на свое дѣло смотритъ даже съ поэтической стороны, для объясненія его ссылаясь на инородческую сказочку. Отличнымъ также образ цомъ реалистическаго отношенія къ исторіи можетъ служить характеристика императрицы Екатерины II, совершенно свобод ная отъ той приподнятости, которою вообще чрезвычайно часто страдаетъ историческая беллетристика при изображеніи выдаю щихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: Екатерина является мелькомъ, а между тѣмъ поэтъ сумѣлъ намъ показать въ ней человѣка.

Тотъ же историческій реализмъ мы можемъ замѣтить и въ

брисовкѣ личности любимаго героя Пушкина, Петра Великаго, въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго», и въ «Мѣдномъ Всадникѣ», и въ «Полтавѣ»: вездѣ передъ нами человѣкъ, а не макенъ, говорящій о государственныхъ дѣлахъ и совершающій еликія дѣянія; и замѣчательно, что въ такомъ простомъ поиманіи личности Петра Великаго, какъ вѣчнаго работника на ронѣ, Пушкинъ оказался вполнѣ народнымъ: по крайней мѣрѣ, звѣстному изслѣдователю народнаго творчества, Е. В. Барсову, далось въ Олонецкой губерніи услышать отъ крестьянина отзывъ о великомъ преобразователѣ почти совсѣмъ совпадающій о взглядомъ Пушкина.

Близко къ «Капитанской дочкѣ» по общему колориту и по правдивости изображенія провинціальной жизни подходитъ повѣсть Дубровскій», въ которой мы находимъ такой важный въ исто-ико-литературномъ отношеніи образъ, какъ типъ Троекурова, послѣдствіи оказавшій нѣкоторое вліяеніе и на повѣсть Мельни-ова «Старые годы» и на типъ стараго князя Болконскаго въ Войнѣ и мирѣ», а также князя Хвалынскаго отца въ «Пугаевцахъ». И въ «Дубровскомъ», какъ и въ «Капитанской дочкѣ» амъ дана прекрасная психологія массы, которая не предсталяется стадомъ, а есть совокупность сознательныхъ личностей въ этомъ отношеніи обѣ указанныя повѣсти Пушкина послукили отличнымъ образцомъ и для графа Л. Н. Толстого и для рафа Е. А. Саліаса.

Воспроизведеніе исторической дѣйствительности не менѣе поажаетъ насъ и въ «Борисѣ Годуновѣ», который основанъ, какъ то прекрасно указалъ профессоръ И. Н. Ждановъ, на самомъ бстоятельномъ изученіи первоисточниковъ, и не можетъ считаться порожденіемъ сильнаго «карамзинизма», за что осуждалъ го Н. А. Полевой: здѣсь и Борисъ, и самозванецъ, и женскіе бразы, и второстепенныя лица представляются высоко реальными, , если можно указывать нѣкоторыя неточности въ изображеніи Іимена, то онѣ должны быть отнесены на счетъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ. Тутъ обнаружился общій дѣлъ исторической баллетристики, лишенной возможности руководиться собственными наблюденіями и вынужденной воспринимать факты сквозь призму чужого освѣщенія.

Возвращаясь къ реальному воспроизведенію современной кизни, приходится прежде всего остановиться на «Повѣстяхъ Бѣлкина», которыя помимо своеобразнаго типа самого ихъ фик-

тивнаго автора, И. П. Бѣлкина, представляютъ огромный инт
ресъ по своему вліянію на позднѣйшую нашу литературу: из
этихъ повѣстей критика видѣла въ «Гробовщикѣ» нѣчто тако
отъ чего можно производить художественные пріемы Писемскаг
а въ «Станціонномъ смотрителѣ» — предшественника тѣхъ ун
женныхъ и оскорбленныхъ, которыхъ впослѣдствіи выводилъ в
своихъ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскій.

Наконецъ, для полноты характеристики пушкинскаго ре
лизма необходимо упомянуть и объ «Исторіи села Горохина
въ которой находится замѣчательно яркое обличеніе недоста
ковъ крѣпостного права. Позволимъ себѣ привести изъ это
«Исторіи» слѣдующую картину «политической системы» Гор
хинскаго приказчика: «Главнымъ основаніемъ оной была слѣ
дующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣ
чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего старался о сми
ности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели
1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиков
и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2. Недо
статочные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажен
на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывало
недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ кре
стьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отда
ваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплат
сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественна
повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство ж
было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ этог
по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока, наконецъ
выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходк
были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглы
годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣ
противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни нако
пить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совсѣмъ обни
щало, Горохино пріуныло, базаръ опустѣлъ, пѣсни Архипа Лы
саго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая слу
жила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру — и день храмо
вого праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ
радости и ликованія, а годовщиною печали и поминанія горе
стнаго».

Это обличеніе крѣпостного права, написанное въ 1830 году
показываетъ намъ, что и въ этотъ періодъ своей дѣятельности

такъ же, какъ и до ссылки на югъ Россіи, Пушкинъ не ограничивается однимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, но продолжаетъ выражать ея нужды, отзывается на лучшія стремленія своего времени. И здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ объ отношеніи Пушкина къ такъ называемой теоріи «искусства для искусства». Дѣйствительно, любопытно разсмотрѣть, на чемъ основано зачисленіе Пушкина въ разрядъ сторонниковъ этой теоріи.

Въ сущности, единственнымъ мотивомъ тутъ является стихотвореніе «Чернь», въ которомъ повидимому, поэтъ совсѣмъ отстраняется отъ жизни и съ презрѣніемъ относится къ людскимъ горестямъ и нуждамъ. Однако, такое пониманіе этого стихотворенія далеко нельзя признать правильнымъ. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, кого Пушкинъ имѣетъ здѣсь въ виду, обращаясь къ черни: не есть ли это та самая свѣтская толпа, въ которой онъ являлся настоящимъ мученикомъ въ послѣдніе годы своей жизни, и которая привела его къ трагическому концу? Намъ кажется, что иначе этого понимать нельзя, такъ какъ презрѣнія къ народу въ широкомъ смыслѣ этого слова мы у Пушкина нигдѣ не найдемъ, за то съ осужденіемъ свѣтской черни мы встрѣчаемся у него на каждомъ шагу. Затѣмъ вторымъ вопросомъ является: чего требуетъ чернь отъ поэта? Онъ ищетъ матеріальной пользы, а главное она желаетъ подчинить его себѣ, своимъ велѣніямъ, тогда какъ для него свобода есть первое, необходимое условіе плодотворности его труда, направленнаго къ высокимъ, идеальнымъ цѣлямъ, которыя несомнѣнно внесутъ свѣтъ правды и добра въ эту же толпу. И какъ обращается къ поэту этотъ «хладный и непосвященный» народъ? Она говоритъ ему о своихъ порокахъ, проситъ «уроковъ» и заключаетъ обѣщаніемъ: «а мы послушаемъ тебя». Ясно, что это обѣщаніе лицемѣрно, и если толпа не слушаетъ поэта теперь, то и послѣ его слова окажутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Кромѣ этого, не нужно забывать, что въ этомъ стихотвореніи несомнѣнно звучитъ нотка раздраженія, такъ что нѣкоторыя выраженія именно этимъ и объясняются, а наконецъ, важнѣйшимъ аргументомъ противъ признанія Пушкина защитникомъ теоріи искусства для искусства являются всѣ другія его стихотворенія, въ которыхъ онъ говоритъ о задачахъ поэтической дѣятельности.

Изъ этихъ стихотвореній мы, прежде всего, останавлива-

емся на небольшой параллели «Эхо», которая написана посл
«Черни»:

«Ревѣтъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, ревѣтъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ.—
На всякій звукъ
Твой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ.
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Поэтъ отзывается на все, что вокругъ него происходитъ, н
вѣдь этотъ поэтъ въ то же время пророкъ, возвѣщающій вол
Божію (стихотвореніе «Пророкъ»), т. е. указывающій людям
путь, по которому они должны идти, и если онъ своимъ «глаг
ломъ» жжетъ сердца людей, то право, нѣтъ никакой возможнос
говорить о какомъ-то квіетизмѣ этого пророка: напротивъ, эт
есть, прежде всего, общественный вождь, учитель, направляющ
людей къ самымъ возвышеннымъ цѣлямъ. А для этого ему нужн
полная свобода, онъ не зависитъ ни отъ милостивцевъ, ни от
народа. («Изъ VI Пиндемонте»), и самъ является своимъ высшим
судьей, руководясь своей совѣстью, никому не угождая, не ста
раясь добиться почестей и похвалъ («Поэту»).

Поэтъ нисколько не отрѣшенъ отъ жизни, онъ рвется въ бо

О муза пламенной сатиры (восклицаетъ Пушкинъ),
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если я кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ

Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать.

И понятно, что поэту приходится очень много выносить отъ той толпы, которая его не понимаетъ. Въ «Отвѣтѣ анониму» (1830 г.) Пушкинъ говоритъ о себѣ:

Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И странѣ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшенъ, участія кто требуетъ у свѣта.
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ,
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье заточенье—
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ;
«Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта.

Мы знаемъ, что Пушкинъ не разъ и въ эту пору своей дѣятельности, въ послѣдніе годы своей жизни, отзывался на общественные вопросы, онъ именно жилъ общественными интересами. Что какъ не подобный отзывъ стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», въ которыхъ, разсматривая ихъ безпристрастно, нѣтъ никакой злобы по отношенію къ полякамъ, а, напротивъ, выражается гуманное, незлобивое чувство? Поэтъ сохранилъ прежнія свои личныя симпатіи, какъ это видно изъ стихотворенія «Аріонъ» и изъ слѣдующаго «Посланія въ Сибирь»:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье;
Придетъ желанная пора;
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Тѣхъ же самыхъ декабристовъ, своихъ товарищей, находящихся «въ мрачныхъ пропастяхъ земли» Пушкинъ вспоминает и позже въ стихотвореніи «19-го октября 1827 года».

Итакъ, мы видимъ, что по существу поворота въ дѣятельности поэта въ періодъ его зрѣлости не произошло никакого что онъ остается тѣмъ же поэтомъ дѣйствительности, каким онъ выступаетъ передъ нами въ первыхъ своихъ произведеніяхъ отрѣшенности отъ жизни нѣтъ, а напротивъ, благодаря, прежд всего, Пушкину, литература наша сближается съ жизнью, станов вится ея точнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ, ея истолко вательницею, выразительницею ея лучшихъ стремленій, и поэт дѣлается пророкомъ, ведущимъ людей впередъ къ свѣту и правдѣ Своей лирой, чуждой фальшивыхъ нотокъ нашихъ прежних литературныхъ направленій, Пушкинъ дѣйствительно пробуждал въ людяхъ добрыя чувства; руководясь своимъ неподкупнымъ не подчиняющимся никакимъ внѣшнимъ силамъ, вдохновеніемъ онъ указывалъ людямъ тѣ цѣли, къ которымъ они должны стре миться; говорилъ имъ, чѣмъ они живы; онъ и теперь это дѣлаетъ и такъ будетъ «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хотъ одинъ піитъ»; поэзія Пушкина есть «арфа серафима», есть яркая путеводная звѣзда для всей нашей литературы, задача ко торой состоитъ во внесеніи въ нашу жизнь человѣчности; эта поэзія — великій «нерукотворный памятникъ», и «къ нему не заростетъ народная тропа».

эт„гражданской скорби" двадцатыхъ годовъ.

Въ числѣ поэтовъ, дѣятельность которыхъ относится къ на-
пу двадцатыхъ годовъ XIX в., одно изъ видныхъ мѣстъ зани-
етъ извѣстный декабристъ, К. Ѳ. Рылѣевъ. Выдѣляется онъ
ь среды литераторовъ того времени не столько по своему та-
нту, кооторый съ чисто-художественной точки зрѣнія не мо-
тъ быть признанъ особенно крупнымъ, сколько по характеру
направленію своего творчества, въ которомъ отражается то,
о составляло главный интересъ всей его жизни. На первомъ
анѣ для Рылѣева стоитъ стремленіе къ «общественному
агу», и оно-то ярко просвѣчиваетъ и въ его поэзіи, какъ въ
лирическихъ стихотвореніяхъ, такъ и въ эпическихъ произ-
еніяхъ, если только ихъ можно дѣйствительно называть эпи-
кими при томъ крайнемъ субъективизмѣ, которымъ они про-
кнуты. Поэтому-то намъ трудно принять мнѣніе, высказанное
вымъ издателемъ сочиненій Рылѣева, П. А. Ефремовымъ, что
и не имѣя ничего общаго съ его (т. е. Рылѣева) политической
ятельностью, принадлежатъ къ *чисто-литературнымъ* произ-
еніямъ»[1]), и, какъ мы увидимъ изъ ближайшаго разсмотрѣнія
ихъ сочиненій, гораздо болѣе близокъ былъ къ истинѣ кн.
А. Вяземскій, писавшій: «Съ живымъ удовольствіемъ читаю
думы, которыя постоянно и прежде обращали на себя мое вни-
ніе. Онѣ носятъ на себѣ печать отличительную, столь необык-
венную посреди пошлыхъ и *одноличныхъ* или часто *безличныхъ*
ихотвореній нашихъ. Что и въ хорошихъ стихахъ, когда нѣтъ
нихъ особеннаго характера? Стройные, но несвязные, но ни-
го не выражающіе аккорды въ поэзіи хороши въ ребячествѣ.
зрѣлости лѣтъ нужна цѣль, нужно намѣреніе»[2]).

Какая же была «цѣль» въ творчествѣ Рылѣева? Какое «на-

[1]) Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева, изд. 1875 г. предисловіе.

[2]) «Вѣст. Европы», 1888 г. кн. II, статья В. Е. Якушкина «Изъ исторіи
ературы 20-хъ годовъ», стр. 215.

мѣреніе» имъ руководило въ его поэтическихъ созданіяхъ? эти вопросы даетъ отвѣтъ самъ же Рылѣевъ въ посвященіи ему другу А. А. Бестужеву поэмы «Войнаровскій». Здѣсь говоритъ:

Прими жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Въ нихъ не увидишь ты искусства—
Зато найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Въ этомъ сужденіи Рылѣева о самомъ себѣ есть нѣкото крайность; нельзя сказать, чтобы въ его произведеніяхъ, с бенно въ поэмѣ «Войнаровскій», не было искусства, нел также согласиться съ нимъ, что онъ не поэтъ и лучше вс цѣнилъ его дарованіе его «учитель въ языкѣ стихотворном Пушкинъ, порой очень строго осуждавшій недостатки его пр веденій, но признававшій, что Рылѣевъ «въ душѣ поэтъ». сущности, оцѣнивая свое творчество, Рылѣевъ могъ бы прави нѣе выразиться, не прибѣгая къ противопоставленію поня «поэтъ» и «гражданинъ», а напротивъ, объединяя эти поня такъ какъ въ немъ, какъ въ поэтѣ, выражался граждани Гражданское чувство есть самое существо его поэзіи, ея паѳ какъ выражался Бѣлинскій; гражданскіе мотивы не являются этой поэзіи какой-то прописной моралью, нравоучительной т денціей, они истекаютъ изъ самыхъ нѣдръ чувства, и пот гораздо болѣе правильной надо признать характеристику, ко рую Рылѣевъ даетъ себѣ въ другомъ стихотвореніи, посвящ номъ тому же Бестужеву и написанномъ по поводу какого отрицательнаго сужденія Пушкина:

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ,
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ
Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы *требуетъ, не проситъ!*

Такъ и ко мнѣ, храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ,
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

Высказаннымъ въ третьей строфѣ этого стихотворенія об-
мъ воззрѣніемъ на поэзію и ея источникъ въ «восторгѣ
ши» объясняется и отношеніе Рылѣева къ горячему спору, про-
кодившему въ его время между сторонниками классицизма и
мантизма. Этотъ споръ ему не казался особенно важнымъ, и,
азывая на то, что ни одна изъ спорящихъ сторонъ не мо-
тъ «похвалиться побѣдою», Рылѣевъ говорилъ: «Причины сему,
ѣ кажется, тѣ, что обѣ стороны спорятъ, какъ обыкновенно
чается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, при-
отъ слишкомъ много важности формамъ, и что на самомъ
лѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была,
ть и будетъ одна истинная самобытная поэзія, которой пра-
ла всегда были и будутъ одни и тѣ же». Настаивая на томъ,
о главное достоинство поэзіи заключается въ ея самобытности,
игинальности, а подражаніе какимъ бы то ни было формамъ
нея вредно, Рылѣевъ естественно приходитъ къ слѣдующему
воду: «Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ
евнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе
нимъ, но отнюдь не благоговѣніе, ибо это противно зако-
мъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинство чело-
ка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, пре-
тствующій приблизиться къ превозносимому поэту, и даже ви-
ть въ немъ недостатки. Итакъ, будемъ почитать высоко по-
ю, а не жрецовъ ея, и оставивъ безполезный споръ о роман-
змѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ
хъ рабскаго подражанія, и обратясь къ источнику истинной
эзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ
еалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близ-
хъ человѣку и всегда недовольно ему извѣстныхъ».

Ясно, что для Рылѣева поэзія связывается съ жизнью, а такъ
къ въ жизни для него главный интересъ представляется «об-
ственнымъ благомъ», то стремленіе къ этому благу и должно
ставить главное содержаніе его поэзіи, если она есть искрен-
е выраженіе его духовнаго существа. Но тутъ мы должны ого-
риться и отмѣтить въ поэзіи Рылѣева присутствіе и нѣкото-
хъ иныхъ мотивовъ, кромѣ гражданскихъ. Эти мотивы мы на-

ходимъ въ очень небольшомъ числѣ стихотвореній, выраж
щихъ чисто-личное чувство, преимущественно стихотвореній
тическихъ, и уже при первомъ взглядѣ на эти стихотворенія
замѣчаемъ въ нихъ какую-то дѣланность, искусственность,
торая показываетъ намъ, какъ мало было свойственно Рылѣ
выраженіе подобныхъ чувствъ въ его поэзіи. Прежде всего
видимъ, что подобныя эротическія произведенія оказываются
дражаніемъ, и слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о той
мобытности, которую Рылѣевъ считалъ отличительной чер
истинной поэзіи: здѣсь не «живое чувство», а нѣчто подска
ное произведеніями Тибулла и Парни. Приведемъ для обра
стихотвореніе «Жестокой».

Смотри, о Делія, какъ вянетъ сей цвѣточекъ,
Съ какой свирѣпостью со стебелька
Вслѣдъ за листочкомъ льетъ листочекъ
Суровой осени рука!
Ахъ, скоро, скоро онъ красы своей лишится,
Не станетъ болѣе благоухать;
Послѣдній скоро листъ свалится,
Зефиръ не будетъ съ нимъ играть.
Угрюмый Аквилонъ нагонитъ тучи мрачны,
Въ уныніе природу приведетъ,
Одѣнетъ снѣгомъ долы злачны,—
Твой взоръ и стебля не найдетъ...
Такъ точно, Делія, дни жизни скоротечной
Умчитъ Сатурнъ, завистливый и злой,
И блага юности безпечной
Ссѣчетъ губительной косой...
Все измѣняется подъ дланью Крона хладной;
Остынетъ младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Подъ старость, къ злу, родитъ любовь,
Тогда, жестокая, познаешь, какъ ужасно
Любовью тщетною въ душѣ пылать
И на очахъ не пламень страстный,
Но хладъ презрѣнія встрѣчать!

Хоть авторъ и не называетъ приведеннаго стихотворенія
дражательнымъ, однако, отсутствіе оригинальности ярко б
сается въ глаза какъ въ тяжелой формѣ, такъ и въ разны
классическихъ аксессуарахъ этого произведенія. Слабость эро
ческой лирики Рылѣева характерно обнаруживается въ бѣдно
образовъ, заставляющей прибѣгать къ повтореніямъ. Напримѣ
въ стихотвореніи «Счастливая перемѣна», послѣ фразы «я

ѣмѣлъ, то трепеталъ» находимъ: «въ восторгахъ страстныхъ я
млѣлъ и трепеталъ»; и этотъ же образъ повторяется въ сти-
отвореніи «Нечаянное счастіе» («въ восторгахъ таялъ я, и
лѣлъ, и трепеталъ»). Правда, изрѣдка эта надуманность, выму-
енность образовъ исчезаетъ, и въ такихъ случаяхъ мы знаемъ
изненную подкладку любовныхъ стихотвореній, но это бываетъ
ень рѣдко, какъ напр., въ двухъ «элегіяхъ», написанныхъ въ
824 г. Характерно, что и самъ поэтъ сознаетъ, что нѣжные
отивы ему чужды, какъ это видно изъ слѣдующаго чернового
рывка, праведеннаго В. Е. Якушкинымъ:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,
Моя душа твоей не стоитъ.
Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній;
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.
Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я незнакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.
Лишь временно кажусь я слабъ:
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.
Мнѣ не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мнѣ иныя,
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.
Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! Моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненіи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ.

Тяжкія думы, о которыхъ говоритъ поэтъ, волновали его съ
маго начала его литературной дѣятельности: онъ дебютиро-
ъ сатирой противъ Аракчеева, замѣчательно энергичнымъ
ихотвореніемъ, которое мы уже цитировали въ статьѣ «Глав-
я направленія русской литературы начала XIX столѣтія». Об-
ченіе, однако, направляется не только противъ отдѣльныхъ
чностей, но противъ цѣлаго общества, которое отличается по-
зительной пустотой, индиферентизмомъ, мелочностью интере-
въ, какъ это видно изъ стихотворенія «Пустыня»:

«Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ тріумфѣ видѣть зло,
И въ шумномъ вихрѣ свѣта,
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ дуэлистовъ,
Поэтовъ-эгоистовъ.
Или убійцъ-судей,
Досужихъ журналистовъ,
Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу,
О срамъ! о времена!
Поссорились за оду.

Въ подобномъ обществѣ поэтъ чувствуетъ себя одиноки и это иногда вызываетъ въ немъ жалобы, какъ напримѣръ, «Стансахъ», посвященныхъ его другу, единомышленнику, А. Бестужеву:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ,
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Но этотъ грустный тонъ, эта безотрадность мало соотвѣ ствуетъ тѣмъ идеаламъ, къ которымъ стремится поэтъ; его н тура не можетъ цѣликомъ отдаваться элегическому настроени слишкомъ въ немъ сильна жажда дѣятельности, и потому его творчествѣ должны преобладать энергическіе мотивы обл ченія или призыва служить «общественному благу». За н сколько дней до катастрофы 14 декабря 1825 г. онъ изливае

ое настроеніе въ стихотвореніи, которое могло бы показаться
нденціознымъ при другихъ обстоятельствахъ, но для даннаго
мента является характернымъ показателемъ того, какъ тѣсно
ъединялись для Рылѣева его практическая дѣятельность и
эзія:

Я-ль (спрашиваетъ поэтъ) буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

На первомъ планѣ для Рылѣева всегда «общее благо», къ ко-
рому онъ «отъ дѣтства прикованъ», какъ онъ выражается въ
ихотвореніи, посвященномъ Ѳ. Н. Глинкѣ. За «общее благо»
о бороться, и призывы къ такой борьбѣ не разъ слышатся въ
изведеніяхъ Рылѣева. В. Н. Столыпиной онъ говоритъ, что
«священный долгъ—прекрасныхъ чадъ образовать».

Пусть ихъ сограждане увидятъ,
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой.

На смерть Чернова, убитаго на дуэли Новосильцовымъ, онъ
шетъ энергическое (не лишенное нѣкоторой славянофильской
раски) стихотвореніе, въ которомъ это событіе характери-
тся съ общественной стороны:

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
. . . . трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнесть готовымъ.

Нѣтъ, не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ,—
Они отъ насъ отчуждены!
Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью, и Черновымъ!

При подобномъ настроеніи поэта нѣкоторые факты по
чаютъ для него совсѣмъ особый смыслъ, вызываютъ такія ду
какія приходили въ голову, вѣроятно, не многимъ его соврем
никамъ. Такъ, напримѣръ, смерть Байрона, конечно, произв
у насъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ этотъ англійскій по
имѣлъ у насъ, какъ извѣстно, множество поклонниковъ.
знаемъ, что «разочарованіе» стало у насъ модою, что «Москв
въ Гарольдовомъ плащѣ» встрѣчались очень и очень часто,
голяя своей тоской, происходившей отъ внутренней пусто
Это была «русская хандра», какъ мѣтко охарактеризовалъ
настроеніе Пушкинъ, говоря о своемъ героѣ; но здѣсь не бы
той могучей тоски, той протестующей скорби, которая звуча
въ поэзіи Байрона и вытекала изъ глубокаго пониманія ца
щихъ неправды и зла. Общественный протестъ не былъ дос
пенъ большинству этихъ байронистовъ, но у Рылѣева пони
ніе значенія Байрона было иное, и потому у него является весь
любопытная оцѣнка англійскаго поэта:

Британецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ, могильный холмъ укажетъ
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра,
Былъ, къ удивленью вѣка, онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.
Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила.
Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ, отъ родины далекой,—

Убитый грустію жестокой,
О немъ сказалъ Европѣ грекъ:
Друзья свободы и Эллады
Вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

Любовь къ «общественному благу» внушаетъ Рылѣеву своеобразную «оду на тезименитство великаго князя Александра Николаевича», и въ этой одѣ отъ имени Императрицы Екатерины даются слѣдующія наставленія будущему Царю - Освободителю:

Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

До сихъ поръ мы касались только лирическихъ произведеній Рылѣева, но значительно большую часть его стихотвореній составляетъ эпосъ; однако этотъ эпосъ, какъ мы уже сказали, отличается сильнѣйшимъ субъективизмомъ, и въ немъ видно то же самое «намѣреніе», какое мы отмѣчаемъ въ лирикѣ Рылѣева. Эпическими, съ этой оговоркой, можно назвать «Думы» и поэмы Рылѣева.

Мы привели о «Думахъ» отзывъ кн. Вяземскаго, отзывъ весьма сочувственный; прямо противоположную имъ оцѣнку далъ Пуш-

кинъ, сказавъ, что онѣ «и цѣлятъ, да все не впопадъ». Если разобрать эту оцѣнку, то ясно, что, осуждая исполненіе «Думъ» Пушкинъ совпадаетъ съ кн. Вяземскимъ и въ признаніи «цѣли». Трудно, дѣйствительно, не замѣчать этой цѣли, и если иногда цѣль не достигается, какъ говоритъ Пушкинъ, характеръ произведеній не мѣняется. Неудача въ исполненіи, быть можетъ, и въ настоящемъ случаѣ объясняется тѣмъ, что въ «Думахъ» Рылѣевъ не всегда самобытенъ. Началъ онъ ихъ писать въ подражаніе польскому поэту Нѣмцевичу, съ тою же цѣлью, какъ и этотъ послѣдній сочинялъ свои «Spiewy Historyczny», т. е. «для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ, для сообщенія такихъ впечатлѣній, которыя «крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта».

Не только по общему замыслу, но и по выполненію «Думы» являются подражаніемъ «Пѣснямъ» Нѣмцевича; Рылѣевъ многое заимствуетъ у польскаго поэта, и даже одна изъ думъ «Глинскій» есть переложеніе польской думы; однако при всѣхъ этихъ чертахъ подражанія, въ «Думахъ» есть нѣчто самобытное, принадлежащее самому Рылѣеву: это тѣ эпизоды, въ которыхъ выражается та же всегда его воодушевляющая, «любовь къ общественному благу». Ею объясняется и выборъ нѣкоторыхъ сюжетовъ и нѣкоторыя подробности въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Большею частью тѣ идеи, которыя высказываются въ этихъ рѣчахъ, принадлежатъ самому поэту, а не тѣмъ лицамъ, которымъ ихъ приписываетъ поэтъ. Историческіе сюжеты, историческая обстановка служатъ для Рылѣева средствомъ выраженія своихъ мечтаній, плановъ, относящихся къ современности. Въ исторической древности какъ бы подыскивается опора для новыхъ либеральныхъ идей, и въ этомъ мы видимъ любопытную черту, позволяющую сближать Рылѣева (а также и многихъ его товарищей по тайному обществу) съ позднѣйшимъ славянофильствомъ, которое иными изслѣдователями опредѣляется, какъ «археологическій либерализмъ».

Героями Рылѣевскихъ «Думъ» являются русскіе историческіе дѣятели, начиная съ легендарнаго Вадима новгородскаго, Олега, Владиміра, и кончая Державинымъ. Почти каждая изъ этихъ думъ содержитъ въ себѣ хоть нѣсколько стиховъ, въ которыхъ ярко обнаруживается «намѣреніе» Рылѣева высказать особенно дорогія ему общественныя идеи; иногда же мы находимъ весьма

пространныя рѣчи, рельефно представляющія намъ цѣль поэта. Такъ, въ думѣ «Артемонъ Матвѣевъ» этому опальному любимцу царя Алексѣя Михайловича приписываются такія размышленія:

Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободной.
Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣе о царѣ жалѣю.
На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость
. . . . . .
Близъ трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей—потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ.

Еще ярче излюбленныя идеи Рылѣева выражаются въ размышленіяхъ Артемія Волынскаго, заключеннаго въ крѣпости

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.
Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ... но когда

Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья!
Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства—
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ спокоенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.
Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи—
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи..
И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ,
Души прекрасной и свободной,
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы герою въ воздаянье
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.
Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ—
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!

Нельзя въ этихъ размышленіяхъ, приписываемыхъ Волынскому, не замѣтить сильнѣйшей его идеализаціи; нельзя не вспомнить, что этотъ образъ не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, такъ какъ въ печальной судьбѣ Волынскаго играли въ сущности немаловажную роль мотивы личные, совсѣмъ не столь высокія побужденія, какъ представляетъ Рылѣевъ. Однако, изъ этого ясно, что для поэта въ его думѣ историческая

правда заслонялась желаніемъ выразить свои завѣтныя мечты. Такую же, не совсѣмъ подходящую къ реальному образу, идеализацію мы видимъ у Рылѣева въ думѣ «Державинъ», въ которой вмѣстѣ съ преувеличенной оцѣнкой пѣвца Фелицы представляется еще разъ поэтическое profession be foi самого Рылѣева:

Не умеръ пламенный пѣвецъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ,
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.
О! какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно.
О, такъ! нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда долгъ его;
Предметъ полезнымъ быть для свѣта.
Избранникъ и посолъ Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.
Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ тропомъ;
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.

Если «Думы» Рылѣева могутъ быть названы эпическими произведеніями только условно, то въ его поэмахъ «намѣреніе»

замѣтно въ гораздо меньшей степени: оно выразилось лишь въ выборѣ сюжетовъ. Всѣ четыре его поэмы (изъ которыхъ всего одна была написана цѣликомъ, а прочія извѣстны намъ въ небольшихъ отрывкахъ) представляютъ намъ борцовъ за «общественное благо», людей, всѣмъ жертвовавшихъ для блага отчизны, какъ они его понимали. Это Наливайко, Богданъ Хмѣльницкій, Войнаровскій и Мазепа.

Особенно замѣчательно отношеніе поэта къ послѣднему изъ этихъ героевъ, къ Мазепѣ. Его поэтъ идеализируетъ, видя въ немъ не измѣнника, но оберегателя старинныхъ правъ украинскаго народа. Такой взглядъ выражается въ пѣснѣ сторонниковъ Мазепы, составляющей отрывокъ изъ поэмы, героемъ которой долженъ былъ быть этотъ гетманъ:

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу,
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечемъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь!

Такая же идеализація Мазепы видна и въ поэмѣ «Войнаровскій». Услышавъ отъ Войнаровскаго выраженіе рѣшительной готовности пожертвовать всѣмъ для блага родины, Мазепа говоритъ:

Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ;
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано;
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы

Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ—я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра:
Но покоряяся судьбинѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!...
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье;
Успѣхъ не вѣренъ, и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье.
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба
Свободы съ самовластьемъ!

Однако, отмѣчая въ поэмахъ Рылѣева «намѣреніе», мы должны указать въ нихъ и присутствіе того «искусства», котораго Рылѣевъ не находилъ въ своихъ «Думахъ». Выдержанность плана въ «Войнаровскомъ» есть не малое достоинство поэмы, но эта черта для Рылѣева есть вообще нѣчто характерное, проявляющееся во всѣхъ его произведеніяхъ, за что Пушкинъ называлъ его «планщикомъ»; и гораздо важнѣе встрѣтить въ поэмахъ чисто художественную обработку при изображеніи картинъ природы или въ эпизодахъ эпическихъ. Приведемъ примѣры. Ужъ въ началѣ поэмы «Войнаровскій» мы видимъ прекрасную картину сѣвера:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на тихій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ

Разнообразныя вершины...
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Ревѣтъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...
Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалый;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ пройдетъ.
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой:
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынный,
Неся богатый свой ясакъ,
Лѣсной тунгусъ и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.
Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ:
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ
Подъ часъ спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ...

Рядомъ съ этимъ описаніемъ природы приведемъ художественную картину охоты:

Однажды онъ въ морозъ трескучій,
Оленя гналъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ, и тишина кругомъ.

Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ иней сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій;
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... Вдругъ выстрѣлъ... Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ.

Наконецъ, изъ той же поэмы приведемъ описаніе казни скры и Кочубея:

Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!... Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!

Припомнимъ, что Пушкинъ, хваля «Войнаровскаго», особенно становился на этой картинѣ казни. Онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Поэма «Чернецъ» полна чувства и умнѣе «Войнаровскаго», но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или разашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ». Въ виду такого отзыва «учителя» Рылѣева «въ стихотворномъ языкѣ», считаемъ не излишнимъ сопоставить съ приведенными стихами описаніе той же казни изъ «Полтавы»:

На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробъ—тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней мигая.

При всей разницѣ этихъ описаній, нельзя все-таки не замѣтить въ нихъ хоть небольшого сходства въ изображеніи самаго момента казни; и если это не есть заимствованіе, то во всякомъ

случаѣ ясно, что образъ, данный ученикомъ, не остался б
вліянія на созданіе учителя. Поэтому умѣстно припомнить
другой отзывъ Пушкина о Рылѣевѣ по поводу той же поэ
«слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовате
нымъ, чего у насъ почти нѣтъ». Далѣе развиваться этому «
вѣствовательному слогу» не было суждено, и мы, конечно,
можемъ строить предположеній, что далъ бы еще Рылѣевъ р
ской поэзіи... Его значеніе въ томъ, что въ русской литерату
онъ былъ первымъ представителемъ того направленія, котор
впослѣдствіи получило названіе поэзіи гражданской скорби...

Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева.

Въ 1823 г. выходитъ въ свѣтъ альманахъ «Полярная Звѣзда», данный К. Ѳ. Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ. Въ этой «кар-инной книжкѣ для любительницъ и любителей русской сло-сности» приняли участіе чуть ли не всѣ немногочисленныя тературныя силы того времени, за исключеніемъ, пожалуй, лько группы литературныхъ старовѣровъ, уже совершенно ративших свое былое величіе. Въ альманахѣ встрѣчаемся мы именами Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, барона Дель-га, Д. Давыдова, Ѳ. Глинки, кн. Вяземскаго, Крылова и др., жду прочимъ здѣсь же видимъ и стяжавшихъ себѣ впослѣд-віи печальную извѣстность Булгарина, Греча и Сенковскаго. выбору стихотвореній и прозаическихъ статей вновь вышед-ая кннжка обратила на себя общее вниманіе, и успѣхъ ея въ бликѣ былъ совершенно исключительный, такъ какъ ранѣе одинъ журналъ, ни одна книга, кромѣ «Исторіи Государства ссійскаго», не распространялись такъ быстро и въ такомъ ко-чествѣ экземпляровъ. Не касаясь, однако, подробностей со-ржанія альманаха, мы остановимся на одной его статьѣ, ко-рая служила какъ бы предисловіемъ къ нему и представляла своему характеру совершенную новинку въ тогдашней лите-турѣ. Это—статья одного изъ издателей, А. А. Бестужева зглядъ на старую и новую словесность въ Россіи».

Объемъ статьи очень не великъ: всего въ ней 44 страницы 16 долю листа; между тѣмъ задача, поставленная Бестуже-мъ, очень обширна, и способъ ея разрѣшенія таковъ, что не-отвѣтствіе объема статьи ея содержанію становится весьма дутительнымъ. Отъ подобнаго несоотвѣтсвія характеристики сателей мало рельефны и сводятся часто къ общимъ фразамъ хвалы или порицанія: оцѣнка писателя заключается иногда лько въ какомъ-нибудь эпитетѣ, не особенно при томъ ха-ктерномъ. Представивъ на одной страницѣ исторію русскаго тературнаго языка, который «теперь только начинаетъ отря-

сать съ себя пыль древности и гремушки чуждыхъ ему на
чій». Бестужевъ рѣшается «мысленно пробѣжать политичес
препоны, замедлявшія ходъ просвѣщенія и успѣхи словесно
въ Россіи».

Дѣйствительно, если обратить вниманіе на крайнюю сж
тость характеристики древняго періода нашей литературы, п
ходится признать, что авторъ только «пробѣгаетъ», скользи
по фактамъ. Съ самаго начала онъ впадаетъ съ собой въ про
ворѣчіе: высказавъ вѣрную мысль, что «новообращенные р
сіяне, истребляя все, носившее на себѣ отпечатокъ язычест
нанесли первый ударъ древней словесности», онъ называе
«вѣкъ Владиміровъ» — «краснымъ для поэзіи», тогда какъ
ничего почти не знаемъ о поэзіи того времени, а кромѣ то
ударъ, о которомъ говоритъ авторъ, былъ нанесенъ именно
этотъ «красный вѣкъ». Затѣмъ очень коротко говорится о
удѣльныхъ усобицахъ, о монгольскомъ нашествіи, о смутѣ н
чала XVII в., какъ объ условіяхъ, задерживавшихъ разви
русскаго просвѣщенія. Послѣ этого авторъ находитъ неуди
тельнымъ, что «хладный климатъ Россіи произвелъ немно
цвѣты словесности».

Но какіе же это цвѣты? Приведемъ слова самого Бестуже
характерно рисующія его представленіе о древней русской л
тературѣ: «Въ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, первое мѣс
занимаетъ Несторова. Онѣ писаны хронически, слогомъ пр
стымъ, не кудрявымъ, но болѣе или менѣе ознаменованны
славянизмомъ. Въ лѣтописяхъ псковской и новгородской встр
чаются мѣста трогательныя, исполненныя разсужденій справе
ливыхъ, а не одни случаи. Въ Несторовой видны искреннос
и здравомыслiе. «Русская Правда» — слѣпокъ съ судебных
уставовъ скандинавскихъ—и еще немногія грамоты и завѣщан
княжескія писаны языкомъ грубымъ, но краткимъ и сильным
Народныя пѣсни измѣнены преданіемъ и едва ли древнѣе тре
сотъ лѣтъ. Русскій поетъ за трудомъ и на досугѣ, въ печал
и въ радости, и многія пѣсни его отличаются свѣжестью чувств
сердечною теплотою, нѣжностью оборотовъ; но бѣды отечест
и туманное его небо проливаютъ на нихъ какое-то уныніе
вообще въ нихъ рѣдко встрѣчаются пылкія страсти и обил
мыслей. Возвышенныя пѣснопѣнія старины русской исчезли, как
звукъ разбитой лиры; одно имя соловья Баяна отгрянуло в
потомствѣ, но его творенія канули въ бездну вѣковъ, и от

ей поэзіи древней сохранилась для насъ только одна поэма
оходѣ Игоря, князя Сѣверскаго, на половцевъ. Тамъ нахо-
мъ мы позаимствованія красоты, иную природу, отмѣнный
угъ дѣйствія. Безыменный пѣвецъ вдохнулъ русскую боевую
шу въ языкъ юный, но и самою странностью привлекатель-
й; онъ украсилъ его цвѣтами мечты, вымысломъ народной
ѳологіи, разительными сравненіями и чувствами глубокими.
преклонный, славолюбивый духъ народа дышитъ въ каждой
рокѣ. Драгоцѣнная поэма сія, принадлежащая къ XII вѣку,
сана мѣрною прозою и языкомъ, вѣроятно, южно-русскимъ.
жется время сохранило ее, чтобы сильнѣе дать чувствовать
терю остального! Въ пѣснѣ о битвѣ Донской (XV вѣка)
тъ того огня, той силы въ очертаніи лицъ, той самородной
елести, которыя отличаютъ пѣснь о походѣ Игоря. Впрочемъ,
зсказъ оной плавенъ и затѣйливъ, и ее должно читать на-
внѣ со всѣми древностями нашего слова, дабы въ нихъ найти
оты русскаго народа, и тѣмъ дать настоящую физіогномію
ыку».

Хотя въ этой характеристикѣ есть и вѣрныя мысли, напр., незначительной древности сохранившихся народныхъ пѣсенъ, ясно, что запасъ фактовъ, которыми обладаетъ авторъ, айне скуденъ. Мы знаемъ о древнѣйшей эпохѣ нашей лите-туры гораздо больше, однако, для Бестужева важна литера-ра не столько, какъ выраженіе эпохи, а какъ развитіе слова, вѣроятно, съ этой формальной стороны онъ и включаетъ въ ю характеристику упоминаніе о «Русской Правдѣ» и грамо-хъ, т. е. памятникахъ, совсѣмъ не относящихся къ области тературы.

Фактовъ мало, и это обстоятельство позволяетъ Бестужеву днимъ шагомъ переступить разстояніе пяти столѣтій» и прямо ь до-монгольской эпохи обратиться къ новому періоду русской тературы, который «настаетъ въ краснорѣчіи отъ Ѳеофана, стихотворствѣ отъ Кантемира». Обзору дѣятельности писа-лей XVIII в. и начала царствованія Александра I посвящается страницъ, и такъ какъ въ этомъ обзорѣ не упускаются изъ ду весьма мелкіе литераторы, то невольно является крайняя глость характеристикъ. Критикъ останавливаетса почти исклю-тельно на развитіи формъ, не касаясь содержанія. Отзывы огда даются въ двѣ-три строчки: «Маринъ славенъ острыми гирами и забавными пародіями», «М. Кайсаровъ сдѣлалъ себѣ

имя переводомъ Стерна»; князь Шаликовъ писалъ нѣжною проз
онъ обиленъ мелкими стихотворными сочиненіями; его М
игрива, но нарумянена»; «Аблесимовъ извѣстенъ своимъ с
риннымъ національнымъ водевилемъ: Мельникъ»; «стихи Шатр
полны рѣзкихъ мыслей и чувствъ, но слогъ Псалмовъ его ус
рѣлъ» и т. п.

Характеристики крупныхъ писателей тоже должны бы
кратки. Вотъ для примѣра отзывъ о Державинѣ: «Поэтъ вдох
венный, неподражаемый, отважно ринулся на высоты, ни п
жде, ни послѣ его недосягаемыя. Лирикъ-философъ, онъ наше
искусство съ улыбкою говорить царямъ истину, открылъ таи
возвышать души, плѣнять сердца и увлекать ихъ то порыва
чувствъ, то смѣлостью выраженій, то великолѣпіемъ описан
Его слогъ неуловимъ, какъ молнія, роскошенъ, какъ приро
Но часто восторгъ его упреждалъ въ полетѣ правила языка,
съ красотами вырывались ошибки. На закатѣ жизни Держави
написалъ нѣсколько пьесъ слабыхъ; но и въ тѣхъ мелькаю
искры генія, и современники, и потомки съ изумленіемъ в
раютъ на огромный талантъ русскаго Пиндара, Пѣвца Водопа
Фелицы и Бога. Такъ драгоцѣнный алмазъ еще горитъ во ты
будучи напоенъ лучемъ солнечнымъ; такъ курится подъ снѣ
ною корою трехклиматный Везувій послѣ изверженія, и п
никъ въ густомъ его дымѣ видитъ предтечу новой бури!»

Довольно удачна, при всей краткости, характеристика К
рамзинской стилистической реформы: «Между тѣмъ какъ Де
жавинъ изумлялъ своими одами, какъ Дмитріевъ привлека
живымъ чувствомъ въ пѣсняхъ, картинностью въ оригинальны
произведеніяхъ—блеснулъ Карамзинъ на горизонтѣ прозы, п
добно радугѣ послѣ потопа. Онъ преобразовалъ книжный язы
русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отя
чалый въ рукахъ безталанныхъ писателей и невѣждъ перево
чиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса е
механизма, отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ слов
сочиненіи, и далъ ему народное лицо. Время разсудитъ Кара
зина, какъ историка; но долгъ правды и благодарности совр
менниковъ вѣнчаетъ сего краснорѣчиваго писателя, которы
своимъ прелестнымъ, цвѣтущимъ слогомъ сдѣлалъ рѣшительны
переворотъ въ русскомъ языкѣ на лучшее. Легкія стихотворен
Карамзина ознаменованы чувствомъ: они извлекаютъ невольны

дохъ изъ сердца дѣвственнаго, и слезу изъ глазъ тѣхъ, которые е испытали».

Главную часть статьи Бестужева составляетъ обзоръ дѣятельности «особъ, прославившихся или появившихся въ теченіе слѣдняго пятнадцатилѣтія», «поэтовъ, составляющихъ созвѣздіе зверной Лиры, и писателей, кои, сверкнувъ, исчезали подобно метамъ, даже и тѣхъ, которыхъ имена мелькаютъ воздушными нями въ эфемерныхъ журналахъ». Желаніе сказать о всѣхъ сателяхъ. даже о мимолетно мелькнувшихъ третьестепенныхъ ѣтилахъ, опять ведетъ къ излишней бѣглости обзора, къ кимъ, напримѣръ, отзывамъ: «Межаковъ въ бездѣлкахъ своихъ сбросалъ цвѣтки свѣтской философіи съ стихотворною легстію. Козловъ, поэтъ-слѣпецъ, пишетъ мило и трогательно. анчинъ-Писаревъ обилуетъ картинами и словами». Болѣе обоятельны, конечно, характеристики корифеевъ литературы, обенно же «поэтическаго тріумвирата» Жуковскаго, Батюшкова Пушкина. Приведемъ оцѣнку дѣятельности Жуковскаго, любопытную въ томъ отношеніи, что она напоминаетъ намъ позднѣйшія разсужденія Бѣлинскаго о романтизмѣ.

«Съ Жуковскаго и Батюшкова, — говоритъ обозрѣватель,— инается новая школа нашей поэзіи. Оба они постигли тайну ичественнаго, гармоническаго языка русскаго: оба покинули во ломать смыслъ, рубить слова для мѣры и низать полубыя риѳмы. Кто не увлекался мечтательною поэзіею Жуковго, чарующаго толь сладостными звуками? Есть время въ зни, въ которое избытокъ неизъяснимыхъ чувствъ волнуетъ дь нашу; душа жаждетъ излиться, и не находитъ веществекъ знаковъ для выраженія; въ стихахъ Жуковскаго, будто озь сонъ, мы, какъ знакомцевъ, встрѣчаемъ олицетворели своими призраки, воскресшимъ былое. Намагниченное жео клонится къ безвѣстному полюсу, — его воображеніе къ нственному идеалу чего-то прекраснаго, но неосязаемаго, и отвлеченность проливаетъ на всѣ его произведенія особенпривлекательность. Душа читателя потрясается чувствомъ лымъ, но невыразимо-пріятнымъ. Такъ долетаютъ до сердца сные звуки Эоловой арфы, колеблемой звуками вѣтра. Мнопереводы Жуковскаго лучше своихъ подлинниковъ, ибо въ къ благозвучіе и гибкость языка украшаютъ вѣрность выранія. Никто лучше его не могъ облечь въ одежду свѣтлаго, чиго языка разноплеменныхъ писателей; онъ передаетъ всѣ

черты ихъ со всею свѣжестью портрета, не только съ безцв
ною точностію силуэтною. Онъ изобиленъ, разнообразенъ,
подражаемъ въ описаніяхъ. У него природа видна не въ к
тинѣ, а въ зеркалѣ. Можно замѣтить только, что онъ далъ м
гимъ изъ своихъ твореній германскій колоритъ, сходящій ино
въ мистику и, вообще, наклонность къ чудесному; но что з
чатъ сіи бездѣльные недостатки во вдохновенномъ пѣвцѣ 1812 го
который дышитъ огнемъ боевъ, въ пѣвцѣ луны, Людмилы
прелестной, какъ радость, Свѣтланы? Переводная проза Жук
скаго примѣрна. Оригинальная повѣсть его «Марьина Рощ
стоитъ наряду съ «Марѳою Посадницею» Карамзина».

Просматривая отзывы Бестужева о разныхъ писателяхъ,
замѣчаемъ не только бѣглость характеристикъ, но часто и кр
нюю снисходительность критика. Онъ постоянно говоритъ
достоинствахъ упоминаемыхъ имъ писателей, весьма мягко
саясь ихъ недостатковъ; его критика порой напоминаетъ сало
ную бесѣду, въ которой не полагается задѣвать чьего-либо сам
любія. Онъ готовъ похвалить даже такихъ авторовъ, котор
ровно никакого значенія не имѣютъ. Вотъ примѣръ подобн
салонной похвалы: «Въ стихотвореніяхъ Анны Буниной и Ан
Волковой—двухъ женщинъ-поэтовъ—разсѣянно много чувст
тельности и меланхоліи, но механизмъ оныхъ недовольно л
гокъ. Однако же «Паденіе Фаэтона» первой изъ нихъ разно
разно красотами вымысла. Еще нѣкоторыя изъ соотечестве
ницъ нашихъ бросали иногда блестки поэзіи въ разныхъ жу
налахъ, и хотя полъ авторовъ можно было угадать безъ подпи
ихъ именъ, но мы должны быть признательны за подобное сни
хожденіе, мы должны радоваться, что наши красавицы зан
маются языкомъ русскимъ, который въ ихъ устахъ получае
новую жизнь, новую прелесть. Онѣ однѣ умѣютъ избрать ср
дину между школьнымъ и слишкомъ обыкновеннымъ тоном
смягчить и воодушевить каждое выраженіе».

Не оставливаясь болѣе на такихъ похвалахъ, замѣтим
что онѣ не мѣшаютъ Бестужеву высказывать иногда весьма о
рицательные общіе приговоры о состояніи нашей литерату
Такъ, онъ говоритъ, что «у насъ не существуетъ народной тр
гедіи, и кромѣ Озерова не было трагиковъ; но и тотъ, поко
ствуя временности, заковалъ своего генія въ академическ
формы и въ риѳмованные стихи». Обзоръ драмы приводитъ Бест
жева вообще къ безотрадному заключенію, и онъ дѣлаетъ сл

дующій характерный приступъ къ разсмотрѣнію прозаическихъ произведеній: «Оставивъ за собой безплодное поле русскаго театра, бросимъ взоръ на степь русской прозы. Назвавъ Жуковскаго и Батюшкова, которые писали столь же мало, сколь прелестно, невольно оглядываешься, дивясь безлюдью сей стороны—что доказываетъ младенчество просвѣщенія. Гремушка занимаетъ дѣтей прежде циркуля; стихи, какъ лесть слуху, сносны даже самые посредственные; но слогъ прозы требуетъ не только знанія грамматики языка, но и грамматики разума, разнообразія въ паденіи, въ округленіи періодовъ, и не терпитъ повтореній. Отъ сего-то у насъ такое множество стихотворцевъ (не говорю, поэтовъ) и почти вовсе нѣтъ прозаиковъ, и какъ первыхъ можно укорить блѣдностію мыслей, такъ послѣднихъ погрѣшностями противу языка. Къ сему присоединилась еще односторонность, происшедшая отъ употребленія одного французскаго и переводовъ съ сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытнымъ американцамъ, мѣняемъ золото онаго на блестящія заморскія игрушки». Не менѣе наконецъ, отрицателенъ общій выводъ, который дѣлается Бестужевымъ изъ всего его обзора: «въ сей картинѣ, мною начертанной, читатели увидятъ, въ какомъ бѣдномъ отношеніи находится число оригинальныхъ писателей къ числу пишущихъ, а число дѣльныхъ произведеній къ количеству оныхъ».

Появленіе подобныхъ отрицательныхъ отзывовъ въ то время, когда царило самодовольное восхищеніе россійскимъ Парнасомъ, нельзя не признать весьма замѣчательнымъ фактомъ, и нельзя не видѣть въ этихъ отзывахъ подготовку знаменитаго заявленія, которое было сдѣлано десяткомъ лѣтъ позже, о томъ что у насъ нѣтъ литературы.

Въ заключеніе своего обзора Бестужевъ объясняетъ причины неудовлетворительнаго состоянія русской литературы, повторяя нѣкоторыя мысли Карамзина, которыя мы отмѣчали выше, въ статьѣ «Литературные и общественные взгляды Карамзина». Причины эти—слѣдующія: «Во-первыхъ: необъятность Имперіи, препятствуя сосредоточиванію мнѣній, замедляетъ образованіе вкуса публики. Университеты, гимназіи, лицеи, институты и училища, умноженные благотворительнымъ Монархомъ и поддерживаемые щедротами Короны, разливаютъ свѣтъ наукъ, но составляютъ самую малую часть въ отношеніи къ многолюдству Россіи. Недостатокъ хорошихъ учителей, дороговизна выписныхъ и вдвое того отечественныхъ книгъ и малое число журналовъ, сихъ призмъ литературы, не позволяютъ проникать

просвѣщенію въ уѣзды, а въ столицахъ содержать дѣтей не каждый въ состояніи. Феодальная умонаклонность многихъ дворянъ усугубляютъ сіи препоны. Одни рубятъ гордіевъ узелъ наукъ мечемъ презрѣнія, другіе не хотятъ ученіемъ мучить дѣтей своихъ, и для сего оставляютъ невоздѣланными ихъ умы, какъ нерѣдко поля изъ пристрастія къ псовой охотѣ. Въ столицахъ разсѣяніе и страсть къ мелочамъ занимаютъ юношей; никто не посвящаетъ себя безвыгодному и безсребренному ремеслу писателя, и если пишутъ, то пишутъ не по занятію, а шутя; и къ чести военнаго званія — должно сказать, что молодые офицеры наиболѣе, въ сравненіи съ другими, основательно учатся. Впрочемъ, у насъ нѣтъ Европейскаго класса ученыхъ (lettrés savants), ибо одно счастіе даетъ законы обществу, а наши богачи не слишкомъ учены, а ученые вовсе небогаты. Въ отношеніи къ писателямъ я замѣчу, что многіе изъ нихъ сотворили себѣ школы, коихъ упрямство препятствуетъ усовершенствованію слова; другіе не дорожатъ общимъ мнѣніемъ, и на похвалахъ своихъ пріятелей засыпаютъ безпробуднымъ сномъ золотой посредственности. Человѣкъ есть существо болѣе тщеславное, чѣмъ славолюбивое. Поэтъ, романтикъ, ученый работаетъ въ тиши кабинета, чтобы собрать дань похвалы въ людяхъ; но когда онъ видитъ труды свои гибнущими въ книжной лавкѣ, и безмолвіе, встрѣчающее его въ обществѣ, гдѣ даже никто не подозрѣваетъ въ немъ таланта; когда вмѣсто наградъ онъ слышитъ однѣ насмѣшки: — промѣняетъ ли онъ маки настоящаго на невѣрный лавръ отдаленнаго будущаго? — Наконецъ, главнѣйшая причина есть изгнаніе родного языка изъ обществъ и равнодушіе прекраснаго пола ко всему, на ономъ писанному! Чего нельзя совершить, чтобы заслужить благосклонный взоръ красавицы? Въ какое прозаическое сердце не вдохнетъ онъ поэзіи? Одна улыбка женщины милой и просвѣщенной награждаетъ всѣ труды и жертвы! У насъ почти не существуетъ сего очарованія, и вамъ, прелестныя мои соотечественницы, жалуются музы на васъ самихъ»!

Таково это первое обозрѣніе русской словесности. Въ немъ есть, какъ мы указали, не мало недостатковъ, но есть и крупное достоинство—широта взгляда, позволяющая критически отнестись къ положенію литературы, обнаружить тѣ общія причины, которыя задерживаютъ развитіе дѣятельности русскихъ писателей.

То же критическое отношеніе мы видимъ и въ слѣдующей

книжкѣ «Полярной Звѣздѣ», въ статьѣ «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 года», которая начинается слѣдующимъ общимъ разсужденіемъ: «Въ старину науки зажигали свѣтильникъ свой въ погасающихъ перунахъ войны, и цвѣты краснорѣчія всходили подъ мирною тѣнью оливъ. Въ наши времена, когда состояніе ученаго и воина не сливается уже въ одну черту, мы видимъ совсѣмъ противное: типографъ и антикварій повѣряютъ свои открытія подъ знаменемъ браннымъ; громъ отдаленныхъ сраженій одушевляетъ слогъ автора и пробуждаетъ праздное вниманіе читателей; газеты превращаются въ журналы, и журналы въ книги; любопытство растетъ, воображенье недовольно сущностью, алчетъ вымысловъ, и подъ политическою печатью словесность кружится въ обществѣ. Это было и съ нами въ Отечественную войну. Наполеонъ обрушился на насъ — и всѣ страсти, всѣ выгоды пришли въ волненіе; взоры всѣхъ обратились на поле битвы, гдѣ полсвѣта боролись съ Россіей, и цѣлый свѣтъ ждалъ своей участи. Тогда слова *Отечество и слава* электризовали каждаго. Каждый листокъ, гдѣ было что-нибудь отечественное, перелеталъ изъ рукъ въ руки съ восхищеніемъ. Похвальныя пѣсни, плохи или хороши онѣ были, раздавались по улицамъ и имъ рукоплескали въ гостиныхъ; — однимъ словомъ, все тогда казалось прекраснымъ, потому что все было истиннымъ. Но политическая буря утихла; укротился и энтузіазмъ. Вниманіе наше, утомленное блескомъ побѣдъ и подвиговъ, перевысившихъ всѣ затѣйливыя сказки Востока, и воображеніе, избалованное чуднымъ, напряженное великимъ — постепенно погрузилось опять въ бездѣйственный покой. Огнистая лава вырвалась, разлилась, подвигнула океанъ—и застыла. Пепелъ лежитъ на ея челѣ, и въ томъ пеплѣ таится растительная жизнь, и когда-нибудь разовьются въ ней драгоцѣнные виноградники. Вотъ картина любви нашихъ соотечественниковъ къ словесности послѣ войны; но теперешнему ея состоянію были еще и другія причины. Отдохновеніе послѣ сильныхъ ощущеній обратилось въ лѣнивую привычку; непостоянная публика приняла вкусъ ко всему отечественному, какъ чувство, и бросила его, какъ моду. Войска возвратились съ лаврами на челѣ, но съ французскими фразами на устахъ, и затаившаяся страсть къ галлицизмамъ захватила другъ всѣ состоянія сильнѣй, чѣмъ когда-либо. Слѣдствіемъ того было охлажденіе лучшей части общества къ родному языку и поэтамъ, начинавшимъ возникать въ это время — нако-

нецъ совершенное оцѣпененіе словесности въ прошедшемъ году
Такъ гаснетъ лампада безъ теченія воздуха, такъ заглушается
дарованіе безъ ободреній».

Послѣднія слова приведенной цитаты могутъ, пожалуй, вы
звать не совсѣмъ правильное толкованіе; можно подумать, что
Бестужевъ ищетъ для литературы покровительства. Однако, та
кое мнѣніе опровергается въ обозрѣніи литературы за 1824 годъ
Поставивъ вопросъ «отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талан
товъ литературныхъ», Бестужевъ говоритъ: «Предслышу отвѣтъ
многихъ, что: отъ недостатка *ободренія!* Такъ, его нѣтъ, и слав
Богу!—Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарова
нія: огонь очага требуетъ хворосту и мѣховъ, чтобы разгорѣться—
но когда молнія просила людской помощи, чтобы вспыхнуть и
рѣять въ небѣ! Гомеръ, нищенствуя, пѣлъ свои безсмертны
пѣсни; Шекспиръ подъ лубочнымъ навѣсомъ возвеличилъ траге
дію; Мольеръ изъ платы смѣшилъ толпу; Торквато изъ сума
сшедшаго дома шагнулъ въ Капитоліи; даже Вольтеръ лучшую
свою поэму написалъ углемъ на стѣнахъ Бастиліи. Геніи всѣхъ
вѣковъ и народовъ, я вызываю васъ! Я вижу въ блѣдности изъ
можденныхъ гоненіемъ или недостаткомъ лицъ вашихъ — раз
свѣтъ безсмертія. Скорбь есть зародышъ мыслей, уединеніе ихъ
горнило. Порохъ на воздухѣ даетъ только вспышки, но сжатый
въ желѣзѣ онъ рвется выстрѣломъ, и движетъ, и рушитъ гро
мады... и въ этомъ отношеніи къ свѣту мы находимся въ благо
пріятномъ случаѣ. Уваженіе или, по крайней мѣрѣ, вниманіе къ
уму, которое ставило у насъ богатство и породу на одну ста
нимъ доску, наконецъ, къ радости сихъ послѣднихъ, исчезло
Богатство и связи безраздѣльно захватили все вниманіе толпы,—
но тутъ въ проигрышѣ, конечно, не таланты! Иногда корыстныя
ласки меценатовъ балуютъ перо автора; иногда не достаетъ соб
ственной рѣшимости вырваться изъ бисерныхъ сѣтей свѣта—но
теперь свѣтъ съ презрѣніемъ отвергъ его дары, или допускаетъ
въ свой кругъ не иначе, какъ съ условіемъ носить на себѣ
клеймо подобнаго, отраднаго ему ничтожества; скрывать искру
Божества, какъ пятно, стыдиться доблести, какъ порока!! Уеди
неніе зоветъ его, душа проситъ природы; богатое, нечерпанное
лоно старины, и мощнаго, свѣжаго языка, передъ нимъ разсту
пается: вотъ стихія поэта, вотъ колыбель генія».

Такимъ образомъ Бестужевъ отвергаетъ одобреніе, понимае
мое, какъ покровительство меценатовъ, и то ободреніе, о кото

ромъ онъ говоритъ, какъ о желательномъ для писателей заключается, очевидно, въ нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ, благопріятствующихъ литературной работѣ. Это прежде всего общественная обстановка, въ которой дѣйствуетъ писатель; а эта обстановка слагается подъ вліяніемъ воспитанія, которое должно создать людей, не нуждающихся въ меценатствѣ. «Но таково ли наше воспитаніе»? спрашиваетъ Бестужевъ. Отвѣтъ дается далеко не утѣшительный. «Мы учимся припѣваючи, и отъ того навсегда теряемъ способность и охоту къ дѣльнымъ, къ долгимъ занятіямъ. При самыхъ счастливыхъ дарованіяхъ мы едва имѣемъ время на лету схватить отдѣльныя мысли; но связывать, располагать, обдумывать расположенное не было у насъ ни въ случаѣ, ни въ привычкѣ. У насъ юноша съ учебнаго гулянья спѣшитъ на балъ; а едва придетъ въ истинный возрастъ ума и ученья, онъ уже въ службѣ, ужъ онъ дѣловой—и вотъ всѣ его умственныя и жизненныя силы убиты въ цвѣту раннимъ напряженіемъ, и онъ цѣлый вѣкъ остается гордымъ ученикомъ отъ того, что ученикомъ въ свое время не былъ. Сколько людей, которые бы могли прославить дѣломъ или словомъ свое отечество, гибнутъ, дремля душой въ вихрѣ моднаго ничтожества, мелькаютъ по землѣ, какъ пролетная тѣнь облака. Да и что въ прозаическомъ нашемъ быту, на безлюдьи сильныхъ характеровъ, можетъ разбудить душу? что заставитъ себя почувствовать? Наша жизнь—безтѣнная китайская живопись, нашъ свѣтъ—гробъ повапленный!—Такъ ли жили, такъ ли научались просвѣтители народовъ? Нѣтъ! въ тишинѣ затворничества зрѣли ихъ думы. Терновою стезею лишеній пробивались они къ совершенству. Конечно, слава не всегда летитъ объ руку съ геніемъ; часто современники гнали, не понимая ихъ; но звѣзда будущей славы согрѣвала рвеніе и озаряла для нихъ мракъ минувшаго, которое вопрошали они, дабы разгадать современное и научить потомство. Правда, и они прошли черезъ свѣтъ, и они имѣли страсти людей: зато имѣли и взоръ наблюдателей. Они выкупили свои проступки упроченною опытностью и глубокимъ познаніемъ сердца человѣческаго. Не общество увлекло ихъ, но они повлекли за собою общества».

Литература развивается тогда, когда она самостоятельна, когда она черпаетъ свое содержаніе изъ народнаго духа; но наша литература этимъ похвалиться не можетъ. «Кромѣ пороковъ воспитанія, кромѣ затѣйливаго однообразія жизни нашей,

кромѣ многосторонности и безличія самаго ученія (quand même) которое во все мѣшается, всѣ смѣшиваетъ, и ничего не извле каетъ,—насъ одолѣла страсть къ подражанію. Было время, что мы не впопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по-французски, теперь залетѣли въ тридевятую даль по-нѣмецки. Когда же попадемъ мы въ свою колею? когда будемъ писать прямо по русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша Муза остается невѣстою-невидимкою. Конечно, можно утѣшиться тѣмъ, что мало потери, какъ или сякъ пишутъ сотни чужестранныхъ подражателей; но я говорю для людей съ талантомъ, которые позволяютъ себя водить на помочахъ. Оглядываясь назадъ, можно вѣкъ назади остаться, ибо время съ каждой минутой разводитъ насъ съ образцами. При томъ всѣ образцовыя дарованія носятъ на себѣ отпечатокъ не только народа, но вѣка и мѣста, гдѣ они жили, слѣдовательно подражать имъ рабски въ другихъ обстоятельствахъ—невозможно и неумѣстно. Творенія знаменитыхъ писателей должны быть только мѣрою достоинства нашихъ твореній. Такъ, чужое высокое понятіе порождаетъ въ душѣ истиннаго поэта невѣдомыя дотолѣ понятія. Такъ, по словамъ астрономовъ, изъ обломковъ сшибающихся кометъ образуются иные прекраснѣйшіе міры!»

Изъ этого же послѣдняго обозрѣнія приведемъ мнѣніе Бестужева о литературной критикѣ: «Полезна или нѣтъ періодическая критика? Джеффери говоритъ, что «она полезна для періодической критики». Мы не можемъ похвалиться и этимъ качествомъ: наша критика не далеко ушла въ основательности и приличіи. Она ударилась въ сатиру, въ частности, и болѣе въ забаву, чѣмъ въ пользу. Словомъ, я думаю, наша полемика полезнѣе для журналистовъ, нежели для журналовъ, потому что критикъ, антикритикъ и перекритикъ мы видимъ много, а дѣльныхъ критиковъ мало; но между тѣмъ листы наполняются, и публика, зѣвая надъ статьями, вовсе для ней незанимательными, должна разбирать по складамъ надгробія безвѣстныхъ людей. Справедливо ли, однакожъ, такъ мало заботиться о пользѣ современниковъ, когда подобнымъ критикамъ такъ мало надежды дожить до потомства?—Мнѣ могутъ возразить, что это дѣлается не для наставленія неисправимыхъ, а для предупрежденія молодыхъ писателей. Но скажите мнѣ, кто ставитъ охранный маякъ въ лужѣ? Кто будетъ читать глупости для того, чтобы не писать ихъ?—Говоря это, я не разумѣю, однакожъ, о критикѣ,

которая аналитически, вообще, занимается установкою правилъ языка, открываетъ литературныя злоупотребленія, разлагаетъ исторію и, словомъ, вездѣ, во всемъ отличаетъ истинное отъ ложнаго. Тамъ, гдѣ самохвальство, взаимная похвальба и незаслуженныя брани дошли до крайней степени, тамъ критика необходима для разрушенія заговоренныхъ броней какой-то мнимой славы и самонадѣянности, для обличенія самозванцевъ литераторовъ. Желательно только, чтобы критика сія отвергла всѣ личности, всѣ частности, всѣ разсчетные виды; чтобы она не корпѣла надъ запятыми, а имѣла бы взоръ болѣе общій, правила болѣе стихійныя. Лица и случайности проходятъ, но породы и стихіи остаются вѣчно».

Такимъ образомъ критика, по взгляду Бестужева, должна стать на принципіальную почву, должна исходить изъ общихъ законовъ искусства. Тогда она станетъ серьезнымъ составнымъ элементомъ литературнаго развитія. Но чѣмъ же должна быть сама литература? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ изъ приведенныхъ выше словъ Бестужева. Литература не только словесное упражненіе, а полное выраженіе народности, «вѣка и мѣста». Литература связана съ развитіемъ общественной жизни, а гдѣ эта общественная жизнь уподобляется «безтѣнной китайской живописи», гдѣ она тускла и однообразна, не можетъ быть сильной и богатой литературы. При такой общественной постановкѣ задачъ литературы и критики, мы поймемъ, что значеніе обозрѣній Бестужева не только формальное: не со стороны одной формы они могутъ ставиться въ связь съ знаменитыми обозрѣніями Бѣлинскаго, но и со стороны тѣхъ идей, которыя полагаются Бестужевымъ въ основу его критическихъ оцѣнокъ, какъ бы эти послѣднія ни казались намъ бѣглыми и поверхностными [1]).

---

[1]) Съ своей принципіальной точки зрѣнія Бестужевъ первый правильно оцѣнилъ безсмертную комедію Грибоѣдова, ходившую тогда еще въ рукописяхъ. «Горе отъ ума,—говоритъ онъ,—феноменъ, какого не видали мы отъ временъ Недоросля. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ. Все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Люди, привычные даже забавляться по французской систематикѣ, или оскорбленные зеркальностью сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что авторъ не по правиламъ нравится; — но пусть они говорятъ, что имъ угодно; предразсудки разсѣются, и будущее оцѣнитъ достойно сію комедію, и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ».

Журналистъ двадцатыхъ годовъ[1]).

Въ нынѣшнемъ году, 22-го февраля, исполнилось пятидесятилѣтіе со дня кончины Н. А. Полевого, а 22-го іюня предстоитъ столѣтіе его рожденія, и поэтому мы полагаемъ необходимымъ представить читателямъ «Историческаго Вѣстника» общую характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля нашей литературы и журналистики, и тѣмъ почтить его память.

Полевой происходилъ изъ стариннаго рода курскихъ посадскихъ людей, изъ такой семьи, которая по своему характеру рѣзко выдѣлялась изъ общаго уровня нашего купечества. Если и теперь этому сословію вполнѣ справедливо можетъ быть брошенъ упрекъ въ косности, недостаткѣ предпріимчивости, стремленіи идти по разъ проторенному пути безъ всякаго уклоненія, то въ прежнее время подобный упрекъ былъ еще болѣе основателенъ, такъ какъ посадскіе люди слишкомъ часто не вѣдали ничего за предѣлами своего посада, своей округи. Но не таковъ былъ родъ Полевыхъ; въ немъ самая смѣлая предпріимчивость являлась отличительной чертой съ давнихъ временъ. Изъ братьевъ дѣда нашего писателя одинъ погибъ въ Персіи во время возмущенія Тахмасъ-Кули-хана, другой, Иванъ, пропалъ въ Америкѣ, увлеченный смѣлыми торговыми предпріятіями; старшій дядя Николая Алексѣевича поѣхалъ въ Камчатку, но тоже не воротился, и, наконецъ, его отецъ, Алексѣй Евсевьевичъ, въ молодыхъ лѣтахъ бросилъ Курскъ, уѣхалъ въ Сибирь и провелъ тамъ почти всю остальную свою жизнь, исполненную самыхъ разнообразныхъ трудовъ, предпріятій и лишеній. Въ характерѣ Алексѣя Полевого была какая-то двойственность,

---

[1]) Напечатано въ «Истор. Вѣстн.» 1896 г., № 3; здѣсь печатается съ нѣкоторыми дополненіями. Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили прежде всего сочиненія Николая Алексѣевича Полевого, затѣмъ записки его брата, Ксенофонта, статьи Бѣлинскаго, Чернышевскаго, А. Н. Пыпина, М. И. Сухомлинова и др., а также нѣкоторыя письма Н. А., за сообщеніе которыхъ считаю долгомъ принести благодарность П. Н. Полевому (теперь уже покойному).

роявлявшаяся и въ его промышленныхъ предпріятіяхъ, въ ко-орыхъ рутинность чередовалась часто съ крайней смѣлостью, въ его отношеніяхъ семейныхъ, особенно въ отношеніяхъ къ нятіямъ сына. То онъ поощрялъ мальчика учиться, то вдругъ бъявлялъ его стремленіе къ знанію вздоромъ и требовалъ, гобы онъ сдѣлался «дѣловымъ человѣкомъ»: въ эти минуты ниги и тетради Николая подвергались уничтоженію, разрывались сжигались.

Николай Алексѣевичъ унаслѣдовалъ отъ отца его сильный арактеръ, его стойкость и смѣлость въ борьбѣ со всякаго рода репятствіями и, оставаясь дѣловымъ человѣкомъ, какъ этого ребовалъ отецъ, главнымъ образомъ направилъ свою энергію а ту сферу, которая представлялась иногда отцу вздоромъ. нъ жадно читалъ все, что ему ни попадалось подъ руку, и езультатъ, по его словамъ, получился слѣдующій: «если на-обно выразить умственное образованіе мое до 1811 года, то но было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, омнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей Вѣстника Европы» до хронологическихъ чиселъ и библіи, изъ оторой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы, но это былъ акой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ ыслить».

Но эта безсистемность, хаотичность чтенія окончилась въ 814 году: съ этого времени Полевой усердно принимается за усскую грамматику и начинаетъ учиться французскому и нѣ-ецкому языкамъ, прямо съ азбуки. Но, усвоивъ элементы зна-ія, надо было выработать себѣ и нѣкоторое правильное міро-зерцаніе, и единственной мечтой юноши становится ученье. Вскорѣ увидѣлъ я всю недостаточность, всю нелѣпость обра-ованія своего до того времени. Мнѣ надобно было пересозда-ать всѣ мои идеи, весь запасъ читаннаго мною съ самаго дѣт-ства. Изученіе языковъ повело меня въ новый міръ чтенія. На-тойчивое размышленіе показало мнѣ недостатокъ системъ и браза обыкновеннаго ученія. Я рѣшился самъ для себя написать усскую грамматику и русскую исторію. Грамматика академіи и Исторія Государства Россійскаго» не удовлетворяли меня, когда сравнивалъ первую съ ясною, точною грамматикою латинскою, вторую съ Тацитомъ по слогу, съ лѣтописями по изложенію актовъ. Изученіе латинскаго и греческаго языка, переводы съ ѣмецкаго, французскаго, переработка русской граматики, кри-

тическій разборъ русской исторіи—вотъ что составляло теп
мои занятія. Я отказался отъ легкаго чтенія и не писалъ у
ни стиховъ, ни прозы. Нарочно налагалъ я на себя тяжкія
боты: выучивалъ по триста вокабулъ въ вечеръ; выписалъ
глаголы изъ Геймова словаря, переспрягалъ каждый отдѣльно
составилъ новыя таблицы русскихъ спряженій. Силы мои ка
лись мнѣ неистощимы; все было такъ легко, такъ подручно
впереди все такъ свѣтилось и блестѣло!»,..

Этотъ автобіографическій отрывокъ замѣчательно ярко
суетъ намъ Полевого; изъ этого признанія мы видимъ, что у
въ юности Полевой отличался тѣми свойствами, которыя все
составляли характерную особенность его литературнаго обли
т. е. настойчивымъ стремленіемъ къ возможной широтѣ, эн
клопедичности знанія и критическимъ отношеніемъ къ усваив
мому матеріалу, наклонностью провѣрить этотъ матеріалъ, пр
явить свою индивидуальную самостоятельность. Но еще многа
не хватало молодому человѣку. Въ 1817 году было напечата
въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первое литературное произведеніе П
левого, описаніе проѣзда и пребыванія императора Александра
въ Курскѣ; увидѣть въ печати свой первый опытъ было, к
нечно, большимъ торжествомъ для начинающаго автора, но
то же время онъ видѣлъ, что статья его «вся переправлен
перечеркена издателемъ», и что поправки были справедливы.
падать духомъ не приходилось, а напротивъ, для Полевого
этомъ былъ новый толчекъ къ дальнѣйшему самосовершенств
ванію. До 1820 года литературныя занятія по необходимос
занимаютъ второе мѣсто въ жизни Полевого, на первомъ пла
стоятъ дѣла купеческія, въ этомъ же году онъ оставляе
Курскъ, а черезъ два года, со смертью отца, онъ цѣликомъ о
дается литературѣ.

Помимо помощи отцу, такое воздержаніе отъ литературн
дѣятельности объясняется и недостаточной къ ней подготовле
ностью Полевого, который самъ это сознавалъ. Для уяснен
степени образованія Полевого въ это время можетъ служи
цѣннымъ матеріаломъ слѣдующее, приводимое нами безъ вс
кихъ измѣненій, письмо Полевого къ одному изъ его знакомых
нѣкоему Брянцену, написанное въ 1820 году:

«Любезный другъ
«Николай Андреевичъ!

«Ахъ!.. вотъ что вырвалось и полетѣло къ другу, когда я дрожащею рукою развернулъ милое твое посланіе. О ты, другъ, кого и вѣтеръ въ поляхъ не обгонялъ!. ахъ! Можно-ль сердцу запретить, чтобы друзей намъ не любить. И твое меланхолическое чувство ударилось въ мое сердце, потрясло воображеніе, разогрѣло чувство, потревожило память, прошло во всѣ нервы; онѣ воспрянули—предъ очами души моей мелькнулъ, какъ призракъ полуночи—кто?... тѣнь друга, а что такое другъ... о ты, не знающій дружбы, удались и не спрашивай: другъ есть другъ, то-есть другъ, о души холодныя! какъ счастливъ другъ— и я курю табакъ и пускаю къ тебѣ облака, туда, гдѣ ты, тамъ, за синимъ океаномъ, въ дали, въ мерцаніи багряномъ—но я не имѣю дара описывать сладостное сліяніе радостей дружбы — о дружба, даръ, небесная, святая, отрада сердцу золотая, молодая, святая, а злоба да будетъ проклятая, а недружба въ адъ загнатая и мы другъ друга лобызая, на дружбу уповая — вотъ радость какая—ахъ! твой геній и меня побудилъ испытать, не могу ли издать, нѣсколько звуковъ на лирѣ арфеевой, но не могу. Не забывай меня—о другъ мой, для чего на лирѣ своей дремишь, а самъ не паришь—ахъ! Прошу тебя, начни писать трагедію, здѣсь онѣ въ великомъ употребленіи. Писать можно не въ стихахъ, тутъ также цѣнятся и хорошіе стихи, я же недавно читалъ трагедію Радимъ и Дагода, чудесное произведеніе творческова генія; или пиши комедію. У насъ есть превосходныя, напримѣръ, комедія Сумбуръ, нельзя безъ слезъ читать, какъ человѣкъ умираетъ на сценѣ отъ чрезмернаго хохотанья. Примись писать трагедію и знаешь ли, гдѣ предметъ? повѣсть Марьина роща и Рогдай—вотъ ты загремишь, театръ загремитъ, народъ загремитъ—и ты безсмертенъ... О, другъ! охъ! дай, дай, дай мнѣ увидѣть тебя въ вѣнкѣ, котораго не заслужишь мѣрными стихами. Хоть посиди подольше, да за то высиди. Воображай меня въ дымѣ табачнаго облака толпой, прахъ оставя трубовой трубочку схватя рукой.

«И слуга, и другъ я твой,
Н. П.

«Буду ждать отвѣта отъ тебя, принялъ ли ты мой совѣтъ

Письмо это переполнено всевозможными грамматическим ошибками, и въ знакахъ препинанія, и противъ этимологіи, н помимо этихъ ошибокъ, изъ самаго склада письма бросается в глаза, что его авторъ—человѣкъ далеко не культурный, нахвата шійся разныхъ мудреныхъ словъ изъ читанныхъ имъ книжек старающійся подражать этимъ книжкамъ, но совсѣмъ не умѣ щій этого сдѣлать: этотъ человѣкъ еще не выработался, нах дится, такъ сказать, въ рудиментарномъ состояніи, а такъ как онъ намѣренъ быть литераторомъ, то ему еще очень мно надо потрудиться надъ своимъ образованіемъ. Послѣ этого нас невольно поражаетъ та быстрая перемѣна, которая произошл въ этомъ рудиментѣ: черезъ два года Полевой получаетъ от Академіи наукъ большую серебряную медаль за грамматическ изслѣдованіе, за свои таблицы русскихъ спряженій, а еще чере три года онъ дѣлается редакторомъ журнала, въ которо принимаютъ участіе наши лучшія литературныя силы. Дл такой метаморфозы, конечно, нужны были далеко не дюжи ныя природныя дарованія и далеко не заурядная работа над собой.

Кто-то, перефразируя древнее изреченіе объ ораторахъ поэтахъ, сказалъ, что журналистомъ надо родиться, а сдѣлать журналистомъ нельзя,—и трудно не согласиться съ этимъ замѣ чаніемъ. Постоянная журнальная работа требуетъ совсѣмъ особен наго темперамента, требуетъ необыкновенной чуткости и отзы чивости на все вокругъ совершающееся; ученость, знанія, необхо димыя журналисту, пріобрѣтаются трудомъ, временемъ, но ни какая ученость, никакой трудъ не могутъ выработать того умѣнь воспринимать жизненныя впечатлѣнія, перерабатывать ихъ в своемъ сознаніи и передавать воспринятое другимъ людямъ, сло вомъ, того особаго темперамента, который нуженъ настоящем журналисту (не случайному журнальному сотруднику). Журна листъ — человѣкъ неугомонный, безпокойный, интересующійс всѣмъ, на что человѣкъ кабинетный очень часто не обратит вниманія. Такимъ-то неугомоннымъ человѣкомъ, такимъ журна листомъ отъ природы былъ Полевой. Изданіе журнала давно уж было его завѣтной мечтой: еще десятилѣтнимъ ребенкомъ он задумывалъ издавать газету «Азіатскія Вѣдомости», въ род «Московскихъ Вѣдомостей» и журналъ: «Другъ Россіи» въ род «Московскаго Меркурія», отъ котораго приходилъ въ восторгъ

ъ двадцатыхъ годахъ Полевой не разъ въ московскихъ обра-
ованныхъ кружкахъ поднималъ вопросъ объ изданіи журнала,
о дѣло все какъ-то не устраивалось, пока онъ не рѣшился
ачать его одинъ, на свой страхъ.

Въ 1824 году Полевой представилъ министру народнаго про-
вѣщенія А. С. Шишкову программу изданія со слѣдующаго года
жемѣсячнаго журнала: «Московскій Телеграфъ». Необходимость
оваго изданія мотивировалась такимъ образомъ: «Въ настоя-
емъ состояніи наукъ и словесности въ Россіи, повременное
очиненіе, производя быстрое сообщеніе ученыхъ занятій,
оставляя писателямъ удобный способъ сообщать свои сочиненія
убликѣ и слышать мнѣнія просвѣщенныхъ особъ, предвари-
ельно прежде изданія оныхъ вполнѣ, въ то же время сообщая
овѣйшія сочиненія, изысканія и открытія иностранныхъ ученыхъ
ужей, представляя публикѣ чтеніе пріятное по самому разно-
бразію онаго, у насъ принесетъ пользы, конечно, болѣе, не-
ели въ каждомъ другомъ государствѣ». Въ предполагаемомъ
зданіи исключалась политика, а также и то, что служитъ пред-
етомъ «легкаго, поверхностнаго» чтенія, и содержаніе журнала
езюмировалось въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: «1) сообщеніе
течественной публикѣ статей, касающихся до нашей исторіи,
еографіи, статистики, словесности, которыя бы иностранцамъ
оказывали благословенное отечество наше въ истинномъ его
идѣ, и 2) сообщеніе также всего, что любопытнаго найдется
ъ лучшихъ иностранныхъ журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ,
ли что неизвѣстно еще на нашемъ языкѣ, касательно наукъ,
скусствъ, художествъ вообще и словесности древнихъ и новыхъ
ародовъ». Программа эта отличается крайней энциклопедич-
остью, и противники нападали на эту сторону изданія, говоря,
то въ журналъ входитъ все, «начиная отъ безконечно-малыхъ
ъ математикѣ, до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ и банти-
овъ на новомодныхъ башмачкахъ»; но энциклопедизмъ, который,
акъ мы сказали, составлялъ одно изъ отличительныхъ свойствъ
амого издателя, нисколько не вредилъ успѣху журнала, такъ
акъ подобная разносторонность нужна была публикѣ [1]), и,
ромѣ того, этотъ недостатокъ (если его считать недостаткомъ)

[1]) На эту потребность публики указывалъ и самъ Полевой въ первомъ
омерѣ своего журнала. «Для изображенія совершеннаго журнала, — говорилъ
нъ, — вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный
олитическій. Такой журналъ едва ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы»,

искупался тѣмъ общимъ направленіемъ, которое очень хорош умѣлъ проводить въ своемъ изданіи Полевой. Поэтому-то «Мо сковскій Телеграфъ» оказался совсѣмъ не похожимъ на друг современные ему журналы, которые можно было скорѣе назват сборниками, альманахами, такъ какъ именно та гармоничност въ подборѣ статей, которая необходима журналу и котора была въ «Московскомъ Телеграфѣ», въ нихъ совершенно отсут ствовала.

Объединеніе, гармонія вносились въ «Московскій Телеграфъ» съ одной стороны, тѣми философскими воззрѣніями, которы Полевой старался проводить въ общественное сознаніе, а с другой — литературной критикой, впервые получившей тако видное положеніе въ русскомъ журналѣ. Благодаря своим московскимъ друзьямъ, И. В. Кирѣевскому, Андросову, Веневи тинову, Полевой познакомился съ философіей Шеллинга и одн время сильно ею увлекался, но эта система не совсѣмъ была ем ясна, и гораздо доступнѣе для него и болѣе по его вкусу ока зался философскій эклектизмъ Кузена, пользовавшійся въ т время большимъ успѣхомъ, а потому Полевой въ своемъ жур налѣ и старался передавать ученіе этого мыслителя. Бѣлинскій въ увлеченіи Кузеномъ видитъ слабую сторону дѣятельност Полевого, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для массы об щества Кузенъ былъ гораздо понятнѣе, чѣмъ германскіе фило софы, и Полевой, знакомя общество съ его эклетической систе мой, несомнѣнно былъ полезенъ, такъ какъ подготовлялъ свою публику къ усвоенію болѣе глубокихъ и сложныхъ нѣмецких системъ.

Какъ ни важно было распространеніе въ обществѣ философ скихъ взглядовъ, гораздо болѣе значенія для воспитанія об щества имѣла критика Полевого, главной цѣлью которой было внесеніе къ намъ новыхъ эстетическихъ понятій, выработан ныхъ на Западѣ, защита такъ называемаго романтизма противт отжившаго уже свой вѣкъ классицизма. Полевой въ своихъ статьяхъ старался выяснить и общія теоретическія основанія новаго литературнаго направленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣ нялъ эти общіе принципы къ изученію явленій русской литера туры, давая въ своихъ критическихъ очеркахъ рядъ мѣткихъ характеристикъ нашихъ выдающихся писателей XVIII и начала XIX вв., такихъ характеристикъ, которыя оказали замѣтное вліяніе на сужденія послѣдующей нашей критики, особенно Бѣлинскаго.

Много приходилось выяснить чисто теоретическихъ понятій, олевой долженъ былъ толковать читателямъ, въ чемъ существо ваго литературнаго направленія, что такое идеализмъ, какое аченіе идеалъ имѣетъ въ поэзіи. Это дѣлаетъ онъ, напримѣръ, статьѣ о Жуковскомъ (написанной, правда, позже), изъ ко-рой приведемъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Чувство, оду-вляющее Жуковскаго, было то неопредѣленное и неглубокое зство, которое одушевляетъ юношу-мечтателя. Онъ безотчетенъ своихъ идеяхъ; онъ страстный любовникъ, возводящій къ алу созданіе несовершенное, но не человѣкъ, открывающій самомъ несовершенномъ созданіи божественный идеалъ, ко-рый можетъ видѣть только взоръ всеобъемлющей, высокой бви, и открывать только пламенникъ сердца, на которомъ раютъ всѣ отношенія земныя и страстныя. Многіе ли, напри-ръ, поймутъ высокую прелесть Арабской поэмы о любви жнуна: онъ отказывается отъ руки Леилы, когда любовь къ между тѣмъ лишила его ума: вотъ степень высокаго чувства, ящаго выше земной безнадежности и тоски; это переселеніе и въ чувство сердца, которому все равно, обладаетъ ли онъ нымъ образомъ своего идеала, или судьба навѣкъ разорвала дце его, бросивъ ему половину, чтобы дожить съ нею на лѣ, а другую перенести за предѣлы гроба, къ трону Вѣчной бви, предъ которымъ нѣтъ отношеній, нѣтъ степени — одна ная любовь, и ничего внѣ ея—нѣтъ даже раздѣльнаго суще-ванія мысли отъ мыслящаго, и отъ того, о чемъ онъ мы-гъ! На землѣ только высочайшій фанатизмъ и высокое сума-ствіе могутъ выразить, и то одну темную сторону такого ала неземныхъ чувствъ. Для свѣтлой стороны его — недоста-ь лучей земного солнца. Каждый самый великій поэтъ пони-гъ только часть сего чувства, составляетъ только букву, ь сказать — и только одинъ Шекспиръ читалъ склады сей ственной азбуки неба. Но и малая часть подобнаго стремленія, двѣтшая въ душѣ Жуковскаго, достаточно была для того, бы сердца современниковъ сильно отозвались на нее. Въ серд-ь человѣческихъ разсыпаны искры неба, и при электрическомъ рясеніи одного, сіи искры раскаляются, отражая собою изобра-іе того огня, отъ котораго упали онѣ въ сердца человѣческія». Подобный идеализмъ, по самому существу своему, долженъ ь оригинальнымъ, и естественно, что Полевой выступаетъ итникомъ самобытности въ литературѣ и вообще въ просвѣ-

щеніи. Съ этой точки зрѣнія онъ осуждаетъ какъ классицизм
такъ и подражательныя формы «русскаго романтизма», что в
сказано имъ въ рецензіи на знаменитую диссертацію Надежди
«*Русскій классикъ*, говоритъ Полевой, долженъ, во-первых
украсть что-нибудь у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, пер
врать это, и потомъ утверждать что-нибудь самое нелѣпое, с
мое пошлое, передъ чѣмъ Лагарповы, Баттевы, Бауръ-Лорм
новы сужденія казались бы солнцемъ свѣтозарнымъ; *во-вторых*
онъ долженъ *цитоваться*, и особливо латинью (если же можн
по-гречески, то еще выше), и засыпать свои доказательст
фразами, нахватанными изъ Горація, Лукана, Буало, и Блера
проч. *Третье* — и самое важнѣйшее — онъ долженъ гром
вопіять о развратѣ, о погибели вкуса; долженъ искусно соединя
съ этимъ мысль, что романтизмъ есть то же, что атеизмъ, ше
лингизмъ, либерализмъ, терроризмъ, чадо безвѣрія и революці
долженъ сильно вопить о славѣ Державина, Ломоносова, Хер
скова, Поповскаго, Кострова, Петрова, Майкова. Къ этому на
съ горестію прибавлять, что нынѣ пишутъ разбойническія поэм
а не гремятъ торжественными одами. Тутъ должно исчисли
наши побѣды, въ которыхъ, разумѣется, классикъ столько
участвовалъ душою и тѣломъ, сколько онъ понимаетъ, что г
воритъ. Въ заключеніе — *четвертое*, надобно, какъ можно н
дутѣе, заговорить о славѣ Россіи вообще, о возвышеніи нашем
надъ всѣми народами, о величіи предковъ, о просвѣщеніи Росс
при Ярославлѣ и Мономахѣ, о Баянѣ, о Петрѣ Могилѣ,
Буслаевѣ, Словѣ о полку Игоревомъ, Сильвестрѣ Куляб
«*яко доводахъ нашея славы*». наконецъ—чѣмъ заключить:

Извѣстно: *многи лѣта!*

«Вотъ планъ *Русской классической диссертаціи*. Да не п
думаютъ читатели, что мы станемъ послѣ того защищать ру
скія романтическія сужденія. Нѣтъ! они часто бываютъ смѣш
и нелѣпы, не менѣе классическихъ (мы говоримъ *вообще*,
должны прибавить, что *нѣтъ* правила безъ исключеній). Наш
романтики большею частью показываютъ то же дѣтство образ
ванія, какое видимъ въ нашихъ классикахъ, *дѣтство*, повторя
ибо все, что мы замѣчаемъ смѣшного въ тѣхъ и других
совсѣмъ не доказываетъ, чтобы наши классики и романти
были злые люди и глупцы: нѣтъ, это недоученныя дѣти, так
какъ и наше русское (литературное) образованіе еще не вышл
изъ пеленокъ, и едва ходитъ на помочахъ нѣмецкихъ, францу

кихъ, англійскихъ, схоластическихъ, всякихъ—только не само-
ытныхъ русскихъ».

Когда Полевой выступилъ со своими критическими статьями
нъ оказался въ такомъ же положеніи, въ какомъ впослѣдствіи
ылъ Бѣлинскій, дебютируя со своими знаменитыми «Литератур-
ыми мечтаніями». Какъ впослѣдствіи Бѣлинскому пришлось
аявить, что у насъ нѣтъ литературы, такъ и теперь Полевой
олженъ былъ приступить къ ниспроверженію цѣлаго ряда ку-
ировъ, созданныхъ тогдашними литературными кружками или
ользовавшихся почетомъ въ силу устарѣлыхъ преданій. Бороться
ъ установленными авторитетами дѣло трудное: какъ смѣть
вое сужденіе имѣть? Полевой пошелъ въ разрѣзъ съ этимъ
олчалинскимъ принципомъ, онъ предпочелъ ему знаменитое
зреченіе amicus Plato, sed magis amica veritas, онъ осмѣлился
мѣть и высказать свое сужденіе и этимъ создалъ себѣ массу
итературныхъ враговъ, изъ которыхъ иные, какъ Бестужевъ,
равнительно мягко упрекли его за «самоувѣренность въ сужде-
яхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охоту учить и частое
ристрастіе», а другіе не могли ему простить его продерзостей
послѣ его смерти: такъ, князь Вяземскій, указывая на разру-
еніе Полевымъ авторитетовъ, называетъ его родоначальникомъ
итературныхъ кондоттіери».

Полевому, выставляя требованія «самобытности» творчества
оружаясь противъ разныхъ авторитетныхъ судей, нужно было
правдываться, доказывать свое право относиться критически
ъ произведеніямъ литературныхъ генераловъ. Такъ, приступая
ъ разбору «Исторіи Государства Россійскаго», онъ предпосылаетъ
кое объясненіе: «Не думаемъ, чтобы благомыслящіе люди
ставили въ вину рецензенту его неизвѣстность и огромность
авы творенія, имъ разсматриваемаго. Мѣстничество въ литера-
рѣ пора намъ изгнать, какъ изгнанъ сей гибельный предраз-
докъ изъ гражданскаго нашего быта. Безпристрастіе, почтеніе
ъ человѣку, его достойному, таковы обязанности, исполненія
торыхъ должна требовать публика отъ критика, не только
ореній Карамзина, но и всякаго явленія литературнаго. Чѣмъ
лѣе голосовъ, болѣе мнѣній, тѣмъ лучше. Мы должны истре-
ять несчастную полемику, безславящую хорошаго литератора,
лжны предоставлять ее тѣмъ людямъ, которые хотятъ сдѣлаться
вѣстными, хотя бы безславіемъ, но критика справедливая,
ромная, судящая о книгѣ, не объ авторѣ, далека отъ того,

что многіе у насъ почитаютъ критикой, такъ далека, какъ не отъ земли. Критика есть дыханіе литературы, и всякое покушен достигнуть критики дѣльной должно, по крайней мѣрѣ, бы извинено людьми безпристрастными».

Существенной стороной критическихъ статей Полевого я ляется замѣна прежнихъ схоластическихъ пріемовъ исключ тельно стилистическаго разбора, унаслѣдованныхъ еще от XVIII вѣка, анализомъ содержанія разсматриваемыхъ произвед ній съ точки зрѣнія народности, непосредственности, искренн сти и цѣльности вдохновенія, и въ этой-то точкѣ зрѣнія и з ключалось главное теоретическое основаніе романтизма. Э принципы проводятся Полевымъ въ цѣломъ рядѣ статей, посв щенныхъ разбору сочиненій Жуковскаго, Пушкина, Державин Ломоносова, Кантемира, Хемницера. Такъ какъ, по романтич ской теоріи, поэтъ высказывается въ своихъ произведеніях весь, всѣмъ своимъ существомъ, а не одной какой-либо стор ной своего духа, то Полевой, перебирая нашихъ крупныхъ мелкихъ поэтовъ и находя, что большинство изъ нихъ выр жается въ своихъ произведеніяхъ односторонне, признавал истинными поэтами только Державина и Пушкина.

Не останавливаясь детально на характеристикахъ наших поэтовъ, которыя дѣлаются Полевымъ, мы приведемъ изъ е статьи о Державинѣ сжатый очеркъ всей нашей литературы, в которомъ онъ даетъ самыя общія, но вполнѣ опредѣленны оцѣнки творчества наиболѣе выдающихся нашихъ писателей.

«Державинъ былъ поэтъ; характеръ его былъ поэтическій в самомъ обширномъ смыслѣ, поэтическій преимущественно. Кром Пушкина, у насъ не было другого столь исключительно поэти ческаго характера, со времени преобразованія Россіи ни прежд ни послѣ Державина. Въ душахъ всѣхъ поэтовъ русскихъ по эзія только отсвѣчивалась, не свѣтила самобытно, не наполнял собою, не сжигала, такъ сказать, всего бытія ихъ. Оттого на правленія ихъ были либо слишкомъ частны, односторонни, либ слишкомъ развлечены и разнообразны. Сила души, устремлен ная на многое вдругъ, не соединенная въ одну точку, разлива лась на все окружавшее ихъ и чрезъ то развлекала, разрушал собственно-поэтическое стремленіе. Такъ, Ломоносовъ былъ поэт въ жизни, невѣроятной и романической, но собственно поэзі была только слабою стихіею обширнаго міра его души. Он былъ столь же ученый человѣкъ, сколько стихотворецъ.

Крылова, Дмитріева, Фонъ-Визина, поэзія была вдохновеніемъ ума, а не непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ. У Жуковскаго она навѣяна унынiемъ души и удивительною пріемчивостью чужихъ впечатлѣній. Грусть души Жуковскаго и происшедшее отъ того стремленіе за предѣлы міра, къ чему-то неразгаданному, тайному, отзываются въ самыхъ торжественныхъ его пѣснопѣніяхъ. Батюшковъ вдохновлялся противоположностью своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были какъ будто желаніе забыть на время въ наслажденіяхъ поэзіи неисполнимыя мечты жизни. Негодованіе сдѣлалось музою Грибоѣдова, иногда только вспыхивавшею божественнымъ огнемъ поэтическаго восторга. Кантемиръ и Хемницеръ, одинъ, какъ вельможа, смѣло, шутя, другой робко и осторожно подсмѣиваясь надъ людьми, не были истинными поэтами. Такъ являются намъ всѣ другіе русскіе стихотворцы, съ тѣхъ поръ, какъ поэзія разроднилась въ Россіи съ бытомъ общественнымъ, перестала быть необходимымъ народнымъ пѣніемъ, свободно, невольно выливавшимся изъ души при звукахъ простой музыки. Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжниныхъ, которые не писали бы, если бы не читали написаннаго прежде ихъ другими. Но разсмотрите всѣхъ остальныхъ, старыхъ и новыхъ поэтовъ нашихъ—Козлова, Баратынскаго, Языкова, Богдановича, Озерова, кн. Долгорукова, и вы убѣдитесь въ частномъ одностороннемъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи. Не таковы Державинъ и Пушкинъ, у которыхъ поэзія необходимость жизни, вся душа, все бытіе ихъ».

Мы можемъ не соглашаться съ приведенными характеристиками, находить ихъ односторонними, устарѣлыми, можемъ отвергать и самый критеріумъ Полевого, но мы не можемъ отрицать исторической цѣнности этихъ очерковъ для развитія нашей критической мысли, не можемъ не видѣть въ нихъ значительнаго шага впередъ отъ господства эстетическихъ воззрѣній Батте, Эшенбурга и Лагарпа, считавшихся непререкаемой истиной въ нашей литературѣ начала нынѣшняго столѣтія и ограничивавшихъ критику исключительно внѣшней стороной литературныхъ произведеній; мы не можемъ также отвергать важности заявленія Полевого о необходимости связи литературы съ общественнымъ бытомъ», такъ какъ именно установленіе такой связи и составляетъ всю задачу нашего литературнаго раз-

витія, начиная съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Полевой поэтому съ полнымъ правомъ можетъ занять почетное мѣсто въ ряду родоначальниковъ нашей послѣдующей критики, положившей въ основаніе оцѣнки литературныхъ произведеній извѣстные философскіе и общественные принципы. Послѣ Полевого принципы мѣнялись, его точка зрѣнія, истекавшая изъ философіи Кузена и теорій романтиковъ, была оставлена, оказалась непригодной для оцѣнки новыхъ литературныхъ явленій, но самое важное, что уже не было никакой возможности возвратиться къ тѣмъ теоріямъ и къ тѣмъ пріемамъ, которымъ онъ нанесъ окончательный ударъ своей критикой. Поэтому-то, издавая собраніе своихъ критическихъ статей, Полевой могъ по справедливости сказать о себѣ: «Никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны,—скажутъ мнѣ— и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и въ самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже преходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую...»

Критическія статьи Полевого, общее направленіе «Московскаго Телеграфа», интересъ и новизна сообщавшихся имъ свѣдѣній создали журналу небывалый до того въ нашей литературѣ успѣхъ, такъ что число его подписчиковъ довольно скоро достигло 2,000, но этотъ успѣхъ породилъ зависть въ другихъ журналистахъ, зависть, поддержанную раздраженіемъ, которое вызывали критическіе взгляды Полевого. Литературные олимпійцы были задѣты за живое смѣлымъ указаніемъ ихъ промаховъ, и кто же былъ дерзкій разрушитель ихъ авторитетовъ? Какой-то выскочка, купецъ, содержатель водочнаго завода, самоучка, не имѣющій никакого диплома. Упрекъ Полевому въ томъ, что онъ неучъ, самоучка, въ тѣ времена положительно не имѣлъ почти никакого смысла, такъ какъ самоучками, при крайне низкомъ уровнѣ нашихъ и высшихъ, и среднихъ школъ, не дававшихъ своимъ питомцамъ никакого серьезнаго образованія, были въ сущности всѣ наши тогдашніе писатели: всѣмъ имъ приходилось самостоятельнымъ трудомъ вполнѣ перерабатывать, передѣлывать то, что давала имъ школа. Слѣдовательно, за устране-

ніемъ этого упрека Полевому, оставался противъ него другой аргументъ, въ ту эпоху дѣйствительно очень важный,—его сословное происхожденіе. Въ мірѣ писателей бывали и въ тѣ времена «выскочки», parvenus, но они должны были отличаться умѣренностью и аккуратностью, должны были почтительно относиться къ литераторамъ изъ аристократической среды. Полевой, напротивъ, оказался черезчуръ самостоятельнымъ, и противъ него начинается ожесточенная война, причемъ дозволенными признаются всякія средства, и литературныя, и не литературныя. Въ журналахъ появляется цѣлый рядъ обличительныхъ статей противъ «Московскаго Телеграфа», печатается и ходитъ въ рукописяхъ множество эпиграммъ на Полевого и его брата, въ театральныхъ пьесахъ вставляются куплеты въ родѣ вызвавшихъ энергичный протестъ въ Московскомъ театрѣ стиховъ Писарева:

«Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить;
Самъ не кончивши ученья,
Всѣхъ сбирается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ.
Не пора-ль ему шепнуть:
«Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ нибудь».

Но самымъ дѣйствительнымъ способомъ дѣйствія противъ Полевого оказался путь совсѣмъ не литературный. Графъ Бенкендорфъ съ 19-го по 23-е августа 1827 года получилъ одинъ за другимъ три доноса, въ которыхъ Полевой выставлялся опаснымъ якобинцемъ, причемъ указывалось и на происхожденіе изъ средняго сословія, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами». Любопытно, что вмѣстѣ съ Полевымъ въ этихъ доносахъ опасными якобинцами выставляются князь Вяземскій, И. В. Кирѣевскій и другіе вполнѣ консервативные московскіе литераторы. Мы не будемъ разсказывать обо всѣхъ потаенныхъ дѣйствіяхъ враговъ Полевого, о всѣхъ его столкновеніяхъ съ цензурными требованіями: все это очень хорошо выяснено въ статьяхъ М. И. Сухомлинова. Обратимся къ развязкѣ исторіи «Телеграфа». Сильнѣйшій врагъ Полевого, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, добился послѣ долгихъ стараній прекращенія «Московскаго Телеграфа»; въ то же время Полевой подвергся негласному запрещенію не только

что либо издавать отъ своего имени, но даже и выставлять сво имя подъ новыми своими статьями и сочиненіями, и это запре щеніе тяготѣло надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ [1]. Только уже по переѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ, в 1837 году послѣ многихъ хлопотъ, это запрещеніе было снят съ бывшаго издателя «Московскаго Телеграфа». Для характери стики враждебнаго отношенія тогдашнихъ литературныхъ круж ковъ къ Полевому, не лишнимъ будетъ привести изъ дневник Пушкина, когда-то признававшаго «Московскій Телеграфъ» луч шимъ нашимъ журналомъ, слѣдующую замѣтку: «Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденны нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное на правленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бру новымъ, по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: «Я радъ что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запре тили». «Телеграфъ» достоинъ былъ своей участи. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ но сомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска». Эта замѣтка чрезвычайно характерна не только для Пушкина ставившаго себѣ въ заслугу, что онъ въ «жестокій вѣкъ воз славилъ свободу», и забывшаго въ раздраженіи, насколько про тиворѣчатъ такія слова понятію о свободѣ,—но и для всѣхъ упомянутыхъ въ ней лицъ, принадлежавшихъ къ знаменитому «Арзамасу»...

Изданіе «Московскаго Телеграфа» было блестящей порой ли тературной дѣятельности Полевого, кругъ которой въ это время не ограничивается однимъ журналомъ, такъ какъ Полевой из даетъ нѣсколько повѣстей и романовъ въ духѣ Гофмана или Вальтеръ-Скотта, произведеній, въ свое время увлекавшихъ чи тателей, но теперь уже утратившихъ интересъ... Но важнѣе этихъ беллетристическихъ опытовъ была его «Исторія русскаго на рода», имѣвшая цѣлью внести поправку въ ту картину русской старины, которая была создана Карамзинымъ. Полевой говорилъ, что Карамзинъ историкъ «прошлаго вѣка», человѣкъ, которому осталось совсѣмъ чуждымъ европейское движеніе новѣйшей исто рической науки, стремящейся къ философскому объединенію со бытій съ всемірно-исторической точки зрѣнія, что Карамзинъ,

[1]) Это обстоятельство сообщено намъ П. Н. Полевымъ.

какъ онъ самъ признается, есть только повѣствователь, и при томъ такой, который считаетъ нужнымъ «раскрашивать» событія. Въ исторіи Карамзина Полевой видѣлъ своего рода историческій классицизмъ, и въ видѣ полемики противъ этого классицизма явилась «Исторія русскаго народа». «Карамзинизмъ» представлялся Полевому чѣмъ-то ложнымъ, одностороннимъ по самой своей сущности, и, разбирая Пушкинскаго «Бориса Годунова», Полевой указывалъ (хотя не совсѣмъ справедливо, какъ это выяснило позднѣйшее изслѣдованіе И. Н. Жданова), что главный недостатокъ этой великой трагедіи заключается именно въ «карамзинизмѣ». Задавшись цѣлью примѣнить къ русской исторіи тѣ пріемы научной разработки, которые указаны были на западѣ въ трудахъ Нибура, Гизо, Тьерри и другихъ новѣйшихъ историковъ, Полевой въ своей «Исторіи русскаго народа» далъ много интересныхъ объясненій нашего прошлаго, но онъ увлекся своей полемикой противъ Карамзина и въ историческомъ сочиненіи, по замѣчанію Бѣлинскаго, остался такимъ же журналистомъ, какимъ былъ во всѣхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что новѣйшая историческая критика въ лицѣ П. Н. Милюкова значительно поднимаетъ оцѣнку научнаго значенія «Исторіи русскаго народа».

Таковъ блестящій періодъ дѣятельности Полевого; съ прекращеніемъ же «Московскаго Телеграфа», съ отнятіемъ у него возможности высказываться, начинается для Полевого періодъ упадка. Тяжелыя матеріальныя обстоятельства вмѣстѣ съ удручающими нравственными испытаніями сломили эту энергичную, крѣпкую натуру: во всѣхъ его литературныхъ предпріятіяхъ послѣ «Московскаго Телеграфа» передъ нами уже не прежній смѣлый борецъ за независимое развитіе русской мысли, какимъ мы его знали въ первую эпоху его дѣятельности; а вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой оказался уже отсталымъ и не понялъ новаго литературнаго движенія, не понялъ Гоголя и его натуральной школы: онъ пережилъ себя. Но, хотя иногда онъ и высказываетъ намѣреніе оставить совсѣмъ литературный трудъ, не быть прежнимъ Донъ-Кихотомъ, какъ онъ называетъ себя въ одномъ изъ писемъ къ брату, все же разстаться съ журналистикой было выше его силъ, и даже въ послѣдній годъ своей жизни онъ принимается за изданіе «Литературной Газеты», работаетъ надъ ней дни и ночи и окончательно подрываетъ свои силы...

Такова была судьба этого человѣка, котораго Бѣлинскій в своемъ обширномъ некрологѣ ставитъ, по его вліянію на разви тіе нашей литературы, рядомъ съ Ломоносовымъ и Карамзи нымъ. Очень поучительна для насъ жизнь Полевого. Она поучи тельна, какъ образецъ необыкновенной энергіи, какъ проявле ніе рѣдкаго въ нашемъ обществѣ смѣлаго индивидуализма и вмѣ стѣ съ тѣмъ какъ одна изъ страничекъ длиннаго мартиролог русской мысли въ то «доброе старое время», когда у такого го рячаго патріота, какимъ былъ И. С. Аксаковъ, вырвалось отчаян ное сознаніе:

Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
. . . . . .
Ликуй же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Въ стихотвореніи «Желаніе», относящемся къ 1831 г. Лермонтовъ говоритъ о своей далекой «отчизнѣ», отъ которой его отдѣляютъ «волны морей». Эта отчизна — Шотландія, откуда происходилъ родъ Лермонтова. Извѣстно, что въ этомъ роду были и «отважные бойцы», упоминаемые въ томъ же стихотвореніи, и полулегендарный бардъ, жившій въ XIII столѣтіи. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича одинъ изъ представителей этого рода появляется въ Россіи. Его потомки нѣкоторое время занимали видныя мѣста, но скоро родъ Лермонтовыхъ теряетъ значеніе, и его члены становятся въ разрядъ захудалаго дворянства.

Къ числу такихъ захудалыхъ людей принадлежалъ и отецъ поэта, Юрій Петровичъ, начавшій службу очень хорошо, судя по тому, что уже 24 лѣтъ былъ капитаномъ, но рано вышедшій въ отставку и поселившійся въ деревнѣ. Вскорѣ онъ женился на богатой помѣщицѣ, Маріи Михайловнѣ Арсеньевой. Характеры супруговъ рѣзко различались: Юрій Петровичъ былъ человѣкъ легкомысленный, кутила, грубый, хотя и не лишенный нѣкоторой доброты; Марія Михайловна отличалась какой то мечтательностью, сентиментальностью. Согласіе въ семьѣ было непродолжительно; Юрій Петровичъ охладѣлъ къ своей женѣ, почти совсѣмъ ее покинулъ. Это не могло не отразиться на ея здоровьѣ, и безъ того не особенно крѣпкомъ; развилась чахотка, и въ 1817 г. Марія Михайловна скончалась.

Отъ этого брака 3 октября 1814 г. родился нашъ великій поэтъ. Ранняя смерть матери была для него первымъ тяжелымъ ударомъ: онъ почти не зналъ матери, хотя неясный образъ этой женщины навсегда сохранился въ его памяти. Впечатлѣніе глубоко таилось въ его душѣ, какъ видно изъ замѣтки, относящейся къ 1830 г.: «когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ; ея я не могу теперь вспомнить, но увѣ-

ренъ, что, если бы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣй
ствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать».

Послѣ смерти Маріи Михайловны, воспитаніемъ поэта заня
лась ея мать, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, совершенно от
странившая отъ него его отца. Началась долголѣтняя распр
между этими лицами, близкими Лермонтову, и, конечно, она н
могла пройти безъ слѣда для самого поэта: въ его душѣ оста
валось тягостное впечатлѣніе отъ этого раздора. Какъ онъ н
любилъ свою бабушку, относившуюся къ нему съ величайшей
заботливостью и нѣжностью, онъ не могъ подавить въ себѣ
любви къ отцу, противъ котораго его хотѣли возстановить.

Но и помимо этого обстановка дѣтства поэта была далеко
не соотвѣтствующею нормальнымъ воспитательнымъ требованіямъ,
какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго «Отрывка изъ не-
оконченной повѣсти», въ которой Лермонтовъ подъ видомъ
Саши Арбенина рисуетъ самого себя: «Зимою горничныя дѣ-
вушки приходили шить и вязать и въ дѣтскую, во первыхъ, по-
тому, что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-
вторыхъ, чтобы потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ
ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ,
разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его
воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и карти-
нами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлю-
билъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ загляды-
вался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-
сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣ-
сяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось,
чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ; но
у старой няньки руки были такія жесткія! Саша былъ преиз-
балованный, пресвоевольный мальчикъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ
прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ
умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой
ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разру-
шенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и
дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими до-
рожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную
муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ
бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его
характеръ, еслибъ не пришла на помощь корь — болѣзнь опас-
ная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый не-

дугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бы онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя послѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но — увы! никто не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ охватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Какъ и Саша Арбенинъ, Лермонтовъ въ дѣтствѣ много болѣлъ, отличался «худосочіемъ», и бабушка должна была долго заботиться о его лѣченіи. Съ этою цѣлью не разъ предпринимались поѣздки на кавказскія минеральныя воды. Очень сильны были впечатлѣнія, произведенныя на поэта кавказской природой, и еще въ юные годы онъ говорилъ, что любитъ Кавказъ, какъ «сладкую пѣсню отчизны», что кавказскія горы «взлелѣяли дѣтство» его, «пріучили его къ небу», и «съ той поры онъ все мечталъ» о нихъ и о небѣ. Во время поѣздки на Кавказъ 1825 г. поэтъ впервые испыталъ чувство любви. Впослѣдствіи онъ такъ разсказывалъ объ этомъ раннемъ своемъ увлеченіи: «Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?.. Мы жили большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я не помню, хороша собою была она, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая, это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія

минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзат
мой умъ. И такъ рано!... Надо мною смѣялись и дразнили, иб
примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ при
чины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣл
или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить о ней
убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ бы
страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснил
другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кт
была она, откуда... И понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить об
этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда он
забыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ
что я брежу; не повѣрятъ ея существованію, а это было бы мнѣ
больно... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринуж
денность... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ
или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, как
въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны...»

Учебныя занятія Лермонтова начались подъ руководствомъ
гувернера Капэ, бывшаго офицера наполеоновской гвардіи, ко-
торый пробылъ при мальчикѣ все время, пока Е. А. Арсеньева
жила въ своей деревнѣ Тарханахъ, въ Пензенской губерніи. Лер-
монтовъ очень полюбилъ своего воспитателя, повидимому, хо-
рошаго человѣка, который внушилъ ему преклоненіе передъ На-
полеономъ и нѣкоторыя свободолюбивыя идеи. Въ 1827 г., послѣ
переѣзда Арсеньевой въ Москву, Капэ умеръ, и его мѣсто за-
нялъ французъ эмигрантъ Жандро, имѣвшій не особенно благо-
творное вліяніе на Лермонтова. Не очень значительно было
также вліяніе слѣдующаго воспитателя, англичанина Виндсона,
хотя, благодаря ему, Лермонтовъ сталъ знакомиться съ англій-
ской литературой, съ Шекспиромъ и Байрономъ.

Въ это время Лермонтовъ готовится въ благородный пансі-
онъ при Московскомъ университетѣ, куда и поступилъ въ 1828 г.
Это учебное заведеніе въ свое время дало Россіи цѣлый рядъ
выдающихся литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, въ немъ
учились Жуковскій, братья Тургеневы, Грибоѣдовъ и др., и когда
поступилъ въ него Лермонтовъ, старыя традиціи литературнаго
образованія еще не угасли, Устраивались литературные вечера,
издавались рукописные журналы, въ которыхъ участвовали вос-
питанники пансіона; преподавателями словесности были лучшіе
ученые того времени, профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ и магистръ
Дубенскій, извѣстный своимъ изслѣдованіемъ о «Словѣ о полку

Игоревѣ», и конечно, такіе люди должны были возбуждать и оддерживать въ своихъ ученикахъ любовь къ литературѣ. Мерзляковъ, вообще имѣвшій большое вліяніе на своихъ слушателей, человѣкъ, отличавшійся критическимъ чутьемъ и поэтическимъ талантомъ, тѣмъ болѣе, по мнѣнію проф. П. А. Висковатова, долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить, насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но вствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позднѣе адъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу стихотворенія его а смерть Пушкина: «И зачѣмъ я на бѣду свою еще брала Іерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ овелъ его!»[1]).

Внѣшнія вліянія могутъ содѣйствовать возникновенію поэтическаго творчества, но присутствіе таланта необходимо, и талантъ этотъ очень рано пробуждается въ Лермонтовѣ. Первымъ го произведеніемъ была написанная въ пансіонѣ поэма «Индіанка», содержаніе которой было навѣяно чтеніемъ романа Шаторіана «Аттала». Эта поэма была тогда же сожжена Лермонтовымъ, и поэтому первымъ его литературнымъ опытомъ нѣкоторые считаютъ переводъ баллады Шиллера «Перчатка», хотя онъ исалъ много и ранѣе. Достовѣрно мы знаемъ, что во время ребыванія своего въ пансіонѣ Лермонтовъ увлекался произведеніями Шиллера, Байрона, Шекспира и Пушкина. Изъ Шиллера нъ перевелъ нѣсколько балладъ, а Пушкину и Жуковскому одражалъ въ своихъ юношескихъ поэмахъ. Подражаніе было астолько сильно, что Лермонтовъ почти цѣликомъ переписывалъ оэмы Пушкина, напр. «Кавказскій плѣнникъ». Однако и здѣсь роявлялась оригинальность юнаго поэта: выписавъ рядъ Пушкинскихъ стиховъ, онъ вставляетъ какія-нибудь новыя подробности, причемъ почти всегда замѣтно его стремленіе придать роизведенію своего предшественника болѣе трагическій отпечаокъ. «Стихи (говоритъ Висковатый), которые онъ заимствовалъ другого поэта, получали у него своеобразный видъ и напоминали оригиналъ развѣ одною лишь чисто-внѣшней своею формой, о отнюдь не значеніемъ».

Пятнадцатилѣтній мальчикъ, Лермонтовъ, очень много чита-

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 41.

етъ, пишетъ; о многомъ ему приходится передумать, и повиди
мому, духовная работа его совершается, какъ и прежде, въ оди
ночествѣ, такъ какъ въ окружающихъ его людяхъ онъ почт
не находитъ отзвука на волнующія его стремленія. Онъ задумы
вается и надъ общественными вопросами, какъ это видно, на
примѣръ, изъ стихотворенія «Жалоба турка», въ которомъ он
изображаетъ угнетеніе мысли, рабскій строй жизни своей «от
чизны». Но гораздо сильнѣе въ это время звучатъ въ его поэ
зіи мотивы личные: тоска, разочарованіе навѣвались не тольк
чтеніемъ такихъ произведеній, въ которыхъ отражалась «мірова
скорбь», но и ближайшей обстановкой, въ которой ему приходи
лось жить. Разладъ между его отцомъ и бабушкой не прекра
щался и грозилъ новыми осложненіями, такъ какъ отецъ согла
сился оставить его у Е. А. Арсеньевой только до 16-лѣтняг
возраста, до окончанія школьнаго воспитанія.

Гроза должна была разразиться въ 1830 году. Въ этомъ год
истекалъ назначенный срокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ вы
шелъ изъ университетскаго пансіона, который былъ преобразо
ванъ въ гимназію. Юрій Петровичъ потребовалъ, чтобы сын
былъ ему возвращенъ, и юноша, любившій своего отца, согла
шался на это; но бабушка рѣшительно возстала: она слишком
привязана была къ своему внуку, онъ напоминалъ ей безвре
менно умершую ея дочь, и разлука съ нимъ была бы для нея
ужаснымъ ударомъ. То, что переживалъ въ это время Лермон
товъ, ярко отразилось въ его драмѣ «Menschen und Leidenschaf
ten», герой которой Юрій Волинъ, т. е. самъ поэтъ не рѣшается
покинуть «несчастную старуху». Ея слезы, мольбы остановили
его, и онъ говоритъ своему отцу: «Она дала мнѣ воспитаніе
ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я своимъ пропита
ніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и вт
нѣсколько дней я приблизилъ ее къ могилѣ... къ ней я неблаго
даренъ... Я не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязан
ность человѣчества должна была занять мое сердце». Если ба
бушкѣ Лермонтовъ былъ обязанъ всѣмъ, то отцу онъ былъ
«обязанъ одною жизнью» — и въ концѣ концовъ онъ рѣшился
остаться съ бабушкой. Отецъ уѣхалъ и очень скоро умеръ, по
словамъ одного близкаго къ Лермонтову человѣка, отъ холеры.
Такъ завершилась эта многолѣтняя распря, но она, конечно, не
могла не оставить горькаго осадка въ душѣ поэта.

Лѣто 1830 г. ушло на подготовку къ университетскому экза-

мену, и въ августѣ Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетъ въ число студентовъ нравственно-политическаго отдѣленія. а затѣмъ вскорѣ перешелъ на словесное отдѣленіе. Московскій университетъ переживалъ въ это время полосу застоя, упадка, преподаваніе стояло весьма не высоко. Вотъ какъ изображаетъ положеніе университета Герценъ: «Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ, или лучше сказать, *допожарныхъ*, т. е. до-1812 г. Въ тѣ времена начальство университетомъ не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили, и ходили притомъ не въ мундирныхъ сюртукахъ ad instar конноегерскихъ, а въ разныхъ отчаянныхъ и эксцентрическихъ платьяхъ, въ крошечныхъ фуражкахъ, едва державшихся на дѣвственныхъ волосахъ. Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга—одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой изъ не-нѣмцевъ. Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые, какъ Лодеръ, Фишеръ, Гильденбрандтъ и самъ Гаймъ, вообще отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскаго языка, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-нѣмцы, съ своей стороны, не знали ни одного (живаго) языка кромѣ русскаго, были отечественно заболѣпны, семинарски неуклюжи, держались, за исключеніемъ Мерзлякова, въ черномъ тѣлѣ и, вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Геттингена, не-нѣмцы изъ поповскихъ дѣтей. Двигубскій былъ изъ не нѣмцевъ. Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ, приходя за табелью, подошелъ къ нему подъ благословеніе и постоянно называлъ его «Отецъ-ректоръ». Притомъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Когда, бывало, приходилъ въ нашу аудиторію или съ деканомъ Чумаковымъ, или съ Котельницкимъ, который завѣдывалъ шкапомъ съ надписью Materia Medica, неизвѣстно зачѣмъ проживавшимъ въ математической аудиторіи, или съ Рейсомъ, выписаннымъ изъ Германіи за то, что его дядя хорошо зналъ химію, съ Рейсомъ, который, читая по французски называлъ свѣтильню—baton de coton, ядъ—рыбой (poisson), а слово молнія такъ несчастно произносилъ, что мно-

гіе думали, что онъ бранится,—мы смотрѣли на нихъ большим глазами, какъ на собраніе ископаемыхъ, какъ на послѣдних Абенсераговъ, представителей иного времени, не столько близ каго къ намъ, какъ къ Тредьяковскому и Кострову; времени въ которомъ читали Хераскова и Княжнина, времени добраго про фессора Дильтея, у котораго были двѣ собачки, одна вѣчно ла явшая, другая никогда не лаявшая, за что онъ очень справедлив назвалъ одну Баваркой, а другую Пруденкой»... Попечитель, кн Голицынъ былъ удивительный человѣкъ, онъ долго не могъ при выкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, т и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій *по очереди* должен былъ его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, а акушер Рейхелю—толковать безсѣменное зачатіе» [1]).

Словесное отдѣленіе, на которое поступилъ Лермонтовъ тоже находилось въ плачевномъ состояніи. Мерзлякова уже не было. Шевыревъ, пріобрѣвшій на первый разъ большую, но не долгую популярность, появился на каѳедру немного позднѣе, а Надеждинъ началъ читать лишь въ 1832 году, и Лермонтовъ могъ слушать его только въ послѣднее полугодіе своего пребы ванія въ университетѣ. На первомъ курсѣ студенты всѣхъ от дѣленій обязательно слушали словесность у Побѣдоносцева, пре подававшаго риторику по стариннымъ преданіямъ, по руковод ствамъ Ломоносова, Рижскаго и Мерзлякова. Онъ читалъ о хріяхъ, инверсахъ и автоніанахъ, но главное вниманіе свое обращалъ на практическія занятія: неуклонно требовалъ соблюденія правилъ грамматики, занималъ студентовъ переводами съ латинскаго и французскаго языковъ, при чемъ строго слѣдилъ за чистотою слога и преслѣдовалъ употребленіе иностранныхъ словъ и оборотовъ. Особенно любилъ задавать студентамъ темы на сочиненія и требовалъ, чтобы слушатели подавали ему «хрійки». Лекціи богословіи читались Терновскимъ самымъ схоластическимъ образомъ. По обычаю семинаріи, кто-нибудь изъ студентовъ вступалъ съ профессоромъ въ діалектическій споръ. Терновскій сердился, но спорилъ. Когда споръ прекращался, онъ заставлялъ кого-нибудь изъ слушателей пересказывать содержаніе прошедшей лекціи. Каченовскій читалъ соединенную исторію и статистику Россійскаго государства и правила россійскаго языка и

[1]) *Искандеръ*. Былое и Думы. Лонд. 1861, т. I, стр. 134, 152—4.

слога, относящіяся преимущественно къ поэзіи. Всеобщую исторію читалъ Ульрихсъ по Гейму, греческую словесность и древности преподавалъ Ивашковскій, Снегиревъ — римскую словесность и древности, нѣмецкій языкъ—Кистеръ, французскій—Декампъ [1]). О всѣхъ этихъ профессорахъ, за исключеніемъ Каченовскаго, ихъ бывшій слушатель, знаменитый авторъ «Обломова», И. А. Гончаровъ даетъ самые отрицательные отзывы въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ.

Изъ лекцій подобныхъ профессоровъ, конечно, нельзя было почерпнуть ни особыхъ знаній, ни возвышеннаго идеализма. Лишь 2—3 человѣка изъ всего преподавательскаго состава университета могли вліять на юношество, направляя къ серьезному труду. Студенты, по отзывамъ современника, учились плохо, но все же университетъ приносилъ огромную пользу. «Больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія, юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ... Въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой, и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея. До 1848 года устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому, кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпостнымъ, ни крестьянину, не уволеннымъ своей общиной... Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ; объ англійскихъ университетахъ я не говорю: они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей *бѣлой костью* или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ «воды и огня», замученъ товарищами. Внѣшнія различія, дѣлившія студентовъ, и то не глубокія, шли изъ другихъ источниковъ... Нѣмцы держали себя нѣсколько въ сторонѣ и были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ. Все воспитаніе несчастныхъ семинаристовъ, всѣ ихъ понятія были совсѣмъ иныя, чѣмъ у насъ, мы говорили разными языками; они, вырос-

[1]) Соч. Лермонтова, изд. П. А. Висковатаго, т. VI. стр. 104—105.

шіе подъ гнетомъ монашескаго деспотизма, забитые своей рито рикой и теологіей, завидовали нашей развязности; мы — досадо вали на ихъ христіанское смиреніе... Молодежь была прекрасна на нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у нас больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучк и шляхетская лѣнь рано исчезали, не замѣняясь еще нѣмецким утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозом для усиленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не прин малъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, ко торымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассесоры. Возника шіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ. Съ дру гой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться в доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизн страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно по нимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наш товарищи говорили въ аудиторіи все, что приходило въ голов тетрадки *запрещенныхъ* стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, за прещенныя книги читались съ комментаріями, и при всемъ том я не помню ни одного доноса изъ аудиторіи, ни одного преда тельства. Были робкіе молодые люди уклонявшіеся, отстраня шіеся,—но и тѣ молчали [1]).

Это было время образованія среди молодежи знаменитых кружковъ Бѣлинскаго. Станкевича, Герцена, сыгравшихъ таку видную роль въ умственномъ и политическомъ развитіи нашег общества. Ни въ одинъ изъ такихъ кружковъ Лермонтовъ не во шелъ, онъ держался, напротивъ, вдали отъ товарищей, по груженный въ свои думы, въ чтеніе. Случайныя воспоминанія ег однокурсника, Вистенгофа, показываютъ, что Лермонтовъ какъ-т демонстративно отвергалъ всякія попытки товарищей къ сбли женію, что онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ товарищамъ какъ къ людямъ, стоявшимъ ниже его по развитію. Столь ж демонстративно сходился онъ съ разными свѣтскими, пустым господами. Объ этомъ онъ разсказываетъ въ романѣ «Княгин Лиговская», изображая времяпровожденіе Печорина, подъ ви домъ котораго онъ выставляетъ самого себя, хотя нужно ска зать, что краски въ этомъ беллетристическомъ портретѣ сильн сгущены. «Всѣ путешествія Печорина ограничивались поѣздкам съ толпой такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій паркъ

---

[1]) Былое и Думы, т. 1, стр. 134—136, 148—149, 156.

въ Сокольники и въ Марьину рощу. Можно вообразить, что они не брали съ собой тетрадей и книгъ, чтобы не казаться педантами. Пріятели Печориина, которыхъ число было, впрочемъ, не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ ними въ обществѣ, ибо въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе. Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывъ глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ «la bande joyeuse»...

Однако, если даже согласиться съ тѣмъ, что вся эта характеристика Печорина относится къ самому Лермонтову, приходится сказать, что она далеко не совсѣмъ правильна, что Лермонтовъ въ сущности не былъ такимъ пустымъ человѣкомъ, какимъ представляется его герой, и что во время его пребыванія въ университетѣ его интересовали не одни кутежи и свѣтскія похожденія. Между прочимъ, изъ поэмы «Сашка» мы узнаемъ, что Лермонтову не совсѣмъ чуждо было и студенческое товарищество, что университетъ оставилъ въ немъ навсегда свѣтлое воспоминаніе, что онъ, можетъ быть, принималъ участіе и въ серьезныхъ, горячихъ спорахъ какихъ-нибудь товарищескихъ кружковъ. Взять хотя бы слѣдующіе стихи:

Святое мѣсто! Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сертуки, висящіе клочками.
Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто—въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяясь чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ—шумятъ;
Уходитъ—втрое хуже...

Вѣдь въ этихъ строкахъ несомнѣнно сквозитъ симпатія к къ «святому мѣсту», и къ его «сынамъ», и къ тѣмъ серьезным (а порой и пустымъ) спорамъ, которые велись между товари щами. Такая симпатія врядъ ли могла быть при совершенном отчужденіи отъ товарищеской среды, и вліяніе этой среды, вѣ роятно, не было вполнѣ безразличнымъ именно въ томъ гра жданскомъ направленіи, о которомъ, какъ мы видѣли, говорит Герценъ. Правда, и до университета Лермонтовъ отозвался на іюльскую революцію, но подавленіе бунта военныхъ поселені нашло въ немъ отголосокъ уже во время студенчества, а также думается намъ, не было вполнѣ случайнымъ совпаденіе въ отно шеніяхъ къ крѣпостному праву, обнаруживающееся въ студен ческихъ драмахъ Бѣлинскаго и Лермонтова и отмѣченное по койнымъ П. А. Висковатовымъ. Герой Лермонтовской драмы «Странный человѣкъ» выражаетъ несомнѣнно чувства и взгляды самого поэта, когда, услышавъ о жестокомъ обращеніи помѣ щицы съ крестьянами, въ ужасѣ восклицаетъ: «Люди, люди! к до такой степени злодѣйства доходятъ женщины, твореніе иногда столь близкое къ ангелу! О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство—все куплено кровавыми слезами!.. Ло мать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосок по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... О, мое отечество, мое отече ство!» Наконецъ, мы думаемъ, что не лишено значенія и то обстоятельство, что среди произведеній Лермонтова, написанныхъ за время его студенчества, мы совсѣмъ не находимъ ничего подоб наго тому цинизму и той пошлости, которыми отличаются нѣкото рыя его произведенія болѣе поздней поры, времени ученія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и отсюда можно заключить, что вліяніе свѣтской пошлой молодежи, если и проявлялось въ жизни Лермонтова въ студенческіе годы, умѣрялось въ сильной степени тѣмъ, что давала поэту университетская среда, направлявшая его къ болѣе возвышеннымъ, серьезнымъ интересамъ.

Недолго, однако, пробылъ Лермонтовъ въ Московскомъ уни верситетѣ: вслѣдствіе столкновеній съ профессорами, особенно съ Побѣдоносцевымъ, или какихъ-нибудь другихъ причинъ онъ вынужденъ былъ выйти изъ университета въ іюнѣ 1832 г. Пе реселившись въ Петербургъ, онъ хотѣлъ продолжать занятія въ здѣшнемъ университетѣ, но отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ совѣтъ Петербургскаго университета не согласился

зачесть время, проведенное Лермонтовымъ въ Московскомъ, а кромѣ того былъ поднятъ вопросъ объ увеличеніи университетскаго курса до четырехъ лѣтъ, вмѣсто прежнихъ трехъ, и Лермонтову при этихъ условіяхъ удалось бы окончить курсъ лишь въ 1836 году.

Лермонтовъ рѣшается поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣшнее Николаевское кавалерійское училище). Еще недавно эта школа стояла очень высоко: основанная съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать военному воспитанію молодыхъ людей, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и посвятившихъ себя военной службѣ, она отличалась серьезнымъ направленіемъ, и ея воспитанники выдѣлясись въ военной средѣ своимъ образованіемъ. Въ этой школѣ уже учились многіе товарищи Лермонтова по Московскому университету, и поступая въ нее, Лермонтовъ не могъ думать, что онъ попадаетъ въ среду пустыхъ, невѣжественныхъ юношей, нисколько не похожихъ на его прежнихъ товарищей. Но какъ разъ въ это время въ школѣ произошли перемѣны, вслѣдствіе которыхъ ея воспитательно-образовательный уровень значительно понизился. Идеаломъ стала фронтовая выправка, а серьезное умственное развитіе было отодвинуто на задній планъ. Признано было необходимымъ юнкеровъ подтянуть, и этимъ занялся самъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній, великій князь Михаилъ Павловичъ. «Прежнее устройство школы, — говоритъ П. А. Висковатовъ, — болѣе свободное, мало чѣмъ отличалось отъ устройства тогдашнихъ университетовъ. Школа имѣла видъ скорѣе военнаго университета съ воспитанниками, жившими въ стѣнахъ его, на подобіе того, какъ жили казеннокоштные студенты въ Московскомъ университетѣ. Нравы и обычаи въ обоихъ учрежденіяхъ немногимъ отличались другъ отъ друга, если только взять въ соображеніе разницу, которая происходила отъ общественнаго положенія молодыхъ людей. Казеннокоштные студенты университета были люди изъ бѣдныхъ семей, въ «школѣ» же это были сыновья богатыхъ и знатныхъ родителей» [1]).

Рѣшившись поступить въ военную школу, Лермонтовъ былъ не особенно радостно настроенъ; онъ прямо говорилъ, что испытываетъ горе, что его слѣдуетъ пожалѣть, а своему другу, М. А. Лопухиной, писалъ: «Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 171.

произведетъ на васъ моя великая новость: до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я — воинъ. Быть можетъ, тутъ есть особая воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче; и если онъ не ведетъ къ моей первой цѣли, можетъ быть, по немъ дойду до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть съ свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія». А черезъ годъ онъ пишетъ той же Лопухиной: «Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ — путемъ ли порока или пошлости. Правда, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня — это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но, увы: скажи, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ... Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мои мечтанія разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, обходиться безъ нихъ. Я сталъ пробовать; я походилъ въ то время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были тщетными, и скоро прошлое стало представляться мнѣ не болѣе, какъ программою незначительныхъ и весьма обыденныхъ похожденій... Я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще стану въ теченіе года! Жизнь моя здѣсь была вереницей разочарованій, что заставляетъ меня теперь смѣяться, смѣяться надъ собой и надъ другими»... И при такихъ впечатлѣніяхъ, не мудрено, что Лермонтовъ называлъ годы своего пребыванія въ школѣ подпрапорщиковъ «страшными» и «злополучными».

Бывшаго студента не могла не стѣснять военная дисциплина школы, ему трудно было свыкаться съ «тѣсной курткой», съ маршировками и парадировками, которыя имѣли такое значеніе въ обученіи юнкеровъ; еще труднѣе, конечно, было ему мириться съ запретомъ читать книги чисто-литературнаго содержанія; не могла его удовлетворять и товарищеская среда, духовные интересы которой были весьма не высоки. Онъ не сближался съ товарищами, не открывалъ имъ своего внутренняго міра. «Напротивъ, онъ любилъ удаляться отъ нихъ и предаваться своимъ

мечтаніямъ и творчеству въ уединеніи, рѣдко кому читая отрывки изъ своихъ задушевныхъ произведеній, чувствуя, что они будутъ не такъ поняты и боясь каждой неосторожной, глубоко оскорбляющей выходки. Въ отношеніяхъ его къ товарищамъ была, слѣдовательно, нѣкоторая неестественность, которую онъ прикрывалъ веселыми остротами, и такія выходки при остромъ и зломъ языкѣ, конечно, должны были подчасъ коробить тѣхъ, противъ кого были направлены».

Возможность ужиться съ этимъ пустымъ міромъ юнкеровъ была одна: надѣть маску, затаить въ глубинѣ души жившія въ поэтѣ высокія, идеальныя стремленія, подладиться подъ общій уровень пошлаго и грязнаго товарищества, стать по внѣшности такимъ же «шалуномъ», забіякой, «молодцомъ», какъ и всѣ остальные юнкера, принять дѣятельное участіе въ ихъ попойкахъ, кутежахъ и всякихъ иныхъ похожденіяхъ. Въ рукописномъ журналѣ «Школьная Заря», издававшемся юнкерами, Лермонтовъ помѣщаетъ разныя свои стихотворенія, содержаніе которыхъ, по замѣчанію одного библіографа, «по своей скабрезности едва ли не превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова». Эти произведенія создаютъ поэту дешевую популярность въ товарищеской средѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, распространяясь за стѣнами школы, возбуждаютъ противъ него негодованіе серьезныхъ людей, которые считаютъ его безнравственнымъ циникомъ.

А между тѣмъ этотъ циникъ по существу былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и совершенно справедливо его оцѣниваетъ . Н. Пыпинъ, говоря: «Лермонтовъ, съ дѣтства мало сообщительный, не былъ сообщителенъ и въ школѣ. Онъ представлялъ товарищамъ своимъ шуточныя стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серьезныя заботы. У него было два рода серьезныхъ интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую, — и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противоположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли разсказать, кромѣ анекдотовъ и внѣшнихъ случайностей его жизни; ни у кого не было въ мысли затронуть болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и

не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по вре
менамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста ег
мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хо
тѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями, — объ этом
свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ школы»
Въ этихъ письмахъ мы видимъ, между прочимъ, что его не удо
влетворяла не только школа, но и вообще то свѣтское общество
въ которое ему привелось войти въ Петербургѣ. Еще въ 1832 г
онъ писалъ Лопухиной: «Вы просите назвать Вамъ всѣхъ, у кого
бываю. Изъ всѣхъ лицъ, съ которыми имѣю общеніе, пріятнѣй
шее для меня—это я. Правда, по пріѣздѣ я навѣщалъ довольно
часто родныхъ своихъ, съ коими долженъ познакомиться, но
подъ конецъ нашелъ, что лучшій изъ родственниковъ моихъ—
я самъ. Видѣлъ я обращики здѣшняго общества — дамъ весьма
любезныхъ, молодыхъ людей весьма вѣжливыхъ; всѣ они вмѣстѣ
производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, узкаго и
незамысловатаго, но въ которомъ съ перваго раза легко можно
потеряться, — до того хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ
все самобытное».

Въ этотъ самый свѣтъ «завистливый и душный» вступилъ
Лермонтовъ послѣ производства въ корнеты лейбъ-гвардіи гу
сарскаго полка, 2 ноября 1834 года, и, конечно, послѣ того его
жизнь не могла стать счастливѣе, а даже скорѣе его должны
были ожидать новыя горести, новыя разочарованія. Очень хо
рошо характеризуетъ положеніе въ этомъ обществѣ людей,
сколько-нибудь выдающихся, кн. Васильчиковъ, близко знавшій
Лермонтова. «Парады и разводы для военныхъ, говоритъ онъ,
придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ
торжественные сроки праздниковъ 6 декабря, въ новый годъ и
въ Пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалова
ніе дѣвицъ въ фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры—
вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество,
представителями коего были не Лермонтовъ и Пушкинъ, а мо
лодцоватые Скалозубы и всепокорные Молчалины. Лермонтовъ
и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, ко
торыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ,
сознавали глубоко ея пустоту, и, не зная, куда дѣться, не на
ходя пищи ни для дѣла, ни для ума, предавались буйному раз
гулу, погубившему многихъ изъ насъ. Лучшіе изъ офицеровъ
старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и Красносель-

скаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадеровъ и танцоровъ».

Лермонтову оставалось одно: жить въ этомъ обществѣ такъ же, какъ онъ жилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, т. е. затаивъ про себя свои запросы и по внѣшности сливаться съ общимъ уровнемъ окружающей среды, принимать участіе во всякихъ кутежахъ, попойкахъ, «шалостяхъ» гвардейской молодежи. «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ (какъ вспоминаетъ гр. Ростопчина) сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ всего того, что составляло жизнь въ эти годы». Желаніемъ обратить на себя вниманіе свѣта объясняются любовныя похожденія Лермонтова и, прежде всего, его романъ съ Е. А. Хвостовой, урожденной Сушковой, которая съ пренебреженіемъ отнеслась къ нему, когда онъ увлекался ею еще почти мальчикомъ. «Если, разсказываетъ поэтъ, я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало разсчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидѣлъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно также займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой». Романъ съ Сушковой былъ не единственнымъ, и та же гр. Ростопчина такъ характеризуетъ любовныя похожденія Лермонтова: «Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся».

Но такое времяпровожденіе было опять таки своего рода маскою, за которой Лермонтовъ скрывалъ отъ свѣта серьезную внутреннюю работу, въ немъ происходившую. Онъ много въ то время читаетъ, о многомъ размышляетъ, опредѣляетъ свое міро созерцаніе, переходя отъ тревожныхъ исканій юности къ болѣе яснымъ и отчетливымъ взглядамъ на жизнь, на свое призваніе. Онъ знакомится съ русской исторіей, изучаетъ внимательно русскую поэзію, и результатомъ этихъ изученій является сперва поэма «Бояринъ Орша», а затѣмъ такое совершенное въ художественномъ отношеніи произведеніе, какъ «Пѣсня про купца Калашникова», начатая уже теперь, но окончательно обработанная въ 1838 г. Кромѣ того онъ задумываетъ драму [1]), въ которой, на подобіе «Горе отъ ума», хочетъ представить современное пустое русское общество,—и тутъ-то онъ встрѣтился съ тѣми «независящими обстоятельствами», которыя тяжкимъ бременемъ легли на всю исторію русской литературы. Не смотря на то, что поэтъ передѣлывалъ нѣсколько разъ свое произведеніе, ни цензурное вѣдомство, ни III Отдѣленіе не допускали его драмы на сцену «по причинѣ, какъ сказали Лермонтову, слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель не достаточно награждена». Наконецъ, въ то же время поэтъ работаетъ надъ своимъ «Демономъ», котораго уже давно задумалъ.

Но вся эта работа совершается въ тиши отъ свѣта, въ печать не проникаетъ за это время почти ничего изъ произведеній Лермонтова, котораго свѣтъ знаетъ, какъ лихого кутилу гусара и какъ автора циническихъ стихотвореній юнкерской поры. И вдругъ совершается событіе, открывающее свѣту этого гусара совсѣмъ съ новой стороны. Убитъ на дуэли Пушкинъ, и Лермонтовъ пишетъ по этому поводу свое знаменитое стихотвореніл, сначала безъ заключительныхъ 16 стиховъ. «Оно прочтено было Государемъ и другими лицами и въ общемъ удостоилось высокаго одобренія. Разказывали, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ сказалъ даже: «Этотъ чего, добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина»; что Жуковскій призналъ въ немъ проявленіе могучаго таланта, а князь Вл. Θед. Одоевскій по адресу Лермонтова наговорилъ комплементовъ при встрѣчѣ съ его бабушкой, Арсеньевой. Толковали, что Дантесъ страшно разсердился на но-

[1]) «Маскарадъ», въ передѣлкѣ вторичной названный «Арбенинъ».

аго поэта, и что командиръ л.-гв. гусарскаго полка утверкдалъ, что не сиди убійца Пушкина на гауптвахтѣ, онъ непремѣнно послалъ бы вызовъ Лермонтову за его ругательные стихи. Но самъ Государь выразилъ относительно стиховъ довольство свое. Такимъ образомъ неудобно было не находить прекраснымъ стихотвореніе молодого гусарскаго офицера, хоть и не нравились его нападки на Дантеса и на тотъ новый кругъ Пушкинскихъ знакомыхъ, который нехотя принялъ его въ свою среду» [1]). Но все это измѣнилось, какъ только появились послѣдніе 16 стиховъ, написанные Лермонтовымъ подъ вліяніемъ бесѣды съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, свѣтскимъ человѣкомъ, камеръюнкеромъ Столыпинымъ, который защищалъ Дантеса, находя, что онъ бы не могъ иначе поступить, какъ благородный человѣкъ. Стихи быстро распространились, и конечно, обличенная поэтомъ камарилья не могла простить молодому гусару того, что онъ осмѣлился «отдѣлать на чемъ свѣтъ стоитъ la crème de la noblesse». Лермонтовъ былъ арестованъ и 25 февраля 1837 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ его на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Во время этой первой ссылки Лермонтовъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ отряда генерала Вельяминова и много странствовалъ по Кавказу, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ С. А. Раевскому: «Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, я находился въ безперерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское...» Писалъ онъ много, но большая часть произведеній этой поры пропала, а въ печать проникли «Бородино», написанное, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ боевыхъ разсказовъ солдатъ, и окончательно обработанная «Пѣсня про купца Калашникова».

Въ октябрѣ того же года ссылка кончилась, и Лермонтовъ былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, хотя этотъ переводъ и не особенно его радовалъ. «Скучно ѣхать въ новый полкъ писалъ онъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта, и серьезно думаю выйти въ отставку». Передъ тѣмъ, чтобы пріѣхать на мѣсто но-

[1]) Соч. Лермонтова, изд. Висковатаго, т. VI, стр. 242.

вой службы, онъ побывалъ въ Петербургѣ, но его впечатлѣн
не были благопріятны, какъ это видно изъ его письма къ М. А. Лоп
хиной отъ 15 февраля 1838 года. «Я все поджидалъ, пишетъ он
не случится ли со мною чего хорошаго, чтобы увѣдомить васъ
томъ; но ничего не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, чт
мнѣ скучно до смерти. Первые дни послѣ пріѣзда прошли в
постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты—вы знает
да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда
но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эт
милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хот
это мнѣ было бы и можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣст
со мной поступили въ гвардію, теперь уже въ отставкѣ. Наконецъ
я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣ
бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полк
ли, или хоть къ черту; тогда по крайней мѣрѣ, былъ бы пред
логъ къ сѣтованіямъ, а это все же было бы утѣшеніемъ». Въ конц
февраля Лермонтовъ былъ уже въ Новгородѣ, въ Гродненском
полку, но пробылъ тамъ очень недолго, и на Пасху 1838 г., по
ходатайству Е. А. Арсеньевой, былъ возвращенъ въ Петербургъ
въ прежній полкъ.

Хотя на этотъ разъ въ высшемъ обществѣ его принимали
очень любезно, высказывали къ нему живой интересъ, какъ къ
поэту и къ человѣку, побывавшему на Кавказѣ, самъ Лермон-
товъ не могъ измѣнить своего отношенія къ этому обществу, ко-
торое онъ охарактеризовалъ въ «Думѣ». Онъ видѣлъ себя пред-
метомъ какой-то моды, и, конечно, это нисколько не могло при-
мирять его съ обществомъ, которое совсѣмъ не могло его пони-
мать, какъ это видно, хотя бы изъ слѣдующаго отзыва одного
изъ его товарищей: «Entre nous soit dit, я не понимаю, что о
Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ пре-
пустой малый, плохой офицеръ и поэтъ неважный. Въ то время
мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной
квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ,
изгрызетъ множество перьевъ, наломаетъ карандашей и напи-
шетъ нѣсколько строкъ. Ну, развѣ это поэтъ?» Съ подобными
цѣнителями и судьями пришлось поэту опять надѣть маску,
опять замкнуться въ себѣ и иногда на зло свѣту щеголять своей
мнимой пустотой. «Онъ былъ, говоритъ о Лермонтовѣ И. И. Па-
наевъ, неизмѣримо выше среды, окружавшей его и не могъ серь-
езно относиться къ такого рода людямъ... Это—тупые мудрецы,

ажничающіе своей дѣятельностью и разсудочностью и не ви-
ящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе *казаться*
амымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьни-
комъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, ка-
кется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ».

И отношеніе Лермонтова къ этому пустому свѣтскому обще-
тву, а вмѣстѣ съ тѣмъ тоска, которую онъ испытывалъ въ Петер-
ургѣ, лучше всего характеризуются въ слѣдующемъ его письмѣ
ъ М. А. Лопухиной, написанномъ уже въ 1839 г.: «Я несча-
тнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно
зжу по баламъ: я пустился *во большой свѣтъ*. Въ теченіе мѣ-
яца на меня была мода, меня искали наперерывъ. Весь народъ,
оторый я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласка-
ельствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня сти-
овъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно...
Можетъ быть, вы найдете страннымъ искать удовольствій и ску-
ать ими, ѣздить по гостинымъ, не находя тамъ ничего занима-
ельнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что
амый главный мой недостатокъ — суетность и самолюбіе; было
ремя, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество;
ристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это
е самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ,
авоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня
щутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ
ому ни малѣйшаго вниманія; дамы, съ притязаніями собирать
амѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобъ я
нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ*; да, я вашъ Мишель,
обрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы.
Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но къ счастью меня
ыручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю
аходить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность
олезна въ томъ, что она мнѣ дала оружіе противъ этого
бщества, и если когда-либо оно меня будетъ преслѣдовать
воими клеветами (что непремѣнно случится), тогда у меня будетъ,
о крайней мѣрѣ, средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣ-
ается столько низкаго и смѣшного, какъ тутъ. Увѣренъ, что
ы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня
ашли бы наиболѣе смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю,
акъ съ своей совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться
ъ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться

надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которым такъ завидуютъ».

Въ началѣ 1840 г. Лермонтова ждало новое свѣтское столк новеніе. Ухаживая за одной свѣтской дамой, Лермонтовъ встрѣ тилъ соперника въ лицѣ сына французскаго посланника, виконт де-Баранта и рѣзко о немъ отозвался. Слова Лермонтова был переданы въ искаженномъ видѣ де-Баранту, и между соперникам произошло объясненіе, приведшее къ дуэли. За эту дуэль, окон чившуюся примиреніемъ, Лермонтовъ былъ 10 марта 1840 г. аре стованъ и отданъ подъ судъ. Во время заключенія Лермонтов на гауптвахтѣ, его посѣтилъ Бѣлинскій, и между знаменитым критикомъ и поэтомъ произошелъ разговоръ, о которомъ Бѣ линскій передавалъ И. И. Панаеву слѣдующія подробности: «Я попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, в первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ. Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію, — думаю себѣ: ну, зачѣмъ мен принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересов у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что ещ связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, н онъ не поддается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, доса довалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверт часа... Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у нас завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ... — «Я не люблю Вальтеръ-Скотта», сказал мнѣ Лермонтовъ, «въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ»—и начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ н него — и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо ег приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самим собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтера-Скотт къ Куперу и говорилъ съ жаромъ, доказывалъ, что въ нем несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и дока зывалъ это съ тонкостью, съ умомъ, и, что удивило меня, даж съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья в этомъ человѣкѣ. Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа в немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя «хотя на ми

нуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ». Сообщая объ этой бесѣдѣ В. П. Боткину, Бѣлинскій съ восторгомъ отзывался о Лермонтовѣ: «Глубокій и могучій духъ! О это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго!»

13 апрѣля 1840 г. императоръ Николай Павловичъ на приговорѣ генералъ-аудиторіата написалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, гѣмъ же чиномъ». Такимъ образомъ Лермонтовъ снова попадаетъ на Кавказъ, въ боевую жизнь. Онъ состоялъ въ Чеченскомъ отрядѣ генерала Голофѣева и принималъ участіе въ походахъ противъ горцевъ. Въ офиціальномъ донесеніи говорилось, что «ему была поручена конная команда изъ казаковъ охотниковъ, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встрѣчала непріятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала въ бѣгство сильныя партіи». Храбрость Лермонтова удостовѣряется и въ донесеніи генерала Голофѣева о сраженіи при Валерикѣ: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заводовъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

Описалъ Лермонтовъ это сраженіе въ чудныхъ стихахъ, но кромѣ этого онъ вообще много работалъ за это время для поэзіи. Теперь онъ заканчивалъ романъ «Герой нашего времени», начатый еще въ 1838 году, а также написалъ рядъ лирическихъ стихотвореній. Эта высылка была прервана отпускомъ съ декабря 1840 г. до мая 1841 г., когда поэтъ успѣлъ въ послѣдній разъ побывать въ Петербургѣ. Здѣсь онъ думалъ выхлопотать себѣ увольненіе въ отставку, но высшее военное начальство, а въ особенности шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ не допустили отставки. Какъ предполагаетъ съ нѣкоторымъ основаніемъ П. А. Висковатый, Бенкендорфъ «не желалъ имѣть въ столицѣ «безпокойнаго» молодого человѣка, становившагося любимцемъ «публики», собиравшагося къ тому же основать журналъ. Высылая Лермонтова и на этотъ разъ на Кавказъ, предписали мѣстному начальству *ни подъ какимъ видомъ* не удалять его

изъ фронта полка, т. е. не прикомандировывать къ экспедиціям противъ горцевъ, и такимъ образомъ лишить его возможност «выслужить отставку», о которой онъ такъ мечталъ, жела всецѣло отдаться литературѣ.

Послѣдніе два мѣсяца своей жизни Лермонтовъ провелъ в Пятигорскѣ. Здѣсь онъ часто бывалъ въ домѣ генерала Верзи лина. Время проходило очень весело, такъ какъ «хлѣбосольны хозяинъ, радушная хозяйка и три красивыя веселыя дочер привлекали въ домъ молодыхъ людей». Среди посѣтителей этог дома былъ маіоръ Н. С. Мартыновъ, человѣкъ въ сущност пустой, отличавшійся крайнимъ самолюбіемъ. Быть можетъ, со перничая съ нимъ въ ухаживаніи за дѣвицами Верзилиными Лермонтовъ подмѣтилъ нѣкоторыя смѣшныя его стороны, стал преслѣдовать его своими насмѣшками, рисовалъ на него карри катуры, далъ ему кличку montagnard au grand poignard (горец съ большимъ кинжаломъ), такъ какъ Мартыновъ ходилъ в черкескѣ съ огромнымъ кинжаломъ. Эти насмѣшки сильно задѣл Мартынова, онъ вызвалъ Лермонтова на дуэль, и 15 іюля 1841 г поэтъ былъ убитъ. Вѣсть о его смерти поразила всѣхъ любив шихъ литературу и ожидавшихъ отъ его генія новыхъ великих созданій, но въ великосвѣтскомъ кругу нашлись и такіе люди которые встрѣтили это извѣстіе совсѣмъ равнодушно: для них геніальный поэтъ оставался по прежнему пустымъ гусарскимъ офицеромъ, непріятнымъ въ обществѣ. Это были тѣ же палачи свободы, генія и славы, которые раньше сгубили Пушкина.

Погребенъ Лермонтовъ въ с. Тарханахъ Пензенской губерніи.

Преобладающей чертою творчества Лермонтова признается обыкновенно разочарованіе въ существующемъ укладѣ жизни энергичный протестъ противъ несовершенствъ этой жизни. Причины этого разочарованія и протеста указываются частью въ литературныхъ вліяніяхъ, частью въ разладѣ между возвышенными идеалами поэта и жизнью окружавшаго его общества.

Конечно, не всѣ эти причины имѣютъ одинаковое значеніе, а потому остановимся на каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Факты ненормальнаго воспитанія въ дѣтскихъ лѣтахъ, невольной двойственности поведенія поэта въ школѣ и въ свѣтѣ, когда онъ былъ офицеромъ, должны были очень тяжело отзываться на его настроеніи, вызывали постоянно горькое сознаніе несовершенства окружающей обстановки. Эти факты достаточно

выяснены нами въ предшествующемъ біографическомъ изложеніи, а потому не останавливаясь на нихъ, обратимся къ двумъ другимъ указаннымъ выше причинамъ его разочарованія.

Что касается литературныхъ вліяній, то, какъ извѣстно, они были многочисленны, и самымъ сильнымъ изъ нихъ признается вліяніе Байрона. Однако, если вдуматься въ поэзію Лермонтова, то и это сильное вліяніе значительно придется ограничить, такъ какъ Байронъ увлекаетъ нашего поэта по родственности настроенія. Разочарованіе могло возникнуть у Лермонтова и самостоятельно, а Байронъ своей мрачной поэзіей даетъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые уже раньше назрѣли въ душѣ нашего писателя. Можно много говорить о вліяніи Пушкина, Барбье, Шиллера и др., но не слѣдуетъ забывать, что всѣ вліянія были скорѣе формальны, что Лермонтовъ всегда стремился быть самимъ собою.

Наконецъ, касаясь третьяго изъ указанныхъ выше мотивовъ, несоотвѣтствія идеаловъ поэта съ окружающею дѣйствительностью, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе С. А. Андреевскаго. «Неизбѣжность высшаго міра, говоритъ нашъ критикъ-поэтъ, проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь — ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти—громадны, не по плечу толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ: онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію всѣхъ его издателей, всегда начинается «Ангеломъ», составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова. Дѣйствительно его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для «печали и слезъ», всегда здѣсь «томилась» и

«Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли».

Конечно, возвышенный идеализмъ, прекрасно охарактеризованный въ приведенныхъ словахъ г. Андреевскаго, не могъ мириться, какъ полагаетъ критикъ, ни съ какою дѣйствительностью, и было бы узко, если бы мы стали объяснять протестъ Лермонтова исключительно его недовольствомъ современной ему русской жизнью. Мы согласны съ г. Андреевскимъ, что многіе упреки Лермонтова людямъ могутъ быть повторены въ ка-

кую угодно эпоху; не можемъ отвергнуть и того мнѣнія критика, что среди современниковъ Лермонтова были свѣтлые люди, что «его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ,—поколѣніе сороковыхъ годовъ», но тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать, чтобы обличенія этого поколѣнія дѣлались Лермонтовымъ исключительно «съ космической точки зрѣнія». Во-первыхъ, уже чисто формально «Дума», написанная въ 1838 г., не могла относиться къ людямъ сороковыхъ годовъ; а во-вторыхъ, даже устраняя это формальное возраженіе, такъ какъ подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ» мы часто подразумѣваемъ и идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, мы всетаки не понимаемъ, какъ можно съ этими идеалистами, работавшими въ тиши кружковъ, отожествлять все тогдашнее общество: вѣдь въ этомъ обществѣ идеалисты были свѣтлыми и рѣдкими исключеніями, огромное же большинство состояло изъ крѣпостниковъ, фронтовиковъ, людей индиферентныхъ къ высшимъ духовнымъ запросамъ; среди этой массы идеалисты, если не бывали въ такомъ же полукомическомъ положеніи, какъ Рудины, то во всякомъ случаѣ оказывались «героями безвременья», какъ очень справедливо назвалъ Лермонтова Н. К. Михайловскій.

Это-то самое современное ему поколѣніе вызывало въ Лермонтовѣ грустныя чувства, такъ ярко выразившіяся въ его «Думѣ». Эти люди старятся въ бездѣйствіи, «къ добру и злу постыдно равнодушны, передъ опасностью позорно-малодушны и передъ властію презрѣнные рабы».

Мечты поэзіи, созданія искусства (говоритъ Л.)
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Понятно, что будущее такого поколѣнія должно быть «иль пусто, иль темно». Печально заключаетъ поэтъ свою Думу:

«Толпою угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькой обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ».

Поколѣніе, къ которому обращается поэтъ, заражено безвѣріемъ; оно со скептицизмомъ, вполнѣ равнодушно относится ко всѣмъ нравственнымъ требованіямъ; оно холодно къ высшимъ жизненнымъ задачамъ и потому остается въ полномъ бездѣйствіи. Эту черту нравственнаго индиферентизма, бездушія, холоднаго бездѣйствія поэтъ отмѣчаетъ во многихъ своихъ произведеніяхъ и глубоко ею возмущается. Вотъ, между прочимъ, какъ онъ о ней отзывается въ стихотвореніи «Волны и люди».

«Волны катятся одна за другой
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ,
Люди проходятъ ничтожной толпой,
Также одинъ за другимъ
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей,
Люди хотятъ имѣть души... И что-же?
Души ихъ волнъ холоднѣй».

Иногда эти холодные люди начинаютъ дѣйствовать, но дѣйствіе ихъ еще хуже, чѣмъ бездѣйствіе: оно влечетъ за собою горе для всѣхъ, окружающихъ, такъ какъ проникнуто исключительно однимъ эгоизмомъ и самообожаніемъ. Таковы, напр., Печоринъ и Арбенинъ.

Если «Дума» и стихотвореніе «Волны и люди» такъ же, какъ и юношеское произведеніе «Два сокола» могутъ разсматриваться, какъ выраженіе разочарованія въ людяхъ вообще, безъ всякаго отношенія къ поколѣнію, которое было современно поэту, то намъ извѣстна жестокая характеристика несомнѣнно уже этого общества въ знаменитомъ стихотвореніи «На смерть Пушкина». Съ чисто-ювеналовскимъ паѳосомъ обличаетъ здѣсь молодой поэтъ, «безчувственныхъ невѣждъ», клеветниковъ безбожныхъ, «свободы, генія и славы палачей», Мы имѣемъ дѣло уже не съ отвлеченнымъ мотивомъ міровой скорби, а съ вполнѣ опредѣленнымъ протестомъ противъ общества, равнодушнаго къ высшимъ нравственнымъ запросамъ, и не только равнодушнаго, но даже враждебнаго къ тѣмъ, кто ставитъ себѣ цѣлью разрѣшеніе этихъ запросовъ.

Въ противоположность этому общественному индиферентизму, въ самомъ поэтѣ жила неукротимая жажда дѣятельности, онъ чувствовалъ въ себѣ силы на служеніе людямъ.

«Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ», говоритъ Лермонтовъ въ стихотвореніи «11 іюня 1831 года».

«Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не можетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять,
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь».

У Лермонтова сложился чрезвычайно возвышенный взглядъ на задачи поэтическаго творчества. Поэтъ не долженъ быть вполнѣ отрѣшеннымъ отъ жизни олимпійцемъ, онъ долженъ служить людямъ, долженъ, какъ Пушкинскій пророкъ, глаголомъ своимъ жечь ихъ сердца, долженъ провозглашать «чистыя ученья любви и правды», хотя бы люди и гнали его за это и клеймили бы своимъ презрѣніемъ. Особенно ярко мысль объ общественномъ служеніи поэта высказывается въ стихотвореніи «Поэтъ»:

Бывало, мѣрный звукъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ.
Насъ тѣшатъ блески и обманы:
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Ту же мысль Лермонтовъ выражаетъ въ своемъ стихотвореніи «Пророкъ». Какъ поэтъ, такъ и пророкъ приходитъ съ чистымъ ученіемъ любви и правды, но встрѣтивъ вражду, онъ удаляется отъ людей и подвергается насмѣшкамъ за свою мнимую самонадѣянность. Здѣсь мы видимъ, что поэтъ встрѣчается съ враждою, но бываетъ и хуже, когда онъ встрѣчается съ индиферентностью. Въ стихотвореніи «Журналистъ, читатель и писатель» намъ представляется разговоръ между журналистомъ и читателемъ, раз-

говоръ, въ который вмѣшивается писатель, и въ его рѣчи мы видимъ Лермонтова; онъ говоритъ, что для равнодушной публики и писать не стоитъ.

«Бываетъ время», говоритъ поэтъ,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы, дружныя какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой!

Въ такіе моменты вдохновенія является поэтическая идеализація.

Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Однако «странныя творенія», возникающія въ подобные моменты, поэтъ скрываетъ отъ людей, такъ какъ

Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ.

Бываетъ и другое настроеніе у поэта, когда онъ готовъ смѣло обличать пороки и пустоту людей, когда «диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ», когда поэтъ смѣло «предаетъ позору, приличьемъ скрашенный порокъ». Но и этихъ своихъ произведеній онъ не рѣшается показывать «неприготовленному взору», и у него является такое безотрадное заключеніе:

Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему́ толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю..

Та же мысль о равнодушіи общества къ поэзіи выражается

Лермонтовымъ въ стихотвореніи «Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой». Для толпы людской смѣшонъ укоръ и плачъ поэта.

Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

Контрастъ между настроеніемъ поэта и окружающаго его общества особенно ярко обнаруживается въ стихотвореніи «Первое Января». Изъ холоднаго равнодушнаго свѣта поэтъ переносится къ недавней старинѣ, летитъ вольной птицей къ созданіямъ своей мечты, онъ любитъ эти созданія,

Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье,

и онъ «царства дивнаго всесильный господинъ», находитъ душевный покой въ такихъ мечтахъ; но вотъ врывается въ его сознаніе окружающая дѣйствительность, и настроеніе рѣзко измѣняется.

Когда-жъ опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Этими послѣдними словами мы привыкли вообще характеризовать и содержаніе и форму Лермонтовскій поэзіи, и дѣйствительно, суровые мрачные аккорды преобладаютъ въ ней; дикая энергичная музыка особенно поражаетъ, напр., въ поэмѣ «Мцыри»: четырехстопный ямбъ съ мужскими риѳмами какъ будто бьетъ васъ по нервамъ, но онъ какъ нельзя болѣе кстати и въ немъ чрезвычайно много красоты. Однако рядомъ съ этимъ желѣзнымъ стихомъ мы встрѣчаемъ у Лермонтова самую нѣжную убаюкивающую мелодію въ «Казачьей колыбельной пѣснѣ», тихій и грустный мотивъ въ стихотвореніи «Тучки небесныя», такую, напр., замѣчательно граціозную пѣсенку:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда

Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Такая музыкальность стиха, какъ у Лермонтова, встрѣчается лишь у немногихъ изъ нашихъ поэтовъ, у Пушкина, у Жуковскаго (хотя относительно послѣдняго надо оговориться, что у него совсѣмъ отсутствуютъ свойственные Лермонтову, энергическіе мотивы), а изъ позднѣйшихъ поэтовъ почти ни у кого нѣтъ этой музыки въ такомъ разнообразіи: И. С. Аксаковъ и гр. А. К. Толстой богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи; чистая музыка, но большею частью безсодержательная, встрѣчается у Фета; наконецъ, мы можемъ указать на рано погибшаго Надсона, который повторилъ многіе мотивы Лермонтова.

Кромѣ музыкальности, стихи Лермонтова отличаются своею пластичностью, особенно тамъ гдѣ мы встрѣчаемъ у поэта описанія природы. Эти описанія можно сравнить съ живописью, они чрезвычайно богаты красками, часто въ нѣсколькихъ словахъ передъ нами рисуется цѣлая яркая картинка. Припомнимъ, напр., отрывокъ изъ «Спора»:

Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена,
Безглагольна, нелюдима
Мертвая страна...
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Такъ и чуется въ этихъ стихахъ палящій зной аравійскихъ и сирійскихъ степей, но идемъ по нимъ дальше съ поэтомъ и мы приходимъ къ «Тремъ Пальмамъ», и опять предъ нами яркая картина:

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
Журча пробивался волною холодной!

А вотъ, напр., маленькое стихотвореніе, по своей пластичности представляющее перлъ поэзіи:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ, задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ.

Здѣсь и тучка золотая и старикъ-утесъ не только вполнѣ пластично изображены, но они живутъ; такое мастерство доступно лишь немногимъ художникамъ.

Особенно много у Лермонтова описаній кавказской природы. Поэтъ, какъ мы знаемъ, нѣсколько разъ побывалъ тамъ: былъ онъ на Кавказѣ 10-ти лѣтнимъ ребенкомъ, былъ 2 раза сюда сосланъ, здѣсь покончилъ свою жизнь. Съ дѣтства онъ полюбилъ эту роскошную страну и 16-лѣтнимъ мальчикомъ, вспоминая свое первое посѣщеніе Кавказа, поэтъ писалъ:

Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ;
Чтобъ вѣчно васъ помнить, тамъ надо быть разъ!
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ!

Такъ же сильно высказывается любовь къ Кавказу, «суровому царю земли», въ посвященіи къ поэмѣ «Демонъ». «Отъ юныхъ лѣтъ», говоритъ Лермонтовъ, обращаясь къ Кавказу:

. . . . къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной,
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ, твой, всегда и всюду твой.

Зная и любя Кавказъ, Лермонтовъ живописалъ его волшебную природу, какъ никто другой.

Припомнимъ знаменитыя картины изъ «Демона». Сперва передъ нами является суровая обстановка горныхъ громадъ дикаго Дарьяльскаго ущелья:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,

Вился излучистый Дарьялъ,
И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпою,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны.

Контрастомъ къ этой грозной и дикой обстановкѣ представляется чудный видъ, раскрывающійся въ мирномъ краю Грузіи:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ пестрѣющимъ легли.
Счастливый, пышный край земли,
Столпообразныя раины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви,
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ,
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки пылкой, молодой...

«Лермонтовъ, говоритъ нѣмецкій критикъ Боденштедтъ, рѣшилъ трудную задачу—удовлетворить въ одно время и естествоиспытателя и эстетика. Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, поднимаясь

къ верху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ, и опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, клубящійся надъ утесомъ, на которомъ срашно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, «какъ согнутое стекло», въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями, и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ намъ на облака, бѣгущія «степью лазурною, цѣпью жемчужною», воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ или буйный громъ битвъ,—онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до мельчайшихъ подробностей! Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ образахъ, и, въ то же время, отъ нихъ вѣетъ какой-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ: цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.».

До такой степени точенъ Лермонтовъ въ описаніяхъ природы; но когда онъ касается людей, мы не находимъ у него той же объективной точности. Люди, которыхъ онъ выводитъ въ своихъ произведеніяхъ, большею частью не живые люди, а произведенія его фантазіи. Лермонтовъ былъ по преимуществу лирикомъ, онъ не дожилъ до эпическаго спокойствія, его душѣ надо было излиться, слишкомъ много въ ней клокотало разныхъ чувствъ и стремленій, и въ своихъ герояхъ поэтъ воплощалъ, большею частью, свои личныя думы и чувства. Но есть у него нѣсколько типовъ глубоко-жизненныхъ, замѣчательно вѣрныхъ. Таковы типы горцевъ въ «Героѣ нашего времени», Казбичъ, Азаматъ, необыкновенно граціозная и поэтическая Бэла. Таковъ и великолѣпно очерченный образъ симпатичнѣйшаго стараго кавказскаго офицера Максима Максимыча. Высшей степни эпическаго изображенія людской жизни Лермонтовъ достигъ въ своей знаменитой «Пѣснѣ про купца Калашникова». Эта «Пѣсня» явленіе, совершенно исключительное въ русской поэзіи, стоящее совершенно особнякомъ, явленіе, подобнаго которому нѣтъ. Достоевскій въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкина указалъ, какъ на особенность Пушкина, на его способность «перевоплощенія въ геніи чужихъ странъ». Въ сущности эта способность перевоплощаться въ геніи чужихъ странъ и другихъ вѣковъ обща всѣмъ великимъ поэтамъ, составляетъ общее ихъ отличительное свойство, и у Лермонтова эта способность выразилась ярко въ «Пѣснѣ про купца Калашникова». Передъ нами не поэтъ XIX вѣка, а какъ бы пѣвецъ эпохи Грознаго. Тонъ народной пѣсни замѣ-

чательно выдержанъ, во всемъ этомъ большомъ произведеніи нельзя указать ни одного слова фальшиваго, нарушающаго общую гармонію; величавое эпическое спокойствіе пѣвца имѣетъ въ себѣ что-то гомеровское, особенно поразительное въ приступѣ къ «Пѣснѣ» и въ припѣвѣ»:

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Четыре дѣйствующихъ лица «Пѣсни» «удалой боецъ» Кирибѣевичъ, «старый купецъ» Калашниковъ, его «молодая жена» Алена Дмитріевна, «грозный царь» Иванъ Васильевичъ изображены замѣчательно рельефно, стоятъ передъ нами, какъ живые. Пониманіе характера царя чисто народное и глубоко вѣрное, передъ нами дѣйствительно «грозный царь», какъ его понялъ народъ, а не Jean le Terrible, какимъ онъ является въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Очень характеренъ, какъ это указалъ Достоевскій, разговоръ царя съ Калашниковымъ послѣ смерти Кирибѣевича и отвѣтъ Калашникова, что онъ убилъ опричника «вольной волею», отвѣтъ, который дается «по правдѣ, по совѣсти». Всѣ попытки нашихъ поэтовъ писать былиннымъ складомъ, даже прекрасныя былины гр. А. Толстого не могутъ выдержать самаго поверхностнаго сравненія съ этою «Пѣснею»; все это поддѣлки подъ народную поэзію, а тутъ она какъ бы сама въ чистомъ своемъ видѣ.

Чтобы покончить съ анализомъ формы, такъ сказать, матеріальной стороны Лермонтовскаго творчества, скажемъ нѣсколько словъ о его прозѣ. Такъ же, какъ и стихъ его, она блещетъ богатствомъ красокъ, изяществомъ, желѣзною силою, сжатостью, простотой и образностью, она стоитъ наравнѣ съ прозою Пушкина и Гоголя. Эта «художественная простота», приближающая стиль Лермонтова къ замѣчательной прозѣ «Капитанской дочки», особенно рельефно выступаетъ въ описаніяхъ. Для примѣра приведемъ начало повѣсти «Княжна Мери»: «Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ полисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мнѣ письменный столъ

ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный; на западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури», на сѣверъ подымается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мной пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ дальше за амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльбрусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы кажется желать больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?»

Обращаясь къ содержанію поэзіи Лермонтова, мы замѣчаемъ въ ней, какъ уже сказано, преобладаніе мотивовъ разочарованія, разлада съ обществомъ. Охарактеризовавъ отрицательныя стороны общества въ стихотвореніяхъ «Дума», «На смерть Пушкина» и другихъ своихъ произведеніяхъ, поэтъ стремится порвать съ этимъ обществомъ всякую связь. Онъ чувствуетъ себя въ свѣтѣ, какъ въ душной темницѣ, и онъ проситъ «воли, воли, воли», а за эту волю готовъ даже пожертвовать счастьемъ. Стремленіе на волю, разочарованіе въ цивилизованномъ обществѣ заставляютъ поэта искать другой, настоящей жизни, онъ надѣется найти ее среди непосредственныхъ натуръ, не тронутыхъ фальшивою цивилизаціей. Фантазія переноситъ поэта на Кавказъ, и здѣсь онъ создаетъ цѣлый рядъ замѣчательно сильныхъ демоническихъ типовъ.

Апоѳеозомъ воли является поэма «Мцыри». Въ своей исповѣди старику Мцыри говоритъ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть,
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы".

«Давнымъ давно», разсказываетъ Мцыри,

. . . . . задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.

На вопросъ старика, что онъ дѣлалъ на волѣ, Мцыри отвѣчаетъ:

. . . . . Жилъ.—И жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей

Съ восторгомъ онъ описываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ монастыря на волю во время страшной грозы, когда вся братія въ ужасѣ собралась для молитвы.

. . . . . О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ.
Глазами тучи я слѣдилъ,
Руками молніи ловилъ

И очень естественнымъ послѣ этого является его вопросъ:

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Много пришлось испытать, перестрадать Мцыри во время его скитаній; порою онъ изнемогалъ, но не могъ смириться, не могъ вернуться къ людямъ.

. . . . . Помощи людской
Я не искалъ. Я былъ чужой
Для нихъ на вѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ!

Вся эта исповѣдь принадлежитъ юношѣ больному, измученному, изстрадавшемуся, но въ ней слышится такая неукротимая энергія, такая непреодилимая сила души, которой мы не найдемъ и въ тысячахъ здоровыхъ людей; видна натура непреклонная, демоническая, нисколько не подходящая къ типу того поколѣнія, холодно-разсудительнаго, бездѣйственнаго, которое изображено въ «Думѣ» и отъ котораго поэтъ отворачивается съ такою горечью и призрѣніемъ. Этотъ типъ символически изображенъ

въ стихотвореніи «Парусъ», какъ такой человѣкъ, который «ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Этотъ же типъ мятежнаго скитальца, искателя бурь, такъ художественно представленъ въ «Демонѣ», «Измаилъ-Беѣ», и «Героѣ нашего времени». Таковъ былъ и самъ поэтъ, душа котораго «томилась, желаніемъ чуднымъ полна, и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли».

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья, демоническій типъ долго привлекалъ къ себѣ сочувствіе Лермонтова, однако съ годами мы видимъ признаки поворота въ отношеніяхъ поэта къ этому типу. Въ «Сказкѣ для дѣтей» Лермонтовъ такъ говоритъ объ этомъ поворотѣ:

«Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебной сладкой красотой,
Что было страшно... И душа тоской
Сжималася, и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ;
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—стихами».

Какъ, однако, ни ясно въ этихъ словахъ ироническое отношеніе къ прежнему любимому образу титанической силы, отдѣлаться отъ него одними стихами еще мало, и нужно этому образу противопоставить другой, который обнаружилъ бы его слабыя стороны. Подобное критическое противопоставленіе мы находимъ у Лермонтова въ романѣ «Герой нашего времени». — И этотъ романъ, какъ и многія произведенія Лермонтова, имѣетъ связь съ произведеніями Пушкина. Какъ указалъ одинъ изъ критиковъ, сходство есть въ фамиліяхъ героевъ Пушкина и Лермонтова (Онѣгинъ—Онега, Печоринъ—Печора) и во многихъ подробностяхъ обоихъ романовъ, напр.: отношенія Печорина и Грушницкаго напоминаютъ отношенія Ленскаго и Онѣгина, и даже ссора, ведущая къ дуэли, въ обоихъ романахъ происходитъ на балу. Важнѣе всего, однако, сходство въ отношеніяхъ поэтовъ къ своимъ главнымъ героямъ: какъ Пушкинъ, задумавъ написать сатирическій романъ, развѣнчалъ Евгенія Онѣгина, такъ и Лермонтовъ осудилъ въ лицѣ Печорина типъ скитальца, разочарованнаго во всемъ и вслѣдствіе этого разочарованія доходящаго до крайняго эгоизма.

Хотя Печорину Лермонтовъ придалъ много чертъ своего собственнаго характера,—тѣмъ не менѣе мы ясно видимъ, что онъ осудилъ этотъ типъ. Присутствіе этихъ автобіографическихъ чертъ въ характерѣ Печорина нисколько не противорѣчитъ такому утвержденію: Лермонтовъ далеко не былъ такимъ человѣкомъ, который очарованъ самъ собою,—недовольство собою было въ немъ очень сильно. Развѣнчивается Печоринъ чуть ли не съ самаго начала романа; уже въ предисловіи Лермонтовъ говоритъ, что Печоринъ есть «портретъ, составленный изъ всѣхъ пороковъ нашего времени въ полномъ ихъ развитіи». Затѣмъ въ разговорѣ съ Максимомъ Максимычемъ о разочарованныхъ людяхъ, Лермонтовъ замѣчаетъ, что разочаровнаіе есть «мода, которая донашивается въ нижнихъ классахъ»;— о героѣ нельзя говорить такимъ образомъ, если его признавать дѣйствительно героемъ. Наконецъ, самое существенное, что заставляетъ насъ настаивать на развѣнчаніи Лермонтовымъ Печоринскаго типа— это противопоставленіе Печорину Максима Максимыча. Максимъ Максимычъ не отличается особенно высокимъ образованіемъ, это прямо даже необразованный человѣкъ, въ его различныхъ сужденіяхъ очень много первобытнаго, грубаго, дѣтски-незрѣлаго, но у него такое нѣжное сердце, въ немъ такъ много человѣчности, что мы его сразу начинаемъ любить, а когда больше съ нимъ знакомимся, вполнѣ соглашаемся съ пожеланіемъ Бѣлинскаго: «Дай Богъ поболѣе встрѣтить на пути жизни Максимовъ Максимовичей».

Не образованіе, а необыкновенная деликатная чуткость сердца помогаетъ Максиму Максимычу понимать то, чего не понимаютъ даже высокообразованные и умные люди. Разсказывая объ объясненіи Печорина съ Бэлою и передавая, какъ Бэла бросилась на шею Печорину и зарыдала, Максимъ Максимычъ говоритъ: «Повѣрите ли, я, стоя за дверью, тоже заплакалъ, то есть, знаете, не то чтобы заплакалъ, а такъ «глупость»... Затѣмъ штабсъ-капитанъ замолчалъ.—«Да, признаюсь,—сказалъ онъ потомъ, теребя усы:—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила». Конечно, мы поймемъ, что, «глупость» случилась съ Максимомъ Максимычемъ не отъ того, что его женщины такъ не любили, что тутъ причина ея была гораздо болѣе возвышенная. А какъ нѣжно любитъ Максимъ Максимычъ Печорина, и какое глубокое сочувствіе къ этому милому старику пробуждается въ насъ послѣ его свиданія съ

Печоринымъ, окатившимъ его ушатомъ холодной воды, какъ онъ намъ симпатиченъ и насколько этотъ простой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ выше Печорина, заѣденнаго рефлексіей! Въ этомъ противопоставленіи Печорина Максиму Максимычу заключается задатокъ той идеи, на которой построены многіе романы Достоевскаго, идеи противопоставленія людямъ рефлексіи, часто очень умнымъ, людей «простыхъ», но богатыхъ тѣмъ, что Достоевскій въ романѣ «Идіотъ» называетъ «главнымъ умомъ», людей, отличающихся чуткостью сердца. Эти простые люди у Достоевскаго оказываются всегда выше людей рефлектирующихъ, точно такъ же, какъ Максимъ Максимычъ выше Печорина.

Обращаясь отъ образовъ къ непосредственному выраженію чувствъ поэта въ его лирическихъ произведеніяхъ, мы тоже замѣтимъ преобладаніе мрачнаго мотива разочарованія, неудовлетворенности жизнью вслѣдствіе высокихъ требованій, предъявляемыхъ къ ней поэтомъ. Лучше всего идеальныя стремленія представлены Лермонтовымъ въ его знаменитомъ стихотвореніи «Ангелъ», изъ котораго мы видимъ, что поэтъ томится той дѣйствительностью, которая его окружаетъ, онъ какъ бы вспоминаетъ лучшій небесный міръ, котораго ему никакъ не можетъ замѣнить земное существованіе.

Среди людей, въ свѣтѣ поэтъ чувствуетъ себя всегда одинокимъ, и это не можетъ не вызывать въ немъ грустнаго настроенія, которое изливается уже въ юношескомъ стихотвореніи «Одиночество». Поэтъ говоритъ:

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить;
Дѣлить веселье всѣ готовы,—
Никто не хочетъ грусть дѣлить.
Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ, будто сны,
И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенный—
Онъ ждетъ; что жъ медлить надъ землей?
Никто о томъ не сокрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Тѣ же безотрадныя мысли видимъ мы и въ стихотвореніи «Смерть».

Закатъ горитъ огнистой полосой:
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мной,
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ:
То мысль объ ней... О! далеко она;
И надъ моимъ недвижнымъ блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...

Къ тому же 1830 году относятся два стихотворенія съ одинаковымъ заглавіемъ, «Смерть», выражающія такія же тягостныя мысли поэта. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ желаніи быть «дальше, дальше отъ людей» а, въ другомъ рѣшительно заявляетъ:

Довольно въ мірѣ пожилъ я,—
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя и любя.

Если жизнь обманула поэта, то онъ отказывается вѣрить въ возможность счастья. Въ одномъ изъ стихотвореній 1831 г. онъ говоритъ:

Пусть жизнь моя въ буряхъ несется.
Я безпеченъ, я знаю давно,—
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

Отсюда является какая-то постоянная тревога, такъ хорошо изображенная въ «Парусѣ»: поэтъ «счастья не ищетъ», потому что въ него не вѣритъ,—ему нуженъ только покой, и въ стихотвореніи «Выхожу одинъ я на дорогу» онъ говоритъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ желалъ забыться и заснуть» и т. д.

Кромѣ покоя поэтъ ищетъ свободы, и это стремленіе къ свободѣ особенно сильно высказывается въ стихотвореніи «Отворите мнѣ темницу»... Разочарованіе доходитъ у Лермонтова до крайняго предѣла въ стихотвореніи «И скучно, и грустно». Здѣсь поэтъ, отказавшись отъ любви, отъ всякихъ желаній восклицаетъ въ отчаяніи:

А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ
[вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Дальше этого разочарованіе, отрицаніе жизни идти не можетъ, и у нѣкоторыхъ критиковъ Лермонтова является даже мысль, что дальнѣйшаго пути для развитія творчеству нашего поэта не открывалось, такъ что его ждала смерть поэтическая, т. е. если бы даже его не убили, то самый источникъ его творчества долженъ былъ бы изсякнуть.

Однако, съ подобнымъ мнѣніемъ трудно согласиться. Прежде всего надо замѣтить, что всякія вообще предсказанія могутъ быть только гадательными, тѣмъ болѣе если намъ приходится говорить о поэтѣ, умершемъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, какъ Лермонтовъ; что бы сказали подобные критики, желающіе быть пророками, если бы дѣятельность Пушкина оборвалась послѣ «Кавказскаго плѣнника?» По всей вѣроятности приговоръ о будущности нашего величайшаго поэта былъ бы крайне неблагопріятнымъ. Кромѣ этого, слѣдуетъ сказать, что для Лермонтова дѣйствительно открывалась возможность исхода изъ его разочарованія въ другихъ мотивахъ, которые, между тѣмъ сильнѣе выражались въ его поэзіи. Прежде всего изъ этихъ мотивовъ надо выдвинуть религіозное настроеніе, такъ ярко рисующееся намъ въ стихотвореніяхъ: «Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Въ минуту жизни трудную». Изъ этихъ стихотвореній мы видимъ, что сомнѣнія покидали поэта, что онъ проникался вѣрой, видѣлъ въ небесахъ Бога и признавалъ возможность постигнуть счастье на землѣ. За религіозными слѣдуютъ мотивы любви и дружбы: припомнимъ напр. такія стихотворенія, какъ «Памяти кн. А. И. Одоевскаго», «Разстались мы, но твой портретъ храню я на груди своей». Далѣе идетъ рядъ произведеній, показывающихъ, что Лермонтовъ все болѣе и болѣе начиналъ постигать и цѣнить простую русскую жизнь. Таково напр., его стихотвореніе «Ро-

дина», выражающее то же настроеніе, что мы находимъ у Пушкина въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Таково же и слѣдующее замѣчательное стихотвореніе «Изъ альбома С. Н. Карамзиной»

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Рядомъ съ этой любовью къ простотѣ русской жизни является у Лермонтова, подъ вліяніемъ, можетъ быть, славянофиловъ, критическій взглядъ на западно-европейскую жизнь и сознаніе великихъ задачъ, предстоящихъ Россіи. Критическое отношеніе къ западу выразилось очень хорошо въ слѣдующихъ строкахъ изъ стихотворенія «Умирающій гладіаторъ»:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей—
Осмѣянный ликующей толпой.
И предъ кончиною ты взоры обратилъ,
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья,
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно, для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья—
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

Сознаніе силы Россіи и великихъ задачъ, которыя ей предстоитъ разрѣшить, ясно высказано Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ «Бородино» и «Споръ».

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что чрезвычайно важнымъ средствомъ, которое могло спасти поэта отъ разочарованія, была проявлявшаяся у него объективность творчества. Въ этомъ от-

ношеніи недосягаемымъ образцомъ можетъ служить его знаменитая «Пѣсня про купца Калашникова». о которой уже сказано выше.

Все это позволяетъ примѣнить къ Лермонтову тѣ же слова, которыя онъ сказалъ о кн. А. И. Одоевскомъ:

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество *).

Говоря о развитіи взглядовъ какого-либо писателя на творчество, мы имѣемъ въ виду разрѣшеніе вопроса объ отношеніи его къ двумъ основнымъ элементамъ творчества, реальному и идеальному, къ воспроизведенію дѣйствительности и къ тому освѣщенію, въ которомъ эта дѣйствительность представляется. По существу своему идеальный элементъ есть нѣчто первенствующее: въ немъ ярче всего выражается личность писателя, далеко для насъ не безразличная, такъ какъ приступая къ чтенію какой нибудь книги, мы не только ищемъ въ ней фактовъ, но и стремимся найти опору для своихъ сужденій о фактахъ, для чего какъ бы вступаемъ въ бесѣду съ писателемъ: идеальный элементъ есть та цѣль, для которой совершается самое воспроизведеніе дѣйствительности; онъ оправдываетъ это воспроизведеніе, не могущее, какъ извѣстно, никогда быть полнымъ и совершеннымъ. Основу поэтическому произведенію даетъ идея, и художникъ тотъ же мыслитель, но по выраженію Бѣлинскаго, мыслящій образами; послѣдніе же, если они даже фантастичны, даются художнику жизнью, слѣдовательно сила ихъ заключается въ ихъ реализмѣ въ широкомъ значеніи этого слова, въ ихъ правдивости.

Каковъ же взглядъ Гоголя на указанные два элемента творчества? Какъ этотъ взглядъ развивался и видоизмѣнялся? Подъ какими вліяніями находился Гоголь, вырабатывая свои взгляды на литературу? Отвѣтъ на эти вопросы можно найти въ его сочиненіяхъ, въ которыхъ частью имѣются непосредственныя показанія самого писателя, частью обнаруживается постепенное измѣненіе характера его творчества, находившееся подъ вліяніемъ его теоретическихъ взглядовъ.

Обращаясь къ его юношескимъ годамъ, мы прежде всего должны отмѣтить одно его показаніе, характеризующее въ немъ

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Имп. Академіи Наукъ 21 февраля 1902 года.

задатки будущаго реалиста, наблюдательность, соединенную съ особаго рода анализомъ, стремленіемъ дополнить наблюдаемую картину какими-либо оживляющими ее подробностями. Я имѣю здѣсь въ виду слѣдующія любопытныя воспоминанія во вступленіи къ VI главѣ «Мертвыхъ Душъ»: «Прежде, давно, въ лѣта моей юности,—говоритъ Гоголь,—въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо,—я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша

и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, со своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, и играми и вѣчною красавицей, меньшей сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу». (10 изд., т. III, стр. 107—8)

Такая же аналитическая наблюдательность составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ Гоголя и во время пребыванія его въ Нѣжинскомъ лицеѣ, и эту особенность, какъ онъ вспоминаетъ въ «Авторской исповѣди», замѣчали его товарищи. «Въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ,—сообщаетъ Гоголь,—находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то, что передразнить, но *угадать* человѣка, то есть, угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей» (т. IV, стр. 248). Можетъ быть, это умѣнье угадывать человѣка, на которое впослѣдствіи, по свидѣтельству Гоголя, указывалъ и Пушкинъ, имѣло нѣкоторую связь съ той «охотой къ наблюденью внутреннему надъ человѣкомъ и надъ душой человѣческой», охотой, о которой Гоголь упоминаетъ въ письмѣ къ Жуковскому (тамъ же, стр. 281), какъ объ отличительномъ своемъ свойствѣ, «прежде чѣмъ сдѣлался писатель». Во всякомъ случаѣ любопытно для характеристики наблюдательности Гоголя отмѣтить собственное его показаніе объ оригинальномъ пріемѣ, при помощи котораго онъ добывалъ иногда свои наблюденія. «Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 7 ноября 1838 г. къ М. П. Балабиной,—я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавши все о себѣ» (Письма, т. I, стр. 544).

При всей важности этихъ свѣдѣній о раннемъ развитіи на-

блюдательности Гоголя, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, чтобы утверждать, что Гоголь въ школѣ пользовался матеріаломъ своихъ наблюденій для литературныхъ цѣлей. Какъ онъ самъ сообщаетъ, «мысль о писательствѣ никогда не всходила на умъ». Первыя его произведенія, до насъ не дошедшія, насколько извѣстно, не истекали изъ его наблюденій, а были результатомъ подражанія. «Первые мои опыты, говоритъ онъ, — первыя упражненія съ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками». Дѣйствительно, мы, знаемъ, что къ этому времени относятся повѣсть «Братья Твердиславичи», написанная «высокимъ стилемъ», трогательная баллада «Двѣ рыбки», трагедія «Разбойники», стихотворенія «Россія подъ игомъ татаръ» и «Непогода»; къ тому же Нѣжинскому періоду относится и «Ганцъ Кюхельгартенъ». Все это произведенія романтически-сентиментальнаго характера, и какимъ-то диссонансомъ къ нимъ является приведенное Кулишомъ сообщеніе Высоцкаго о томъ, что Гоголь написалъ сатиру подъ заглавіемъ «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ». Хотя Кулишъ, со словъ Высоцкаго, сообщилъ и планъ этой сатиры, но въ достовѣрности этого показанія, намъ кажется, можно усумниться, и вотъ на какомъ основаніи: мы имѣемъ письмо Гоголя къ Высоцкому отъ 19 марта 1827 г., и въ этомъ письмѣ, передавая Высоцкому разныя нѣжинскія новости, между прочимъ и о выборахъ въ греческій магистратъ (вторая глава сатиры называлась, по словамъ Высоцкаго, «Выборы въ греческій магистратъ»), Гоголь разсказываетъ о «забавныхъ исторіяхъ и анекдотахъ» съ учителемъ латинскаго языка, И. Г. Кулжинскимъ: «Онъ теперь напечаталъ свое сочиненіе подъ названіемъ «Малороссійская деревня». Этотъ литературный уродъ причиною всѣхъ его бѣдствій: когда онъ только проходитъ черезъ классъ, тотчасъ ему читаютъ отрывки изъ «Малороссійской деревни» и почтенный князь бѣсится, сколько есть духу; когда онъ бываетъ въ театрѣ, то кто-нибудь изъ нашихъ объявляетъ громогласно о представленіи новой пьесы; ея заглавія: «Малороссійская

деревня» или «Законъ дуракамъ не писанъ». 'комедія-водевиль» (Письма, т. I, стр. 65). Не измѣнила ли въ этомъ случаѣ Высоцкому его память? Не обратилось ли это сообщеніе Гоголя въ воспоминаніе о его сатирѣ, заглавіе которой подходитъ къ заглавію комедіи-водевиля? Какъ бы то ни было, для насъ существенно, что яснаго представленія о своей будущей литературной дѣятельности и ея характерѣ у Гоголя не было при окончаніи курса Нѣжинскаго лицея.

Такая же невыясненность или, вѣрнѣе, безотчетность творчества замѣчается у Гоголя при первыхъ его шагахъ на литературномъ поприщѣ въ Петербургѣ. Не касаясь неудачныхъ «Ганца Кюхельгартена» (написаннаго раньше) и стихотворенія «Италія», если остановиться на «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки», то въ этихъ повѣстяхъ бросается въ глаза, съ одной стороны, безотчетное упоеніе созерцаемой красотой милой сердцу малороссійской природы и малороссійскаго крестьянскаго быта, сильно идеализированнаго, а съ другой—увлекательная веселость, къ которой отчасти подходитъ слѣдующая характеристика своихъ первыхъ произведеній, данная Гоголемъ: «Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать самого себя, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого какая выйдетъ польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала» (т. IV, стр. 248). Анализируя повѣсти, входящія въ составъ «Вечеровъ», мы видимъ въ нихъ не мало слѣдовъ той наблюдательности, о которой говорили, а въ освѣщеніи жизненнаго матеріала проявляется рядомъ съ идеализаціей, тотъ добродушный юморъ, который можетъ быть уподобленъ улыбкѣ матери, глядящей на шалости любимаго ребенка. Особенно такой характеръ безобидности юмора, любовности изображенія, ярокъ, когда Гоголь рисуетъ намъ крестьянскіе типы: въ отношеніи же его къ немногимъ фигурамъ помѣщиковъ, къ Ивану Ѳедоровичу Шпонькѣ, его тетушкѣ и Григорію Гигорьевичу Сторченко чувствуется нѣколько иной (правда, едва уловимый) оттѣнокъ юмора.

Въ этихъ же фигурахъ намѣчается та пошлость, которая наводитъ Гоголя на грустныя размышленія въ повѣстяхъ «Миргорода», въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» и въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Безотчетная веселость смѣняется вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни, и настроеніе автора обнаруживается заменитымъ восклицаніемъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Вполнѣ понятенъ поэтому отзывъ Бѣлинскаго о повѣстяхъ Гоголя: «почти каждая изъ нихъ есть смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями, и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь: сначала смѣшно, потомъ грустно».

Если «Миргородъ» представляетъ собою переходную ступень къ сознательности юмора, то такъ называемыя Петербургскія повѣсти, будучи частью проникнуты тѣмъ же грустнымъ настроеніемъ, интересны потому, что одна изъ нихъ можетъ считаться какъ бы самопризнаніемъ автора, выраженіемъ его взглядовъ на искусство. Эта повѣсть—«Портретъ». Оставляя въ сторонѣ не совсѣмъ, можетъ быть, удачную, мистическую обстановку этого произведенія, мы въ немъ встрѣчаемъ нѣсколько очень любопытныхъ замѣчаній о значеніи и характерѣ реализма въ искусствѣ. Въ повѣсти ярко выставлена нелѣпость требованій, зачастую предъявляемыхъ художнику толпой: художникъ становится модянымъ, когда начинаетъ льститъ вкусамъ толпы, т. е., забываетъ о правдѣ изображенія. Попробовавъ написать портретъ молоденькой свѣтской дѣвицы такъ, чтобы онъ соотвѣтствовалъ оригиналу, художникъ Чертковъ не удовлетворилъ желанію своей заказчицы, и только тогда удостоился похвалы, когда отступилъ отъ правды. Онъ взялся за старый свой этюдъ Психеи, и вотъ «типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психеѣ, и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія. Казалось, онъ воспользовался, по частямъ и вмѣстѣ, всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его пріѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленія и всплеснули руками.

«Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, Superbe! Какъ хорошо

вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ!

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо: «Это Психея».

«Въ видѣ Психеи? C'est charmant», сказала мать, улыбнувшись, при чемъ улыбнулась также и дочь. «Не правда ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée délicieuse! Но какая робота! Это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также и съ меня портретъ». Дамѣ, какъ видно, хотѣлось тоже предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

«Что мнѣ съ ними дѣлать?» подумалъ художникъ. «Если онѣ сами такъ хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что имъ хочется», и произнесъ вслухъ: «Потрудитесь еще немного присѣсть: я кое-что немножко трону».

«Ахъ я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа».

Но художникъ понялъ, что опасенія были насчетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ болѣе блеску и выраженья глазамъ. А по справедливости, ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорилъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной дѣвушки стали наконецъ яснѣе выходить изъ облика Психеи.

«Довольно!» сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось, наконецъ, ужъ черезчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатіемъ руки, приглашеніемъ на обѣды,—словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ».

Поддавшись требованіямъ толпы, отступивъ отъ правды въ своихъ произведеніяхъ, художникъ скоро пріобрѣтаетъ, хотя дешевую, но широкую популярность, его заваливаютъ работами, такъ какъ «всѣ изумлялись искусству, съ какимъ онъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу». Однако эта популярность губитъ художника: обремененный всевозможными заказами, онъ скоро «увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти,—схватывать одно только

цѣлое, одно общее выраженіе и не углубляться кистью въ утонченныя подробности,—однимъ словомъ слѣдить природу въ ея оконченности было рѣшительно невозможно». Въ этихъ словахъ, въ требованіи воспроизводить «утонченныя подробности», выражается основное условіе реализма, и оно еще опредѣленнѣе представлено Гоголемъ въ томъ наставленіи, которое старый художникъ даетъ своему сыну; однако въ этомъ наставленіи есть нѣкоторое дополненіе, которое объясняетъ намъ цѣль и характеръ воспроизведенія дѣйствительности. «Изслѣдуй,—говоритъ художникъ,—изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданія. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ и по тому одному оно уже выше всего».

Такимъ образомъ одного воспроизведенія «утонченныхъ подробностей» еще не достаточно, а необходимо сверхъ того идеальное освѣщеніе картины; иначе самый реализмъ можетъ оказаться ложью, его созданія будутъ произведеніемъ фальшиваго искусства, какъ это случилось съ художникомъ, написавшимъ портретъ ростовщика: несмотря на поразительное сходство, портретъ отталкиваетъ зрителей, вызывая впечатлѣніе антиэстетическое. Художникъ объясняетъ причину этого факта слѣдующимъ образомъ: «скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его, я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него суть уже мятежныя чувства.

Совершенно иное впечатлѣніе производится созданіемъ истиннаго искусства: оно чаруетъ человѣка и, представляя дѣйствительность, поднимаетъ его надъ землей. Вотъ какъ характеризуется подобное впечатлѣніе въ той же повѣсти: «Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло предъ нимъ (Чертковымъ) произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ геній, возносилось оно надъ всѣми. Казалось, небесныя

фигуры, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученье Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Кореджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительнѣе всего видна была сила созданья, уже заключенная въ душѣ самого художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ законъ и внутренняя сила; вездѣ была уловлена это плывучая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у копіиста. Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью. И стало ясно даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданіемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объяты всѣ, вперившіе глаза на картину—ни шелеста, ни звука; а картина между тѣмъ ежеминутно казалась выше и выше: свѣтлѣй и чудеснѣй отдѣлялась отъ всего и вся превратилась, наконецъ, въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли,—мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію».

Реализмъ, какъ мы видимъ, выражается въ этой повѣсти уже не инстинктивнымъ стремленіемъ, какъ было у Гоголя раньше, но сознательнымъ опредѣленіемъ задачъ искусства. Эта сознательность реализма явилась у нашего писателя подъ вліяніемъ Пушкина, и любопытна потому, что въ тѣхъ же «Арабескахъ», въ которыхъ помѣщенъ «Портретъ», находится статья «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ». Для насъ эта статья, какъ оцѣнка Пушкина, уже не имѣетъ значенія, но она важна въ историческомъ отношеніи: съ одной стороны, она выдѣляется изъ массы отзывовъ того времени о Пушкинѣ вѣрнымъ пониманіемъ его реализма, съ другой же стороны, она характеризуетъ намъ требованія, предъявлявшіяся искусству самимъ Гоголемъ;

а такъ какъ изложеніе этого profession de foi связано съ именемъ Пушкина, то мы имѣемъ право думать, что взгляды на искусство у Гоголя, если не возникаютъ, то выясняются именно подъ вліяніемъ Пушкина, которое, конечно, выражалось не въ одномъ сообщеніи сюжетовъ для «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ».

Остановимся на этой характеристикѣ поэзіи Пушкина. «Будучи поражены—говоритъ Гоголь, смѣлостью кисти Пушкина и волшебствомъ картинъ (кавказской природы и быта), всѣ читатели его, и образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобы отечественныя историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: «изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были». Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: «это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, что было». Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ, совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ!»

Послѣднее сравненіе, какъ мы видѣли, разрослось въ «Портретѣ» въ цѣльный эпизодъ, характеризующій отношеніе толпы къ художественной правдѣ, такъ что въ этомъ эпизодѣ мы можемъ видѣть нѣкоторое отраженіе Пушкинскаго вліянія. Развивая далѣе свою оцѣнку Пушкина, Гоголь высказываетъ любопытныя мысли о выборѣ предметовъ для художественнаго воспроизведенія. «Никто—говоритъ онъ,—не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, самъ себѣ и судья, и господинъ, гораздо ярче какого нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свобод-

ныхъ душъ. Но тотъ и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ неразсчета поэта—неразсчета передъ его многочисленною публикою, а не передъ собою; онъ ничуть не теряетъ своего достоинства; даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей» (т. V. стр. 209—210).

Это противоположеніе «обыкновеннаго» и «необыкновеннаго», какъ предметовъ, для искусства вполнѣ равноцѣнныхъ, выступаетъ передъ нами и въ извѣстной параллели въ VII главѣ «Мертвыхъ Душъ», между двумя писателями, изъ которыхъ одинъ «не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ», а другой «дерзнулъ вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи». Послѣдній писатель остается мало-оцѣненнымъ толпою; «современный судъ назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ: ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій, восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги».

Возвращаясь къ статьѣ о Пушкинѣ, отмѣтимъ припоминаемый Гоголемъ, какъ иллюстрація къ общему положенію, эпизодъ изъ его дѣтства, показывающій, что разсматриваемый художественный вопросъ останавливалъ на себѣ вниманіе нашего писателя уже очень рано. «Я всегда—разсказываетъ Гоголь,—чув-

ствовалъ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое. Въ дѣтствѣ мнѣ показалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпѣ». Изученіе поэзіи Пушкина, отличающейся простотою и правдивостью, приводитъ Гоголя къ выводамъ, прямо противоположнымъ тому, что высказалъ упомянутый сосѣдъ, «потому что, чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное, и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина» (т. V. стр. 211),

Кромѣ этого, такъ сказать, косвеннаго показанія, мы имѣемъ непосредственныя свидѣтельства самого Гоголя о томъ, какое значеніе имѣлъ для него Пушкинъ. Приведемъ одно изъ такихъ свидѣтельствъ. Получивъ извѣстіе о смерти Пушкина, Гоголь писалъ 30 марта 1837 г. изъ Рима Погодину: «Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой (т. е. «Мертвыя Души») есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобъ онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою». Почти то же самое говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Плетневу, еще ярче характеризуя свое духовное общеніе съ Пушкинымъ: «Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное свое одобреніе—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы». Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 18 (6) апрѣля

того же года онъ говоритъ о «Мертвыхъ Душахъ»: «Я долженъ продолжать мною начатый, большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе». (Письма т. I, стр. 432, 434, 441).

Не имѣя вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ для точнаго отвѣта на вопросъ, въ чемъ же выражалось вліяніе Пушкина на Гоголя, мы можемъ, однако, предположительно высказать мнѣніе, что съ одной стороны, оно обнаружилось въ стремленіи къ воспроизведенію дѣйствительности, въ реализмѣ, какъ мы уже указали, а съ другой—это вліяніе могло быть умѣряющимъ элементомъ по отношенію къ тому мистицизму, который свойственъ былъ Гоголю съ давнихъ поръ. Думается, не даромъ этотъ мистицизмъ началъ такъ сильно развиваться въ Гоголѣ именно послѣ смерти Пушкина. Намъ трудно судить, какой характеръ получили бы «Мертвыя Души» или «Театральный разъѣздъ», если бы они создавались подъ наблюденіемъ Пушкина; но во всякомъ случаѣ вполнѣ вѣроятно, что свѣтлый геній Пушкина сумѣлъ бы иначе направить тѣ стремленія къ учительству общественному, которыя проявляются у Гоголя въ концѣ 1830-хъ годовъ. Врядъ ли возможно было бы появиться «Развязкѣ Ревизора» съ ея мистическимъ толкованіемъ знаменитыхъ типовъ, жизненность которыхъ такъ хорошо понималъ Пушкинъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія причины развитія въ Гоголѣ мистицизма, нельзя не видѣть крайне печальнаго факта, именно въ этомъ отношеніи, и въ устраненіи Пушкинскаго вліянія.

Тотъ идеальный элементъ, о которомъ говорилъ Гоголь въ «Портретѣ» и который придавалъ высшее освѣщеніе гуманности и справедливости его повѣстямъ, «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ», возбуждая въ читателяхъ то скорбь при видѣ людской пошлости, то жалость къ забитому, униженному человѣку, то негодованіе при видѣ поруганія образа Божія въ человѣкѣ, при видѣ всяческаго произвола и притѣсненія, этотъ идеальный элементъ, особенно сильный въ соединеніи съ правдивымъ изображеніемъ жизни, теперь въ поэтѣ перевѣшиваетъ его прежнія художественныя стремленія, заслоняетъ жизненную правду въ его произведеніяхъ: гармонія между воспроизведеніемъ жизни и ея освѣщеніемъ, гармонія, вполнѣ необходимая для поэта, какъ думалъ и самъ Гоголь, совершенно разрушается. Проповѣдь живыми образами уступаетъ мѣсто сухому поученію. Поэтъ обра-

щается къ совѣсти читателей, но онъ забылъ тотъ путь, который вѣрнѣе всего велъ его къ тайникамъ этой совѣсти, и онъ лишился своей прежней силы. Въ этотъ печальный періодъ своей дѣятельности, однако, Гоголь выдвигаетъ нѣкоторые очень важные вопросы. Самому ему не суждено было ихъ разработать, какъ слѣдуетъ, ихъ разрѣшеніе составило задачу многихъ художниковъ, явившихся его преемниками. Исканіе правды лучше всего связываетъ Гоголя съ Достоевскимъ и гр. Л. Н. Толстымъ, исканіе положительныхъ образовъ преемственно передалось отъ него Гончарову и Тургеневу.

Гоголь и русская повѣсть.

Критическая литература, посвященная произведеніямъ Гоголя, чрезвычайно обширна и заключаетъ въ себѣ не мало весьма цѣннаго матеріала для опредѣленія значенія нашего великаго сатирика; но, несмотря на это, вопросъ объ историческомъ положеніи Гоголя далеко не можетъ считаться исчерпаннымъ. И до сихъ поръ возможны разногласія относительно того, кто долженъ признаваться родоначальникомъ нашей новой литературы, Пушкинъ или Гоголь; не были также уяснены отношенія Гоголя къ его предшественникамъ. Бѣлинскій въ своей статьѣ объ «Арабескахъ» и «Миргородѣ» затронулъ этотъ послѣдній вопросъ, сказалъ о повѣстяхъ Марлинскаго, кн. Одоевскаго, Погодина, Павлова и Полевого, но, признавъ, что «у насъ еще нѣтъ повѣсти, въ собственномъ смыслѣ этого слова», устранился отъ прямого историко-литературнаго изслѣдованія связей Гоголя съ окружавшей его средой. Таково же было отношеніе и послѣдующихъ критиковъ, и такимъ образомъ тѣ элементы, изъ которыхъ слагалось творчество Гоголя, надолго оставались не изученными. Частью не сознавалась потребность подобнаго изученія, частью оно представлялось затруднительнымъ, такъ какъ необходимо было отдалиться отъ Гоголевской эпохи, чтобы открылась историческая перспектива, при которой объективная оцѣнка становится возможной. Однако, вопросъ долженъ былъ рано или поздно привлечь вниманіе научной критики, и въ прошломъ году изслѣдованіе было предпринято проф. Н. А. Котляревскимъ, въ его работѣ: «Н. В. Гоголь 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы» (Спб. 1903), печатавшейся первоначально въ журналѣ «Міръ Божій».

Талантливый авторъ поставилъ себѣ двоякую задачу: «во-первыхъ, возстановить съ возможной полнотой исторію психическихъ движеній загадочной души художника и, во-вторыхъ, изслѣдовать болѣе подробно ту взаимную связь, которая объединяетъ творчество Гоголя съ творчествомъ предшествовавшихъ и

современныхъ ему писателей». Первая задача, какъ признаетъ самъ изслѣдователь, «не допускаетъ полнаго рѣшенія», здѣсь приходится ограничиваться лишь догадками, и надо сказать, что мѣстами г. Котляревскій даетъ новое освѣщеніе фактамъ творчества Гоголя, хотя есть и кое-какіе пункты, по которымъ возможно и нѣсколько иное рѣшеніе. Указывая на эту возможность, мы все же должны помнить, что при настоящемъ состояніи матеріала (а, можетъ быть, и всегда) прочныхъ выводовъ мы не добудемъ. Въ виду этого гораздо интереснѣе остановиться на тѣхъ результатахъ, къ которымъ пришелъ г. Котляревскій при рѣшеніи второго поставленнаго имъ вопроса. Его книга даетъ много для опредѣленія историческаго значенія Гоголевскихъ повѣстей, для ознакомленія съ тѣми «помощниками» Гоголя, «которые своими трудами прокладывали ему дорогу или вмѣстѣ съ нимъ трудились надъ одной задачей и даже болѣе пристально присматривались иногда къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни, на которыя нашъ сатирикъ не умѣлъ обратить должнаго вниманія».

Критика двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, выставляя требованіе народности и самобытности, обыкновенно относилась къ современной литературѣ крайне отрицательно и категорически иногда заявляла, что «мы нищіе, принужденные обкрадывать своихъ сосѣдей». Въ этомъ строгомъ приговорѣ было много правильнаго, но уже самая его категоричность требуетъ провѣрки. Вполнѣ признавая сильное вліяніе на нашу литературу западныхъ образцовъ, прямо невозможно допустить даже о priori, чтобы въ многочисленныхъ произведеніяхъ нашихъ тогдашнихъ писателей (а среди нихъ были, какъ мы знаемъ, люди съ незаурядными дарованіями) ни въ чемъ не проявилась ихъ оригинальность, нисколько не отразилось бы воздѣйствіе окружавшей ихъ жизненной обстановки. Вѣдь намъ извѣстно, что стремленіе сблизить литературу съ жизнью проявилось у нашихъ писателей уже въ XVIII вѣкѣ; правда, оно выражалось въ односторонней формѣ сатиры, не дававшей полнаго воспроизведенія дѣйствительности, но, тѣмъ не менѣе, оно было и перешло въ XIX столѣтіе. Этотъ сатирическій реализмъ выхватилъ изъ русской жизни нѣсколько очень яркихъ типовъ, хотя въ обрисовкѣ ихъ порой руководился пріемами западныхъ «сосѣдей». Кромѣ того, слѣдуетъ сказать, что въ произведеніяхъ нашихъ сентименталистовъ и романтиковъ русская дѣйствительность, такъ или иначе, все же проглядывала, такъ что г. Котляревскій съ пол-

нымъ основаніемъ утверждаетъ, «что всѣ наши писатели, какъ индивидуальныя лица, при всемъ подражаніи въ ихъ творчествѣ, были все-таки въ извѣстной степени самобытны и народны и никогда не перенимали чужого, не подмѣшавъ къ нему своего, и въ тогдашней литературѣ попадалось не мало романовъ и повѣстей, въ которыхъ современная жизнь находила себѣ уже прямое, достаточно вѣрное воспроизведеніе».

Приходится, слѣдовательно, признать, что наша критика того времени, слишкомъ строго оцѣнивая совокупность литературныхъ фактовъ, впадала незамѣтно для себя въ очень странную ошибку. Отчего это происходило? На этотъ вопросъ нашъ изслѣдователь даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Слишкомъ большая строгость критики находитъ себѣ отчасти объясненіе въ томъ довольно любопытномъ фактѣ, что наши наилучшія литературныя силы и дарованія тѣхъ годовъ, дѣйствительно, неохотно брались за изображеніе окружавшей ихъ жизни, обнаруживая очень мало склонности къ ея реальному воспроизведенію въ искусствѣ. За реальное же изображеніе этой дѣйствительности, изображеніе, которое, въ силу своего реализма, и имѣло больше всего шансовъ стать «народнымъ», взялись не они, а художники второго, иной разъ третьяго ранга, въ произведеніяхъ которыхъ, конечно, цѣль и намѣреніе не покрывались исполненіемъ. Критика, видя эти эстетическіе недохваты въ повѣстяхъ и романахъ нашихъ раннихъ реалистовъ, поторопилась скинуть ихъ работу со счетовъ и потому естественно должна была придти къ выводу, что наша современность въ литературѣ почти не находитъ отзвука». Обосновывая это объясненіе, г. Котляревскій разсматриваетъ въ общихъ чертахъ отношеніе къ «современности» первостепенныхъ дѣятелей и подробно характеризуетъ съ этой же точки зрѣнія работу менѣе выдающихся представителей повѣсти и романа первыхъ дѣятелей XIX вѣка. Слѣдя за этой аргументаціей почтеннаго автора, нельзя не сдѣлать ему нѣкоторыхъ возраженій частнаго характера, нельзя не сказать, что онъ нѣсколько увлекается, умаляя значеніе реальнаго элемента въ творчествѣ литературныхъ корифеевъ. Такъ, на нашъ взглядъ, не совсѣмъ правильно оцѣнены басни Крылова, изъ которыхъ, по словамъ автора, «огромное большинство не имѣло никакого мѣстнаго колорита»; для подобнаго отзыва нѣтъ прочнаго основанія, такъ какъ именно со стороны отношенія къ русской дѣйствительности Крыловскія басни совсѣмъ

почти не изучены, а есть данныя полагать, что весьма многое въ нихъ объясняется именно отраженіями русской жизни, и всяческіе плуты, глупцы и невѣжды, въ нихъ изображенные, не «самые общіе типы», какъ говоритъ г. Котляревскій, но подлинные русскіе люди. Настолько же намъ кажется приниженнымъ и значеніе Пушкина въ развитіи нашего реализма: если «Пушкинъ, какъ бытописатель русской жизни, по словамъ г. Котляревскаго, былъ извѣстенъ лишь, какъ авторъ одной поэмы и одного сборника разсказовъ, мало оцѣненныхъ», то не слѣдуетъ забывать, что эта поэма называлась «Евгеній Онѣгинъ» и была удивительнѣйшимъ ооразцомъ воспроизведенія современности.

Если эта сторона положенія, выставленнаго г. Котляревскимъ и можетъ вызывать нѣкоторыя возраженія, то его замѣчанія относительно менѣе видныхъ представителей нашего реализма заслуживаютъ полнаго вниманія. Совершенно правильно настаиваетъ авторъ на томъ, что «работу писателей второго ранга, а именно и третьяго, нельзя упускать изъ виду». Историческое изслѣдованіе должно показать, какъ въ этихъ второстепенныхъ работникахъ наростала общая тенденція сблизить литературу съ жизнью. «При ихъ работѣ медленно и постепенно крѣпли пріемы истинно-реальнаго творчества, вырабатывалась извѣстная техника и что въ особенности важно — при ней замѣтно расширялся кругозоръ художника, который пріучился включать въ сферу своего художественнаго наблюденія матеріалъ все болѣе и болѣе разнообразный. Вся эта, иной разъ кропотливая работа наблюдателей-жанристовъ и бытописателей, моралистовъ уравнивала дорогу, по которой долженъ былъ пойти истинно-сильный талантъ, призванный дать настоящую художественную форму этимъ разрозненнымъ наблюденіямъ надъ жизнью». Приближеніе къ дѣйствительности происходило въ длинномъ рядѣ такъ называемыхъ «нравственно-сатирическихъ» романовъ: поставивъ себѣ цѣлью дать извѣстное поученіе, обличить пороки, авторы подобныхъ романовъ естественно были приведены къ изображенію жизни. Страдало при этомъ художественное достоинство литературныхъ произведеній, творчество замѣнялось подбираніемъ ряда наблюденій для доказательства извѣстной моральной сентенціи, причемъ вырабатывался нѣкоторый постоянный шаблонъ, и романы отдѣльныхъ писателей отличались крайнимъ однообразіемъ плана, заранѣе намѣченнаго; но при всѣхъ этихъ недостаткахъ художественныхъ, при ремесленности такого пи-

санья, жизнь давала о себѣ знать въ той или иной формѣ, и романъ изъ «нравственно-сатирическаго» обращался въ «нравоописательный», захватывая тотъ или другой любопытный уголокъ дѣйствительности.

Наиболѣе распространенною формою для такихъ произведеній былъ унаслѣдованный еще отъ XVIII вѣка «романъ съ приключеніями». Какъ показала еще Н. А. Бѣлозерская въ своей работѣ о Нарѣжномъ, подобный романъ являлся удобной рамкой, въ которой беллетристъ помѣщалъ различныя свои наблюденія. На реалистическую цѣнность романовъ съ приключеніями указываетъ и г. Котляревскій. «Для облегченія своей работы мозаиста и классификатора—говоритъ нашъ изслѣдователь, писатель прибѣгалъ обыкновенно къ очень распространенному пріему: онъ заставлялъ главнаго героя своего разсказа—личность иногда менѣе интересную, чѣмъ всѣ второстепенныя лица, которые ее окружали—путешествовать или вообще передвигаться съ мѣста на мѣсто. Этотъ главный герой или героиня, которые не сами двигали дѣйствіе разсказа, а, наоборотъ, этимъ дѣйствіемъ приводились въ движеніе, имѣли, такимъ образомъ, случай столкновенія съ самымъ разнообразнымъ контингентомъ лицъ, попадали иногда не произвольно для себя, но съ умысломъ для автора, въ самыя различныя обстановки»... Необходимо, однако, замѣтить, что, при всей возможности пользоваться въ этой формѣ своими наблюденіями надъ реальной обстановкой, писатель весьма часто грѣшилъ сочинительствомъ: онъ рисовалъ опредѣленные, прочно установленные литературною традиціей и требуемые его поучительною цѣлью типы добродѣтельныхъ и разумныхъ или злыхъ и глупыхъ людей. Именно это господство литературнаго преданія, замѣнявшаго непосредственное наблюденіе, и педантизмъ были главными препятствіями въ выработкѣ истиннаго реализма въ повѣсти и романѣ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка.

Освободиться въ большей или меньшей степени отъ этихъ недостатковъ было дѣломъ таланта того или другого писателя, и мы знаемъ, что нѣкоторымъ изъ нашихъ бытописателей удавалось иногда довольно хорошо выйти изъ затрудненія. Въ этомъ отношеніи очень замѣтной величиной былъ Нарѣжный, дѣятельность котораго только недавно получила настоящее историческое освѣщеніе: въ его романахъ замѣтны не только отдѣльныя черточки современной жизни, но отражаются и весьма существенныя общія явленія, такъ что нашъ изслѣдователь вполнѣ

справедливо выдвигаетъ «смѣлость» этого романиста. Изъ писателей николаевскаго времени ни одинъ (говоря о второстепенныхъ величинахъ) не можетъ сравниться съ Нарѣжнымъ, но и среди нихъ нельзя не оцѣнить такихъ людей, какъ Полевой, Марлинскій, Бѣгичевъ, Булгаринъ и др. При всей разности дарованій и цѣлей этихъ литераторовъ, жизнь не могла не отражаться въ ихъ произведеніяхъ, и въ этомъ смыслѣ они не лишены интереса, когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ Гоголя. Можно, конечно, находить въ ихъ писаніяхъ параллели къ гоголевскимъ типамъ и положеніямъ, но такая работа врядъ ли можетъ считаться особенно производительной, такъ какъ у Гоголя, какъ справедливо говоритъ г. Котляревскій, «никакого прямого заимствованія не было, онъ писалъ съ натуры такъ же, какъ и его предшественники, и потому совпаденія были неизбѣжны». Но, отвергая заимствованія, изслѣдователь не можетъ отрицать нѣкоторой «зависимости», и обзоръ нашихъ нравоописательныхъ романовъ приводитъ г. Котляревскаго къ такому выводу: «Пріемы реальнаго воспроизведенія жизни и интересъ къ бытовымъ ея сторонамъ, тенденція изображать не одну лишь лицевую сторону дѣйствительности, а также ея изнанку, отсутствіе въ писателѣ отвращенія къ житейской пошлости и грязи, стремленіе эту грязь претворить въ художественный образъ — всѣ эти черты «натуральной школы», отцомъ которой считается Гоголь, существовали въ нашей литературѣ задолго до появленія его разсказовъ, и ему въ данномъ случаѣ пролагать новыхъ путей не приходилось».

Это вѣрно въ общемъ, путь былъ, дѣйствительно, намѣченъ раньше Гоголя, но въ томъ-то и заключается значеніе работы генія, что онъ на старомъ пути творитъ нѣчто новое, что онъ устраняетъ окончательно тѣ препятствія, съ которыми не могли справиться менѣе талантливые предшественники, подчинявшіеся установленнымъ шаблонамъ. Избавленіе отъ этихъ шаблоновъ стараго преданія и составляетъ заслугу Гоголя; онъ всегда пишетъ съ натуры, тогда какъ его предшественники часто заслоняютъ натуру дидактизмомъ и условными пріемами письма.

Но рядомъ съ этимъ огромнымъ шагомъ впередъ въ области реализма, въ дѣятельности Гоголя слѣдуетъ отмѣчать и другую черту, которая его тоже связываетъ съ его предшественниками и современниками. Эта черта—его романтизмъ. Какъ показываетъ г. Котляревскій, романтическія стремленія были очень

сильны въ нашемъ юмористѣ: они особенно ярки въ его раннихъ произведеніяхъ, но не исчезаютъ они и въ послѣдующіе періоды его творчества. Ихъ поддерживаетъ въ Гоголѣ литературная обстановка его сложной психической организаціи, но коренятся они въ самой глубинѣ его сложной психической организаціи, и присутствіе ихъ рядомъ съ реалистическимъ взглядомъ на жизнь ведетъ къ борьбѣ, отражающейся въ произведеніяхъ художника. Это столкновеніе реализма съ романтизмомъ особенно любопытно въ процессѣ выработки воззрѣній Гоголя на художественное творчество, и опять таки анализъ литературной обстановки его времени обнаруживаетъ, что Гоголь въ этомъ случаѣ совпадалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ современниковъ. Кукольникъ, Полевой, Павловъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій своими произведеніями даютъ любопытную иллюстрацію борьбы этихъ двухъ теченій въ тогдашней литературѣ. Нельзя сказать, чтобы и эта сторона не имѣла значенія для будущаго литературнаго развитія; изъ нея именно и можно производить тотъ идеальный элементъ, который придаетъ такую великую цѣнность созданіямъ послѣдователей Гоголя, великихъ представителей нашей натуральной школы.

Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій.

Имена этихъ трехъ поэтовъ мы привыкли связывать съ именемъ Пушкина, благодаря прежде всего ихъ личнымъ отношеніямъ къ геніальному начинателю новаго періода нашей литературы. Это самые близкіе къ Пушкину люди изъ числа его сверстниковъ. Дружба Пушкина съ барономъ Дельвигомъ возникла уже на лицейской скамьѣ и продолжалась до самой смерти послѣдняго (1831 г.). Сблизились юноши на почвѣ общихъ литературныхъ интересовъ, какъ это прекрасно выразилъ Пушкинъ въ стихотвореніи «19 октября 1825 года», обращаясь къ Дельвигу:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья.
Ты—гордый—пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Эта общность литературныхъ интересовъ остается основаніемъ дружбы обоихъ поэтовъ и впослѣдствіи: когда Дельвигъ основалъ «Литературную Газету», Пушкинъ оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ ея сотрудниковъ, такъ какъ самая мысль о подобномъ органѣ, всецѣло посвященномъ литературнымъ задачамъ, была всегда завѣтною мечтою Пушкина.

Съ Языковымъ познакомился Пушкинъ въ 1826 г. когда Языковъ пріѣхалъ въ Тригорское въ гости къ своему дерптскому товарищу, Вульфу. Дружба между поэтами установилась, повидимому, очень скоро, и ея основой было эпикурейское времяпровожденіе, при которомъ веселье въ честь Вакха и Киприды смѣнялось бесѣдою объ искусствѣ, увлекавшемъ обоихъ друзей. Яркую характеристику этой поры своей жизни даетъ Языковъ въ стихотвореніи «Тригорское»:

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества,
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслію вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и въ будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ,
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ;
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ;
Или въ тиши благословенной
Жилища Грацій, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно просвѣщенный.
Въ часы какъ сладостные тамъ
Дары Эвтерпы насъ плѣняли,
Какъ персты легкіе мелькали
По очарованнымъ ладамъ.
Съ нихъ звуки стройно поднимались,
И въ трелях чистыхъ и густыхъ
Они свивались, развивались—
И сердце чувствовало ихъ!

Знакомство Пушкина съ Баратынскимъ относится къ 1819 г. и, какъ видно изъ разныхъ писемъ Пушкина, это знакомство скоро перешло въ дружбу: Пушкинъ всегда интересуется новыми произведеніями Баратынскаго, ставя его рядомъ съ Жуковскимъ и выше Батюшкова, принимаетъ участіе и въ личныхъ дѣлахъ своего друга, ведя переговоры объ изданіи его сочиненій.

Таковы личныя отношенія этихъ трехъ поэтовъ къ Пушкину, но можно ли на основаніи подобной дружбы, дѣлать заключеніе объ особенной духовной близости поэтовъ? Можно ли этотъ поэтическій тріумвиратъ считать наиболѣе родственнымъ Пуш-

кину по самому характеру творчества [1])? Это вопросъ очень важный, такъ какъ, признавая названныхъ поэтовъ главными представителями теоріи чистаго искусства и видя личную близость къ нимъ Пушкина, многіе склонны приписать указанную теорію и самому Пушкину. Мы уже говорили въ статьѣ «Пушкинъ и поэзія дѣйствительности», насколько несправедливо по отношенію къ Пушкину подобное обвиненіе въ поэтической односторонности, насколько, напротивъ, гармонично объединяются въ его творчествѣ самые разнообразные мотивы и какъ близко его творчество къ жизни; теперь же попробуемъ охарактеризовать трехъ друзей Пушкина, какъ поэтовъ, чтобы уяснить себѣ, въ какой степени имъ можетъ принадлежать право на признаніе ихъ ближайшими выразителями Пушкинскаго направленія въ нашей поэзіи.

I.

Начнемъ съ барона Дельвига.

Наиболѣе выдающимся свойствомъ его характера была, какъ выражается его біографъ, покойный Вал. Вл. Майковъ, «склонность къ лѣни». Эту склонность замѣтили въ немъ еще его лицейскіе товарищи, охарактеризовавъ его въ одной шуточной пѣсенкѣ слѣдующими стихами.

Дельвигъ мыслитъ на досугѣ:
Можно спать и въ Кременчугѣ.

О той же склонности вспоминаютъ позже и Пушкинъ, называя своего друга «сыномъ лѣни вдохновеннымъ», и Коншинъ, убѣждая Дельвига «сложить всегдашней лѣни грузъ». Это отличительное свойство Дельвига, какъ человѣка, выразилось въ немъ, какъ въ поэтѣ, развитіемъ эпикурейскаго міросозерцанія, которое проявляется уже на школьной скамьѣ. Въ такомъ возрастѣ, когда всѣ обыкновенно мечтаютъ о славѣ, о блестящей будущности, Дельвигъ воспѣваетъ тихую жизнь; онъ говоритъ:

Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется;
Кто не клянетъ судьбу, и съ милою своей
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется;

[1]) Такъ поступилъ, напр., кн. П. А. Вяземскій, говоря, что «Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе».

Кто молоко отъ стадъ, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ сбираетъ;
Кому домашній дубъ въ огнѣ трещитъ зимой,
И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ.
Спокойно цѣлый вѣкъ проводитъ онъ въ трудахъ,
Полета быстраго часовъ не примѣчая;
Устанетъ, наконецъ,—и съ думой о друзьяхъ
Предастся смерти онъ, пріятно засыпая.
Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
Умру—и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ!...
Что нужды? Я блаженъ; я, живши, могъ найти,
Покой въ безвѣстности и счастіе въ Лилетѣ!

Это стремленіе къ «покою въ безвѣстности» отражается и во взглядѣ Дельвига на значеніе своей поэтической дѣятельности, какъ это видно изъ его посланія въ Сибирь къ лицейскому товарищу, Илличевскому:

Я благодатности труда
Еще, мой другъ, не постигаю!
Лѣниться, говорятъ, бѣда,
А я въ бѣдѣ сей утопаю
И, пробудившись, забываю,
О чемъ заботился вчера.
Мнѣ иногда твердятъ: «Пора—
Сдавить стишки твои станками:
Они раскупятся друзьями,
Друзья имъ прокричатъ: ура!
Веселые за полной чашей
Тогда, сударь, отъ славы вашей,
Или отъ вашего вина
Заговоритъ вся сторона
Отъ Бельта до Сибири скучной,
Куда съ запиской своеручной
Пошлете другу толстый томъ».
Все хорошо, но я не въ томъ
Свое блаженство полагаю:
За стихъ не ссорюся съ умомъ,
А къ риѳмѣ риѳму прилагаю,
Лѣниво глядя за перомъ.
Напишетъ мнѣ—я прочитаю;
Я прочитаю и друзьямъ:
Люблю внимать ихъ похваламъ,
Когда ихъ похвалы достоинъ.

Поэтъ отрекается отъ стремленія къ славѣ, на свое творчество не смотритъ какъ на серьезное дѣло и оно есть для него лишь одно изъ наслажденій, представляемыхъ излюбленною имъ

тихою жизнью, какъ это ясно выражается въ стихотвореніи «Къ Евгенію».

Вѣрнѣе въ храмѣ Цитереи,
Гдѣ сынъ ея намъ всѣмъ грозитъ,
Благоуханной головою
Поникнувъ, Лидіи младой
Пріятно нѣжить слухъ игрою,
Воспѣть безпечность и покой,
И сладострастія томленья,
И пламенный восторгъ любви,
Покинувъ гордыя желанья,
Въ вѣнокъ свой лавровъ не вплетать
И въ часъ веселаго мечтанья
Тихонько Флакку подражать
Въ наукѣ дивной наслажденья
И съ нимъ забавы пѣть свои.

Поэзія для Дельвига есть одинъ изъ видовъ наслажденія, она—«свободно-сладкое искусство» и служитъ къ болѣе полному осуществленію идеала пріятной и тихой жизни въ дружескомъ жкѣ. Обращаясь къ Баратынскому, онъ говоритъ:

Опять веселья, жизни полный,
Я счастливъ радостью друзей.
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнію довольный,
Съ безпечной музою моей
Друзьямъ пою любовь, похмѣлье
И хлопотливое бездѣлье
Удалыхъ рыцарей стола,
За коимъ шалость и веселье
Подъ звонъ блестящаго стекла
Поютъ, бокалы осушаютъ
И громкимъ смѣхомъ заглушаютъ
Часовъ однообразный бой.

Однако, рядомъ съ такимъ эпикурейскимъ взглядомъ на жизнь и поэзію у Дельвига иногда мелькаетъ иное воззрѣніе, являющееся рѣзкимъ диссонансомъ къ общему его настроенію: онъ начинаетъ говорить о безсмертіи и славѣ въ грядущихъ вѣкахъ, для него исчезаетъ идеалъ безбурной жизни, онъ вступаетъ въ разладъ со своими современниками, которые его гонятъ, презираютъ. Подобное положеніе поэта рисуется Дельвигомъ въ сонетѣ «Вдохновеніе»:

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ питомецъ музъ цѣнитъ,

Какъ мученикъ—съ землею разлученье.
Въ друзьяхъ обманъ, въ любви—разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ, восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.
И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,
Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей,
И дѣлится безсмертіемъ съ богами!

Если мы разсмотримъ небольшое поэтическое наслѣдіе, оставленное намъ Дельвигомъ, то мы увидимъ, что оно почти сплошь состоитъ изъ такихъ произведеній, которыя соотвѣтствуютъ его основному эпикурейскому воззрѣнію на поэзію, и лучшими изъ его стихотвореній надо считать его идилліи: въ нихъ поэтъ нашелъ свою сферу, рисуя безпритязательныя картинки тихой жизни, и изъ новѣйшихъ идиллій онѣ ближе всего подходятъ къ образцамъ, завѣщаннымъ классическимъ міромъ. Здѣсь нѣтъ разукрашенныхъ пастушковъ и пастушекъ, созданныхъ идилліей XVIII вѣка, здѣсь дѣйствительно представляется простая, будничная жизнь, идеализированная, но не искаженная. Видно, что такая жизнь болѣе подходитъ къ симпатіямъ самого поэта, и воплощая ее въ своемъ творчествѣ, онъ далъ нѣчто цѣнное «грядущимъ вѣкамъ».

Этого нельзя сказать о другихъ произведеніяхъ Дельвига. Правда, и въ нихъ поэтъ восхваляетъ дружбу, любовь, веселье, вино, но оригинальнаго въ нихъ нѣтъ ни въ формѣ, ни въ содержаніи. Онъ писалъ ихъ какъ-то между дѣломъ, дѣйствительно приплетая лѣниво риѳму къ риѳмѣ, отчего весьма часто получались разныя «поэтическія вольности, которыя скорѣе можно назвать крупными недочетами формы. Такъ, напримѣръ, мы находимъ не особенно удачныя риѳмы: «бомбастъ» и «часть», «запылалъ» и «обнялъ», «Зевесъ» и «слезъ», «вертясь» и «глазъ», «поднебесна» и «желѣзна», или архаическія формы «взмущаетъ», «мещетъ», неправильныя ударенія «дышáтъ», «клонúтся», «цѣнúгъ», «прóспалъ», странную попытку ввести въ стихъ древній пріемъ сліянія: «другъ на другѣ остановите», при чемъ два слога (*другъ останови́те*) сливаются въ одинъ.

Уже одна эта необработанность формы не позволяетъ слишкомъ сближать Дельвига съ Пушкинымъ; что же касается содер-

жанія, то слѣдуетъ сказать, что изъ богатѣйшаго разнообразія пушкинскихъ поэтическихъ мотивовъ Дельвигъ почерпнулъ очень немного. Онъ отмежевалъ себѣ самый незначительный уголокъ, но остался чуждъ многому изъ того, что волновало его геніальнаго друга. Ему совершенно чужды интересы общественные, и поэтическая свобода для него совсѣмъ не имѣетъ того значенія, какъ для Пушкина.

II.

Другой другъ Пушкина, Н. М. Языковъ, по содержанію своей поэзіи отличается большею широтою, чѣмъ Дельвигъ, но, пожалуй, въ такой же степени, какъ и Дельвигъ, имѣетъ мало правъ на титулъ хранителя Пушкинской традиціи.

Первое впечатлѣніе, произведенное стихотвореніями Языкова, было очень для нихъ благопріятнымъ. «Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его, — говоритъ Гоголь [1]), — всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удаль всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя Языковъ пришлось ему недаромъ; владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется... Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу — море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая какъ кремень, вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну—выражается у него съ силою неестественною».

Почти въ то же время, когда написанъ былъ Гоголемъ этотъ отзывъ о поэзіи Языкова, мы встрѣчаемся съ діаметрально-противоположнымъ сужденіемъ, принадлежащимъ Бѣлинскому. Напомнивъ, что въ эпоху Пушкина произошла сильная реакція прежнему риторическому направленію поэзіи, причемъ, «всѣ захотѣли быть народными, каждый по своему», и «Языковъ началъ брать слова и предметы изъ житейскаго русскаго міра,

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 188.

запѣлъ русскимъ удальцомъ», Бѣлинскій указываетъ, что «тутъ прогрессъ былъ только въ намѣреніи, а въ исполненіе забралась та же риторика, которая водянила и прежнюю поэзію». Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, «риторизмъ есть главная основа всей поэзіи Языкова. Всѣ его ухарскія и мило-забубенныя выходки, его молодое буйство и чудное пьянство явились въ печати не какъ выраженіе дѣйствительности (чѣмъ должна быть всякая истинная поэзія), а такъ, только для *красоты слога*, какъ говоритъ Маниловъ. Кстати о риторикѣ: перечтите его пьесы: *Олегъ*, *Евпатій*, *Пѣсня короля Регнера*, *Ливонія*, *Кудесникъ*, *Новогородская пѣсня*, *Усладъ*, *Меченосецъ Аранъ*, *Пѣснь Баяна*; что такое все это, если не риторика, хотя и не лишенная своего рода изящества? Тутъ славяне полубасословныхъ временъ Святослава и русскіе XIII вѣка говорятъ и чувствуютъ, какъ ливонскіе рыцари которые, въ свою очередь, очень похожи на нѣмецкихъ буршей; тутъ ни въ чемъ нѣтъ истины—ни въ содержаніи, ни въ краскахъ, ни въ тонѣ. А тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, нѣтъ никакой истины въ чувствѣ, мысль придумана, произвольно кончена, стихъ блестящъ, бросается въ глаза, поражаетъ слухъ своею необыкновенностью, и читатель только до тѣхъ поръ признаетъ его прекраснымъ, пока не дастъ себѣ труда присмотрѣться и прислушаться къ нему». Приведя затѣмъ рядъ примѣровъ неточныхъ и вычурныхъ выраженій, встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ Языкова, Бѣлинскій главнымъ недостаткомъ поэта признаетъ дѣланность и неискренность, особенно проявляющуюся въ стремленіи къ народному колориту. «Какъ ему (т. е. Языкову), говоритъ Бѣлинскій,—во что бы то ни стало, надо быть народнымъ и какъ поэзія для него есть только маскарадъ, то, являясь въ печати, онъ старается закрыть свой фракъ зипуномъ, поглаживаетъ свою накладную бороду, и, чтобы ни въ чемъ не отстать отъ народа, такъ и щеголяетъ въ своихъ стихахъ и грубостью чувствъ и выраженій. По его мнѣнію, это, значитъ быть народнымъ! Хороша народность! Кому не дано быть народнымъ и кто хочетъ сдѣлаться имъ насильно, тотъ непремѣнно будетъ простонароднымъ, или вульгарнымъ. У г. Языкова нѣтъ ни одного стихотворенія, въ которомъ не было бы хотя одного слова, некстати поставленнаго, или изысканнаго и фигурнаго... Правда, встрѣчаются у него иногда и весьма счастливые и ловкіе стихи, но они всегда перемѣшаны съ несчастными и неловкими... Въ эсте-

тическомъ отношеніи общій характеръ поэзіи Языкова чисторитическій, основаніе зыбко, паѳосъ бѣденъ, краски ложны, а содержаніе и форма лишены истины. Главный ея недостатокъ составляетъ та холодность, которую такъ справедливо находилъ Пушкинъ, въ своемъ произведеніи Русланъ и Людмила. Муза г. Языкова не понимаетъ простой красоты, исполненной спокойной внутренней силы: она любитъ во всемъ одну яркую и шумную, одну эффектную сторону... Повидимому, поэзія г. Языкова исполнена бурнаго, огненнаго вдохновенія; но это не болѣе, какъ разноцвѣтный огонь отразившагося на льдинѣ солнца» [1])...

Противопоставляя этотъ рѣзкій отзывъ Бѣлинскаго приведеннымъ выше словамъ Гоголя, мы должны, однако, оговориться, такъ какъ Гоголь въ той же самой главѣ изъ «Переписки съ друзьями» высказываетъ дальше и нѣсколько иное сужденіе о Языковѣ. «Всѣхъ глаза,—замѣчаетъ онъ,—устремились на Языкова. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь посѣтила поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздались скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ улику: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и бѣдномъ содержаніи, что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже не поэтъ. Все пришло противу него въ ропотъ, отголоски этого ропота раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда».

Въ приведенныхъ отзывахъ съ разныхъ точекъ зрѣнія въ сущности указывается въ поэзіи Языкова одно основное свойство: какая-то широкая удаль, выражающаяся въ весьма яркихъ формахъ. Гоголь вѣритъ въ искренность вдохновенія Языкова, когда вспоминаетъ стихотворенія, относящіяся къ первой порѣ его творчества; Бѣлинскій же этой искренности почти совсѣмъ

[1]) Бѣлинскій. Сочиненія, т. IX, стр. 254—272.

не находитъ, видя въ произведеніяхъ Языкова одинъ лишь риторизмъ.

Но какъ же судитъ о своемъ творчествѣ самъ поэтъ? Каковы тѣ общія требованія, которыя имъ предъявляются къ поэзіи? Въ какой степени подходятъ его собственныя произведенія подъ указываемую имъ мѣрку?

Если мы начнемъ доискиваться отвѣта на эти вопросы, мы увидимъ, что онъ далеко не можетъ быть опредѣленнымъ, такъ какъ у Языкова проглядываетъ какая-то двойственность въ его воззрѣніяхъ на поэзію. Съ одной стороны, поэзія представляется ему, какъ важное дѣло, какъ исполненіе нѣкоторыхъ высшихъ велѣній, а съ другой—она оказывается простою забавою, одной изъ принадлежностей эпикурейски-вакхическаго времяпрепровожденія.

При возвышенномъ взглядѣ на поэзію, первымъ условіемъ ея развитія представляется ея свобода: поэтъ не ищетъ славы у толпы, онъ выше людской суеты и идетъ къ возвышенной идеальной цѣли совершенно самостоятельно. Эта мысль выражена Языковымъ въ стихотвореніи «Поэтъ», относящемся къ 1824 году.

Искать ли славнаго вѣнца
На полѣ рабскихъ состязаній,
Тревожа слабыя сердца,
Сбирая нищенскія дани?
Сія народная хвала,
Сей говоръ близкаго забвенія,
Вознаградитъ ли музѣ пѣнья
Ея священныя дѣла?
Кто ихъ постигнетъ? Геній вспыхнетъ—
Толпа любуется на-свѣтъ,
Шумитъ, шумитъ, шумитъ—затихнетъ:
И это слава нашихъ лѣтъ!
Такъ мыслитъ юноша-поэтъ.
Пока въ душѣ его желанья
Мелькаютъ темныя, какъ сонъ,
И твердый гласъ самосознанья
Не возвѣстилъ ему, кто онъ.
И вдругъ надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Безпечный—право иль не право
Его привѣтствуетъ молва—
За независимою славой
Пойдетъ любимецъ божества;
Въ немъ гордость смѣлая проснется:

Свободенъ, веселъ, полонъ силъ,
Орелъ великій встрепенется,
Расширитъ крылья и взовьется
Къ безсмертной области свѣтилъ!

Слава представляется поэту «независимой», а высшая его цѣль—стремленіе «къ безсмертной области свѣтилъ». Поэтъ желаетъ «свершить возвышенное дѣло», какъ онъ выражается въ стихотвореніи «Къ Вульфу», и смотритъ на себя, какъ на избранника небесъ, который священодѣйствуетъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ стихотворенія «Катенькѣ Моіеръ», относящагося къ 1827 году:

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ ѳиміамомъ вдохновенья
Священодѣйствуетъ поэтъ.
Какъ мысль о небѣ, величавы,
Торжественны его слова,
Ихъ принимаютъ крылья славы,
Имъ изумляется молва!
Но и тогда, какъ онъ играетъ
Своимъ возвышеннымъ умомъ,
Онъ преисполненъ, онъ сіяетъ
Его хранящимъ божествомъ,
И часто даромъ прорицанья,
Творящей прихоти сыны,
Его небрежныя созданья,
Его мечты озарены.

Наиболѣе яркое выраженіе этого возвышеннаго взгляда на поэзію мы находимъ у Языкова въ прекрасномъ стихотвореніи «Поэту», написанномъ въ 1831 г. Вдохновеніе для поэта есть небесный даръ, и его творчество есть высокій подвигъ, подобный пророческому служенію. Параллель между пророкомъ и поэтомъ прямо напоминаетъ извѣстное произведеніе Пушкина, а въ такомъ воззрѣніи на задачи поэзіи Языковъ дѣйствительно близокъ къ своему геніальному другу. Вотъ какъ обращается онъ къ поэту:

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда въ тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ

И огнедышущее слово:
Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Таковъ высокій удѣлъ поэта, если онъ вѣренъ своему божественному призванію, если онъ хранитъ свою духовную независимость; въ противномъ случаѣ, когда онъ начинаетъ угождать земнымъ силамъ, его ожидаетъ тяжкая судьбина:

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ.
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Подобное же возвышенное представленіе о задачахъ поэзіи, какъ пророческаго дара возвѣщать божественную волю, выражать велѣнія идеальныя, мы видимъ у Языкова въ извѣстномъ стихотвореніи «Землетрясеніе», въ слѣдующихъ заключительныхъ его словахъ:

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Однако, всѣ приведенныя мнѣнія о высокомъ призваніи поэта, о необходимости для него духовной независимости, мнѣнія, со-

впадающія съ тѣмъ, что мы находимъ у Пушкина, высказываются Языковымъ часто рядомъ съ совершенно иными воззрѣніями, обнаруживается, какъ мы уже выше сказали, какая-то странная двойственность въ воззрѣніяхъ поэта, причемъ иногда эта двойственность замѣчается въ одномъ и томъ же произведеніи. Мы видимъ, что та свобода, которой поэтъ требуетъ для осуществленія высокихъ идеаловъ, оказывается нужной ему вовсе не для особенно важныхъ цѣлей, что она переходитъ въ какую-то совсѣмъ не идеальную разнузданность. Такъ, въ 1839 г. Языковъ обращается къ начинавшему свое литературное поприще графу В. А. Соллогубу съ слѣдующимъ привѣтомъ:

Привѣтствую тебя подъ знаменемъ Камены,
На много, много славныхъ дѣлъ!
Люби ее всегда, не жди отъ ней измѣны
Ея любовью твердъ и смѣлъ!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не вѣрь ни бранямъ, ни хваламъ
Продажныхъ голосовъ, въ ихъ споры не мѣшайся,
Въ ихъ непристойный крикъ и гласъ,
Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
Не забывая никогда,
Но тихъ и величавъ, проникнутый глубоко
Святыней чистаго труда,
Будь самъ себѣ судьей, суди себя сурово...
И паче всякаго грѣха
Бѣги ты лѣни: въ ней слабѣютъ умъ и слово,
Полетъ мечты и звонъ стиха;
Ты будь неутомимъ!...

Казалось бы, послѣ такого привѣтствія, въ которомъ развивается извѣстная Пушкинская мысль о томъ, что поэтъ—«самъ свой высшій судъ», послѣ этого призыва къ плодотворной работѣ, совсѣмъ неумѣстно толковать о поэзіи, какъ объ одномъ изъ видовъ эпикурейскаго времяпрепровожденія, между тѣмъ нѣсколькими строками далѣе Языковъ, приглашая къ себѣ своего друга, говоритъ ему:

Тогда каминъ, домашній другъ
Моихъ парнасскихъ дѣлъ, янтарнымъ, яркимъ пыломъ
Освѣтитъ мирный нашъ досугъ,
И мы, по способу пѣвца Вильгельма Телля,
Составимъ славное питье,
И будемъ бражничать и вмѣстѣ полны хмѣля,

Помянемъ дерптское житье,
И наши прошлыя, лирическія лѣта;
Потомъ давай твоихъ стиховъ
И прозы, все читай! и т. д.

Благодаря такому эпикуреизму во взглядѣ на поэзію, Языковъ иногда прямо не можетъ понять молодого дарованія, встрѣчающагося ему на пути. Чѣмъ, какъ не полнѣйшимъ непониманіемъ, можно объяснить посвященіе И. С. Аксакову, поэту, почти исключительно вдохновлявшемуся мотивами общественными, слѣдующаго стихотворенія?

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они:
Да будутъ же годы твои молодые
Прекрасны, какъ ясные вешніе дни!
Бѣги ты далече отъ шумнаго свѣта,
Не знай вавилонскихъ работъ и заботъ:
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, какъ дубравная птица поетъ
На волѣ; и если тебя очаруетъ
Красавица—роза, не бойся любви;
Пускай она нѣжитъ, томитъ и волнуетъ
Глубоко всѣ юныя силы твои:
Въ груди благородной любовь пробуждаетъ
Высокія чувства—и ею полна,
Свѣтло, сладко-звучно бѣжитъ и сверкаетъ
Сердечнаго слова живая волна.
Безпечно и смѣло любви предавайся,
Поэтъ! и безъ умолку пой ты объ ней
Счастливыя пѣсни—и весь рыцѣвайся
Красавицѣ-розѣ, пѣвецъ-соловей!
И бури, и грозы чтобъ вѣкъ не взрывали
Тѣхъ сѣней, гдѣ счастье себѣ ты нашелъ,
И пѣснямъ твоимъ чтобы тамъ не мѣшали
Ни хитрая кошка, ни критикъ-оселъ.

Только при полномъ непониманіи поэтической натуры И. С. Аксакова возможно было назвать его «пѣвцемъ-соловьемъ» и уподоблять его «дубравной птицѣ», и подобное курьезное непониманіе намъ объясняется, когда мы вглядываемся внимательнѣе въ сужденія Языкова вообще о поэзіи. Для него тѣ возвышенныя идеи, которыя выражены въ цитированныхъ нами его произведеніяхъ, были въ сущности лишь одними словами. Высокое вдохновеніе, о которомъ онъ говорилъ, порой отождествлялось для него съ громкой шумихой фразъ: не даромъ пресловутый

авторъ фальшивонадутыхъ одъ, гр. Д. И. Хвостовъ, представлялся Языкову «почтеннымъ старцемъ Аполлона», и другъ Пушкина, постоянно смѣявшагося надъ знаменитымъ одописцемъ, нашелъ возможнымъ посвятить графу Хвостову такіе стихи:

Слуга отечественной славы,
Ты пѣлъ побѣды и забавы
Благословеннаго царя,
Кубры серебряныя воды,
И ужасъ невской непогоды,
И юга бурныя моря.
Ты украшалъ, разнообразилъ
Страннопріимный нашъ Парнасъ,
И зависти коварной глазъ
Твой поэзіи не сглазилъ.

Послѣ этого восхваленія Хвостову нисколько не удивительны тѣ восторги, съ которыми обращался Языковъ къ довольно посредственной поэтессѣ, Каролинѣ Павловой. Напыщенная риторика этой виршеслагательницы казалась Языкову истинной поэзіей, и онъ безъ всякой мѣры прославлялъ стихи Павловой, увѣряя, что ей

...дался языкъ нашъ чудной
Метальный, звонкій, самогудный,
Разумный, мѣткій нашъ языкъ.

Звучная форма для Языкова являлась часто самой сущностью поэзіи, отсюда истекалъ его собственный риторизмъ, такъ хорошо подмѣченный Бѣлинскимъ; отсюда же, пожалуй, происходили его сужденія о поэтической свободѣ, не имѣющія ничего общаго съ тѣми его воззрѣніями, о которыхъ мы говорили выше, Та свобода, которая необходима для высокихъ моментовъ вдохновенія, часто оказывалась просто разгуломъ, и Языковъ дѣлалъ такія признанія:

Мы, поэты, въ юны годы
Беззаботно мы живемъ,
Черезчуръ своей свободы
Упиваяся виномъ;
Таковы ужъ отъ природы
Всѣ поэты.—Но куда
Намъ главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей,
Чистой, ясной?

Лучше всего представленіе о подобной свободѣ характеризуется стихотвореніемъ «Кубокъ», въ которомъ Языковъ говоритъ объ источникахъ вдохновенія, далеко не общественныхъ. Въ виду такой характерности этого произведенія, позволяемъ себѣ привести его цѣликомъ:

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною вскипаетъ,
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова;
Строенъ, пышенъ міръ житейскій
Развернется предъ тобой..
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она
Животворно въ немъ играетъ,
Столь же сладостно сильна:
Въ дни прекраснаго расцвѣта
Поэтическихъ заботъ
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ;
Молодое сердце бьется,
То притихнетъ и дрожитъ,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется
И куда-то улетитъ!
И послушно имя дѣвы
Встанетъ въ лики звучныхъ словъ,
И сроднятся съ нимъ напѣвы,
Вѣчно-памятныхъ стиховъ!
Дѣва, радость, величайся
Рѣдкой славою любви,
Настоящему ввѣряйся,
И мгновенія лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ: душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;

Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой;
Съ разу кубокъ выпиваетъ,
И высоко поднимаетъ,
И надъ буйной головой
Держитъ. Рѣчь его струится
Безмятежно весела,
А въ рукѣ еще таится
Жребій бреннаго стекла!

Какъ въ этомъ стихотвореніи, такъ и во множествѣ другихъ своихъ произведеній Языковъ воспѣваетъ вино, любовь, веселье, разгулъ. Въ сущности въ этомъ и заключается та «студентская» свобода, о которой онъ съ восторгомъ вспоминаетъ до послѣднихъ годовъ своей поэтической дѣятельности. Эти вакхическіе мотивы болѣе всего вдохновляютъ Языкова, и его «огнедышущее слово» слишкомъ ужъ часто является отраженіемъ его «чуднаго пьянства» и слишкомъ много рисуетъ сладострастныхъ образовъ. Нужно при этомъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ восторгахъ постоянно чувствуется риторика, слышится трескъ громкихъ фразъ и не разъ являются повторенія. Сколько, напримѣръ, напускного въ слѣдующей «Элегіи»:

Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
Тебя руками обогнуть:
Челомъ въ чело, очами въ очи,
Уста въ уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепетъ
Лобзаньемъ пылкимъ прерывалъ,
И смуглыхъ персей дикій трепетъ
То усыплялъ, то пробуждалъ!...
Но тотъ блаженнѣй, дѣва ночи,
Кто въ умиленіи любви
Глядитъ на огненныя очи,
На брови дивныя твои,
На свѣжесть устъ твоихъ пурпурныхъ,
На черноту младыхъ кудрей,
Забывъ и жаръ восторговъ бурныхъ,
И силы юности своей!

Тотъ же характеръ и другой «Элегіи»:

Ночь безлунная—звѣздами
Убирала синій сводъ;
Тихи были зыби водъ;
Подъ зелеными кустами

Сладко, дѣва красота,
Я сжималъ тебя руками;
Я горячими устами
Цѣловалъ тебя въ уста;
Страстнымъ жаромъ подымались
Перси полныя твои;
Разлетаясь, развивались
Черныхъ локоновъ струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своихъ очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая къ моей.

Приведенные стихи, право, нисколько не лучше трескучихъ произведеній Бенедиктова; въ нихъ видна какая-то поддѣлка подъ чувство, и эта фальшь лишаетъ ихъ почти всякой поэзіи. Совершенно справедливо указываетъ Бѣлинскій, что «сладострастіе этихъ стиховъ холодное», что въ нихъ «шалость воображенія» и что муза Языкова только «прикидывается вакханкою». У Языкова именно нѣтъ той правдивости чувства и его выраженія, которая составляетъ отличіе истинной поэзіи и такъ насъ чаруетъ въ произведеніяхъ Пушкина, а безъ этой правдивости, дѣйствительно, является риторизмъ.

Тотъ же самый риторизмъ легко замѣтить въ разныхъ стихотвореніяхъ Языкова на историческія темы или съ характеромъ патріотическимъ. Настоящаго одушевленія въ нихъ совсѣмъ не найдемъ,—оно замѣняется тенденціозностью.

Есть, однако, такія сферы, въ которыхъ талантъ Языкова проявляется вполнѣ свободно и даетъ созданія высоко-художественныя; это русскій сказочный міръ и область религіозныхъ мотивовъ. Въ своихъ сказкахъ Языковъ вполнѣ народенъ, а касаясь религіозныхъ темъ, онъ достигаетъ высокаго паѳоса. Тутъ являются драгоцѣнные перлы поэзіи, потому что Языковъ вѣренъ тому высокому назначенію, которое, какъ мы видѣли, онъ самъ такъ прекрасно характеризовалъ. Особенно возвышеннымъ въ ряду религіозныхъ произведеній Языкова надо признать извѣстное «Подражаніе псалму XIV», начинающееся стихами: «Кому о, Господи, доступны Твои Сіонски высоты?» Въ этомъ подражаніи намъ еще разъ открывается взглядъ на поэзію, какъ на исполненіе божественныхъ велѣній. Поэтъ есть святой избранникъ Бога:

Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Если бы Языковъ могъ оставаться вѣрнымъ такому высокому настроенію, его поэзія имѣла бы, конечно, иное значеніе, и онъ былъ бы неизмѣримо ближе къ Пушкину, чѣмъ въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ его муза прикидывается вакханкою, или въ которыхъ иногда подъ видомъ свободы творчества является служеніе извѣстнымъ тенденціямъ. Но этого не было, и эстетическая оцѣнка поэзіи Языкова, произведенная Бѣлинскимъ, навсегда остается правильною.

III.

Не ослѣпленъ я музою моею,
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ,
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой,
И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Этими стихами Баратынскій самъ лучше всего охарактеризовалъ значеніе своей поэзіи; она дѣйствительно не привлекаетъ своей внѣшней красотой, въ ней нѣтъ блеска, роскоши картинъ, но тѣмъ не менѣе мимо нея нельзя пройти, не обративъ вниманія на ея «необщее выраженье». Въ ней есть какая-то своеобразная черта, которая не позволитъ отнестись къ ней небрежно, а, напротивъ, вызываетъ вдумчивое къ ней отношеніе, стремленіе проникнуть въ ея глубину. Если въ поэзіи Дельвига внѣ эпикуреизма почти не видно содержанія, если Языковъ слишкомъ часто впадаетъ въ холодный риторизмъ, то у Баратынскаго ясно обнаруживаются глубокая мысль и искреннее чувство, выраженныя притомъ въ прекрасной, высоко-поэтической формѣ.

«Необщимъ выраженьемъ», отличительной чертой музы Баратынскаго является элегическое раздумье, переходящее въ безотрадный пессимизмъ. Баратынскій, какъ на это указывалъ С. А.

Андріевскій,—самый пессимистическій изъ нашихъ поэтовъ. Созерцая дѣла людей, поэтъ рисуетъ себѣ мрачныя картины будущаго, и его настроеніе при этомъ можетъ быть кратко передано знаменитыми словами библейской книги: «суета суетъ и всяческая суета». Всего ярче подобное настроеніе высказалось въ стихотвореніи «Послѣдняя смерть», въ которомъ онъ разсказываетъ о видѣніи, представшемъ ему «во глубинѣ полночной темноты». Въ прекрасныхъ стихахъ онъ изображаетъ, какъ «раскрылися грядущіе года». Прежде всего появляется свѣтлая картина человѣческаго прогресса:

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты;
Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы,
Вездѣ народъ, и хитрый свой законъ
Стихіи всѣ признать заставилъ онъ;
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.
Исчезнули безплодные годы,
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей воздавали
Посѣвы имъ, и хищный звѣрь исчезъ
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ,
И царствовалъ повсюду свѣтлый міръ.

Однако, эта чудная картина, созданная успѣхами человѣческаго разума, смѣняется другимъ видѣніемъ:

Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся умомъ.
Глаза мои людей не узнавали:
Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало,
Влеченіемъ всесильнымъ увлекало.
Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубаго влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья.

И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе,
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
И браки ихъ безплодны пребывали.

Но проходятъ еще вѣка, и видѣніе становится совсѣмъ ужаснымъ. Отъ того упадка, который представленъ въ предыдущей картинѣ, поэтъ переходитъ къ созерцанію полной гибели всего живого:

Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди! Гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали:
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеяніе.
И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

Такъ должно въ концѣ-концовъ погибнуть все живущее, такъ исчезаетъ и то прекрасное зрѣлище успѣховъ человѣческаго просвѣщенія, которое предстало поэту въ первомъ видѣніи. Отсюда истекаетъ прямой выводъ о суетности тѣхъ благъ, которыя человѣкъ стремится пріобрѣсти наукой. Но вѣдь все это ожидаетъ насъ въ очень далекомъ будущемъ, до этого конца пройдетъ еще много вѣковъ, и за это время человѣчество насладится пріобрѣтеніемъ прогресса.

Въ этомъ сознаніи можно было бы найти много утѣшительнаго, однако, Баратынскій не можетъ примириться съ дѣйстви-

тельностью: матеріальный прогрессъ для него—та же суета; онъ жалѣетъ о минувшихъ временахъ, когда человѣкъ былъ проще, когда наука не касалась его и онъ жилъ одною жизнью съ природой.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
По-дѣтски вѣщаньемъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой,
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала
. . . . . .
. . . . . .
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ:
Не чуждая жизнь въ ней дышала.

Но все измѣнилось съ просвѣщеніемъ, человѣкъ удалился отъ природы и лишился ея любви:

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Просвѣщеніе уничтожаетъ всѣ тѣ идеальныя мечты, которыми живетъ человѣкъ, которыя ему безконечно дороги, и отсюда является рѣшеніе поэта отказаться отъ истины. Обращаясь къ истинѣ, онъ говоритъ:

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой міръ, увы! могилы міръ печальный
И страшенъ для живыхъ,
Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня; кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.
Прости! иль нѣтъ! когда мое свѣтило
На звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Предъ мыслью, которая снимаетъ всѣ покровы съ правды, «блѣднѣетъ жизнь земная», и наука представляется поэту только

какой-то суетной игрой, не приводящей ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ:

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ:
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что наконецъ подсмотрятъ очи зорки?
Что наконецъ поймётъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ,
Что? Точный смыслъ народной поговорки.

Наука осмѣливается даже вторгаться въ чуждую ей область мечты и стремится даже ее поработить своимъ закономъ; наука хочетъ уничтожить въ насъ идеальныя стремленія,—насъ охватываетъ жизненная пошлость:

Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ,
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь;
Намъ памятно небо родное,
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!...
Вотще! мы надолго отвержены имъ!
Сіяя красою надъ нами,
На бренную землю безпечно оно
Торжественный сводъ опираетъ...
Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
Сгораетъ средь влаги прохладной,
Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
Томимся мы жаждою счастья.

И это сознаніе бытія блаженнѣйшаго міра необходимо человѣку, мечта является его лучшею утѣшительницею въ бренномъ мірѣ, въ которомъ не можетъ быть счастья, а поэтому Баратынскому дорогъ его «бѣсенокъ», увлекающій его отъ созерцанія людской пошлости:

Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой, изъ-за угла
Гляжу на свѣтъ и, видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильемъ сверженный законъ,
Я слабымъ сердцемъ возмущенъ:
Проворно шапку—невидимку
На шаръ земной набросить онъ;

Или въ мгновеніе зеницы,
Чудесный коврикъ—самолетъ
Онъ подо мною развернетъ
И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

Мечта утѣшаетъ человѣка, вноситъ гармонію въ его возмущенную, тоскующую душу:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупитъ заблужденье
И укротитъ бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей.

Полнѣе всего, по взгляду Баратынскаго, воплотилъ эту гармонію въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ Гете, и его памяти посвящено одно изъ лучшихъ стихотвореній нашего поэта; характеризуя разносторонность Гете, Баратынскій изображаетъ идеалъ творчества:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ!
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Испытанъ, извѣданъ имъ весь человѣкъ.

Разносторонность есть одно изъ проявленій свободы творчества, поэтъ можетъ избирать для себя любой предметъ, такъ какъ «равны всѣ Музы красотой». Однако, будучи свободенъ въ выборѣ, онъ долженъ избѣгать «посторонней суеты», отъ дыханія которой исчезаютъ «созданья поэтической мечты».

Воспѣваетъ простодушный,
Онъ любовь и красоту,
И науки, умъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомыслiемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!

Поэтъ въ искусствѣ находитъ «возмездiе искусству», онъ устраняется отъ «заботы земной», уносясь въ «обитель духовъ». Онъ не обращаетъ вниманiя на толпу, не ищетъ дешевой популярности, такъ какъ:

...Иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленiя выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ,
Что страстное земное перешелъ.

При подобномъ созерцательномъ взглядѣ на поэзiю, какъ на нѣчто отрѣшенное отъ суетнаго земного мiра, Баратынскiй вполнѣ естестественно долженъ былъ чуждаться всякихъ попытокъ воздѣйствовать на людей, въ его творчествѣ совершенно исключался гражданскiй, общественный элементъ, который былъ ему не по душѣ и на который онъ смотрѣлъ, какъ на вполнѣ безцѣльную трату дарованiя. Въ посланiи къ Гнѣдичу онъ такъ объясняетъ это свое отчужденiе отъ гражданскихъ мотивовъ:

Того-ль я устрашу, кому не страшенъ судъ?
Кто въ сердцѣ должнаго укора не находитъ,
Кого и Божiй гнѣвъ въ заботу не приводитъ,
Того-ли оскорбитъ язвительный языкъ!
. . . . . .
Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благонравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, какъ дубу: будь осиной;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! Межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

Такимъ образомъ и въ поэзіи Баратынскаго, несмотря на ея высокое достоинство сравнительно съ произведеніями Дельвига и Языкова, мы находимъ болѣе узкое содержаніе, чѣмъ у Пушкина. Поэтъ рѣшительно исключаетъ изъ сферы своего творчества мотивы общественные, которые, какъ знаемъ мы, играли не малую роль въ поэзіи Пушкина. Ученіе о поэтической свободѣ понимается опять-таки иначе, чѣмъ Пушкинымъ, и Баратынскаго такъ же, какъ и Дельвига и Языкова, приходится считать послѣдователемъ Пушкина только въ весьма ограниченной степени, Всѣ эти поэты такъ называемой школы чистаго искусства въ своей дѣятельности выражали только отдѣльныя стороны богатѣйшаго поэтическаго наслѣдія, завѣщаннаго Пушкинымъ. Та высокая гармонія, которою отличается творчество Пушкина, могла быть доступна только генію, тогда какъ дарованія пѣвцовъ чистой поэзіи, далеко не могутъ считаться первостепенными, и для «грядущихъ вѣковъ» ихъ значеніе (особенно Дельвига и Языкова) весьма не велико.

Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи [1].

О значеніи крестьянскаго вопроса во внутренней жизни русскаго государства въ послѣдніе два столѣтія было говорено такъ много, что распространяться о немъ вновь было бы повтореніемъ давно извѣстныхъ истинъ. Скажемъ только, что изъ внутреннихъ вопросовъ это былъ наиболѣе важный вопросъ, основной, касавшійся самыхъ устоевъ русской жизни, а между тѣмъ, несмотря на такую его важность, мы до сихъ поръ не имѣемъ полной его исторіи. Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени не было отдѣльнаго труда, обнимающаго исторію крестьянскаго вопроса въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣковъ. Первую попытку представить очеркъ исторіи вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи крѣпостного права до вступленія на престолъ императора Александра II сдѣлалъ г. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ сочиненіи: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права». Того же вопроса касается г. Энгельманъ въ своей книгѣ «Die Leibeigenschaft in Russland», отдѣльныя стороны его затрагивали въ своихъ трудахъ гг. Мулловъ, Ходневъ, Иконниковъ, Вешняковъ, Заблоцкій-Десятовскій и др. Задачу, прослѣдить исторію вопроса во всемъ его объемѣ, какъ онъ отражался въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ, въ литературѣ, наукѣ, въ общественныхъ кружкахъ, взялъ на себя В. И. Семевскій, авторъ извѣстнаго труда: «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». Результатомъ его многолѣтнихъ работъ былъ цѣлый рядъ статей въ «Русской Мысли» и «Русской Старинѣ», составившихъ обширное двухтомное сочиненіе: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX вѣка».

Сочиненіе это составлено въ значительной степени на основаніи источниковъ неизданныхъ, хранящихся въ слѣдующихъ

[1] Напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1889 г. № 7.

архивахъ: Вольно-экономическаго общества (отвѣты на задачи общества въ XVIII и первой четверти XIX вѣка, журналы и протоколы общества), министерства государственныхъ имуществъ (преимущественно дѣла бывшаго V отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи), кодификаціоннаго отдѣленія государственнаго совѣта (документы Екатерининской законодательной комиссіи и дѣла бывшаго II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи), Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (преимущественно переписка князей А. Д. и А. М. Голицыныхъ и нѣкоторыя рукописи библіотеки архива), рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки, Румянцевскомъ музеѣ и собраніи рукописей редакціи «Русской Старины», а также на основаніи принадлежащихъ автору рукописей (преимущественно копій съ дѣлопроизводства нѣсколькихъ секретныхъ комитетовъ въ царствованіе императора Николая по крестьянскому вопросу). Если къ этимъ матеріаламъ прибавить множество печатныхъ сочиненій, изданныхъ авторомъ, то получится чрезвычайно обширный кругъ источниковъ, и намъ станетъ понятна та полнота, которой авторъ достигъ въ своемъ изслѣдованіи.

Прежде чѣмъ познакомить читателей съ результатами труда В. И. Семевскаго, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его отношеніи къ своему предмету. Мы не можемъ отнестись иначе, какъ съ большимъ сочувствіемъ, къ объективности автора: представляя два общественныхъ направленія въ разбираемомъ имъ вопросѣ, консервативное и либеральное, авторъ проявляетъ далеко не заурядное безпристрастіе. Несмотря на свое сочувствіе либераламъ, стремившимся къ освобожденію крестьянъ, авторъ указываетъ, многія слабыя стороны ихъ проектовъ, происходившія частью отъ незнанія русской жизни, частью изъ эгоистическихъ побужденій, неоднократно высказываетъ мысль, что осуществленіе нѣкоторыхъ изъ ихъ проектовъ вмѣсто улучшенія крестьянскаго положенія должно было бы повести къ его ухудшенію, и признаетъ несомнѣнную заслугу за нѣкоторыми представителями консервативнаго направленія. Заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они удержали правительство отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ шаговъ въ освобожденіи крестьянъ и указали, что освобожденіе не можетъ быть произведено безъ надѣла крестьянъ землею и безъ сохраненія общиннаго устройства, тогда какъ проекты нѣкоторыхъ либераловъ вели прямо къ обезземеленію крестьянъ и къ разрушенію общины. Такая

объективность позволила автору глубже вникнуть во многія стороны разбираемаго предмета и значительно увеличила цѣнность его труда. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы находимъ у автора рѣзкіе диссонансы съ общимъ тономъ произведенія: авторъ иногда не удерживается на почвѣ историческаго изслѣдованія и начинаетъ судить о близкой къ намъ современности, проводитъ параллели между старымъ и новымъ. Такъ, напр., изложивъ мнѣнія масона Поздѣева, отрицавшаго необходимость для крестьянъ свободы и требовавшаго отъ нихъ «предварительно освобожденія отъ слабостей и пороковъ», авторъ замѣчаетъ: «Какъ напоминаетъ это взгляды тѣхъ нашихъ современниковъ, которые такъ усердно кричатъ, что дѣло не въ общественныхъ реформахъ, а въ необходимости нравственнаго возрожденія людей, забывая, что извѣстный строй общества можетъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на его членовъ, и что при этихъ условіяхъ проповѣдывать одно самоусовершенствованіе значитъ умышленно отвлекать вниманіе отъ настоятельной, необходимой и плодотворной работы». Послѣ этой тирады авторъ сравниваетъ мнѣніе Достоевскаго о современныхъ общественныхъ потребностяхъ со взглядами Поздѣева и Карамзина на крестьянскій вопросъ и продолжаетъ свою филиппику такимъ образомъ: «Этими указаніями мы хотимъ только побудить современныхъ защитниковъ общественнаго застоя поискать какихъ-нибудь новыхъ аргументовъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а не повторять затасканныхъ мнѣній Поздѣева, Карамзина и т. п. Если же они примыкаютъ къ нимъ въ одной части ихъ ученія, то для послѣдовательности слѣдовало бы принять и другую, т. е. объявить, что крѣпостное право было уничтожено преждевременно, и что если многіе освобожденные крестьяне находятся въ положеніи печальномъ, то это объясняется не недостатками самой реформы, не признаками экономическими, а нравственнымъ безобразіемъ народа, его наклонностью къ пьянству и другими пороками, получившими полный просторъ съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти. Только недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ провести далѣе эту поучительную параллель между крѣпостниками первой четверти нынѣшняго столѣтія и современными намъ защитниками общественнаго квіетизма».

Все это разсужденіе представляется чрезвычайно слабымъ и натянутымъ, опровергать его положительно не стоитъ труда, и мы очень довольны, что «недостатокъ мѣста» помѣшалъ автору

внести еще нѣсколько страницъ, которыя могли бы только портить его книгу.

Отмѣтимъ еще одно мѣсто, въ которомъ авторъ также отступаетъ отъ своего предмета, и также не совсѣмъ удачно. Объяснивъ роль славянофиловъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, авторъ обращается къ современному славянофильству и говоритъ: «Преемники стараго славянофильства должны были бы проявить уваженіе къ его принципамъ, употребивъ всѣ свои силы и способности на изученіе того народа, который такъ высоко ставили ихъ учителя. Но, за немногими исключеніями, они предпочли повторять общія отвлеченныя формулы славянофильства, не влагая въ нихъ новаго, живого содержанія, не примѣняя ихъ яснѣе къ потребностямъ жизни и иногда даже прямо игнорируя самыя настоятельныя народныя нужды (напомнимъ, напримѣръ, отношенія «Руси» къ вопросу о крестьянскомъ малоземельи). А въ то же время люди съ совершенно инымъ міровоззрѣніемъ, написавшіе на своемъ знамени «служеніе народу», положили много труда на изученіе русской народной жизни; теперь можно уже сказать безошибочно, что послѣдователямъ этихъ людей, а не недостойнымъ своихъ лучшихъ учителей эпигонамъ славянофильства принадлежитъ будущее». Рѣшительно не понимаемъ, къ чему понадобилось автору нападать на современныхъ славянофиловъ и даже обращать свой взоръ въ будущее, къ чему повторилъ онъ эти черезчуръ шаблонные и невѣрные упреки по адресу «эпигоновъ славянофильства». Вѣдь повторять такіе упреки, уничтожать однимъ почеркомъ пера цѣлое міросозерцаніе очень легко, но при томъ и не очень ли легкомысленно? Полагаемъ. что тирады, подобныя приведеннымъ, неумѣстны на страницахъ основательнаго, ученаго труда, какимъ является сочиненіе В. И. Семевскаго, и да не посѣтуетъ на насъ авторъ, если мы скажемъ, что подобныя мѣста въ его книгѣ производятъ самое непріятное впечатлѣніе. Но къ счастью такихъ мѣстъ очень немного, и они искупаются выдающимися достоинствами изслѣдованія.

Первая мысль объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи принадлежитъ извѣстному любимцу царевны Софьи, кн. В. В. Голицыну, который въ разговорѣ съ иностранцемъ Невилемъ высказалъ мнѣніе о необходимости «поставить Россію на одну доску съ другими государствами и первымъ средствомъ для этого считалъ

освобожденіе крестьянъ и предоставленіе имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ». Однако, Голицынъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу крестьянъ и первыя попытки остановить развитіе крѣпостного права относятся уже къ царствованію Петра Великаго. Петръ дозволилъ дворовымъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина: крестьянамъ, производившимъ торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ и противъ желанія помѣщика; имѣнія помѣщиковъ, раззоряющихъ своихъ крестьянъ, приказано было отдавать въ управленіе родныхъ владѣльцевъ; сенату было повелѣно изыскать мѣры къ ограниченію продажи людей безъ земли. Но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что крѣпостное право усилилось при Петрѣ въ томъ отношеніи, что кабальные холопы, прежде освобождавшіеся со смертью владѣльца, были лишены этого права. При преемникахъ Петра крѣпостное право усиливалось и распространялось безъ всякихъ ограниченій: увеличилась численность крѣпостныхъ посредствомъ приписки по ревизіямъ и пожалованія населенныхъ имѣній, и кромѣ этого при императрицѣ Елизаветѣ помѣщикамъ предоставлено было право отправлять своихъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Крѣпостное право казалось помѣщикамъ явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, такъ какъ они сами были закрѣпощены государству вслѣдствіе обязательности службы, но манифестъ Петра III о вольности дворянства уничтожилъ это основаніе бытія крѣпостного права, и съ царствованія императрицы Екатерины II начинается рядъ мѣръ и проектовъ объ ограниченіи и окончательномъ упраздненіи зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ царствованію Екатерины II, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу до-екатерининской литературы. Объ ограниченіи помѣщичьей власти говорилъ одинъ Посошковъ; онъ желалъ точнаго опредѣленія платежей и повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и отдѣленія крестьянской земли отъ помѣщичьей. Татищевъ касался крестьянскаго вопроса только мимоходомъ, причемъ отзывался, что уничтоженіе крѣпостного права «съ нашею формою правленія монархическаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно». Кантеміръ въ своихъ сатирахъ только изрѣдка говоритъ объ угнетенномъ положеніи крестьянъ. У Ломоносова мы находимъ только одну фразу, въ которой онъ упоминаетъ о «помѣщичьихъ отягощеніяхъ крестьянъ».

Обратимся къ императрицѣ Екатеринѣ, которая, какъ говоритъ В. И. Семевскій, «повидимому была самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы, если не довести до конца, то, по крайней мѣрѣ, начать измѣненіе быта крестьянъ». Еще будучи великой княгиней, она писала; «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными». Она предполагала уничтожить крѣпостное право, постепенно освобождая крестьянъ при переходѣ имѣній въ руки новыхъ владѣльцевъ; такое уничтоженіе рабства, по ея мнѣнію, должно было совершиться въ теченіе ста лѣтъ. Либеральныя вѣянія проявились сильнѣе всего въ началѣ царствованія Екатерины. По примѣру императрицы, и отчасти и по ея побужденію, крестьянскимъ вопросомъ стали заниматься въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Являются проекты ограниченія крѣпостнаго права (напр., П. И. Панина) и даже окончательнаго его упраздненія. Такъ, нашъ посланникъ въ Парижѣ, кн. Д. А. Голицынъ предлагалъ утвердить за крестьянами ихъ движимое имущество, дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ и даже даровать имъ личную свободу, безъ земли, при чемъ иниціатива такого освобожденія должна была прежде всего явиться въ дворцовыхъ имѣніяхъ; вся земля, по его предположеніямъ, должна была остаться за помѣщикомъ, крестьянинъ же обращался въ арендатора; конечно, такой либерализмъ былъ очень опасенъ: положеніе крестьянъ, если бы принять проектъ кн. Голицына, стало бы вполнѣ невыносимымъ. И. П. Елагинъ предлагалъ уступить крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣръ ихъ платежей и работъ, но при этомъ онъ считалъ возможнымъ искусственно устроить дворы по 4 работника въ каждомъ, чѣмъ разрушалась крестьянская община. Не довольствуясь этими записками, императрица обратилась къ только что основавшемуся тогда вольному экономическому обществу съ вопросомъ объ устройствѣ крестьянской собственности. Общество объявило въ печати задачу на соисканіе преміи. Тема была поставлена такимъ образомъ: «что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности земли или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то и другое имѣніе простираться должны?». На эту задачу было прислано 162 отвѣта, изъ нихъ 7 русскихъ. Первую награду получилъ французъ Беарде-де-Лабей, онъ совѣтовалъ дать крестьянамъ личное освобожденіе и движимое имущество, земельный же надѣлъ, имъ предложенный,

слишкомъ малъ и обращаетъ крестьянина въ арендатора помѣщичьей земли. Наиболѣе либеральнымъ оказывается сочиненіе Граслена, который считалъ извращеніемъ естественнаго порядка какъ рабство, такъ и то положеніе вещей, когда правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкой. Изъ русскихъ сочиненій укажемъ мнѣніе Полѣнова:—онъ отнесся критически къ существовавшимъ отношеніямъ между помѣщиками и крѣпостными, требовалъ предоставленія крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе, прекращенія продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденія отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точнаго опредѣленія его повинностей и предоставленія права выкупа на волю за опредѣленную сумму, хотя и ставилъ введеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія помѣщиковъ. Сочиненіе Полѣнова оставалось не напечатаннымъ до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, такъ какъ критика современнаго строя отличается въ немъ большою рѣзкостью; напечатано было сочиненіе Беарде-де-Лабея.

Но прежде, чѣмъ рѣшено было печатать это произведеніе, крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Изложенію преній Комиссіи предпошлемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу «Наказа» императрицы Екатерины. «Наказъ» составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье, а у него мы находимъ такую фразу: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ»; поэтому и въ «Наказѣ» рѣчь идетъ не объ освобожденіи крестьянъ, а объ улучшеніи ихъ быта; главныя измѣненія, которыя требуются въ «Наказѣ»—были: опредѣленіе повинностей крестьянъ закономъ, огражденіе ихъ правъ на имущество, свобода ихъ браковъ и наказаніе помѣщиковъ, мучающихъ крестьянъ.

Обратимся къ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Въ ней крестьянскій вопросъ возбудилъ сильнѣйшія пренія. Депутаты разныхъ сословій просили о разрѣшеніи владѣть крѣпостными и не дворянамъ, но эти притязанія встрѣтили энергичный отпоръ какъ со стороны дворянства, такъ и со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ не-дворянъ; такъ напр., сильно возражалъ противъ нихъ депутатъ Хоперской крѣпости, Алейниковъ. «Мы видимъ цѣлую Европу,—говорилъ онъ,—которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не будетъ ли предо-

сужденія всѣмъ гг. депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда по окончаніи сей высокославной комиссіи узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами». Противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ раздавалось въ Комиссіи не мало протестовъ, но дворяне отнеслись сочувственно только къ требованію запретить продажу людей по одиночкѣ. Особенно много возбудили споровъ предложенія депутата Коробьина: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ, и 2) дать имъ право собственности на имѣніе. Въ предложеніи Коробьина была нѣкоторая неопредѣленность во второмъ пунктѣ, было не ясно, что понимаетъ онъ подъ «правомъ собственности на имѣніе»; нѣкоторые депутаты поняли его предложеніе такимъ образомъ, что онъ хочетъ отдать крестьянамъ въ собственность землю, и возстали противъ этого. Коробьинъ отвѣчалъ уклончиво, что въ его словахъ нѣтъ прямого требованія надѣлить крестьянъ землей, но все-таки не формулировалъ опредѣленно своихъ желаній. Сущность возраженій противъ перваго пункта предложенія Коробьина сводится къ тому, что невозможно опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Весьма важно было, что противники Коробьина указывали на вредъ, могущій произойти отъ предоставленія земли въ собственность крестьянамъ, съ правомъ ея отчужденія,—въ этихъ возраженіяхъ было указаніе на пагубность безземельнаго освобожденія.

Но каковъ же былъ результатъ всѣхъ этихъ записокъ, сочиненій на премію, разсужденій въ законодательныхъ комиссіяхъ? Результатъ былъ болѣе отвлеченный, теоретическій:—крестьянскій вопросъ былъ поставленъ въ первый разъ,—практическихъ же послѣдствій, какого-либо облегченія въ судьбѣ крѣпостныхъ, не было никакихъ. Тяжесть крѣпостнаго права вызвала среди крестьянъ сильное броженіе, а отъ теоретическихъ разсужденій имъ не становилось легче. Весьма возможно, что до нихъ доходили слухи о предлагаемыхъ реформахъ, и нетерпѣніе ихъ должно было еще болѣе разростаться. «Въ бывшей Комиссіи о сочиненіи уложенія», говоритъ авторъ одного изъ консервативныхъ разсужденій по крестьянскому вопросу, «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депу-

татами, и тщетно многими лучшими сынами отечества испроверженно было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить предлагаемаго имъ лѣкарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя несмышленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разъѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли». Но «злыя сѣмена» дали себя почувствовать только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда вспыхнула пугачевщина. Пугачевъ приманилъ къ себѣ крестьянъ обѣщаніемъ земли и свободы, чего не давала имъ императрица. Бибиковъ прекрасно понималъ значеніе Пугачева, говоря: «не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе». Я. С. Сиверсъ, представляя по окончаніи бунта Государынѣ свои предположенія, что слѣдуетъ дѣлать, писалъ: «я позволю себѣ сказать, что неограниченное рабство погубитъ государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги». Но авторъ упомянутаго разсужденія не смущался такими соображеніями и полагалъ, что «за таковое всеобщее преступленіе слѣдовало бы крестьянъ, если бы и не были рабами, предать въ рабство, донеже искоренятся злыя сѣмена въ сердцахъ ихъ».

Въ обсужденіи крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ II не малую роль играли литература и журналистика. Обличеніе злоупотребленій помѣщиковъ встрѣчаются въ сатирическихъ журналахъ, комедіяхъ императрицы, фонъ-Визина и Княжнина, стихотвореніяхъ и прозаическихъ статьяхъ Сумарокова, особенно же въ «Почтѣ Духовъ» и «Зрителѣ» Крылова. Но не всегда такія обличенія проходили свободно: такъ не была напечатана ода Катенина «На рабство», и Радищевъ жестоко поплатился за свое «Путешествіе». Замѣтимъ еще, что рядомъ съ обличеніями мы встрѣчаемъ иногда идеализацію быта крѣпостныхъ подъ управленіемъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ.

Но, несмотря на всякія либеральныя вѣянія, подводя итоги сдѣланному въ пользу крестьянъ при Екатеринѣ, мы видимъ, что положеніе ихъ не только не улучшилось, но ухудшилось. Въ пользу ихъ было принято правительствомъ нѣсколько весьма несущественныхъ мѣръ (продажа людей безъ земли запрещена была только при продажѣ имѣній съ аукціона, запрещено вольноот-

пущеннымъ снова закрѣпощаться и др.), но за то было дозволено помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ правомъ взять ихъ обратно по своему усмотрѣнію, крѣпостное право введено въ Малороссіи и Слободской Украйнѣ, роздана масса населенныхъ имѣній. Однако, какъ замѣчаетъ В. И. Семевскій, «если необходимо признать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія, нельзя не считать ея большою заслугою, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Кратковременное царствованіе императора Павла ознаменовалось главнымъ образомъ неумѣренной раздачей казенныхъ крестьянъ [1]). Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. Въ литературѣ крестьянскій вопросъ за это время находился подъ запретомъ. Однако же, на дѣлѣ были приняты нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ; въ Малороссіи было запрещено продавать ихъ безъ земли, и для всей Россіи опредѣленъ размѣръ барщины, въ количествѣ трехъ дней въ недѣлю. Относительно послѣдней мѣры надо замѣтить, что она мало исполнялась, а для Малороссіи являлась повышеніемъ крестьянскихъ повинностей,—такъ какъ тамъ установилась барщина двухдневная.

Восшествіе на престолъ императора Александра I было встрѣчено съ самыми радостными надеждами, ожидалось между прочимъ и облегченіе участи крестьянъ. Императоръ имѣлъ въ этомъ отношеніи весьма благія намѣренія. Его воспитатель, Лагарпъ въ своемъ историческомъ курсѣ старался внушить ему очень высокое мнѣніе о крестьянствѣ, какъ о сословіи, наименѣе испорченномъ и наиболѣе приносящемъ пользы; Лагарпъ съ сочувствіемъ разсказывалъ о возстаніяхъ рабовъ и гладіаторовъ, онъ говорилъ: «по какому праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій. Жестоко было бы зажимать ротъ страдальцамъ, чтобы не слышать ихъ криковъ и ры-

---

[1]) Объ этомъ смотри нашу статью: «Къ характеристикѣ императора Павла» «Истор. Вѣстникъ» 188, № 6, стр. 641—658.

даній, и въ высшей степени неблагоразумно доводить людей до отчаянія съ его гибельными послѣдствіями». Кружокъ, сгруппировавшійся около молодого императора, тоже весьма сочувственно относился къ крестьянству. Наиболѣе консервативнымъ изъ его членовъ былъ Новосильцовъ, но и онъ возставалъ противъ злоупотребленій помѣщиковъ. Дальше всѣхъ въ своихъ нападеніяхъ на крѣпостное право шелъ П. А. Строгоновъ, онъ доказывалъ, что дворянъ нечего бояться. «Чего не было сдѣлано,—говорилъ онъ,—въ прошедшее царствованіе противъ этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся поводъ бояться чего-либо, то именно въ эту эпоху. Пришло ли это имъ на мысль? Напротивъ, всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительной точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодѣ и чести сословія». Если бояться неудовольствія или возстанія, то его нужно, по мнѣнію гр. Строгонова, ожидать не со стороны дворянъ, а со стороны крестьянъ, которые «съ самаго дѣтства преисполняются ненавистью къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ». «Народъ всегда преданъ правительству: онъ вѣритъ, что императоръ готовъ его защищать, и если является какая нибудь стѣснительная мѣра, то ее приписываютъ не государю, а министрамъ». Опасность заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія. Подобныя рѣчи не проходили безслѣдно для молодого императора, онъ самъ разъ высказалъ, что «слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и узнавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною». Но несмотря на либерализмъ окружающихъ, несмотря на собственныя либеральныя мечтанія, императоръ сдѣлалъ для крѣпостныхъ очень мало. Причиною этого въ первую половину царствованія являлась крайняя нерѣшительность императора, составлявшая одно изъ постоянныхъ свойствъ его характера, а во вторую половину преобразовательное движеніе было заторможено недовѣрчивостью, подозрительностью, постояннымъ опасеніемъ революціи, которыя развились въ императорѣ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ западныхъ консервативныхъ политическихъ дѣятелей.

Нерѣшительность Александра въ крестьянскомъ дѣлѣ обнаружилась съ самыхъ первыхъ шаговъ. Уже въ 1801 г. онъ высказалъ желаніе, чтобы была прекращена продажа людей безъ земли, но вмѣсто того, чтобы настоять на своемъ желаніи, онъ

уступилъ мнѣнію совѣта, отклонившаго эту мѣру. Все дѣло ограничилось именнымъ указомъ президенту Академіи Наукъ, барону Николаи, о неприниманіи ни отъ кого объявленія для помѣщенія въ вѣдомостяхъ о продажѣ людей безъ земли. Указъ не достигъ цѣли. Приличіе было соблюдено, и вмѣсто прежнихъ объявленій появились новыя, что такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, а это значило, что они попрежнему продавались. Вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли возбуждается еще разъ въ 1820 г., но опять безуспѣшно. Характеренъ фактъ, что императоръ, когда ему до этого вторичнаго обсужденія вопроса доложили о случаѣ продажи крестьянъ безъ земли, забылъ, что она не отмѣнена, и сильно разсердился; такимъ образомъ, несмотря на сильное желаніе уничтожить продажу людей безъ земли, императоръ оба раза оказался крайне нерѣшительнымъ.

Одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ въ пользу крестьянъ при Александрѣ I было учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Оно явилось по иниціативѣ гр. С. П. Румянцева, который предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею; государь отнесся весьма сочувственно къ этой мысли и въ 1803 г. появился указъ, по которому помѣщикамъ было дозволено заключать съ крестьянами троякаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму, 2) когда при увольненіи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика, или навсегда, исполнять извѣстныя повинности, или платить оброкъ деньгами или продуктами. Въ этомъ законѣ было одно неудобное условіе: помѣщикъ дѣлилъ землю на участки, и каждый крестьянинъ получалъ опредѣленный надѣлъ съ планомъ на него—такимъ образомъ, общинное землевладѣніе обращалось въ подворное. Однако, это условіе обыкновенно не исполнялось и въ царствованіе Николая I было отмѣнено. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ произвелъ цѣлую бурю въ тогдашнемъ обществѣ, иниціатора его, гр. Румянцева вездѣ поносили, взводили на него разные клеветы и инсинуаціи.

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ своему другу Циціанову: «Румянцеву вѣрно захотѣлось или въ четвертый разъ въ службу,

или двухъ аршинъ голубой ленты. Но увы! отправленъ съ табакеркой! Ты представить себѣ легко можешь, что за волненіе въ Москвѣ все сіе произвело: и ефимоны перестали читать, чтобы бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т. е. Сергѣя Петровича». Державинъ взвелъ на Румянцева чистѣйшую небылицу, будто крестьяне, отпущенные имъ на волю, были не крѣпостные его, а вольные, поселенные его отцомъ, фельдмаршаломъ, «на его земляхъ, вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ».

Важность закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ заключается въ томъ, что онъ отнималъ у помѣщиковъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. А между тѣмъ, опасность обезземеленія крестьянъ въ эпоху Александра была довольно велика: при немъ совершилось безземельное освобожденіе въ Остзейскомъ краѣ, это было плохимъ прецедентомъ, и мысль о выгодности такого освобожденія для землевладѣльцевъ могла бы очень легко распространиться среди нашего дворянства. Поэтому весьма важны были протесты противъ безземельнаго освобожденія, исходившіе отъ такихъ вліятельныхъ людей, какъ Сперанскій.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ царствованіе Александра для улучшенія быта крѣпостныхъ, отмѣтимъ слѣдующія: было прекращено пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность, хотя раздавались аренды; уничтожено правило: «по холопу раба»; запрещено запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещенъ торгъ крѣпостными на ярмаркахъ, уничтожено право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ каторжную работу.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе на положеніе крестьянскаго вопроса въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; посмотримъ, какую роль въ его обсужденіи при императорѣ Александрѣ играли литература и наука. Вольное экономическое общество принимало въ разработкѣ вопроса постоянное и дѣятельное участіе; оно предложило цѣлый рядъ задачъ, рѣшеніе которыхъ должно было уяснить крестьянское дѣло: въ 1803 г. оно предложило тему о поднятіи трудолюбія въ нижнихъ состояніяхъ людей; въ 1804 г.—о причинахъ дороговизны на съѣстные припасы, въ 1809 г.—о сравнительной выгодѣ для помѣщиковъ и крестьянъ барщиннаго и оброчнаго хозяйства, въ 1812 г. двѣ задачи: 1) о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда и 2) объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ

имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ. Всѣ эти задачи вызывали много отвѣтовъ самаго разнообразнаго направленія и весьма любопытныхъ. Наиболѣе интересными представляются отвѣты профессора харьковскаго университета, Якоби.

Въ литературѣ крестьянскій вопросъ затрагивался Батюшковымъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, Грибоѣдовымъ, Нарѣжнымъ и Державинымъ. Не будемъ излагать взглядовъ этихъ писателей, они большей частью извѣстны; скажемъ нѣсколько словъ о цензурныхъ стѣсненіяхъ, которыя имъ приходилось испытывать: не могли появиться въ печати «Уединеніе» Пушкина и многія стихотворенія кн. Вяземскаго, «Горе отъ ума» явилось въ свѣтъ въ слѣдующее уже царствованіе, и то съ урѣзками. Серьезные научные труды пропускались съ большими препятствіями; книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» была запрещена во второмъ изданіи; диссертацію Кайсарова о крѣпостномъ правѣ нельзя было перевести съ латинскаго языка; курсъ политической экономіи Шторха, читанный великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, не могъ появиться на русскомъ языкѣ; профессора петербургскаго университета Арсеньевъ и Германъ были удалены отъ службы за то, что задѣвали въ своихъ лекціяхъ крѣпостное право. Относительно журналовъ въ 1818 г. состоялось слѣдующее распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицына: «обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было напечатано ничего въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства».

Цензура препятствовала гласному обсужденію крестьянскаго вопроса, но не могла остановить множества рукописныхъ мемуаровъ, посвященныхъ ему. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ. Сперанскій желалъ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права, причемъ настаивалъ на надѣлѣ крестьянъ землею,—однако, надо замѣтить, что онъ болѣе думалъ о политическомъ преобразованіи Россіи. Мордвиновъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостного права и желалъ созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи. Карамзинъ, Шишковъ и масоны, всѣ со своихъ особыхъ точекъ зрѣнія, защищали крѣпостное право, при этомъ масонъ Поздѣевъ высказывалъ замѣчательное презрѣніе къ русскому народу, рекомендуя «экзекут

нымъ духомъ» искоренять въ немъ «духъ иллюминатскій». И. И. Тургеневъ полагалъ, что «недозволительно думать о политической свободѣ» тамъ, гдѣ несчастные крестьяне «не знаютъ и простой свободы», и тѣмъ далъ отличный отпоръ теоретикамъ вродѣ Мордвинова и Сперанскаго. Одинаковыхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи съ Тургеневымъ держался и Пушкинъ.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ занималъ видное мѣсто въ планахъ декабристовъ: о немъ упоминается въ «конституціи» кн. Трубецкого; Пестель предполагалъ дать крестьянамъ надѣлъ, Рылѣевъ стоялъ за надѣленіе крестьянъ не только огородной, но и пашенной землей, временное правительство должно было выработать основныя начала освобожденія крестьянъ. Но декабристы были побѣждены, и новому императору пришлось взять на себя рѣшеніе части той задачи, которую они себѣ поставили, т. е. выработать основанія для освобожденія крестьянъ.

Императоръ Николай сознавалъ всю важность крестьянскаго вопроса, всю настоятельность возможно быстраго его рѣшенія. Эта мысль внушалась ему еще его преподавателемъ политической экономіи, Шторхомъ, хотя надо замѣтить, что въ проектахъ Шторха было много неопредѣленности, что происходило отъ незнанія условій русской жизни и поземельныхъ отношеній. Императоръ неоднократно имѣлъ случай высказать свои освободительныя стремленія. Въ 1834 г. онъ объявилъ гр. Киселеву: «Мы займемся этимъ (т. е. крестьянскимъ вопросомъ) когда-нибудь. Я знаю, что я могу разсчитывать на тебя: ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ государь высказалъ Киселеву свои намѣренія еще опредѣленнѣе: «Я говорилъ со многими изъ своихъ сотрудниковъ, и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые были совершенно противны; несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о княжествахъ [1])

[1]) Молдавіи и Валахіи, которыми Киселевъ управлялъ въ теченіе 5 лѣтъ съ 1829 г.

я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого государь произнесъ рѣчь о крестьянскомъ дѣлѣ въ государственномъ совѣтѣ. «Нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ онъ,—что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному одному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на сіе не рѣшусь: если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій замыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что конечно, и впередъ точно также будетъ предметомъ особенной и съ Божьей помощью успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Но если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо по крайности пріуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не страшась передъ всякой перемѣной, хладнокровно обсуждать ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое право вотчинной собственности на землю. Я почитаю сіе священной своей обязанностью и обязанностью преемниковъ своихъ на престолѣ». Изъ всѣхъ приведенныхъ словъ императора мы видимъ, что онъ пре-

красно понималъ ненормальность крѣпостного права, называлъ его «рабствомъ», искренно желалъ его уничтоженія, но разными обстоятельствами, вѣроятнѣе всего противодѣйствіемъ, встрѣченнымъ имъ въ близкой ему средѣ, вынужденъ былъ отложить тотъ процессъ, который намѣревался вести противъ него, призналъ уничтоженіе крѣпостного права преждевременнымъ и своей задачей сталъ считать его смягченіе и подготовку средствъ къ совершенію великаго дѣла для своего сына.

Обратимся теперь къ лицамъ, окружавшимъ императора. Изъ нихъ наиболѣе выдается гр. Киселевъ. Онъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостного права, но къ обращенію его въ регулированное закономъ прикрѣпленіе къ землѣ. Въ 1840 г. онъ представилъ государю слѣдующую программу улучшенія быта крестьянъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 3) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для прочихъ сословій; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными сельскаго управленія, съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста. Изъ этихъ предположеній, одобренныхъ государемъ, исполнены были очень немногія, да и то въ искаженномъ видѣ. Киселеву приходилось иногда вступать въ бурныя пренія съ своими противниками. Въ 1847 г., возражая гр. Уварову, онъ такъ характеризовалъ тактику своихъ оппонентовъ: когда защитники ограниченія крѣпостного права выставляютъ общее положеніе, то имъ возражаютъ, что внезапный переворотъ опасенъ и что нужно частями и послѣдовательно исправлять зло, отсѣкая его при каждомъ удобномъ случаѣ, а когда такой случай представляется, то находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать столь важныхъ сужденій. «Подобная теорія, — говоритъ Киселевъ, — ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ». Дѣятельность Киселева возбуждала противъ себя неудовольствіе, про него пускали въ ходъ разныя клеветы, вродѣ того, что онъ очень выгодно продалъ въ казну свое имѣніе въ Харьковской губ., хотя такого имѣнія у него вовсе и не было; сотрудникъ Кисе-

лева, Заблоцкій-Десятовскій, по проискамъ кн. А. С. Меншикова, былъ забаллотированъ въ англійскомъ клубѣ. Изъ другихъ приближенныхъ императора въ пользу крестьянъ высказался гр. Бенкендорфъ. Онъ говорилъ: «при постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего нельзя достигнуть. Причины взрыва, которыя во-время отклонить можно, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе». Гр. Левашевъ полагалъ, «что въ дѣлѣ, такъ близко связанномъ съ интересами двухъ противоположныхъ сословій, лучше дѣйствовать рѣшительно; всякія полумѣры безполезны и даже вредны». Кн. Чернышевъ, Волконскій, Меншиковъ, Васильчиковъ, Орловъ стояли за сохраненіе status quo. Особенно энергичнымъ противникомъ Киселева выступалъ кн. Меншиковъ, допускавшій, впрочемъ, безземельное освобожденіе крестьянъ и ратовавшій при этомъ противъ общиннаго землевладѣнія. Безземельное освобожденіе допускалось и въ запискѣ Сперанскаго, поданной императору еще въ началѣ царствованія. Къ счастію, противъ безземелья высказались при императорѣ Николаѣ такіе авторитетные люди, какъ Киселевъ и Перовскій, хотя послѣдній и держался консервативнаго образа мыслей въ отношеніи къ крѣпостному праву. Наконецъ, упомянемъ, что въ консервативномъ смыслѣ высказывался въ это время и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ: онъ былъ недоволенъ дѣятельностью Бибикова относительно введенія инвентарей въ Западномъ краѣ; въ комитетѣ 1848 г. онъ высказался за отмѣну закона, дарующаго крѣпостнымъ право выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона. Однако, мы должны оговориться, что взгляды цесаревича въ этотъ періодъ и мотивы, руководящіе его дѣйствіями, далеко еще не выяснены, и считать его направленіе вполнѣ консервативнымъ мы никакъ не можемъ; быть можетъ, заявленія его въ консервативномъ смыслѣ получатъ другую окраску, когда мы лучше ознакомимся съ обстоятельствами его жизни въ это время.

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ окружавшихъ императора лицъ многія соглашались на ограниченіе крѣпостного права, но были у нихъ и противники, да и среди нихъ самихъ не было единогласія по вопросу о томъ, что считать наиболѣе полезнымъ и своевременнымъ: мѣра, предложенная однимъ, обыкновенно, встрѣчала противодѣйствіе со стороны другихъ. Съ начала царствованія императора Николая, мы видимъ, что учре-

ждается цѣлый рядъ комитетовъ, спеціально занятыхъ крестьянскимъ дѣломъ; но результатъ работы этихъ комитетовъ оказывается весьма незначительнымъ: всему мѣшало указанное разногласіе приближенныхъ государя, входившихъ въ составъ комитетовъ. Ни одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ комитетамъ, вполнѣ разрѣшенъ не былъ. Несмотря на весьма обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о запрещеніи продажи людей безъ земли, полнаго ея запрещенія не послѣдовало, и только не было позволено разлучать при этомъ членовъ семейства и запрещено покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ опредѣлены были только въ Западномъ краѣ, благодаря энергической дѣятельности Д. Г. Бибикова. Вопросъ о запрещеніи перевода крестьянъ съ пашни во дворъ былъ рѣшенъ отрицательно и дворовымъ было позволено заключать договоры съ помѣщиками о своемъ увольненіи. Размѣръ выкупа при отпускѣ на свободу опредѣленъ не былъ. Въ 1847 г. на всю Россію было распространено право грузинскихъ крестьянъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона, но черезъ два года оно было отмѣнено. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, имѣлъ мало значенія.

Неуспѣхъ правительственной дѣятельности по крестьянскому вопросу въ эту эпоху объясняется отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что разбираемый вопросъ составлялъ нѣчто въ родѣ канцелярской тайны. Комитеты, его обсуждавшіе, были секретные, келейные; гласность не допускалась. Печать была устранена отъ этого вопроса, она была не менѣе стѣснена, чѣмъ при Александрѣ I. Извѣстны тѣ цензурныя стѣсненія и искаженія, которымъ подвергались произведенія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Некрасова, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ затрогивались помѣщичьи злоупотребленія. Сравнительно большая свобода выпала на долю И. С. Тургенева, но и ему пришлось поплатиться за «Записки охотника». Журналистика должна была избѣгать упоминаній о крѣпостномъ правѣ. Принимая въ мартѣ 1848 г. депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ сказалъ: «нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ, вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впередъ этого не будетъ». Въ 1850 г. было постановлено, чтобы «сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что пе-

ремѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа». Несчастная боязнь революціонныхъ движеній, обуявшая наше правительство въ послѣдніе годы царствованія Николая, до чрезвычайности усилила этотъ цензурный гнетъ: профессорамъ на лекціяхъ было запрещено «въ неумѣренныхъ выраженіяхъ изъявлять сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ», въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ защиту крѣпостного права приводились тексты священнаго писанія.

Но вся эта «келейность» и «секретность», весь этотъ цензурный гнетъ, не могли заглушить въ обществѣ живѣйшаго интереса къ крестьянскому вопросу: литературу нельзя было заставить совсѣмъ молчать, освободительныя стремленія въ ней продолжали высказываться, университетская наука въ лицѣ нѣкоторыхъ профессоровъ не щадила крѣпостного права, общественные кружки славянофиловъ, Герцена, Бѣлинскаго, Петрашевскаго, однимъ изъ первыхъ пунктовъ своей программы ставили освобожденіе крестьянъ. По свидѣтельству Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія сдѣлался «однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ». Къ скорѣйшему рѣшенію вопроса побуждало и усиленіе протестовъ крестьянъ противъ помѣщичьей власти; особенно серьезно было обширное волненіе крестьянъ въ Витебской губ. въ 1847 г. и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г., послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

Вопросъ требовалъ разрѣшенія, но императору Николаю не суждено было его покончить. Черезъ годъ послѣ его смерти, его преемникомъ сказаны были знаменитыя слова московскому дворянству: «Существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу». Въ этихъ словахъ было повтореніе мыслей, высказанныхъ при Александрѣ I гр. Строгановымъ, при Николаѣ I гр. Бенкендорфомъ, Киселевымъ и Левашевымъ, но теперь эти слова привели къ 19 февраля, когда былъ положенъ конецъ всякой нерѣшительности и всякимъ полумѣрамъ.

9242 362

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00006196760